

ЭЛЬДАР ИСМАИЛОВ

ВЛАСТЬ И НАРОД
Послевоенный сталинизм в Азербайджане
1945 -1953

Издательство "АДИЛЬОГЛЫ"

БАКУ-2003

РЕЦЕНЗЕНТ:

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ,
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ТАМИЛЛА МУСАЕВА

РЕДАКТОР:

ДОЦЕНТ ФИКРЕТ РЗАЕВ

ЭЛЬДАР РАФИК ОГЛЫ ИСМАИЛОВ. ВЛАСТЬ И НАРОД.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ СТАЛИНИЗМ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ. 1945-1953
гг. стр. 344

В книге доктора исторических наук, профессора Бакинского государственного университета Э.Р.Исмаилова повествуется о важнейших событиях первых послевоенных лет истории Азербайджана. Впервые в азербайджанской историографии подробно рассказывается о властной элите республики тех лет, дана характеристика многим из политических руководителей Азербайджанской ССР того периода. Большое место отведено воссозданию общественных настроений, реакции населения на происходящее в Советском государстве, республике.

И 0562581793 заказное издание
121-2003

© Э.Исмаилов

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА РАФИКА АЛИГЕЙДАРА ОГЛЫ ИСМАИЛОВА ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОТ АВТОРА

Я всегда поражался сложности и противоречивости восприятия людьми исторических сюжетов. И в то же время их заинтересованности в поиске истины в познании прошлого. Мой отец, кадровый работник правоохранительных органов, кандидат юридических наук, был умным и наблюдательным человеком. В годы, о которых идет речь в настоящей книге, началась его служебная карьера. В те же годы его изгнали из правоохранительных органов только за то, что среди его репрессированных родственников числились "враги народа" и попавшие в годы войны в немецкий плен. Выйти из состояния "политической неблагонадежности" ему позволила смерть Сталина и последовавшее за этим устранение руководителя Азербайджана Мир Джафара Багирова. Может быть нервная встряска тех лет сыграла не последнюю роль в том, что он ушел из жизни достаточно молодым - в 45 лет. И поэтому меня всегда поражало то, с каким восторгом он говорил о Сталине, Багирове. Вспоминая его рассказы, я прихожу к выводу, что больше всего его подкупали в деятельности этих людей категоричность суждений, конкретность мышления, решительность и смелость. Он мог часами с упоением рассказывать о том, как Багиров проводил партийные активы, как вел себя с людьми. Обиды очень быстро стерлись из его памяти. Я всегда думал, чем это объяснить. И не находил ответа. Полного ответа я не знаю и теперь, когда завершил работу над настоящей книгой. Но мне стало ясно, что однозначного ответа на вопрос о том времени и его героях не существует. Сложно ответить и на вопрос о том, как воспринимали это время его современники. Во всяком случае, совсем иначе, чем многие из нас.

Наш соотечественник и современник живет в сложное и противоречивое время, которое называют переходным. Правда, вряд ли кто-либо из нас точно назовет, куда ведет этот переход. Это, на мой взгляд, происходит оттого, что мы все еще не представляем себе четко то время, от которого мы с каждым днем отдаляемся все дальше и дальше. И, отдаляясь от него, мы, сталкиваясь с проблемами и перипетиями сегодняшнего дня, склонны порой апеллировать к прошлому, либо выискивая в нем истоки нынешних трудностей, либо идеализируя его. Людям свойственно впадать в крайности при оценке исторического прошлого. Тем более, когда речь идет о недавнем прошлом. Людям присуще оценивать деятельность исторических персонажей сквозь призму сегодняшних реалий и представлений. И тогда часто целые периоды или конкретные сюжеты прошлого предстают в виде

грандиозных исторических судебных заседаний, где наш современник выступает в качестве или обвинителя, или адвоката, или, на худой конец, присяжного. Все это результат чрезмерной политизированности общества, когда, с одной стороны, в сознании людей еще прочное место занимает унаследованный от советской эпохи идеологизированный подход к историческому прошлому и, с другой стороны, когда практически все общество, в той или иной степени, втянуто в водоворот крайне противоречивого процесса формирования новой политической системы.

Но, вынося категорический вердикт по поводу того или иного периода или события далекого или недавнего прошлого, мы отказываем в справедливости известному, глубоко продуманному тезису о том, что история не имеет сослагательного наклонения. Прошлое было таким, каким оно было. И другого прошлого нам познать уже не дано, хотя бы потому, что оно не состоялось. Это вовсе не значит, что поиск альтернативы прошлому не имеет смысла. Нет сомнения, что часто, на крутых поворотах истории, велика роль случайностей. Но случайность это, как справедливо утверждалось в марксистской литературе, тоже есть проявление закономерности. Тем не менее, случайность не в состоянии оказать решающее воздействие на ход исторического процесса. Многовариантность может быть признана лишь в рамках общего, уже состоявшегося развития. Один фактор не в состоянии объяснить происшедшего. Лишь при комплексном анализе причин того или иного выбора путей развития, условий, в котором он имел место, мы можем прийти к подлинно правдивому осмыслению истории. Иначе, при объяснении процессов и событий истории существует реальная угроза упрощения, вплоть до уровня приписывания причин всего происшедшего деятельности и поступкам конкретных личностей. Да, роль личности в истории велика. Но сколь бы значимой эта роль не была, она всегда протекает в конкретных условиях, которые и являются решающими факторами влияния на выбор позиции и поведение личности. Все это предполагает, в каждом конкретном случае, ясное представление о времени, которое нас интересует, о пространстве, где происходили события, и, наконец, о людях, жизнь и деятельность которых проходила в это время, на этом пространстве.

Существует несколько причин, определивших выбор темы настоящей книги. Объективные причины вытекают из оценки состояния азербайджанской историографии, которая обделила вниманием целые периоды истории страны в XX веке.

Азербайджанские советские историки, обходя наиболее щепетильные моменты отечественной истории прошедшего столетия, руководствовались соображениями сугубо политического характера. Слишком сложные вопросы возникали при подходе к изучению соответствующих периодов, чтобы при

ответе на них можно было бы быть гарантированным от впадения в идеологическую "ересь". Если они все же вынуждены были обращаться к этим крайне "опасным" историческим сюжетам, то старались твердо держаться идеологических канонов, получивших право на существование со стороны соответствующих инстанций высшего советского руководства и уже тиражированных и "обоснованных" в работах профессиональных московских историков.

К числу важнейших недостатков азербайджанской советской историографии относилось "обезличивание" прошлого. Политическое, социально-экономическое, духовное развитие изображалось как результат деятельности трудящихся, некоей абстрагированной от реальной жизни категории - народных масс. Вплоть до смерти Сталина существовал лишь один историкогероический персонаж - Сталин. В дальнейшем же этот персонаж исчез со страниц книг (во всяком случае, в положительном смысле) и, в целом, управление Азербайджаном было "передово" высшему московскому и местному партийному руководству. При этом они, как правило, представлялись в виде коллегиальных органов типа Центрального Комитета (ЦК), будь то ЦК КПСС или ЦК Компартии Азербайджана. Обезличен был и народ, который изображался в виде застывшей массы, вдохновленной идеей созидания нового общества, успешно претворяющей ее в жизнь и постоянно выражающей восторг по поводу перспектив "светлого завтра". И здесь азербайджанские историки, в основном, следовали московским образцам, выйти за рамки которых не решались.

В постперестроечный период азербайджанские историки сделали немало в устранении так называемых "белых пятен" истории XX века. В освещении ряда периодов в одних случаях они достигли значительных успехов, заполнив зияющие пустоты в историческом знании, в других случаях содействовали существенной трансформации представлений о прошлом в направлении приближения к истине.

И, тем не менее, и ныне еще многие и многие периоды и сюжеты остаются вне поля зрения исследователей. В их числе первый после окончания Второй мировой войны этап истории Азербайджана. Этот этап является органической составной частью периода, который охватывает годы правления в СССР Сталина и который мы вправе называть сталинским. В рамках этого периода послевоенные годы занимают свое, особое место так же, как и в контексте всей советской истории, которое характеризуется как время господства тоталитаризма. Ко всем этапам советской истории применима такая характеристика, поскольку главной составляющей жизни государства и общества неизменно оставался культ власти, а определяющим признаком -государственный "контроль над всеми - всеми без исключения -

областями социальной жизни", при котором ни одна сфера жизни не была непрозрачной для власти¹.

Однако в такой же степени правомерно выделить два больших периода в рамках советской истории. Первый из них охватывает период правления в СССР Сталина. Это период формирования, утверждения и дальнейшего развития тоталитарного режима. Это было время насаждения Системы, основанной на всемерном использовании властью силы, включая методы государственного терроризма для утверждения всеобъемлющего контроля государства над обществом и сохранения этого контроля. Со смертью Сталина начался новый период - время постепенного отказа от наиболее крайних, террористических методов поддержания созданной Сталиным Системы.

В этой связи чрезвычайную важность приобретает уяснение причин трансформации советского тоталитаризма в направлении смягчения режима, его, в определенной степени, либерализации. Во всяком случае, как справедливо отмечается в литературе, "тиран умер, миф о нем развеян, труп его вынесен из Мавзолея... Крови и страха стало в тысячи раз меньше..."². Но нельзя изменения в режиме связывать с избавлением общества от Сталина. Существовали и иные, объективные причины перехода Системы из одного состояния в другое. Среди этих причин особое значение имели изменения в настроениях, взглядах, в психологии людей, включая носителей власти, иными словами в том, что мы в наши дни стали обозначать модным термином "менталитет". Вот почему рассматриваемый период, ставший заключительным в истории сталинского тоталитаризма, интересен с позиции уяснения менталитета людей того времени. Но не меньшее значение имеет характеристика власти, в данном случае республиканской, что позволяет уяснить то, в какой степени она была готова пойти на уступки в вопросе об объективной потребности людей жить в более безопасных условиях, избавиться от унижающего их честь и достоинство, постоянно довлеющего тоталитарного пресса.

Соотношение власти и народа - тема, занимающая центральное место в книге. То, в какой степени власть соответствовала интересам народа и как народ воспринимал власть, представляло для автора особый интерес. Взаимодействие этих двух важнейших составляющих социально-политической и повседневной жизни происходило в период, насыщенный событиями и процессами, которые имели для судеб Азербайджана и азербайджанского народа огромное значение. Вот почему многим из них в работе уделено особое внимание. Но и в этих случаях оценка действий власти, участие народа, отношение власти и народа к этим процессам и событиям стали предметом специального рассмотрения.

Власть того времени в Азербайджане носила наместнический характер. Ее главным назначением было обеспечение целей и интересов имперского государства, каким являлся Советский Союз. И, тем не менее, в силу тех или иных обстоятельств, в рассматриваемые годы в республике происходили позитивные изменения: вырос индустриальный потенциал, появились новые промышленные центры, возрос образовательный уровень населения, на новую высоту поднялись духовный потенциал азербайджанского народа, уровень национального самосознания. Не замечать роли местной власти в этом было бы несправедливым. И все же власть была слишком зависимой от московского центра. В силу этого главную свою задачу она видела в выполнении установок, спускаемых "сверху". И в тех случаях, когда это соответствовало интересам Азербайджана, и тогда, когда это противоречило интересам республики и азербайджанского народа. Власть действовала в рамках этого своего, весьма противоречивого положения. И даже сегодня бывает очень сложно дать объективную оценку действиям власти того периода. Эта сложность усугубляется тем, что главный руководитель Азербайджана тех лет Мир Джафар Багиров был впоследствии арестован, судим, приговорен к расстрелу. В этом, быть может, состоит самая большая причина того, что историки неохотно обращались к сюжетам послевоенного сталинского периода в Азербайджане. Ведь Багиров был репрессирован за массовые злоупотребления в период нахождения во власти. Ему инкриминировали все преступления сталинской Системы в Азербайджане, по существу, преступления против народа. Система в годы пребывания Багирова у власти в Азербайджане действительно была так часто беспощадной и несправедливой по отношению к своему народу, что особого желания вникнуть в суть происходящих в те годы процессов истории не проявляли. Вот почему возобладал подход, согласно которому преступления против народа в те времена однозначно осуждались, а их главного виновника в Азербайджане нетрудно было назвать. И все это преподносилось в качестве аксиоматической истины, не требующей доказательства.

Между тем, все гораздо сложнее. И одномерный подход здесь неуместен. Да, бесчисленные преступления были совершены. Да, Багиров был главным участником этих преступлений. Но все совершенное против людей было признано позже преступлениями, когда Система захотела выглядеть более цивилизованной, презентабельной. Во времена же Сталина существовал приоритет неписаных Правил перед писаными Законами. Эти Правила, возведенные в ранг негласных Законов, являлись главным путеводителем действий местных наместников. При этом московский Центр наделял своего наместника особыми полномочиями. Весьма справедливо наблюдение американского исследователя В.Шляпентоха, который пишет: "Несмотря на то, что отношения между центром и провинциями были

достаточно сложными, советская тоталитарная система старалась удерживать прямой контроль над республиками. Во всех республиках власть была сосредоточена в руках первого секретаря партии, который действовал как хозяин республики и контролировал все республиканские институты. Культ первого секретаря был очень сильным"³. Вывод Шляпентоха, во всяком случае, применительно к рассматриваемому этапу истории Азербайджанской ССР, вполне обоснован. Но нелишне заметить, что руководитель республики лишь в том случае мог удержаться у власти и даже сохранить жизнь, если он неукоснительно и своевременно обеспечивал выполнение установок Центра, которые часто находились в полном противоречии с законом. И дело здесь было вовсе не в политической фигуре по фамилии Багиров. Такова была Система. И все же без личности Багирова и тех, кто окружал его, кто составлял высшую элитарную часть власти, представить себе историю Азербайджана тех лет сложно. И поэтому Багиров и многие другие бывшие руководители Азербайджана предстают на страницах настоящего повествования в качестве важнейших персонажей. Как и люди, реакция которых на действия властей, на конкретные события дает очень многое для осмысления особенностей того времени.

При освещении периода и событий автор стремился к максимальной объективности. Для решения поставленных задач в качестве документальной источниковой базы были привлечены архивные материалы, пресса тех лет, документальные сборники, воспоминания современников. Автор использовал работы советских, российских, азербайджанских исследователей, в которых в той или иной степени затронуты вопросы, ставшие предметом рассмотрения в настоящей книге. Автор хотел бы выразить особую благодарность сотруднице Государственного архива политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики Эмме Михайловне Филимоновой за помощь в подборе архивных материалов.

В какой степени автору удалось достичь поставленных целей - судить читателю.

Источники и литература

1. Гозман Л., Эткинд А. Культ власти. Структура тоталитарного сознания. - "Осмыслить культ Сталина". М., 1989, с. 338-339.
2. Там же, с.338.
3. Shlapentokh V. A normal totalitarian society. New York – London, 2001, с. 90.

ГЛАВА 1

НАСЕЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

В годы второй мировой войны территория Азербайджанской ССР не стала ареной боевых действий. Ни один снаряд, ни одна бомба не разорвались на азербайджанской земле. Тем не менее, последствия самого активного участия Советского Азербайджана в изнурительной войне Советского Союза против фашистской

Германии не могли не сказаться на всех сторонах жизни республики.

За годы войны существенным образом уменьшилась численность населения. В 1940 г. в Азербайджанской ССР проживало 3,3 млн.¹ человек. По данным на ноябрь 1947 г., то есть уже спустя полтора года после окончания войны, численность населения республики составила 2,7 млн.² человек. Несложно предположить, что уменьшение численности населения за 1941-1945г. составило не менее 800-900 тыс. человек. Для республики, остававшейся вне зоны боевых действий, показатель достаточно высокий. Слагаемые этого показателя составили потери на фронте, снижение рождаемости в результате массовой мобилизации молодежи, рост уровня смертности среди гражданского населения.

За годы войны в действующую армию было призвано около 600 тыс. жителей Азербайджана. Погибло не менее половины из них³. Среди более чем 5 млн. человек, попавших в плен солдат и офицеров Советской армии, было немало жителей Азербайджана. По некоторым данным, 50 тысяч только азербайджанцев находились в годы войны в плену. Там же находились тысячи русских, армян, представителей других национальностей, мобилизованных в Азербайджане. Значительное число попавших в плен впоследствии не вернулись на Родину.

В наши дни сложно определить потери среди мирного населения. Но нет сомнения, что они были велики. Переход к нормированному снабжению городского населения продуктами питания, изъятие в деревне подавляющей части произведенной продукции привели к полуголодному существованию большей части населения, частым случаям смерти людей от голода. Об этом не было принято говорить и даже думать в те годы. Умалчивала об этом впоследствии и историческая литература. Но в ряде случаев и сами официальные лица при выезде на места приходили в ужас от услышанного и увиденного. В начале 1945 года, то есть незадолго до окончания войны, командующий Закавказским военным округом Тюленев побывал в пограничном с Ираном Астаринском районе. По возвращении в Тбилиси он позвонил первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана М.Д.Багирову и

сообщил, что "...колхозники Астаринского района сильно нуждаются в продовольствии, и что улицы райцентра заполняют безнадзорные дети, находящиеся в ужасном состоянии"⁴. Можно представить тот кошмар, с которым столкнулся Тюленев, если он рискнул позвонить и довести до сведения руководителя Азербайджана истинное положение дел.

Приблизительно такую же картину, видимо, воспроизводила записка ряда руководящих работников республики, побывавших в это же время в Ленкоранском районе. Сама записка в архиве автором не обнаружена. Но судя по реакции М.Д. Багирова, выраженной в письме прокурору республики Х. Эфендиеву, народному комиссару государственной безопасности С.Емельянову и его заместителю Х.Григоряну, записка содержала "совершенно дикие вещи". Эти "дикие вещи" говорили о массовом голоде, следствием чего явились слухи о случаях каннибализма. Обращаясь к адресатам, М.Д. Багиров требует "мобилизовать судебно-медицинских и других специалистов, которые понадобятся для экспертизы с тем, чтобы на месте разобраться во всех вещественных доказательствах, вплоть до костей, черепов и других останков, якобы, съеденных детей..."⁵. Даже если предположить, что слухи являлись не более чем слухами, оснований для них было, как видно, достаточно.

Сельское население составляло большую часть населения. По данным на 1940 год, доля сельских жителей составляла 63%⁶. Более половины занятого населения составляли колхозники. По сути, в Азербайджане было лишь два промышленных центра - Баку и Кировабад. Все остальные города выполняли, главным образом, функции административных центров сельских районов и походили на большие деревни.

При сравнении национального состава городского и сельского населения бросается в глаза резкая диспропорция. Если в городах азербайджанцы составляли лишь треть жителей, то в деревне их удельный вес превышал 70%⁷. В составе азербайджанцев лишь 22,6%⁸ составляли городские жители. Азербайджанцы продолжали оставаться нацией, преимущественно крестьянской. В столице республики Баку, особенно в его центральных и промышленных районах азербайджанцы составляли меньшинство, уступая по численности русским и лишь ненамного опережая армян.

По данным на 1 ноября 1947 года, среди азербайджанцев численность лиц с высшим образованием составляла 10,6 тыс. человек. Их удельный вес в составе всех специалистов с высшим образованием составлял лишь 45,1%. При этом они составляли 20,0% в общей численности инженеров, 8,7%-экономистов, 34,2%⁹ врачей. Лишь среди агрономов и учителей, иными словами, тех групп интеллигенции, в составе которых значительную часть составляли работающие на селе, азербайджанцев было более половины. В

1945г. лишь треть всех профессоров и докторов наук являлись азербайджанцами¹⁰.

Приведенные статистические данные дают основание для выводов, которые существенным образом контрастируют с утверждениями историков советского времени о рубежах, достигнутых в социально-экономическом развитии и национальном строительстве в Азербайджане за первые два десятилетия советской власти. Речь, прежде всего, идет о двух измерениях. Первое касается утверждения, согласно которому Азербайджан к исходу 30-х годов из отсталой аграрной окраины превратился в индустриальную республику¹¹. Безусловно, неоспорим тот факт, что за указанный период индустриальный потенциал Азербайджана возрос. Только за 1922-1940г. объем производимой промышленной продукции увеличился в 24 раза¹². Были построены и вступили в строй десятки новых индустриальных объектов. Но в целом промышленное развитие носило

односторонний характер. Это выразилось в том, что помимо топливной, основной упор был сделан на развитии энергетики, некоторых отраслях пищевой и легкой промышленности. Дислокация промышленных объектов ограничивалось несколькими городами. В этой связи утверждения о том, что индустриальный сектор стал ведущим в экономике Азербайджана, являются очевидным преувеличением.

Другой не выдерживающий критики тезис связан с утверждением о решении национального вопроса в Азербайджане¹³. Несмотря на серьезные изменения в социальной структуре, по-прежнему азербайджанцы оставались преимущественно крестьянским народом, в составе которого доля горожан, интеллигенции, рабочих была сравнительно невелика. По всем остальным показателям уровня интеллектуального развития азербайджанцы, составлявшие большую часть населения, уступали другим основным национальным группам: по удельному весу неграмотного населения, образовательному уровню женщин, доле специалистов с высшим образованием и т.д.

В целом, сложившаяся к началу рассматриваемого периода структура населения республики с разделением его на сельскую и городскую части, её национальный состав и, как следствие, различия в образовательном уровне национальных групп были связаны с особенностями пополнения городского населения Азербайджана в довоенное двадцатилетие. Эти особенности были порождены невысоким уровнем участия азербайджанцев в пополнении рядов рабочего класса и служащих и, в целом, в процессах урбанизации. С конца 20-х годов, с началом индустриализации, в республике росла потребность в рабочей силе, главным источником которой оставалось село. Однако в условиях начавшейся коллективизации значительная часть азербайджанского крестьянства была привязана к возделыванию трудоемких

сельскохозяйственных культур, таких, как хлопок, табак, виноград. Введенная в те годы паспортная система не распространилась на сельское население. Это позволяло искусственно сдерживать отток населения из тех хозяйств, где трудоемкие культуры занимали в хозяйстве важное место. Иными словами, азербайджанское село нуждалось в рабочей силе и власти в её перекачке в город не проявляли особого рвения. Так называемый организованный набор рабочей силы в деревне для работы в городе в Азербайджане в тот период так и не получил широкого распространения. Да и особой необходимости в этом не ощущалось. Перенаселенная российская деревня, переживавшая период колоссальных социальных потрясений и голод, охотно рекрутировала из своих рядов сотни тысяч человек для работы на новых индустриальных объектах в различных районах страны, в том числе в Азербайджане. По некоторым данным, только в годы первой пятилетки(1928-1932гг.) в Баку прирост численности населения за счет прибывших, главным образом, из России, составил около 380 тыс. человек¹⁴. В 1926-1939г. только за счет приезжих население республики выросло на 32,2%¹⁵.

Ситуация существенно изменилась после войны. Десятки тысяч демобилизованных из армии крестьян более в деревню не вернулись, предпочитая жить и работать в городе. Этому способствовало значительный рост потребности промышленности и городского хозяйства в новых работниках. В мирных же условиях отпала необходимость массового использования труда женщин и подростков. Программа же экономического развития республики, установленная IV (1946-1950), а впоследствии и V (1946-1955) пятилетними планами развития народного хозяйства Азербайджана, предполагала мощный рывок в развитии республики. Намечалось расширение площадей освоения нефтяных месторождений на суше. В эти годы было положено начало добыче нефти на море, получили развитие новые отрасли промышленности, такие, как черная и цветная металлургия, химическая промышленность, строились новые тепло - и гидроэлектростанции, расширилась сеть предприятий легкой и пищевой промышленности. Одним словом, индустриальный потенциал Азербайджана заметно возрос. Это были годы, когда процесс индустриализации получил мощный импульс. В этих условиях появились новые промышленные центры - города Сумгаит, Мингячевир, Алибайрамлы, Дашкесан. Выросли промышленные потенциалы Баку и Кировабада, значительно более "городскими" стали многие сельские районные центры. Потребность в рабочей силе росла. Но более использовать людской потенциал российской деревни в такой же мере, как и прежде, было невозможно. За годы войны этот потенциал существенно сократился. К тому же, при необходимости, он использовался для восстановления экономики на ранее оккупированных

территориях. Возможности привлечения рабочей силы для Азербайджана извне были ограниченными. Оставалось уповать на внутренние ресурсы. Волей-неволей азербайджанская деревня становилась главным источником пополнения городского населения. В послевоенные годы организованный набор в азербайджанской деревне охватывает всё более значительные группы населения. Все это предопределило особенности численного роста населения Азербайджана.

Не располагая точной цифрой численности населения к концу рассматриваемого периода, т.е. в 1953г., мы вынуждены оперировать более поздними сведениями. По переписи 1959г., численность населения Азербайджана составила 3,7 млн. человек¹⁶. Если учесть, что этот показатель в 1940г. составлял 3,3 млн. человек, а в 1947г.-2,7 млн. человек, то становится очевидным, что за 1947-1959гг. шел процесс восстановления, а впоследствии превышения довоенной численности населения. Можно предположить, что в рассматриваемые годы численность населения не была полностью восстановлена, хотя и приблизилась к довоенному уровню. При этом рост численности населения происходил в основном за счет высокой рождаемости. Миграция в республику перестала играть роль существенного фактора роста численности населения¹⁷. При этом изменялось соотношение удельного веса городского и сельского населения. По данным на 1959 г., доля городского населения, за счёт увеличения его численности по сравнению с довоенным 1940 годом на 550 тыс. человек и уменьшения сельского населения на 130 тыс. человек, достигла 48%¹⁸. Заметное уменьшение роли миграции в республику извне в росте численности населения, возрастание значения миграции местного сельского населения в увеличении численности и удельного веса городского населения явились основными факторами изменений в национальном составе республики. С 1939 по 1959 г.г. удельный вес азербайджанцев вырос с 59 до 67 %¹⁹. Конечно, особое значение имел более высокий уровень естественного прироста у азербайджанцев по сравнению с русскими, армянами и другими основными национальными группами. Имело значение и то, что в миграции населения за пределы Азербайджана представители некоренного населения принимали значительно более активное участие, чем азербайджанцы. В увеличении азербайджанского населения в Азербайджане сыграла роль депортация части азербайджанцев из Армении в 1948-1953г.г., а также постоянный приток азербайджанцев из Армении и Грузии. Всё это, в конечном итоге, обусловило рост азербайджанского населения в городах, в том числе в столице республики Баку. В этом случае, кроме перечисленных причин, особое значение имело и расширение масштабов среднего образования на селе. Выпускники средних сельских школ всё более активно пополняли ряды студентов вузов и учащихся техникумов. Соответственно, росла численность

азербайджанцев среди обучающихся в вузах и средних специальных учебных заведениях. Если в 1939г. их здесь насчитывалось 23,9 тыс. человек, то в 1953г. - 44,5 тыс. человек. Среди русских эти же показатели составляли, соответственно, 7,4 и 10,7 тыс. человек, среди армян - 8,4 и 6,0 тыс. человек²⁰. Таким образом, легко придти к выводу, что азербайджанцы становились всё более доминирующей по численности группой в составе будущих дипломированных специалистов, следовательно, более интенсивно, чем представители других национальных групп, пополняли ряды интеллигенции и служащих. Это имело особое значение в изменении национального состава работников умственного труда в городе. Если в 1947г. азербайджанцы составляли 10,6 тыс. человек из 23,5 тыс. специалистов с высшим образованием, то в 1959г. уже 40,7 тыс. из 67,5 тыс. человек с высшим образованием. Доля азербайджанцев среди специалистов с высшим образованием увеличилась с 45,1 до 60,3 %. Среди специалистов со средним специальным образованием соответствующие показатели составляли, соответственно, 18,6 и 42,6 тыс. человек, а удельный вес азербайджанцев среди специалистов этой категории вырос с 52,8 до 58,5%²¹.

Таким образом, в послевоенные годы тенденции, связанные с процессами урбанизации и коренизации состава населения, всё более чётко стали проявляться в развитии азербайджанского общества. Они не могли не сказаться на развитии ситуации в республике. В значительной степени их проявление было обусловлено политикой союзного Центра в целом по отношению к Азербайджану. Некоторые результаты этой политики выразились в серьезных изменениях в темпах роста численности населения, городской его части и, что было едва ли не самым примечательным, в национальном составе. Безусловно, на определение Центром политики оказывала воздействие местная власть. Её инициативность, настойчивость в достижении поставленных задач имели немаловажное, хотя и далеко не всегда определяющее значение.

Согласно логике, настроение населения, его отношение к власти в значительной степени определяются материальными условиями его жизни. В этой связи исследование этой проблемы применительно к изучаемому периоду остается одной из самых малоразработанных в советской и постсоветской историографии. В Азербайджане же исследователи эту тему вовсе не затрагивали. Тем не менее, официальной пропагандой тех лет, советской историографией, в том числе ее азербайджанской составной частью, во все послесталинские времена делался упор на утверждении о возрастании материальных возможностей советских граждан. И в те годы в качестве доказательства наиболее часто приводились факты, связанные с денежной реформой, отменой нормированного распределения товаров массового потребления, восстановлением государственной розничной

торговли в декабре 1947 года, последовавшими вслед за этим в 1949, 1950, 1951, 1952 годах снижениями розничных цен. Отрицать значимость акций советского правительства, направленных на обеспечение роста материальных возможностей советских людей, измученных полуголодным существованием в годы войны и в начале послевоенного периода, было бы несправедливым. Собственно, все эти меры являлись неременным условием возрождения экономики страны, укрепления ее мощи и обороноспособности, веры людей в народный характер власти. Но если объективно оценивать эффективность этих мер, то правомерен комплексный подход, предусматривающий учет целого ряда критериев. Одним из них является оценка своего материального положения современниками.

В этой связи большой интерес представляют архивные документы на этот счет, содержащиеся в Государственном архиве политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики. Среди этих документов особое значение имеют сообщения и справки Министерства государственной безопасности Азербайджанской ССР, представляемые в аппарат Центрального Комитета (ЦК) Коммунистической партии Азербайджана. Автору настоящего повествования удалось обнаружить часть этого вида документов. Условно их можно разделить на две группы.

Первую группу составляют так называемые специальные сообщения, составленные военной цензурой на основе просмотра писем, направляемых военнослужащим срочной службы членами их семей и друзьями. Удалось обнаружить спецсообщения, относящиеся лишь к двум годам - 1948 и 1949 годам. Составителей этих документов интересовало отношение колхозников к положению в хозяйствах, где они работали, и оценка их собственного материального положения. В нашем распоряжении 7 комплектов спецсообщений, составленных в разные месяцы и содержащих выписки из 74 писем. Отправители проживали в 24 сельских районах Азербайджана, что составляло около 1/3 от их общего числа. Основная масса корреспонденции принадлежала русским по национальности колхозникам. Лишь малая часть писем принадлежала азербайджанцам и армянам. Думается, что возможности военной цензуры в просмотре писем, написанных на азербайджанском и армянском языках, были ограничены. Поэтому охотно проверялись письма на русском языке. Отсюда и резкая диспропорция в национальном составе корреспондентов. Но если учесть, что география русских корреспондентов была весьма широкой, то легко придти к выводу, что письма довольно четко воспроизводят настроения значительной части крестьянства, независимо от национальной принадлежности.

Вторую группу справок и сообщений тематически можно объединить как документы, свидетельствующие об оценке городскими жителями своего

материального положения. Эти разные по форме подбора информации документы относятся к 1947-1950 годам. В нашем распоряжении 10 комплектов таких документов. Составлены они были на основании оперативной информации, представляемой в органы госбезопасности секретными сотрудниками или, попросту говоря, негласными осведомителями. Если попытаться систематизировать эту группу документов, то примерная тематика их следующая: собственная оценка людьми своего материального положения, их реакция на проводимые в стране акции, направленные на повышение жизненного уровня населения, их настроения накануне официальных юбилейных торжеств. Эта группа документов объединяет 151 донесение негласных осведомителей.

Если исходить из того, что большую часть населения Азербайджанской ССР в изучаемый период неизменно составляло сельское население, то следует признать, что оценка сельчанами своего материального положения в огромной степени влияла на общую оценку жителями республики своего жизненного уровня. В те же годы сталинская пропаганда старалась всеми возможными средствами приукрасить жизнь послевоенной советской деревни. Серьезность проблем и трудности жизни людей на селе как бы не замечались. Апофеозом официальной версии на эту тему стал фильм известного режиссера Ивана Пырьева "Кубанские казаки", в котором жизнь советских крестьян в трудные послевоенные годы изображалась в самых радужных тонах. Впоследствии такая направленность официальной пропаганды получила название "лакировки" действительности. В послесталинские времена жизнь деревни в первые послевоенные годы стала изображаться более объективно и правдиво. Но избавиться полностью от тенденции "лакировать" жизнь деревни того времени не удалось. Это относится и к лучшим специальным трудам, написанным в советское время на эту тему²². В свое время руководство КПСС признало бедственное положение советской деревни в послевоенные сталинские времена. Вслед за этим в научной литературе, особенно в перестроечные и постперестроечные годы, была названа главная причина этого - стремление государства выкачать из деревни максимум средств для обеспечения нужд восстановления и наращивания индустриального потенциала и разрушенных городов. Это подтверждает и конкретная практика Азербайджана. Два примера этой практики свидетельствуют об этом. В августе 1946 года Совет Министров Азербайджанской ССР принял постановление "О запрещении свободной продажи хлеба и подсолнуха колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами". Согласно этому постановлению, колхозам, колхозникам и крестьянам - единоличникам запрещалась продажа и обмен зерна, муки, печеного хлеба, подсолнуха впредь до выполнения плана сдачи этих продуктов государству конкретными

хозяйствами. Разрешалось это только после выполнения установленного плана по республике в целом. При нарушении условий постановления председатели колхозов и другие должностные лица привлекались к судебной ответственности, рядовые колхозники и единоличники должны были в первом случае платить штраф в размере 300 рублей, при повторном нарушении - привлекаться к судебной ответственности²³.

Назначение данного постановления было очевидным. Для выполнения и перевыполнения плана республика получала возможность изымать то зерно, которое предназначалось для оплаты труда колхозников, компенсировать недостачу продуктов по плану в тех хозяйствах, где не был выполнен план, за счет хозяйств, где план был выполнен. Естественно, что объектом такой обираловки становился крестьянин. Столь "драконовский" закон соответствовал сталинской стратегии. Она, в частности, нашла свое выражение в знаменитом Указе Президиума Верховного Совета СССР, принятого в июле 1948 года, согласно которому "ввиду роста доходов колхозников от личного подсобного хозяйства, а также единоличных крестьянских хозяйств" производилось увеличение ставок сельскохозяйственного налога. Этот нормативный акт, по существу, узаконивал полный государственный налоговый произвол государства по отношению к крестьянству. Сознательно произвольно завышая данные о доходах крестьян, государство резко повысило налог с каждого источника дохода: с каждого плодового насаждения, с каждой единицы домашнего скота и птицы и т.д. Это расширило возможности грабежа крестьян, возведенного в ранг государственной политики. Секретарь ЦК Компартии Азербайджана тех лет М.Г.Сеидов в своих воспоминаниях признается, что используя сталинские законы для выполнения плана по шерсти, официальные представители власти вынуждали крестьян распарывать матрасы и одеяла и таким образом выполнить навязанные им несовместимые с их реальными доходами налоговые обязательства²⁵. Письма военнослужащим из Азербайджана как раз и говорят о бедственном положении крестьян в эти годы.

Выписки из всех 74 писем военнослужащим сплошь содержат жалобы на тяжелое положение, сложившееся в хозяйствах колхозов и, как следствие, на тяжелейшее материальное положение колхозников. Плохой урожай, ничтожные заработки колхозников, стремление государства всеми возможными способами занижить размеры оплаты труда колхозников, полуголодное существование последних, массовый исход крестьян в города в поисках заработка - такое впечатление складывается при ознакомлении с выписками. За строками писем отправителей слышится стон голодных, измученных нуждой людей. Например: Богомаз (Пушкинский район): "Мы сейчас готовимся к уборке, хотя и убирать нечего... Жизнь наша очень

незавидная, сейчас голодаем..."; Исафилов (Хизинский район): "В настоящее время в нашем селе точно такой же голод, какой был и раньше...люди падают от голода и жизнь очень тяжелая"; Никитина (Исмаиллинский район): "Народ переживает, никто своей жизнью недоволен, у всех нужда, у всех нехватки и недостатки, никто не похвалится"; Стрекалова (Маразинский район): "Жизнь наша не изменяется, как и жили, только ухудшается... Народ наш ... разъехался кто куда... урожая не было и дали по 700г, как можно жить на 700 г, когда каждому хозяину нужно по 700 рублей, так как все за деньги - хлеб, соль, керосин, спички, картошка, и все налоги - мясо, яйца, молоко, страховку за скотину, все это нужно уплатить, так что не знаем откуда брать, чтобы все это выполнить"; Васильева (Варташенский район): "В отчетный год получать нечего. Бедный народ свернулся и такой печальный... Не знаю чем доживать будем до нового..."; Кораблин (Астрахан-Базарский район): "Живем незавидно. Было у меня две коровы и бык, продал все, опять нет ничего, не знаю, как доживем до нового? Только едим летом..."; Трущелева (Маразинский район): "Едва-едва живы, не знаем, что будет с нами, если еще месяц так будет, то мы наверное повалимся, как мухи"; Лобачева (Актафинский район): "Урожай у нас плохой, все повыгорело. Воды не дают, вся вода идет на хлопок. Хлеба не хватит заготовку выполнить и скоту нет корма. Не придумаем как будем жить"; Воробьева (Кедабекский район): "Хлеба в этом году не дадут ни грамма, картошка неважная, дела в основном незавидные. Молодежь вся бежит в город"²⁶.

Приведенные выдержки из писем приводятся в хронологической последовательности и охватывают полностью 1948 и 1949 годы. За неказистыми предложениями простых крестьян скрывается отчаяние, своеобразно выраженный пессимизм. Есть письма, в которых крестьяне находят в себе силы подойти к своему положению с юмором, за которым просматривается все то же маскируемое отчаяние. Так, жительница села Алты-Агач Хизинского района Кирсанова в письме сыну 10 марта 1949 года писала: "Мы живем слава богу, ничем себя не затрудняем: хлеба нет и не затрудняем его кушать, скотину тоже самое не затрудняем кушать саман, потому что его нет, печку тоже с горем пополам топим, потому что нет дров. И не только у нас это, а весь народ плачет и голодает... Справки колхоз никакие не дает для того, чтобы можно было сняться с учета и уехать куда-нибудь работать...В общем колхознички дожились до самой, как говорят до ручки...."²⁷. Были и такие, как видно, письма. И, тем не менее, царивший в азербайджанской деревне характер настроений очевиден. Главная их черта - недовольство своим положением. Замученное, замордованное крестьянство только в письмах к близким людям осмеливалось откровенно говорить о своем положении. Осмеливалось делать это, наивно полагая, что содержание

писем станет известно лишь адресатам. Но и в этом случае крестьяне не решались выразить мнение о причинах своего бедственного положения. Лишь в некоторых случаях в качестве причины называется нерадивость или лихоимство местных руководителей колхозов. Агаджанян из Мартунинского района Нагорно-Карабахской автономной области крайне осторожно пишет: "А как работают руководители деревни, это тебе известно, не стоит об этом писать"²⁸. Ахмедов из Агдамского района в письме к брату подчеркивает: "С одной стороны руководители, с другой - их подручные из кожи лезут вон, чтобы разбазаривать колхозное добро. И поэтому положение многих колхозников в этом году тяжелое"²⁹. Лишь в одном случае в качестве первопричины названа война: Абрамова из Имишлинского района подчеркнула: "Это все виноват немец"³⁰. Но ни в одном письме не присутствуют жалобы на политику Коммунистической партии в деревне, на несостоятельность колхозного строя, на руководителей Советского государства и республики. Это вовсе не свидетельствует о полном непонимании причин своего положения. Но страх парализовал желание высказаться до конца. Это не дает основание и для вывода об антисоветском, антисоциалистическом настрое в послевоенной азербайджанской деревне. Но, тем не менее, четко просматривается понимание сельчанами ненормальности той жизни, на которую они обречены.

Следует все же оговориться, что вряд ли материальное положение всего крестьянства было одинаково тяжелым. Несомненно, что в одних случаях оно было менее, в других более тяжелым. При этом немаловажное значение имел тип хозяйства. Там, где преобладало возделывание технических культур - хлопка, табака и др., оплата труда была несколько выше, чем в зерноводческих и животноводческих хозяйствах. И, тем не менее, в целом, уровень материального благосостояния азербайджанского крестьянства находит достаточно правдивую оценку в вышеприведенных корреспонденциях.

В послевоенные годы органы государственной безопасности внимательно отслеживали настроения жителей городов, и прежде всего Баку. Доносы осведомителей являлись главным источником наблюдений. В первые послевоенные годы продолжала действовать система нормированного обеспечения продуктами первой необходимости рабочих и служащих. Скучный и однообразный паек, выдаваемый людям по карточкам, высокие цены на продукты на рынке и крайне невысокая зарплата делали материальное положение основной массы населения столицы Азербайджана тяжелым. Донесения Министерства государственной безопасности, содержащие высказывания граждан, убедительно свидетельствуют об этом. Вот лишь некоторые из них, датированные спецсообщением января 1947 года: "Живу очень плохо... Лучше сидеть в тюрьме, чем быть на моем

положении", "хлеба не хватает, а подкупить нет денег, тяжело, что хочется умереть в ту минуту, когда дети хотят кушать, не говоря уж о себе", "лучше не жить ...несчастливым родился, несчастным умру, а счастье наверное в могиле найду", "Утром дети покушают, а уж вечером голодные лежаться спать", "не живем, а су шествуем....разуты, раздеты и купить не на что", "я не живу, а отживаю"³¹. И такого рода высказываний были сотни. В декабре 1947 года было отменено нормированное распределение продуктов питания по карточкам, восстановлена розничная торговля. Но условия труда и жизни рабочих и служащих если и улучшились, то не существенно. В специальных сообщениях Министерства госбезопасности по вопросу "Жалоб рабочих, занятых в промышленности" в июне и декабре 1948 года приводятся многочисленные высказывания рабочих и служащих. Вот некоторые из них: "Насчет выдачи зарплаты дело обстоит плохо... Сейчас работать приходится по 10-11 часов, а за сверхурочные часы не оплачивают", "заработки теперь плохие, много снизили. Работает целый день, а получать нечего", "в праздниках в магазинах всего было полно, а не могли достать денег на кило хлеба... Просто невыносимые условия для работы. Некоторые люди делают попытки для самоувольнения, но их разыскивают и судят", "все на положении рабов", "заработки все срезают и срезают, а количество требуют...Прямо уж жить не хочется, надоело все, это не жизнь, а мученье", "Никак не дают заработать и ничего не поделаешь, жаловаться некому, а не станешь работать, начинают пришивать статью", и т.д.³²

Читая строки, повествующие о высказываниях людей, содержащихся в вышеупомянутых спецсообщениях, обращаешь внимание на отсутствие даже попыток проанализировать ситуацию. Невольно приходишь к мысли, что работники госбезопасности, составляя документ, старались не включать те места высказываний, которые могли не понравиться адресатам их московскому руководству, партийному руководству Азербайджана. Несомненно, что работники госбезопасности старались учесть желание начальства, которое, безусловно, хотело видеть жизнь лучше, чем она была на самом деле. Так, например, как она изображалась на страницах газет в связи с принятием постановлений о ликвидации карточной системы, снижении розничных цен - в форме всенародного одобрения. Каждый раз в трудовых коллективах собирались митинги работников, на которых бравурным маршем звучали слова наподобие тех, которые были слышны в связи с денежной реформой 1947 года. Выступая в этой связи на митинге в тресте "Лениннефть", мастер подземного ремонта Игид Джафаров говорил: "Теперь в результате денежной реформы и отмены карточек наша реальная заработная плата значительно возрастет, жить станет много лучше". На другом митинге ему вторил мастер Анатолий Ядыкин: "Решение советского правительства и большевистской партии, как всегда,

справедливо и мудро. Оно направлено на то, чтобы укрепить советский рубль, повысить материальное благосостояние советского народа". Мастер завода имени лейтенанта Шмидта Гасанов был еще более категоричен: "Мы успешно справляемся с послевоенными трудностями. Яркое тому свидетельство - новое постановление партии и правительства, направленное к дальнейшему улучшению условий жизни трудящихся. Пусть империалистические агрессоры задыхаются от ненависти к Советскому Союзу и грозят нам новой войной - наша страна с каждым днем становится все сильнее и могущественнее"³³.

Работники госбезопасности чувствовали, что существуют четкие рамки реалий, которые могут быть воспринимаемы властью. Все остальное предпочтительно оставлять за кадром. Вот это желание угодить легко просматривается на примере двух документов: справки "О настроениях среди населения города Баку в дни праздников 31-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции", составленной в 1948 году и справки "О высказываниях среди населения города Баку в связи с постановлением Совета Министров Союза ССР и ЦК ВКП (б) от 28 февраля 1950 года".

Первый из этих документов начинается как бы в типично пропагандистском духе: "В дни праздников 31-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции, каких-либо активных антисоветских проявлений не имело место. Настроение населения в основном характеризуется патриотически и празднично". И далее в подтверждение этой победной части документа приводятся доказательства в виде отрывков из высказываний отдельных граждан. Знакомство с этой частью документа создает впечатление, будто эти высказывания были связаны не с реакцией людей на празднование годовщины Октября, а для подготавливаемой справки Министерства государственной безопасности. Об этом говорит слог, стиль высказываний, их лозунговая форма. Так, приводятся слова некоего профессора Гасанова: "Советский Азербайджан это детище Великой Октябрьской Социалистической революции". Работник Академии Наук Воронин выразился, проявив художественный вкус: "Да чувствуется, что прочь ушла печаль, сгладилась морщинка на лицах наших граждан, нанесенная войной". И далее следуют тирады в таком же духе: "Этот праздник, не только праздник советских людей, его будет праздновать все прогрессивное человечество", "и я также как и весь наш народ встречаю 31-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции радостно" и т.д.³⁴. В общем, очевиден парадный характер этой части справки. Только так, угодив желанию партийного руководства и его настроениям, можно было перейти ко второй части, где "зафиксированы отрицательные высказывания". И выясняется, что высказываний такого рода

намного больше, чем парадных. При этом их авторами являются представители самых разных профессий, социальных слоев и национальностей. Представители интеллигенции Кавказлы, Балаян, Шафиев, Каспаров, Фулаева, Потапов, рабочие Меликянц, Иванов, Спириин, Шахгельдиев, Хромов, Завьялов, Литовченко, Носов и другие были категоричны в своих суждениях о материальном положении людей. Вот наиболее характерные высказывания: "Вот подходит праздник, а денег нет, чтобы купить продукты и промтовары", "этот праздник мне не нужен, вообще мало людей кто будет праздновать, все люди нуждаются, создали трудные условия и тяжело жить", "что мне праздник, когда нет денег... все хуже и хуже и как видно хорошего не предвидится", "Какой это праздник голодному человеку ... с каждым днем становится все хуже и хуже", "какой праздник, когда кроме черного хлеба ничего нельзя купить, кому нужен такой праздник" и т.д.

Недовольство своим материальным положением у бакинцев то и дело сопровождалось резкими отрицательными оценками, за которыми просматриваются вполне определенные позиции авторов по отношению к Системе. Например, актер Азербайджанского Драматического театра, заслуженный артист республики Кавказлы выразился так: "Я сейчас очень жалею, что принимал участие в революции, потому что сколько лет существует Советская власть я ничего хорошего не видел". Рабочий Иванов заявил: "Говорят строим для будущего нашего поколения, но на кой черт оно, мне сейчас нужно... Нет нельзя дальше допускать такую жизнь". Рабочий Храмов говорил: "Наши правители не могут или не хотят за 30 лет наладить хорошую жизнь своему народу". Рабочий Завьялов: "Как началась жизнь с октября 1917 года, так она и продолжается, хороших дней нам не видать и дальше". Рабочий Литовченко: "Партия и правительство нас трудящихся держат в черном теле. А еще называют себя народным правительством"³⁵.

Как видно, довольно часто люди видели причину своего бедственного материального положения в политической системе. Острое разочарование в советском строе четко просматривается в скупых строках так называемых "отрицательных высказываний". Возникает вопрос: что стимулировало людей на столь опасные высказывания? Быть может, их суждения носили отпечаток субъективизма, нежелание учитывать неизбежность последствий той высокой цены, которая была уплачена за победу в Великой Отечественной войне? Лишь в конце 1947 года было отменено нормированное распределение продуктов первой необходимости, проведенная тогда же денежная реформа больно ударила по бюджету потребителя, была восстановлена розничная торговля, но цены на товары были значительно выше довоенных, а зарплата оставалась на прежнем уровне. Все это не могло не сказаться на настроениях людей. Очевидно, это

было вынуждено учитывать и высшее советское руководство. Иначе трудно объяснить тот факт, что в течение 1947-1952 гг. пять раз было осуществлено снижение цен. Трудно сказать какие мотивы больше преобладали при осуществлении этих акций: пропагандистского или экономического характера. Но несомненно, что осознание резкого несоответствия между ценами и денежными возможностями людей играло в данном случае не последнюю роль. И в то же время государство, очевидно, рассчитывало, что снижение цен должно существенно повлиять на настроения людей. Вот почему после одного из таких снижений, последовавшего в феврале 1950 года, в подготовленной министерством государственной безопасности справке как бы в оправдание радужных надежд приводятся вначале восторженные высказывания следующего типа: "Как радостно от мысли, что я и моя семья обеспечены материально, семья моя сыта и я буду работать отдавая все производству", "если Сталин обещал, значит будет сделано. За это большое спасибо вождю народов", "легче стало, вчера я купил лишних два килограмма хлеба... Спасибо товарищу Сталину, теперь будем жить лучше". И лишь затем следуют высказывания иного рода. Их, отрицательного характера высказываний, приводится втрое больше. Все они очень похожи: "Поднимают цены на 300 процентов, а снижают на 30 процентов и шумят на весь мир"; "Втирают очки нашим людям, на пятак снизят, а шума на целый рубль, потом начинают увеличивать норму, и жмут со всех сил на рабочего, так что он бедный пыхтит, а шуму создают как будто власть беспокоится о жизни рабочих"; "Этими снижениями правители наши хотят задобрить народ, чтобы народ голосовал за них. Это мероприятие торгашей"; "Что мне это снижение дает, когда на товары снижают граммами, а заработки наши килограммами"; "Насмешка, а будут говорить целый месяц, как вот говорят о выборах, уже тошнит всех" и т.п.³⁶

Как видно, пропагандистская направленность такой акции, как снижение цен, далеко не всегда обнаруживала искомую эффективность. Определенная, значимая часть населения воспринимала это мероприятие именно как пропагандистскую уловку. И за всем этим, как свидетельствует характер высказываний, скрывалось укоренившееся безверие в справедливость советского государства и тех, кто определял его политику.

В послесталинский период развития советского общества, характеризуя настроения людей предыдущего времени, неизменно подчеркивалось, что несмотря на все трудности периода, несмотря на все злоупотребления власти и чинимый ею произвол, сохранилась глубокая, всеохватывающая вера в справедливость советской системы, ее глубоко народный характер. Говоря о политических преследованиях той поры, подчеркивали, что лишь в исключительных случаях имели место проявления недовольства системой и режимом. Такая трактовка вполне объяснима.

Наследникам Сталина не хотелось ставить под сомнение правомерность Системы и Режима, сложившегося в 20-30 годах XX столетия в СССР. Тем не менее, им были хорошо известны те настроения в обществе, которые напрямую свидетельствовали о неудовлетворенности людей своей жизнью и судьбой. И это недовольство нередко порождало сомнения в правильности проводимой Коммунистической партией и Советским правительством политики. При Сталине все эти настроения отслеживались и нередко тех, кто их открыто выражал, преследовали. Но им инкриминировали не их высказывания, сколько действия, которые они не осуществляли. По существу, они становились жертвами неосторожно высказанных суждений. Наследники Сталина, занимавшие при "вожде народов" руководящие посты в партии и государстве, знали, что криминальные политические настроения (с точки зрения той эпохи) носят отнюдь не исключительный, а массовый характер. Спецсообщения и справки Министерства государственной безопасности регулярно доводились до их сведения. И эта информация не могла не вызывать определенной реакции в их сознании, пусть даже в самой ее глубине.

В послесталинской и постсоветской научной литературе вопрос о причинах отказа наследников Сталина от крайностей сталинского режима и их перехода к критике культа личности проанализирован крайне поверхностно. Между тем, представляется, что одной, быть может, не самой главной и далеко не единственной причиной этого поворота в политике советского руководства стал учет именно тех настроений в обществе, которые свидетельствовали о необходимости существенных изменений политики. Новое советское руководство рядом объективных обстоятельств, в том числе и этим, было поставлено перед выбором. И оно его сделало.

В системе управления Азербайджанской ССР в рассматриваемые годы особое значение имели территориально-административные принципы устройства республики. В отличие от крупных республик Союза, таких, как Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, ряда других, в которых существовали большие областные и краевые административно-территориальные единицы, в Азербайджанской ССР в основу был взят районный принцип деления. Основная часть образованных сельских районов находилась в прямом подчинении центральным органам власти республики, или как говорилось, в республиканском подчинении. В послевоенные годы таких районов было 61. Это были Алибайрамлинский, Астаринский, Астрахан-Базарский, Ахсуинский, Агдашский, Агдамский, Агджабединский, Агстафинский, Бардинский, Балакенский, Варташенский, Геокчайский, Джебраилский, Дивичинский, Дастафюртский, Евлахский, Ждановский, Закатальский, Зардобский, Зангеланский, Имишлинский, Исмаиллинский, Казахский, Карягинский, Колах-кендский, Кубатлинский, Кубинский,

Кельбаджарский, Касум-Исмаиловский, Кахский, Кедабекский, Кази-Магомедский, Куткашенский, Кусарский, Кюрдамирский, Лачинский, Ленкоранский, Лерикский, Маразинский, Масаллинский, Мирбаширский, Нефтечалинский, Нухинский, Пушкинский, Саатлинский, Сабирабадский, Сальянский, Самухский, Сафаралиевский, Таузский, Уджарский, Хачмазский, Хизинский, Хиллинский, Худатский, Халданский, Ханларский, Шемахинский, Шамхорский, Шаумяновский (сельский), Ярдымлинский районы.

Прочие сельские районы входили в состав автономных образований: Нахичеванской АССР и Нагорно-Карабахской Автономной Области (НКАО). Образованная в 1924 году Нахичеванская АССР, имевшая свою конституцию, свой законодательный орган - Верховный Совет республики, свое правительство, тем не менее по своим правам и возможностям существенно не отличалась от основных районных территориально-административных образований. И это было естественно. Большинство населения автономной республики составляли те же азербайджанцы. А автономный статус был обусловлен ее особым расположением, отсутствием общих границ с основной территорией республики и выражал приемлемую форму ее сохранения в составе Азербайджанской ССР в соответствии с Московским российско-турецким и Карским азербайджано-армяно-грузино-турецким договорами 1921 года. Тем не менее в составе Нахичеванской АССР находилось пять районов: Ордубадский, Джульфинский, Норашенский, Шахбузский, Нахичеванский.

Нагорно-Карабахская Автономная Область, образованная в 1923 г., з результате поиска компромиссного варианта обеспечения межэтнического мира в Карабахском регионе имела в своем составе пять районов: Мардакертский, Мартунинский, Гадрутский, Шутинский, Степанакертский.

Таким образом, в состав Азербайджана входил 71 сельский район. Подавляющую часть жителей этих районов составляло население, занятое в сельском хозяйстве. Абсолютное большинство большей части их составляли азербайджанцы. Вместе с тем в ряде районов значительной была доля сельского русского населения. Большое количество русских сел имелось в Астрахан-Базарском, Пушкинском, Саатлинском, Хачмазском, Таузском, Шемахинском, Маразинском, районах. Русские села имелись и в других районах. В основном это были сектанты, некогда переселенные царским правительством на Кавказ: духоборы, субботники, шестидесятники, молокане и другие.

Армянское сельское население составляло большинство, в основном, в четырех из пяти районов ИКАО, а также в Шаумяновском (сельском) районе. Много армянских сёл было в Шемахинском, Исмаиллинском, Халданском,

Ханларском, Шамхорском районах. Отдельные армянские села были расположены в некоторых других районах.

В ряде районов, в особенности на севере, большими компактными группами проживало лезгинское и аварское население. В Кубинском районе существовали относительно крупные поселения евреев.

Одним словом, азербайджанское сельское население в те годы в достаточной степени было полиэтничным. Не в такой степени, как население Баку и Кировабада, но тем не менее оправдывало характеристику Азербайджанской ССР как многонациональной.

Районное административно-территориальное деление имели два города: Баку и Кировабад. В первые послевоенные годы Баку делился на следующие районы: Азизбековский, Артёмовский, Ворошиловский, Городской, Дзержинский, Джапаридзевский, Дуванинский, Кагановичевский, Кировский, Кишлинский, Ленинский, Маштагинский, Молотовский, Орджоникидзеvский, Сталинский, Сумгаитский, Шаумяновский. Всего – 17 районов. Два района были в составе Кировабада - Сталинский и Низаминский.

Обращают на себя внимание названия городских районов. 8 из 19 носили имена умерших большевиков, 5 - функционирующих деятелей Коммунистической партии и Советского государства. Лишь названия 4 районов отражали топонимику данной территории, и только I напоминал об историческом деятеле прошлого Азербайджана.

Конечно, и названия сельских районов в ряде случаев отражали чрезмерную политизированность общества. Алибайрамлинский, Ждановский, Мирбаширский, Сафаралиевский, Шаумяновский были названы в честь известных революционеров и деятелей Коммунистической партии. Однако такая практика в сельских районах использовалась реже, чем в городе. Видимо, более престижным считалось называть именами большевиков городские районы. Но, в целом, такая практика считалась в порядке вещей и ее использование рассматривалось руководством республики в качестве одного из эффективных методов подтверждения верноподданических чувств. В 1949 г. исполнилось 50 лет члену Политбюро ЦК ВКП (б), первому заместителю председателя Совета Министров СССР Лаврентию Берия. Мир Джафар Багиров обратился к Сталину с просьбой разрешить в ознаменование этого юбилея переименовать Городской район Баку в Бериевский. Обращает на себя внимание, что решить самостоятельно этот вопрос Багиров не решился. В своем обращении Багиров следующим образом обосновывал свою инициативу: "Имя тов. Берия неразрывно связано с борьбой трудящихся Азербайджана за установление Советской власти, процветанием экономики, науки и культуры республики. Огромная роль принадлежит товарищу Берия в сплочении рядов закавказских большевиков,

разоблачении и разгроме врагов партии и народа, в укреплении нерушимой сталинской дружбы народов Закавказья... По вашему указанию он возглавил и руководил операциями по разгрому немецко-фашистских полчищ на подступах к Закавказью. Мы чувствуем повседневную помощь тов. Берия в борьбе за подъем азербайджанской нефтяной промышленности". Дифирамбы в адрес одного из высших руководителей страны типичны для того времени³⁷. Неизвестно почему, но согласие получено не было и переименование не состоялось.

Таким образом, в Азербайджане насчитывалось 90 районов, из которых в большей из них - 61 органы власти находились в непосредственном подчинении республиканских органов власти, а в остальных, опосредственно, через областные и городские органы власти. Такая система, видимо, вполне устраивала республиканское руководство. Опора на районный принцип административно-территориального деления чрезвычайно расширяла возможности контроля за местными руководящими кадрами, манипулирования их действиями. Их статус и полномочия были ограничены и не позволяли решать свои проблемы, минуя республиканское руководство. Поэтому преобладало стремление максимально уменьшить территории районов. Отсюда их многочисленность. В среднем территория района составляла 1,0 тыс. кв.км. а население - 31,0 тыс. человек.

Сталинское руководство, наделяя республиканских руководителей большими полномочиями, тем не менее, всегда опасалось чрезмерного их усиления. Поэтому периодически оно изыскивало методы ограничения этих полномочий. Только этим можно объяснить предпринятую в начале 1952 года административно-территориальную реформу в Азербайджане. По содержанию она была проста. Создавались две области, которые охватывали всю территорию Азербайджанской ССР за пределами Нахичеванской АССР и ИКАО. По замыслу же между руководящими органами власти республики и районными органами власти создавались промежуточные областные структуры, которые при соблюдении подчинённости республиканским органам власти имели гораздо больше возможностей выхода непосредственно на Москву, чем районные структуры. Забегая несколько вперёд, напомним, что по Уставу единой Коммунистической партии полномочия ЦК Компартий союзных республик приравнивались к полномочиям областных партийных комитетов. Объективно, в той самой мере, в какой руководители Азербайджана были заинтересованы в сохранении районной системы, в той же самой степени союзное руководство было заинтересовано в областном делении. И 3 апреля 1952 г. на территории Азербайджанской ССР были созданы две области - Бакинская и Гянджинская.

В состав Бакинской области вошли г. Баку, новый город Сумгаит, 33 района: Алибайрамлинский, Астаринский, Астрахан-Базарский, Ахсуинский, Джебраилский, Дивичинский, Ждановский, Зангеланский, Имишлинский, Исмаиллинский, Кази-Магомедский, Карягинский, Конахкендский, Кубатлинский, Кубинский, Кусарский, Кюрдамирский, Лачинский, Ленкоранский, Лерикский, Масаллинский, Нефтечалинский, Маразинский, Пушкинский, Саатлинский, Сабирабадский, Сальянский, Хач-мазский, Хизинский, Хиллинский, Худатский, Шемахинский и Ярдымлинский.

В состав Гянджинской области вошли город Кировабад и 28 районов: Агдашский, Агдамский, Агджабединский, Акстафинский, Бардинский, Балакенский, Варташенский, Геокчайский, Дастафюртский, Евлахский, Закатальский, Зардобский, Казахский, Касум-Исмаиловский, Кахский, Кедабекский, Кельбаджарский, Куткашенский, Мир-Баширский, Нухинский, Самухский, Сафаралиевский, Таузский, Уджарский, Халданский, Ханларский, Шамхорский, Шаумяновский (сельский).

Интересно, что область с центром в г. Кировабад была названа Гянджинской. Событие примечательное. Видимо, это была первая своеобразная попытка реанимации топонима Гянджа после переименования города Гянджа в Кировабад в 30-е годы. Сейчас трудно сказать, кто был инициатором такого названия области, но то, что это не встретило возражений Багирова - несомненно. Для того времени шаг достаточно мужественный и даже патриотичный.

Что касается решения о создании двух новых областей, то Багиров в письме Сталину выразил свой восторг по этому поводу как о совершенно оправданной акции. Это лишь подтверждает, что сама идея была инициирована Москвой. Багирову же пришлось лишь соглашаться и умиляться этому. Но как только умер Сталин, Бакинская и Гянджинская области были ликвидированы. Эксперимент был признан не оправдавшим себя. Области просуществовали около года.

Источники и литература

1. Народное хозяйство Азербайджанской ССР к 60-летию образования СССР. Юбилейный статистический ежегодник. Баку, 1982, 6.29.
2. Центральный государственный архив новой истории Азербайджанской Республики (ЦГАНИ), фонд (ф.) 2511, опись (оп.) 7, дело (д.) 375.
3. История Азербайджана, т.3, ч.2, Баку, 1963
4. Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики (ГАППОД), ф.1, оп.104, д.20, л.330.
5. Там же, л.329.

6. Народное хозяйство Азербайджанской ССР к 60-летию образования СССР, с. 30.
7. ЦГАНИ, ф.2511, оп.3, д.390, л. 1-12.
8. Там же.
9. Там же, оп.7, д.375, л.6; Эти данные приведены без учета дипломированных специалистов, работавших в системе Азербайджанской железной дороги.
10. Там же, ф.411, оп.3, д.215, л.312.
11. История Азербайджана, т.3, ч.1, Баку, 1963, с.529.
12. Народное хозяйство Азербайджанской ССР к 60-летию образования СССР, с. 19.
13. История Азербайджана, т.3, ч.1, с.529.
14. Очерки истории рабочего класса Азербайджанской ССР, т.1, Баку, 1974, с. 155.
15. Мамедов КВ. Население Азербайджанской ССР за 60 лет. Баку, 1982, с.8.
16. Численность и состав населения СССР. М., 1984, с. 7.
17. К.Ш.Амирасланов Современная миграция населения в Азербайджанской ССР и ее влияние на формирование трудовых ресурсов. Автореферат кандидатской диссертации. Баку, 1975, с.21.
18. Народное хозяйство Азербайджанской ССР к 60-летию образования СССР, с. 2 9.
19. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Азербайджанская ССР. М., 1963, с. 134; ЦГАНИ, ф.2511, оп.3, д.384, л.3.
20. ЦГАНИ, ф.2511, оп.3, д.390, л.л. 1-2; Азербайджан в цифрах. Стат. справочник. Баку, с. 206-207.
21. ЦГАНИ. Ф.2511, оп.7, д.375, л.б; Достижения Советского Азербайджана за 40 лет в цифрах, с. 186.
22. См., например, статьи Волкова ИМ, Вылцана М.А. и др. в книге: Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. М., 1972 .
23. "Бакинский рабочий", 5 августа 1946 г.
24. Там же, 13 июля 1948 г.
25. Сеидов М.Г. Общественно-политическая обстановка в Азербайджане в 1940-е-начале 1950-х годов. Рукопись книги.
26. ГАППОД, ф.1, оп.104, д.104, л.4,5,10; д.114 л. 2,6,11,13,25,26; В настоящей книге выписки из источников приведены без изменений, так как они изложены в архивных и иных документах. Читателю следует учитывать, что, как правило, многие из этих документов содержат стилистические ошибки, характеризуются несоблюдением правил пунктуации. Тем не менее, автор счел неуместным приведение их в соответствие с правилами стилистики и пунктуации.

27. Там же, д. 114, л. 12.
28. Там же, л. 5.
29. Там же, л. 8.
30. Там же, л. 12.
31. Там же, л. 1-2.
32. Там же, л. 51-52.
33. "Бакинский рабочий". 15 декабря 1947 г.
34. ГАППОД, оп.221, д. 12, л. 1-2.
35. Там же, л. 2-7.
36. Там же, оп.225, л. 200-203.
37. Там же, оп.222, д. 108, л. 249.

ГЛАВА 2

МИР ДЖАФАР БАГИРОВ

Все рассматриваемые в настоящем повествовании годы руководителем Азербайджана был Мир Джафар Багиров. Занимая долгие годы пост первого секретаря центрального комитета Коммунистической партии Азербайджана, М.Д.Багиров считался олицетворением власти в республике, ее главным символом. Наделенный московским центром достаточно большими полномочиями, М.Д.Багиров стремился в полной мере их реализовать, сумев сконцентрировать в своих руках управление всеми важнейшими событиями в жизни подчиненной ему части большой империи. Вот почему в те годы окружение азербайджанского лидера, как, впрочем, и большая часть населения Азербайджана, воспринимали М.Д.Багирова больше, чем как первого чиновника республики. Он воспринимался как малый хозяин. Впрочем, за глаза его так и называли - "хозяином". В стране, где правил большой авторитарный "хозяин" Сталин, в стране, где одно большое хозяйство рассматривалось как соединение многих малых хозяйств, присутствие местных авторитарных "хозяев" выглядело естественным. Но при предоставлении местным руководителям полномочий стать локальными "хозяевами" далеко не всем из них удавалось стать таковыми. М.Д.Багирову это удалось.

Подтверждением этому служит то, что и в наши дни, спустя много лет, в глазах наших современников власть в Азербайджане того периода - это, прежде всего, М.Д.Багиров. С ним связывается все, что происходило в те годы - и позитивное, и негативное. И не только потому, что советская эпоха приучала людей связывать все события прошлого и настоящего с деятельностью конкретных личностей. Но и потому, что в данном случае личность постоянно присутствовала в гуще событий, часто инициируя их, оказывая влияние на характер их проявления, воздействуя на темпы их развития, и никогда, из чувства самосохранения, не пыталась быть сторонним наблюдателем. М.Д. Багиров не боялся ответственности. Поэтому все то положительное, что было достигнуто Азербайджанской ССР в годы правления М.Д.Багирова, неразрывно связано и с его именем. И все то страшное, репрессивное, противное идеям человечности и гуманизма - все это также связано и с его именем.

В советскую эпоху магистральная направленность развития Азербайджанской ССР, как и всех союзных республик, определялась заданностью общей стратегии политики союзного центра. Тем не менее роль местного лидера, даже ограниченная наместническими функциями, сказывалась на особенностях реализации спущенной "сверху" программы.

Хотя действия каждого из руководителей в решающей мере определялись воздействием конкретных требований, вытекающих из политической атмосферы, немалое значение имели условия национальной, бытовой, интеллектуальной среды, в которых протекало их формирование в качестве высокопоставленных чиновников периферийного уровня. Только исходя из этого можно понять мотивацию поведения М.Д.Багирова.

Между тем о человеке, более 20 лет являвшемся руководителем Азербайджана, писали мало, причем всегда отрицательно. В Азербайджане тема личности и деятельности М.Д. Багирова находилась под запретом долгие годы. В лучшем случае о нем писали как об одном из главных участников "презренной банды Берия-Багирова"¹. Это определение призвано было как бы подчеркнуть имена главных инициаторов массовых репрессий в Азербайджане. Несколько больше о Багирове стали писать в перестроечное время. И опять лишь в связи с темой массовых репрессий 30-40 г. г. И опять обвинительный уклон при описании деятельности Багирова, игнорирование совокупности факторов, определявших его действия, были характерны для этих в общем-то не очень глубоких публикаций. Не составляли исключения и статьи, принадлежащие автору этих строк². Тему М.Д.Багирова затронул и известный московский историк-публицист А.Антонов-Овсеенко в одной из своих книг. В небольшом по объему разделе, озаглавленном "Джафар Багиров", он привел немало фактов, порочащих Багирова. На страницах книги Багиров выглядит неким монстром, собственноручно убившем брата, уничтожившим всю семью другого брата, всю жизнь занимавшимся уничтожением всех, кто был ему неугоден³.

Но большинство приведенных свидетельств не опираются на надежные источники, а многие факты не сопровождаются соответствующими ссылками на источник информации.

Между тем, пройти мимо вопросов, связанных с характеристикой Багирова, нельзя уже хотя бы потому, что он был руководителем Азербайджана в изучаемые годы. И обходя молчанием или, следуя советским традициям бездоказательного, часто огульного охаивания опальных политических деятелей, нам трудно будет понять время, события и факты интересующего нас периода.

Мир Джафар Аббасович (именно так звучит его отчество во всех заполненных им многочисленных анкетах) Багиров родился 17 сентября 1895 года в уездном городе Куба. Кубинский уезд издавна относился к числу полиэтнических. Здесь компактными группами проживали азербайджанские турки, евреи, русские-сектанты, таты, лезгины, армяне. Тем не менее, как и в других регионах Азербайджана, в межэтнических отношениях особых проблем не было. До начала XX века история не зафиксировала ни одного столкновения в регионе на этой почве. Теплые отношения представителей

различных национальных и этнических групп были нормой жизни на протяжении столетий. Жители этого региона часто владели языком соседей. Так, М.Д.Багиров свободно владел лезгинским языком. В короткий период своей преподавательской деятельности он работал в школах Худата, села Неджефкенд, где основной контингент учащихся составляли лезгины. Тем не менее нет никаких оснований для сомнений в тюркском происхождении М.Д.Багирова.

В личном деле Мир Джафара Багирова содержится целый ряд заполненных им собственноручно личных листков по учету партийных кадров. В личном листке, заполненном 6 мая 1922 года, в графе национальность он записал "тюрок", а на вопрос о родном языке - "тюркский"⁴.

В учетной карточке члена ВКП (б) М.Д. Багирова, заполненной в 1930 году, в графе национальность и родной язык вновь указывается "тюрок" и "тюркский язык"⁵. В 1937 г., уже в бытность первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, М.Д.Багиров в графе национальность указал "азербайджанец"⁶. Заполняя в 1922 году анкету всероссийской партийной переписи, Багиров в графе о национальности отца и матери указал, соответственно, "тюрк" и "тюрчанка"⁷.

Значительно сложнее установить, являлись ли Багировы выходцами из Кубы. В одной из написанных им автобиографий Багиров упомянул, что его дед поселился в Кубе, переехав туда из других мест. Видимо, точной информацией он не располагал. Сохранился любопытный документ, датированный 1940 годом. Два работника ЦК Компартии Азербайджана, некие Рахманов и Мовсесов, видимо, по поручению Багирова, провели в Кубе беседу с Багировым Мир Муртузом Мир Багир оглы. Речь шла о сводном брате отца Мир Джафара Багирова. Как свидетельствует М.Д.Багиров в своей подробно написанной в 1923 г. автобиографии, его дед Гаджи Мир Багир был женат дважды. Отец Мир Джафара Мир Аббас был сыном Гаджи Мир Багира от первого брака, а Мир Муртуз - от второго брака. Судя по всему, Мир Джафар Багиров был искренним в упомянутой автобиографии, когда писал, что между детьми Мир Багира от первой и второй жен существовали натянутые отношения, поскольку "отец с родными братьями еще в малолетстве, по настоянию махечи, были выгнаны из родного дома и обречены на жалкое существование"⁸.

Рахманов и Мовсесов задали много вопросов, но оказалось, что "Мир Муртуз, дряхлый старик, лет около 80-ти, ему трудно вспоминается все прошлое и ничего конкретного от него добиться не представляется возможным". Но, видимо, старик лукавил, напуганный визитом посланцев недружелюбно настроенного и грозного родственника. Это видно хотя бы из того, что при всей своей "забывчивости" он твердо назвал по именам всех

детей от первого и второго брака Мир Багира, большинство из которых к этому времени умерли. Судя по всему, он твердо заявил, что "как его отец и дед, так и мать и первая жена отца происходят из жителей г. Кубы", а на вопрос о том, что кто-то в семье является родом из Дагестана или Карабаха, ответил, "что никогда об этом не слышал"⁹.

И, тем не менее, не исключено, что Багировы некогда переселились в Кубу. Косвенным подтверждением этого может служить их принадлежность к шиитскому направлению ислама. Об этом свидетельствовала приставка "Мир" к имени, которую имели право носить лишь определенная часть представителей этой ветви мусульманской религии. Приставка "Мир" сопровождала имена отца и всех родных дядей Багирова - Мир Аббаса, Мир Ага, Мир Зейналабдина, Мир Талыба, а также сводных дядей - Мир Гамзы, Мир Муртуза и одного, которого звали, как ни странно, так же, как и будущего руководителя Азербайджана. В период своей активной партийно-государственной деятельности, совпадавшей с периодом торжества воинствующего атеизма, М.Д.Багиров не выпячивал свое сеидово происхождение. Порой, при заполнении анкет, он не упоминал приставку "Мир", оставляя лишь основную часть имени - Джафар. Но чаще всего он писал свое имя таким, каким оно было на самом деле - Мир Джафар. Интересно, что в бытность М.Д.Багирова первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана в его окружении было немало лиц с таким же сеидовым происхождением: Мир Теймур Ягубов, Мир Гасан Сеидов, Мир Бапгар Касумов, Мир Кязим Исмаилов и многие другие. Видимо, это было не случайным. Принадлежность к сеидам в мусульманской среде считалась почетной. И носители титула "сеида", как правило, гордились этим, испытывая чувство некоего превосходства. Не исключено, что быть может где-то в глубине души М.Д.Багиров испытывал такое же чувство. Но тот факт, что в Кубе, где подавляющая часть населения принадлежала к суннитской части ислама, не исключает, что предки Багирова были выходцами из другого региона.

В сложное и небезопасное время своей деятельности Багиров вынужден был весьма осторожно излагать данные своей биографии. Поскольку фактор классовой принадлежности служил одним из главных индикаторов политической благонадежности, Багиров всячески старался доказать свое происхождение из трудящихся классов. В 1922 году, заполняя очередную анкету, Багиров записал, что его дед с отцовской стороны и отец являлись "хлебопашцами, хозяевами-одиночками". В написанной в 1923 г. автобиографии Багиров писал: "Родился я... в 1895 г. 17 сентября в самой бедной семье"¹⁰. Заполняя в 1937 г. личный листок по учету кадров, в графе основное занятие родителей до Октябрьской революции Багиров записал: "Крестьянин - бедняк"¹¹. В данном случае речь идет об отце. Мать же не упомянута. Между тем в одной из анкет Багиров отмечает, что мать его -

дочь дворянина¹². Это единственное в личном деле Багирова вынужденное упоминание о матери позволяет усомниться в правдивости характеристики социального происхождения Багирова как вышедшего из "самой бедной семьи". Быть может, мать Багирова происходила из семьи обедневших беков, которыми изобилует Азербайджан накануне революции. Вполне вероятно, что семью Багировых нельзя было отнести к разряду состоятельных. Но трудно представить, чтобы дочь бека была выдана замуж или даже вышла замуж добровольно за представителя самых низов, каким хотел представить отца Багиров. В данном случае Багиров был явно неискренен в определении своего классового происхождения.

Эта же линия поведения прослеживается и при определении Багировым своего собственного социального положения накануне революции. По этому поводу, заполняя многочисленные анкеты, он писал: "Неимущий горожанин"¹³. Бели учесть, что с 1915 по 1917 год Багиров вел преподавательскую работу, заведя начальной школой в Худате, затем в селе Неджефкенд, а потом в Кубе, трудно поверить, что слово "неимущий" адекватно отражало истинное положение вещей. Хотя, безусловно, материальное положение учителя Багирова вряд ли давало основание к отнесению его к числу состоятельных людей. Между тем, в отличие от абсолютного большинства выходцев из неимущих слоев населения, Мир Джафар Багиров имел возможность начать свою трудовую деятельность лишь в 20-летнем возрасте, в 1915 году. До 1907 г. он учился в мектебе, где, как он отмечал, изучали Коран, фарсидский язык, литературу. Позже, отдавая дань чисто большевистскому подходу к оценке мектебов как учебных заведений, Багиров писал, что "никакой пользы это учение мне не дало"¹⁴. Затем последовало обучение в 3-летнем Кубинском начальном, а затем 4-летнем высшем начальном училище. Дальнейшему продолжению учебы Багирову мешало, как он писал, "отсутствие всяких средств"¹⁵. Объяснение этому можно найти в том, что в 1913 г., в год окончания высшего начального училища, умер отец Мир Джафара. И все же он поехал учиться на 2-х годовичные педагогические курсы в Петровск (ныне Махачкала), но уже за государственный счет. После завершения учебы в Петровске началась недолгая трудовая деятельность Мир Джафара Багирова в качестве педагога.

В бытность Багирова первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, авторы биографических справок о нем, касаясь периода его педагогической деятельности, писали, будто он "с этого времени... принимает активное участие в революционном движении, ведя работу среди крестьян Кубинского уезда..., ведет революционно-пропагандистскую работу". За это он, якобы, подвергался "преследованиям со стороны царской полиции..."¹⁶ Упоминание о Багирове как о революционере с дореволюционным прошлым было одним из фрагментов мифологизированной истории большевистской

партии и революционного движения в Азербайджане. Вождь местного масштаба, конечно, не мог и не имел права иметь такую легендарную биографию, как у Сталина. Но произвольное приукрашивание биографии ставило целью представить массовой аудитории образ неутомимого борца за народное счастье. Руководитель Азербайджана, начавший свою трудовую деятельность до революции, просто не имел права не иметь дореволюционного политического прошлого. Но на самом деле никакой кипучей, да и не кипучей революционной деятельности до 1917 года у Багирова не было. Поэтому на эту тему в Азербайджане особо не распространялись. А когда пытались изобразить нечто, это больше напоминало намек. Как это, например, было сделано в вышедшем после войны фильме "Кяндлиляр" (Сельчане). Здесь был выведен образ большевистского лидера, удивительно напоминавшего Багирова. Правда экранный герой был похож на него уже в солидном возрасте. Годы же, о которых говорилось в фильме, приходились на время, когда Багирову едва перевалило за 20. Но ведь послевоенное поколение знало Багирова, когда тому было уже за 50. Так что авторы фильма и те, кто их вдохновлял, знали, что делали.

Таким образом, Мир Джафар Багиров по своему социальному положению до 1917 года может быть отнесен к типичным представителям среднего класса, которые, с учетом их принадлежности к представителям нерусской и неправославной части населения Российской империи, более того, принадлежащих к одной из наиболее дискриминируемых тюркской и мусульманской части, обладали крайне ограниченными возможностями социального роста. Революция не приоткрыла, а распахнула двери для стремительного рывка вверх для многих ущемленных в своих правах категорий населения, в том числе и той, к которой принадлежал Багиров. Такие, как он, наделенные тщеславием, честолюбием и амбициями, получили свой шанс, который они и попытались использовать.

Именно с этого времени начинается новый этап в биографии Багирова, когда он вклинивается в водоворот бурных событий, ставших катализатором его стремительной политической карьеры.

В феврале 1917 г. ему не исполнилось еще и 22 лет. Молодой, энергичный, он выгодно отличался от многих своих сверстников и знанием русского языка. Последнее служило одним из главных показателей образованности в глазах окружавшего его провинциального мира. Да и самого Багирова трудно было заподозрить в скромности при оценке своих возможностей. В своей автобиографии он не считал для себя зазорным писать: "способности у меня были большие", "курс в Петровске... благодаря опять таки моим способностям окончил в 1915 г."¹⁷. Что касается истинного положения, то определенное представление о личностных качествах

молодого Багирова дают материалы карточки-характеристики, подготовленной в 1923 г. Этот документ содержит весьма высокую оценку деловых качеств Багирова как руководителя, отмечая его организаторские способности, умение подбирать работников, дисциплинированность. В то же время в карточке подчеркивается "неначитанность, слабое умение ориентироваться в политической обстановке, неумение владеть собой"¹⁸. Иными словами, и в 1923 г. современниками интеллектуальный потенциал и психологическая устойчивость Багирова оценивались невысоко.

Кстати, в партийных анкетах Багиров к числу своих физических недостатков причислял "утомляемость до припадков". Думается, что речь шла об элементарной истеричности как признаке психологической неустойчивости.

Таким образом, в 1917 г. свою политическую деятельность начал энергичный, обладавший организаторскими способностями, уверенный в своих силах, честолюбивый молодой человек. Он не обладал высоким уровнем образованности, устойчивыми политическими взглядами, был вспыльчивым. Это был яркий представитель новой генерации политиков, пришедших в политику с началом революции и определивших во многом облик первой массовой номенклатурной команды советской системы. Интересы и стиль поведения представителей этой группы оказали влияние на содержание нарождающейся системы.

Самый запутанный период жизни М.Багирова - с февраля 1917 по осень 1918 года. Сам Багиров неоднократно утверждал, что свой политический выбор он сделал сразу же - в марте 1917 года, вступив в партию большевиков. При этом вступление в партию отождествлял с вступлением в большевистскую фракцию Кубинского Совета рабочих и солдатских депутатов. В более поздних анкетах в качестве организации, принявшей его в партию, Багировым упоминается Кубинская партиячейка¹⁹.

Когда после смерти Сталина Багиров оказался на скамье подсудимых, судебное разбирательство пришло к выводу, что в 1917 г. Багиров в большевистскую партию не вступал. Кстати, и сам подследственный не стал этот вывод оспаривать, заявив, что и сам не знает, почему в документах год 1917 отмечен как время вступления его в партию. Следствию стало известно, что 16 ноября 1921 г. на общем собрании коммунистов партиячейки 6 особого отдела и революционного трибунала Первой стрелковой дивизии Багиров назвал временем вступления в партию июнь 1918 г.²⁰. Но письменных свидетельств о том, когда, где и с чьей рекомендации Багиров вступил в ряды большевистской партии, так никто и не видел. А.Антонов-Овесеенко в упомянутой книге приводит две схожие версии об этом. По одной из них, М.Багиров, будучи членом партии "Мусават", в апреле 1920 г. убил своего брата-большевика, присвоил его документы и стал работать в ЧК. По другой

версии, Багиров еще до 1917 г., будучи меньшевиком, в споре с братом-большевиком убил его и уже после февраля 1917 г. воспользовался документами последнего²¹.

Неправдоподобность обеих версий очевидна. Во-первых, потому, что автор не приводит источников информации на этот счет. Во-вторых, обе версии не стыкуются хронологически с основными, бесспорными, известными фактами биографии М.Д.Багирова. А известно, что после февраля 1917 г. главой администрации Кубинского уезда - уездным комиссаром Временного правительства России назначается армейский капитан Алибек Зизикский. Тотчас М.Д.Багиров назначается комиссаром второй (еврейской) части города Кубы. С мая 1917 г. он помощник уездного комиссара²². Впоследствии Багиров пытался представить свои отношения с А.Зизикским в политическом отношении как полярно противоположные. По его словам, Зизикский выступал как оголтелый националист, представитель интересов эксплуататорских классов, а сам он - как выразитель интересов трудящихся и истинный интернационалист²³.

После 1920 г. стремление Багирова отмежеваться от Зи-зиковского было естественным, поскольку последний к этому времени был отнесен к категории политических изгоев. Багиров же, ставший верным сторонником новой власти, должен был объяснить свое сотрудничество с бывшим комиссаром Временного правительства, активным борцом с Бакинским Советом и Бакинским Совнаркомом в 1918 г. Но очевидно, что Багиров кривил душой. Конечно же, большевиком он в 1917 г. не стал. И выдвижение его в число одного из руководителей Кубинского уезда было связано с добрым отношением к нему А.Зизикского. Ни о каком большевизме Багирова в этот период не может быть и речи. И все же пути Зизикского и Багирова в конце концов разошлись. Судя по всему, это произошло на рубеже 1917-1918 гг. С приходом большевиков к власти в Петрограде и Баку процесс политического размежевания в стране, достигший небывалых масштабов, не обошел стороной и Кубу. В условиях Азербайджана накал политических страстей в значительной степени определялся все более явственно проявляющейся угрозой армянского геноцида против тюркского, да и всего мусульманского населения. Падение власти Временного правительства в центре и на местах привело к окончательному демонтажу государственного управления. Уездный комиссариат утрачивал роль властной структуры. К концу осени Кубу покинула расквартированная здесь небольшая воинская часть. С фронта же стали возвращаться солдаты, причем, в большинстве случаев, с оружием в руках. Это были русские, евреи, армяне. Попытка ослабшей местной власти разоружить их и стала причиной столкновений, выглядевших как межнациональные. В этот период, видимо, определилась позиция Зизикского, который переходит на позиции борьбы с большевизмом

и антинациональным режимом Бакинского Совета. А.Зизикский сформировал отряд, который призван был стать гарантом безопасности мусульманского населения. М.Д.Багиров же в этот момент попытался взять на себя роль представителя центральной власти, которой была в его глазах власть Бакинского Совета. Он признавался, что создал "летучий отряд из вернувшихся фронтовиков евреев, частью русских..., а также некоторых мусульман"²⁴.

Достав оружие, отряд повел борьбу с "контрреволюционными элементами Кубинского уезда не жалея жертв". При этом Багиров пытался заручиться поддержкой бакинских властей. Попытка будущего лидера азербайджанских большевиков составить конкуренцию Зизикскому в борьбе за влияние в Кубинском уезде закончилась крахом. Отряд Багирова распался, а сам он вынужден был скрываться. Вернуться в Кубу Багиров сумел лишь после прихода туда войск Бакинского Совета. Но 1 мая 1918 г. отряд Зизикского овладел Кубой. "Куба была нами оставлена и под прикрытием прибывшего из Петровска чисто дашнакского отряда мы отступили на линию железной дороги" - чистосердечно признавался М.Д.Багиров²⁵. Так М.Д.Багиров невольно оказался в одной связке с выступающими под красным знаменем бакинского большевистского правительства армянскими националистами. Это привело к, пожалуй, самой позорной странице его биографии. Он оказался в отряде известного головореза Амазаспа, который в мае 1918 г. ворвался в Кубу, учинил кровавую расправу над мусульманским населением. Мир Джафар Багиров стал свидетелем и невольным соучастником одного из самых страшных эпизодов великой трагедии азербайджанского народа, происшедшей в 1918 г. "К великому моему сожалению против моей воли, мне пришлось быть свидетелем той кошмарной картины, которая была в Кубе... Даже я не мог спасти своих родственников. Были зверски штыками заколоты дядя мой старик лет 70 Мир Талыб, сын его - Мир Гашим, зять Гаджи Эйбат и ряд других моих родственников" - вспоминал М.Д.Багиров²⁶. Этот эпизод сыграл, по-видимому, очень важную роль в выборе им дальнейшего жизненного пути. Такую же, как и соперничество с Зизикским. Собственно, выбора больше и не было. Теперь у него был лишь один путь - с большевиками. Поэтому, в том случае, когда он говорил, что годом вступления его в большевистскую партию был год 1918, он был недалек от истины. Во-первых, потому, что это действительно могло иметь место тогда. В 1917-1918 гг., как и до революции, вступление в большевистскую, как и в любую другую партию, вряд ли сопровождалось соблюдением всех норм бюрократического протокола, как это стало принято позже. Так что, если соответствующие документы и не были обнаружены, это вовсе не говорит об отсутствии самого факта.

Именно с 1918 года начинается активное участие М.Д.Багирова в развернувшейся в стране непримиримой борьбе на стороне большевиков. Оформлял ли он свой политический выбор членством в партии или не оформлял - не столь важно. Он стал большевиком фактически и считал себя таковым. Для него лично утратило всякий смысл и уяснение для себя истоков политического выбора. Этим, в частности, можно объяснить эпизод, датируемый 1922 г., когда Багиров был председателем АзЧК. Он встретился тогда в здании ЧК с группой земляков из Кубы. "Багиров тепло встретился с каждым из вошедших в его кабинет, а с Алибеком Зизикским даже расцеловался. Во время беседы он спросил Зизикского, почему он прячется, почему унижается: "Ты же знаешь, я здесь работаю". Прослезившийся Алибек сказал, что его запугивают арестом, поэтому он прячется. Багиров тотчас дал указание подготовить для Зизикского документы, чтобы он мог жить легально. Тут же выдал ему документы, Багиров сказал Зизикскому: "На основании этих документов ты можешь жить в любом месте Азербайджана. Пока я здесь - в ЧК, ты можешь не беспокоиться". Зизикский обрел возможность свободно жить в Баку. Но как только в 1928 г. Багиров получил новое назначение за пределами Азербайджана, А. Зизикский был арестован и расстрелян²⁷.

Но если Багиров и не придавал значения тем истокам, которые привели его к большевикам, то уяснение их нашими современниками имеет весьма большое значение для понимания всех сложных перипетий развития страны, Азербайджанской ССР в ее составе, в 20-начале 50 годов прошлого столетия - в период созидания и развития сталинской модели государства и общества.

Приход Багирова к большевикам не был результатом осознанного, глубоко продуманного, убежденного выбора пути как единственно ведущего к обеспечению свобод и прав угнетенных классов и народов. В отличие от Багирова, таким был выбор интеллектуалов - большевиков, пришедших к марксизму до революции. Он не был участником и дореволюционного рабочего движения. Приход Багирова к большевикам был обусловлен, главным образом, стечением ряда обстоятельств субъективного свойства. Таких, с которыми сталкиваются люди на крутых переломных этапах развития, которые в конечном итоге определяют выбор личности, часто в большей степени, чем личность способна сделать это сама. Стечение обстоятельств привели к большевизму Багирова. Но выбор был окончательным и бесповоротным. И главное, он был удачным. Но для этого пришлось вначале принять участие в Гражданской войне в России. Эвакуировавшись из Баку летом 1918 г., Багиров вступает в ряды Красной Армии. При этом здесь его используют в качестве политработника: комиссара полка, бригады. Комиссаром мог быть лишь коммунист. Видимо,

и все окружающие были твердо убеждены в оформлении Багировым членства в рядах большевистской партии. И, скорее всего, не без оснований. Обращает на себя внимание другое. Багиров сразу же выдвигается на руководящие политические должности. Наверно, все же своей образованностью и способностями он выделялся из общей серой солдатской среды. Военские части, в которых служил Багиров, принимали активное участие в боях против армии Деникина. Но как только в Азербайджане была установлена Советская власть, он направляется на работу в родные края. Он становится заместителем председателя ревкома Карабахской области, комиссаром Азербайджанской дивизии и одновременно председателем военного трибунала этой дивизии. В феврале 1921 г. М.Д.Багиров назначается председателем АЗЧК, затем АЗГПУ. Этот пост он занимал в течение 1921-1930 гг., с небольшим перерывом в 1927-1929 гг. Наряду с руководством службой секретной полиции Багиров с 1924 г. занимал посты наркома внутренних дел и заместителя председателя правительства Азербайджанской ССР²⁸.

В конце 20-х годов Багиров некоторый период работал председателем Заводхоза. По этому поводу лидер азербайджанской эмиграции Мамед Эмин Расулзаде писал, что всех вод Закавказья не хватит, чтобы смыть кровь с рук Багирова. Наверно, М.Расулзаде имел основание для такой нелестной характеристики. Ведь в течение 20-х годов при активном участии Багирова были уничтожены практически все очаги политического сопротивления в Азербайджане. Причем, уничтожены самым беспощадным образом.

Временная опала М.Д.Багирова в конце 20-х, а затем в начале 30-х годов, сменяется новым его возвышением. В 1931-1932 гг., в

течение полутора лет он слушатель высших курсов марксизма - ленинизма при ЦК ВКП(б). Следует небольшой период работы в аппарате ЦК ВКП(б) в качестве инструктора и уже в ноябре 1932 г. Багиров занимает пост председателя Совнаркома Азербайджанской ССР, а уже через год - первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана³⁰. И с тех пор, вплоть до 1953 года, он оставался руководителем республики. Багиров оказался одним из двух первых секретарей ЦК Компартии союзных республик, кто благополучно миновал пик сталинских массовых репрессий, относящихся к 1936-1938 гг. Именно в тот период сложили головы не менее, а часто более авторитетные руководители республик, как, например, украинский - С.Косиор, белорусский - В.Шарангович, узбекский - А.Икрамов, казахстанский - Л.Мир-зоян, армянский - А.Ханджян и большинство других. А М.Д.Ба-гиров выстоял. Выстоять в те годы означало физически сохраниться.

Этому, как и всей своей карьерой, Багиров был обязан особым отношениям с Лаврентием Берия. Начало этих отношений относится к 1921

г., когда Багиров был председателем ЧК, а Берия - сначала начальником отдела в его ведомстве, а затем его заместителем.

Видимо, отношения между ними сложились хорошие. Впоследствии возникла версия о мотивах дружеских отношений. Она нашла свое отражение в обвинительном заключении по делу Багирова и других в 1956 г. "Связанные между собой преступной круговой порукой Берия и Багиров на всем протяжении их преступной деятельности... активно содействовали друг другу в продвижении на ответственные государственные посты"³¹.

Может быть, Багиров и содействовал первым шагам политической карьеры Берия. Но, с 1923 г., когда Берия был переведен на работу в Грузию, он уже активно содействовал продвижению Багирова. Особенно после того, как в начале 30-х годов перешел на работу в партийные органы. Именно в бытность Берия первым секретарем Закавказского Крайкома ВКП(б) Багиров стал руководителем Азербайджана. На судебном процессе в 1953 г. Берия признал, что содействовал должности первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана³². Об особых отношениях Берия и Багирова в те годы свидетельствует фрагмент из воспоминаний Н.Хрущева: "Что касается Берии, то я познакомился с ним, видимо, в 1932 году. В то время я работал вторым секретарем Московского городского комитета партии... Я... встретился с Берией по вопросу кадров... Пришел он ко мне с Багировым. Багиров - это бакинский партийный деятель. Он учился тогда на курсах марксизма-ленинизма... У нас речь шла о секретаре Фрунзенского райкома партии армянине товарище Рубене... На какую роль брали тогда Рубена, я сейчас не помню... Разговор у нас был формальный, не я ведь решал вопрос о Рубене... Позже я узнал, что кандидатуру Рубена выдвигал Серго"³³.

Очевидно, что речь шла о выдвижении Рубена на должность первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Как видно, против этого выступали Берия и Багиров. Сообща. Кандидатуру Рубена лоббировал Орджоникидзе и добился своего. Но Рубен недолго был первым лицом в Азербайджане. Не пробыв и года в этом качестве, он вынужден был уступить место Багирову. Не вызывает сомнения, что Берия сыграл здесь немалую, если не решающую роль. При этом роль позитивную. В ином случае, не исключено, что в период массовых репрессий руководство Азербайджаном осуществлял бы бывший царский офицер, армянин по национальности Рубен. Кто знает, чем бы все это закончилось. Берия и в последующем поддерживал Багирова.

Их, видимо, связывало многое. Прежде всего, схожесть судеб. Оба они пришли в ряды большевистской элиты, не будучи участниками дореволюционного движения. Тем самым они волею судьбы противостояли тем, кто весьма высоко оценивал свои заслуги в революционном движении и победе Советской власти в Закавказье, и ревниво относились к успехам на поприще служебных карьер Берия и Багирова.

Оба они не испытывали пиетета перед людьми, кичащимися своими былыми заслугами. Берия и Багиров были нужны друг другу. Они это осознавали. Как и то, что их служебные карьеры всецело зависели от воли одного человека - Сталина. Не обремененные грузом представлений о необходимости выработки собственной позиции, они всецело полагались на Сталина, не утруждая себя рассуждениями о правильности проводимого тем курса. Берия и Багиров были типичными представителями новой постреволюционной генерации большевистской партии. Лишь такой тип руководителей устраивал Сталина, вполне убежденного в верности и непогрешимости проводимой им политики, и который не воспринимал любой формы сомнений, рассматривая их как проявление нелояльности и даже враждебности.

Таким образом, все рассматриваемые годы руководителем Азербайджана оставался Мир Джафар Багиров. Нет необходимости, да это и не входит в цели данной работы, дать характеристику деятельности Багирова на посту первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана до начала рассматриваемого периода. Но и нельзя пройти мимо некоторых аспектов этой деятельности, если исходить из объективной оценки местной власти применительно к послевоенному сталинскому периоду. Поскольку нельзя не признать, что эта власть в определенной и даже значительной степени ассоциируется с феноменом М.Д.Багирова. Следовательно, уяснение ряда вопросов, связанных с деятельностью последнего, не затрагиваемых до сих пор или преподносимых в научной литературе и публицистике не совсем объективно, приобретает особый смысл.

Среди них важное значение имеет вопрос об отношении Сталина к Багирову. В многочисленной литературе о Сталине и периоде его правления, изданной в России, эта тема обойдена вниманием. И это естественно. Фигура одного из периферийных руководителей не могла вызвать какого-либо особого интереса московских "рецензентов" деятельности Сталина. Гораздо ближе им "были темы, связанные с взаимоотношениями Сталина с лицами из ближайшего окружения: Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, Рыковым, Кировым, Орджоникидзе, Молотовым, Вознесенским, Берия и многими другими. Все это и нашло отражение в литературе. Но и азербайджанские исследователи не стали затрагивать эту весьма интересную и, вместе с тем, щекотливую тему. Не последнюю роль играет, видимо, крайне ограниченный круг письменных источников, сохранившихся в азербайджанских архивах, которые могли бы пролить свет на характер отношения Сталина к Багирову. В период работы в бывшем партийном архиве азербайджанского филиала института марксизма-ленинизма при ЦК Компартии Азербайджана (ныне Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики), автору

этих строк ни разу не удалось столкнуться с письмами и записками Сталина в адрес Багирова, другими письменными свидетельствами отношения первого ко второму. И, тем не менее, основания для суждения о сталинской оценке характеристики Багирова существуют. И если эти свидетельства трудно назвать прямыми, то и назвать их неубедительными нельзя.

Весьма подозрительный к лицам из ближайшего окружения, ко всем представителям партийной элиты, Сталин, в то же время, был устойчив в кадровых пристрастиях. Эта устойчивость была относительной, поскольку Сталин порой резко менял отношение к своим приближенным и выдвинутым, что заканчивалось для них печально. И все же в самых верхних эшелонах центральной московской власти существовала группа людей, которая с 20-х годов, вплоть до кончины Сталина, составляла костяк его окружения: Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян. В 30-40-е годы эта группа пополнилась Хрущевым, Булганиным, Берия, Маленковым. Сталин неизменно сохранял хорошее отношение ко многим другим высшим партийным и правительственным чиновникам, к лицам, выдвинутым им во второй эшелон иерархической системы, в том числе первым лицам в союзных республиках. Не отрицая роли Берия в назначении Багирова на пост первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, следует признать, что решающее значение не могло не сыграть согласие Сталина. Бывший секретарь ЦК Компартии Азербайджана Мир Гасан Сеидов вспоминал по этому поводу: "Как рассказывал сам Багиров на заседании политбюро, на котором обсуждалась его кандидатура, шел острый спор. Пара членов политбюро упорно выступали против его кандидатуры. Причем, ни один из выступавших против его кандидатуры не называл другой кандидатуры из азербайджанских кадров... Видимо, кто-то из них вынашивал идею снова направить сюда своего человека из Центра. Однако Сталин настоял на своем... Давая ему напутствия во время приема после заседания политбюро, Сталин... сказал: "Азербайджаном должны править азербайджанцы. Это, кроме всего остального, имеет большое значение в плане международной политики партии. Не зря Ленин говорил, что Азербайджан является форпостом на Востоке, это ворота на Восток"³⁴.

Все это свидетельствует, что Сталин действительно пришел к выводу о необходимости назначения на должность руководителя Азербайджана азербайджанца. И поскольку Багиров, по словам Сеидова, "пришелся по душе ему", он и остановил свой выбор на нем.

Багирова, который с 1933 года находился на высшей ступени власти в Азербайджанской ССР, сумел в отличие от большинства других республиканских лидеров избежать гибели в страшные годы пика массовых репрессий (1937-1938гг), в 1939 году стал членом ЦК ВКП(б), продолжал руководить республикой все годы войны, правомерно отнести к числу

кадровых пристрастий Сталина. При этом устойчивое положительное отношение Сталина к Багирову следует объяснять, прежде всего, оценкой деловых качеств республиканского руководителя главой союзного государства. Конечно, речь может идти о сталинских критериях оценки этих качеств. С этой точки зрения Багиров отвечал всем требованиям. Его настойчивость, помноженная на жесткость, требовательность к подчиненным, использование в полной мере ресурсов господствующей в стране командно-административной системы обеспечивали выполнение республикой важнейших народнохозяйственных заданий. Из года в год нарастало производство нефти и нефтепродуктов. В годы войны Азербайджан, несмотря на все трудности, бесперебойно и вовремя обеспечивал снабжение военной техники действующей армии горючим. И Сталин, видимо, оценивал все это как результат проявления Багировым высоких организаторских способностей. Багиров в глазах Сталина был хорошим исполнителем. И не только в решении проблем хозяйственных. Сталин не мог не оценить того, что Багиров, сразу после того как стал руководителем Азербайджана, в короткие сроки сумел покончить с политическим интриганством, раздиравшим республику в конце 20-х - начале 30-х годов. Бесконечным жалобам одних групп руководителей республики на других в Москву был положен конец. Это импонировало Сталину. Правда, Багиров, расправляясь со своими видимыми и потенциальными оппонентами, особо не церемонился, навешивая на них политические ярлыки и активно участвуя в их физическом уничтожении. Но это в полной мере соответствовало сталинскому методу обеспечения политической консолидации в партии и стране. Так что Багиров был способным учеником Сталина, что не могло не быть оценено последним. Решительность, с которой Багиров набрасывался на жертву, была замечена Сталиным, который использовал ее при расправе с неугодными ему чиновниками в верхних эшелонах власти. Есть основания полагать, что Багиров был вхож в семью Сталина. Во всяком случае, члены семьи Сталина знали его лично. Об этом свидетельствует тон письма сестры жены Сталина Анны Аллилуевой Багирову, датированного 30 октября 1946 года. Вот некоторые выдержки из него: "Уважаемый Мир Джафар, посылаю Вам от нашей семьи книгу моего отца... Большой привет Вам от мамы... Мама и я будем очень рады, если Вы, приехав в Москву, заглянете к нам. С глубоким уважением и сердечным приветом"⁰⁵. Содержание письма позволяет сделать вывод, что Сталин в ту пору, когда он, несмотря на смерть жены, продолжал поддерживать тесные связи с семьей своего тестя - старого большевика С.Аллилуева, приглашал к себе на дачу и Багирова, где тот и познакомился с родственниками вождя. Тогда же, в условиях конфиденциальности, Сталин мог поручать Багирову особо щепетильные задания.

В начале 1938 года Багиров на сессии Верховного Совета СССР грубо обрушился с обвинениями в бездеятельности на народного комиссара юстиции СССР, ветерана большевистской партии Николая Крыленко. Зная о пристрастии Крыленко к шахматам и альпинизму, Багиров высмеял его, не стесняясь в выражениях³⁶. Конечно, атака на союзного наркома являлась частью кампании, затеянной Сталиным с целью политического, а затем и физического устранения Крыленко. Так и произошло. Багиров с честью выполнил возложенную на него часть программы. В 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) Багиров подверг резкой критике народного комиссара морского флота СССР Пахомова. И тотчас Пахомов был освобожден от должности наркома³⁷. И здесь, скорее всего, Багиров выполнил заказ Сталина, которому нужен был повод, чтобы избавиться от неугодного члена правительства. Выполнение Багировым доверительных заданий, которые трудно отнести к числу джентльменских, вряд ли вызывало восторг среди московских аппаратных работников. В своих воспоминаниях бывший секретарь ЦК Мир Гасан Сеидов свидетельствует: "Многие из руководящего состава аппарата ЦК, даже некоторые секретари ЦК, не столько уважали его, сколько боялись. Многие из них старались не вступать с ним в личный контакт..."³⁸. Но если личный контакт Багирова со Сталиным в обход окружения Сталина вызывал раздражение аппаратчиков, то у Сталина доверие к Багирову росло. Подтверждением этому служит тот факт, что именно Багирову в 1942 г. Сталин поручил формирование высшего руководства Дагестана на уровне первого и второго секретарей областного комитета партии. И предложения Багирова были приняты. В результате посланные из Азербайджана в Дагестан на работу Азиз Алиев и Аршавир Агабабов заняли, соответственно, посты первого и второго секретарей обкома партии .

Свидетельством доверия Сталина к Багирову в годы войны стало его решение в связи с военной неудачей на Керченском полуострове в 1942 г. Это событие достаточно подробно получило освещение в военно-исторической и художественной литературе. Известно, что крымско-керченская неудача была связана с самоуправными действиями представителя Ставки Верховного Главнокомандования в Крыму Льва Мехлиса, который, пользуясь особым расположением к нему Сталина, подменил армейское командование фронтом, принял с военно-оперативной точки зрения неоправданное решение. В результате части Красной Армии понесли огромные потери, а Крымский полуостров вместе с Керченской его частью был полностью оккупирован врагом. Но в советской литературе умалчивалось о том, что воинские части, выполнявшие бездумные указания Мехлиса, были в основном укомплектованы азербайджанцами. Неудача на Керченском полуострове обернулась гибелью и пленением тысяч азербайджанцев. Мир Гасан Сеидов свидетельствует, что об этом стало

известно Багирову, который подробно информировал Сталина. Раздосадованный Сталин отозвал Мехлиса с фронта⁴⁰. А между тем Мехлис считался одним из самых доверенных лиц, если не в самом близком, то во всяком случае в одном из самых близких к Сталину кругах. Но Багирову Сталин в данном случае доверился в большой степени. И это говорит о многом.

Существует версия, будто бы в годы войны Сталин, планируя выселение с Кавказа ряда народов, хотел включить в "черный" список и азербайджанцев. И лишь упорное противодействие Багирова, в конце концов, заставило Сталина отказаться от этой затеи. Насколько это соответствует истине - сказать трудно, поскольку письменные свидетельства на этот счет нам не известны. Но не исключено, что такая сумасбродная идея могла прийти в голову Сталину. И отказ от нее, в этом случае, мог последовать лишь при наличии твердой позиции Багирова. А в отсутствии характера Багирова обвинить сложно. Вообще патриотическое, национальное начало в характере и позиции Багирова присутствовали. Трудно представить, что он не вступился бы за республику и народ, который он представлял. Об этом свидетельствует и его отношение к проблеме Южного Азербайджана в период войны и в первый год после ее окончания. Багиров твердо уверовал в сказанные ему Сталиным слова, который, по свидетельству Мир Гасана Сеидова, заявил: "Надо исправить ту историческую ошибку, которую допустил русский император Александр I и воссоединить обе части Азербайджана"⁴¹. В монографии Джамиля Гасанлы "Советско-американо-английское противостояние в Южном Азербайджане (1941-1946 г.г.)" на многочисленных примерах убедительно показана большая роль М.Д.Багирова в мобилизации потенциала Азербайджанской ССР для достижения этой задачи⁴². Факты свидетельствуют, что Багиров был вдохновлен идеей объединения Азербайджана и делал все от него зависящее.

Неудача в реализации этой идеи явилась тяжелым потрясением для Багирова. Мир Гасан Сеидов свидетельствует: "В два часа ночи зазвонил телефон. Это был помощник Сталина Поскребышев: "Где Багиров? Целых полчаса я не могу его найти. Пожалуйста, найдите его, и пусть срочно позвонит Сталину". Я тут же соединился с Багировым в Загульбе, рассказал ему обо всем этом и попросил срочно приехать в город... Через полчаса его машина была у первого подъезда... Он волновался изрядно... Багиров поднял трубку и попросил соединить коммутатор Кремля. Через секунды две ответил сам Сталин и без предисловия сказал: "Мы вынуждены вывести войска из Ирана, подготовьте и дайте Ваши предложения, что надо делать в этой связи..." Багиров умоляющим голосом просил Сталина не делать этого, только-только дела там идут на лад, вся наша работа пойдет насмарку, погибнет это движение, это большое дело в истории нации. Но Сталин

настаивал на своем. Багиров еще два раза настоятельно просил его не выводить войска из Ирана. После этого диалога, который длился больше двадцати минут, Сталин сказал: "Это приказ, надо его выполнять... Мы начать новую войну не можем...".

Багиров дрожащей рукой повесил трубку, схватился за голову, не мог говорить, потом повторял: "Что за трагедия, что там будет. Кавам (премьер-министр Ирана - Э.И.) всех погубит, он явно обманул Сталина". Не верить в искренность патриотического порыва М.Д.Багирова нет оснований. Правда, порыв этот был блокирован статусом Багирова. Но и другого выхода, кроме как подчиниться воле Сталина, у него не было.

Такова была судьба всех, даже самых патриотически настроенных по отношению к своей малой Родине наместников советской империи. Выйти за рамки отведенных полномочий им не было суждено ни при Сталине, ни после него. И в рамках полномочий они призваны были прежде всего претворять в жизнь указания московского центра, быть может, самые нелепые и даже бесчеловечные. В этой связи в массовом сознании имя М.Д.Багирова часто ассоциируется с размахом политических репрессий в республике в 1937-1938 гг.

Существует точка зрения, что именно государственный террор тех лет в СССР в Азербайджане достиг наибольших масштабов. Исследователи и публицисты приводят по этому поводу разные цифры. Но я думаю, что и сегодня определить точное количество репрессированных по политическим мотивам крайне сложно. Не смогли подвести итог и по всему Советскому Союзу. И вряд ли это можно будет сделать в будущем. Дело в том, что в данном случае речь идет не только об осужденных, но и об их родных и близких, высланных. Приговоры выносили разные инстанции, точного учета не было. В те годы из всех приграничных районов Азербайджана, от Джульфы до Астары, были высланы в Казахстан члены семей всех лиц, которые были отнесены к "политически сомнительным элементам".

И все же размах репрессий тех лет действительно позволяет по характеру отнести их к разряду государственного терроризма. Вот некоторые данные. Только таким внесудебным органом, как Особая тройка при НКВД Азербайджанской ССР, в 1937 за политические преступления были осуждены к разным срокам лишения свободы 2846 человек, а к высшей мере наказания приговорены 2215 человек. Только за антисоветскую агитацию и пропаганду были приговорены к расстрелу 1108 человек. В 1938 году Особая тройка рассмотрела дела в отношении 10 тыс. человек. Не менее, если не более масштабно действовала выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Так, эта инстанция под руководством Никитченко за 2 дня 30 и 31 декабря 1937 года рассмотрела дела на 95 человек, а в последующие дни января 1938 года эта же сессия рассматривала ежедневно от 40 до 50 дел.

Выездная Сессия под председательством Матулевича только за один день 4 июля 1938 года осудила 99 человек. Всего же эти две Сессии осудили 623 человека. Большинство из них были приговорены к расстрелу⁴⁴.

Многие дела рассматривались Спецколлегией Верховного Суда Азербайджанской ССР, военными трибуналами.

Так что в любом случае число репрессированных в Азербайджане исчислялось многими десятками тысяч. Это несомненно. Верил ли Багиров в вину каждого приговоренного? Вряд ли. Верил ли он в необходимость террора? Несомненно. Быть может, его мучили сомнения. Но он убедил себя в этом. Так же, как старались убедить себя и многие другие руководители того времени. В необходимости жесткой и даже жестокой политики убедили себя не только участники, но и жертвы террора, те, кто находился долгое время на вершине власти. Это они все вместе, будущие палачи и будущие жертвы, целенаправленно создавали ту Систему, которая, в конечном итоге, по-своему, часто по воле фортуны распределила роли в кровавом финале спектакля, названного переходным периодом строительства социализма в СССР. Здесь уж очень многое решала случайность. Багирову повезло тогда больше. Но это лишь везение. На его месте могли оказаться жертвы террора, другие руководители Азербайджана: А.Караев, Г.Мусабеков, С.М.Эфендиев и другие, и тогда мог погибнуть Багиров. Принцип - выжил, значит виновен - здесь неприемлем. Вина их всех состояла в том, что они поверили создателю Системы, который убедил их в том, что является тем самым Мессией, который один знает маршрут пути к долгожданному Светлому завтра. И мы не вправе с позиции сегодняшнего дня обвинить их всех за столь фатальное заблуждение. Ведь не только их, но и многих известных политических деятелей, писателей и публицистов и не только в СССР Сталин убедил в богоизбранности его личности. Сколько восторга вызывала личность Сталина у Рузвельта и Черчиля, Лиона Фейхтвангера, Романа Роллана, Анри Барбюса, Бернарда Шоу. Что уж тут говорить о высокопоставленных партийных функционерах советского времени, основная масса которых была выделена среди равных им и выдвинута на высоту, которая не снилась ни им, ни их предкам в самом светлом сне. Все они, в том числе Багиров, были исполнителями. И в глубокий смысл вакханалии они должны были поверить. Они и верили. Верили и в то, что там, наверху, знают, сколько людей надо осудить. В Грузии, например, первая разрядка на осуждение к высшей мере наказания предусматривала 1500 человек⁴⁵. Но это только первая. Сколько предписывалось казнить в Азербайджане - сказать трудно. Но известно, что на процессе Багирова государственный обвинитель Руденко предъявил для опознания документ, подписанный Сталиным, в котором были указаны имена людей, подлежащих уничтожению. Сколько значилось там имен, мы не знаем. Багиров старался, но разве дело было в нем? Нет,

конечно. На судебном процессе часто приводились свидетельства личного участия Багирова в пытках. Было и это. Но с 1937 года пытки были фактически узаконены. В одной из телеграмм руководителям местных партийных организаций, подписанной Сталиным, говорилось: "ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь... в отношении явных и не разоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод"⁴⁶.

Как говорится, установка не в бровь, а в глаз: подозреваемому надо доказать, что он враг, а если он не признается - заставить любым путем.

Таким образом, руководитель Азербайджана послевоенного сталинского периода был человек достаточно сложной, противоречивой судьбы, с таким же сложным, противоречивым характером. Все это соотноствовалось особенностям той исторической эпохи, современником которой ему суждено было стать.

Людам той поры приходилось постоянно ощущать огромный груз ответственности, выдержать который было очень сложно. Постоянный прессинг этой ответственности с особой силой ощущали руководители самого различного ранга.

Руководитель Азербайджана М.Д.Багиров все годы своего правления не мог не ощущать этого давления, страха перед тяжелой расплатой за возможный проступок или за поступок, который там, в Москве, может быть расценен как тяжелая непростительная ошибка или даже преступление. Все это не могло не сказываться на манере его поведения в качестве руководителя Азербайджана и в послевоенные годы. Но М.Д.Багиров сумел адаптироваться к сталинскому стилю управления. Более того, он сумел завоевать доверие Сталина. И это, в значительной мере, обеспечивало устойчивость его позиций в Азербайджане, достаточно деликатное отношение к нему со стороны московских руководителей различного уровня.

В этих условиях протекал послевоенный период правления М.Д.Багирова в Азербайджане.

Источники и литература

1. Активные борцы за победу Советской власти в Азербайджане. Баку, 1960, с. 12.
2. Гасанов Дж. Черные тени "белых" пятен истории. Баку, 1991. (на азербайджанском языке); Гасанов Дж., Исмаилов Э. Тень - газета "Адабият ее инджасанат" (на азербайджанском языке), 3 июня 1988 г.
3. Антонов-Овсеенко А. Берия. М., 1999, глава 3.

4. ГАППОД ф.1, оп.122, д. 107, л.5.
5. Там же, л.3.
6. Там же, л. 13.
7. Там же, л.3.
8. Там же, л.25.
9. Там же, оп.153, д. 126, л.43.
10. Там же.
11. Там же, л.25.
12. Там же, оп.122. л.13.
13. Там же, л.9.
14. Там же, л.2 6.
15. Там же.
16. "Бакинский рабочий", 1 марта 1950 г.
17. ГАППОД, ф.1, оп.153. д. 126, л.26.
18. Там же, л.л. 51-52.
19. Там же, оп.122, л.л. 6,10,12.
20. Суд над Мир Джафаром Багировым. Баку, Азербайджанском языке), с. 15.
21. Антонов-Овсеенко А. Указ. работа, с. 73.
22. Суд над Мир Джафаром Багировым, М., с. 15.
23. ГАППОД ф.1, оп.122, д. 107, л.27.
24. Там же, л.28.
25. Там же, с. 30.
26. Там же, с. 31.
27. Суд над Мир Джафаром Багировым, М., с.31.
28. "Бакинский рабочий" 1 марта 1950 г.
29. Гасанов Дж., Исмаилов Э. Тень - газета "Адабийат ее инджасанат" 3 июня 1988.
30. Большая Советская Энциклопедия (БСЭ), 2-е издание, т.4. М., 1950, с.24-25.
31. ГАППОД ф.1, оп.331, д.22, л.4.
32. Суд над Мир Джафаром Багировым, с.29
33. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. - ж. "Вопросы истории" 1990, № 4, с. 81-82.
34. Сеидов М.Г Указ. рукопись.
35. ГАППОД ф.1, оп.253, д.25, л.203.
36. Газета "Известия", 18 января 1938 г.
37. Сеидов М.Г Указ. рукопись, с.34.
38. Там же.
39. Там же, с. 15,19.
40. Там же, с.11.

41. Там же, с.1.
42. Гасанлы Дж. Советско-американо-английское противостояние в Южном Азербайджане. Баку 2001.(на азербайджанском языке).
43. Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с.23.
44. ГАППОД ф.1, оп.331, д.23, л. 6-8.
45. Некрасов В. Тринадцать железных наркомов. М., 1995, с.199.
46. Там же, с. 196.

ГЛАВА 3

ВЛАСТЬ РЕСПУБЛИКАНСКОГО МАСШТАБА

Кому принадлежала власть в СССР? Народу - твердила советская пропаганда, поскольку эта власть во имя народа и посредством народа. Но то, что она осуществлялась не посредством народа - давно уже признано аксиомой. Применительно к условиям, когда свободные выборы во все основные органы власти отсутствовали, говорить о роли народа в формировании властных структур не приходится. Спорным выглядит и тезис о том, что власть может достаточно эффективно функционировать во имя народа и при отсутствии участия народа в формировании власти. Во всяком случае, трудно понять, в какой степени Советская власть была вправе выражать интересы народа. Но, как бы то ни было, власть существовала, следовательно были, и те, кто этой властью распоряжался.

Во все советские времена, в том числе и в рассматриваемый период, республиканская власть, как система, ассоциировалась с аппаратом Центрального Комитета (ЦК) Коммунистической партии, правительством и высшим законодательным органом - Верховным Советом.

Ведущая роль в этой властной триаде, безусловно, принадлежала аппарату ЦК Компартии Азербайджана. Особая роль центрального партийного аппарата в республике являлась логическим выражением сложившейся практики функционирования Коммунистической партии Советского Союза, составной, но отнюдь не самостоятельной и даже не автономной частью которой являлась Коммунистическая партия Азербайджана. Эта была практика фактической подмены демократических принципов деятельности командно-административными методами управления. В этих условиях в руках аппаратной части единой партии концентрировалась вся полнота власти внутри организации, в государстве и обществе.

Коммунистическая партия Азербайджана была создана в феврале 1920 года на своем I съезде в результате объединения Бакинской организации Российской коммунистической партии, подавляющую часть которой составляли русские, армяне, представители других некоренных для Азербайджана национальностей, и двух национальных большевистских организаций, одна из которых - "Туммет" - состояла из местных коммунистов-азербайджанцев, другая - "Адалет" - из коммунистов-азербайджанцев, но выходцев из азербайджанской части Ирана. Создание Коммунистической партии в Азербайджане имело целью придать намечаемому в ближайшее время поглощению Россией видимость волеизъявления азербайджанского народа, выразителем интересов которого и должна была предстать местная,

национальная, (хотя бы по названию) коммунистическая партия. Тем не менее, сохраняя все годы своего существования, до провозглашения в апреле 1920 года Советской власти в Азербайджане и в советское время название "партия", АКП(б) (Азербайджанская коммунистическая партия (большевиков) или, как она стала называться позже КПА (Коммунистическая партия Азербайджана), никогда самостоятельной партией не являлась и таковой себя не считала. Не имея своей программы и устава, она всецело руководствовалась программными и уставными документами РКП(б), ВКП(б), КПСС - Российской Коммунистической партии (большевиков) до 1925 года, Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) - до 1952 года, Коммунистической партией Советского Союза - с 1952 по 1991 годы. Неизменно во всех уставах единой общесоюзной партии, принимаемых в различные годы, полномочия коммунистических партий союзных республик определялись их статусом областных партийных организаций. Следует признать, что уставы единой коммунистической партии гораздо реалистичней выражали истинное положение вещей, чем Конституции СССР (1924, 1936, 1977 гг.) и Конституции союзных республик, в которых специально и неизменно подчеркивались суверенный характер входящих в состав общего государства субъектов советской федерации. На деле же, в условиях, когда монопольное положение в системе управления государством принадлежало Коммунистической партии Советского Союза, выразившей свою роль в знаменитой формуле об "организующей и руководящей силе", основными проводниками ее политики являлись местные партийные организации различных уровней. В этой связи широко используемое по отношению к коммунистическим партиям союзных республик понятие "партийная организация республики" ясно определяло суть дела. Таким образом, правовой статус коммунистических партий союзных республик, определяемый уставом единой общесоюзной партии, не выходил за рамки полномочий областных партийных организаций, что противоречило хотя и формальному, но юридически закрепленному суверенному статусу союзных республик. Это противоречие являлось следствием того, что именно местной партийной организации единой общесоюзной Коммунистической партии в каждой союзной республике принадлежала реальная власть, рамки которой определялись полномочиями, делегируемыми ей ее Московским центром. Собственно правовой статус Коммунистической партии союзной республики являлся едва ли не главной причиной фактического отрицания принципа суверенитета союзной республики.

Тем не менее, неверно было бы полностью отождествлять статусы партийных организаций союзных республик и областей.

Главная особенность, отличающая коммунистические партии союзных республик от обычных областных организаций Коммунистической партии,

проистекала из юридически оформленного статуса союзных республик. Этот особый статус был обусловлен рядом факторов, главным из которых было формальное признание права на существование государственного образования именно для коренной части населения республик. Надеясь, хотя и формально, союзные республики правом иметь парламент, правительство, свою Конституцию, правами и полномочиями, несколько превышающими права и полномочия областей и краев, рассматриваемых не более чем как административно-территориальные единицы, позволяя им располагать формальными атрибутами суверенного государства (флаг, гимн, герб), центральная власть страны неизменно была обеспокоена проблемой обеспечения приверженности союзных республик идее единого государства. Сохраняя за партийными организациями союзных республик название партии, центральное руководство единой партии рассматривало это не более чем как неизбежное следствие федеративного по форме устройства СССР. Но сами коммунистические партии союзных республик рассматривались в качестве важнейшего звена в системе управления союзными республиками.

Повсеместно наделяя местные партийные органы большими полномочиями в системе управления, значительно превышающими полномочия местных органов государственной власти, Москва выдвигала перед ними и особые задачи. Главная задача заключалась в поддержании усилий центральной власти, направленных на укрепление единого государства, пресечения любых проявлений центробежных тенденций.

К началу рассматриваемого периода численность членов партийной организации Азербайджана по сравнению с 1920 г. выросла в 12 раз. В рассматриваемый период, в целом, высокие темпы роста рядов КПА сохранились.

По данным на 1 января соответствующего года за 1945-1953 гг., численность коммунистов в Азербайджане выросла с 52,6 до 103,3 тыс. человек или почти в 2 раза. А вместе с кандидатами в члены КПСС численность коммунистов составила в 1953 г. 111,9 тыс. человек¹. Если учесть, что численность населения Азербайджана к началу 50-х годов едва превышала 3 млн. человек, из которых около половины составляло взрослое население, то легко придти к выводу, что коммунисты составляли все более значимую часть в составе наиболее зрелых, активных возрастных групп населения. Косвенным подтверждением этого служат следующие показатели: за 1945-1953 г.г. общая численность коммунистов (вместе с кандидатами) выросла на 42,2 тыс. человек, в том числе лиц в возрасте 31 -40 лет - на 11,0, в возрасте 41-50 лет - на 16,7 тыс. человек, в возрасте 51-60 лет - на 7,3 тыс. человек.² Повышение удельного веса коммунистов в составе населения и, прежде всего, среди наиболее трудоспособной его части, свидетельствовало о политике, направленной на усиление политизированности населения,

увеличении той его части, политическая ответственность которой значительно возрастала при переходе из разряда беспартийных в категорию членов партии. И хотя в условиях тех лет каждый человек ощущал груз политической ответственности, который накладывала на него Система, членство в Коммунистической партии существенно увеличивало бремя этой ответственности. Вот почему партия была заинтересована в увеличении своей численности за счет всех социальных слоев населения и, прежде всего, работающей его части.

Коммунистическая партия, неизменно подчеркивая, что она является прежде всего партией рабочего класса, что политическую основу государства составляет союз рабочего класса и колхозного крестьянства, была заинтересована в увеличении в партии удельного веса рабочих и колхозников. Но, вопреки этому, численность рабочих и колхозников росла крайне медленно. В результате, если в 1945 г. удельный вес рабочих в партии составлял 17,1%, а колхозников - 24,3%, то в 1953 г., соответственно 18,1% и 20,4%. В то же время доля служащих возросла с 51,5 до 58,5%.³ Стремление к вступлению в ряды коммунистов и, следовательно, согласие на возрастание своей политической ответственности, служащие обнаруживали с большей готовностью, чем рабочие и крестьяне. И это естественно. Если для служащих вступление в партию сопровождалось возрастанием их должностного положения в обществе или увеличивало шансы на это в обозримом будущем, то членство в партии мало что меняло в положении рабочих и крестьян. И закономерно, что наибольшую тягу к вступлению в ряды коммунистов обнаруживали дипломированные специалисты, иными словами, те, кто с большим основанием мог рассчитывать на продвижение в должностной иерархии. Так, в 1945 г. 5261 человек с высшим образованием являлись членами партии, а в 1953 г. - 11896. Иными словами, численность коммунистов с этим образовательным цензом выросла в 2,2 раза или в несколько большей степени, чем общая численность коммунистов.

Медленное увеличение численности рабочих и крестьян в составе партии отмечалось в материалах сентябрьского (1946 г.) пленума ЦК Компартии Азербайджана. Правда, это объяснялось как результат слабой работы партийных организаций "по отбору в партию политически выросшего актива".⁴ И, тем не менее, именно существенным изменением в соотношении удельного веса рабочих и крестьян, с одной, служащих - с другой стороны, можно объяснить сокращение приема в партию в Азербайджане, начиная с 1949 года. Так, если в 1948 году численность кандидатов в члены партии составила 16,2 тыс. человек, то в 1949 г. - 11,4, в 1950 г. - 7,5, в 1951 г. - 6,2 тыс. человек.⁵ Тем самым партийные руководители республики пытались ограничить приток в ряды партии служащих.

Существование проблемы регулирования социального состава коммунистов сказывалось на национальном составе партийной организации и на удельном весе женщин. Если азербайджанцы неизменно составляли более половины населения республики, то во все довоенные годы, несмотря на принимаемые меры, их удельный вес среди коммунистов не достигал и половины. В 1945 году азербайджанцы составляли 47,0% коммунистов в республике. И в последующие рассматриваемые нами годы этот показатель хотя и возрос, но несущественно. В 1953 г. он составил 49,0%.⁶ Столь медленный рост числа азербайджанцев в составе партийной организации республики являлся прямым следствием разницы в социальной структуре национальных групп населения Азербайджана. Армяне, русские, представители других национальных групп, проживающие в Азербайджане, среди которых доля служащих была выше, чем у азербайджанцев, а удельный вес рабочих и особенно крестьян значительно ниже, по-прежнему составляли весомую часть коммунистов республики. В свою очередь, особенности роста численности и национального состава партийной организации республики сказывались на притоке в ряды коммунистов женщин. Невысоким показателем удельного веса женщин-азербайджанок среди служащих, отсутствием особого рвения среди азербайджанок-рабочих и колхозников можно объяснить тот факт, что, несмотря на некоторый численный рост женщин-коммунистов за 1945-1953 гг., их удельный вес в составе партийной организации республики за этот период упал с 30,1 до 23,5%.⁷

Таким образом, в рассматриваемый период усилия, направленные на создание все более убедительного статистического фона, подтверждающего формулу о подлинно народном, рабоче-крестьянском характере партии, в Азербайджане не обнаруживали ожидаемой эффективности. Исходя из анализа социального состава, скорее можно придти к выводу о том, что Коммунистическая партия Азербайджана (даже если учесть, что ее мы не вправе называть партией) являлась преимущественно организацией служащих. Говоря о ее национальном характере, вряд ли правомерно вообще ставить вопрос в такой плоскости. Статус областной партийной организации в рамках единой всесоюзной партии, этнический состав не дают основание для этого. Состав Коммунистической партии Азербайджана в изучаемый период лишь подтверждает вывод о том, что это была обычная структура единой строго централизованной Коммунистической партии, действующей в специфических условиях союзной республики.

Как и все партийные структуры, Коммунистическая партия Азербайджана являлась широко разветвленной организацией, охватывающей все сферы жизнедеятельности государства и общества. Первичные партийные организации существовали практически во всех учреждениях, организациях, на предприятиях и их подразделениях, в колхозах, в

правоохранительных (карательных) органах, в армейских частях и т.д. Наличие уже трех коммунистов служило основанием для создания первичной партийной организации. Стремление к максимальной политизации общества, усилению партийного контроля обуславливали постоянную тенденцию к увеличению первичных партийных организаций. В 1945 г. насчитывалось 4.631 таких организаций, а в 1953 г. их число достигло уже 6.412.⁸ Это означало, что в среднем в каждой первичной партийной организации насчитывалось 17 человек. Первичные партийные организации, действуя в рамках учреждений, организаций, предприятий и т.д., в рамках этих структур хотя и обладали правом партийного, по сути, политического контроля за деятельностью администрации, не обладали правом подмены ее деятельности в сфере профессиональной. Тем не менее, значимость роли первичных партийных организаций определялась их соподчиненностью территориальным партийным организациям, которые являлись, по существу, руководящими структурами, как правило, но отношению ко всем государственным, производственным структурам, учреждениям науки, культуры, образования, расположенным на данном конкретном территориально-административном пространстве. В первые послевоенные годы в Азербайджане такими партийными структурами были районные, городские, областные и республиканская. По данным на начало 1947 года, в Азербайджане за пределами Баку по числу сельских районов насчитывалось 71 сельских и 19 городских районных комитетов партии. Кроме того, существовали городские комитеты партии в Баку, Кировабаде, Шеки. В последующие годы возникли Сумгаитский, Мингечевирский, Али-байрамлинский городские комитеты. Из 71 сельских районных комитетов партии по 5 находились в непосредственном подчинении областных комитетов партии - Нахичеванского и Нагорно-Карабахского.⁹

Районные и городские комитеты партии избирались на соответствующих партийных конференциях, делегатами которых являлись представители первичных партийных организаций. Делегатами Бакинской и Кировабадской городских, Нахичеванской и Нагорно-Карабахской областных партийных организаций являлись представители районных партийных организаций, избранные на конференциях тех районов, которые административно входили в состав Баку, Кировабада и двух областей. На конференциях всех уровней, помимо обсуждения результатов работы партийной организации, центральное место занимали выборы секретарей и членов бюро районных, городских и областных комитетов партии. Их трудно было назвать выборами. Так же, как и выборы районных, городских и областных партийных комитетов, которые избирали секретарей и членов бюро. Численность предлагавшихся кандидатур точно соответствовала намеченному к избранию количеству. Речь шла, по существу, об избрании

списком. Но партийные руководители порой предпочитали высказывать недоумение по этому поводу, изображая из себя этаких сторонников широкой партийной демократии. Так, в 1950 г., выступая на одном из совещаний с секретарями райкомов партии, Багиров предлагал: "Я все-таки сторонник того, чтобы люди сами намечали список, и пусть этот список потом товарищи обсудят... О количестве кандидатур. Если вы хотите выбрать в руководящий орган 31 или 33 человека, то пусть в списке будет 40 человек. Причем персонально пусть каждого обсуждают... Не будет беды в том, что 7 человек выпадет". Любопытно, верил ли Багиров в то, что такое возможно? Вряд ли. Ведь и сам он предлагаемому правилу никогда не следовал. Заранее составленные точные списки для избрания являлись неперенным атрибутом проведения партийных форумов всех уровней. И тон в этом задавала Москва. В этой связи из ряда вон выходящий случай произошел в 1952 году на XIX съезде КПСС, когда в результате технической ошибки из заранее составленного списка членов и кандидатов в члены ЦК выпала фамилия Маршала Советского Союза Говорова. После съезда на места было направлено письмо с предложением проголосовать за маршала пост-фактум опросным путем. Такое письмо пришло и в Азербайджан и делегаты съезда от республиканской партийной организации поставили свои подписи в знак согласия на избрание Говорова кандидатом в члены ЦК.¹¹

Списки избираемых членов бюро заранее составлялись и согласовывались в аппарате ЦК Компартии Азербайджана, а затем спускались для голосования делегатам конференций. И хотя голосование было "тайным", редко когда кто-либо мог посметь вычеркнуть ту или иную фамилию. Предлагаемый список рассматривался как директива, малейшее несогласие с которой могла быть расценена как политическая провокация со всеми вытекающими последствиями. В "тайное" голосование мало кто верил. Избранное таким образом бюро из 10-15 человек избирало руководителей аппарата райкома, горкома или обкома. Избирало опять же на безальтернативной основе, но уже открытым голосованием. При этом выдвижение главных руководителей - секретарей, и, прежде всего, первого секретаря, осуществлялось представителем аппарата ЦК Компартии Азербайджана, который ссылался на мнение ЦК, которое присутствующие воспринимали как директиву. Избранный таким образом первый секретарь становился представителем ЦК, наделенным в масштабах данной территории широкими полномочиями, в первую очередь, при решении кадровых вопросов, оформляя их, впрочем, и все другие постановления бюро или общих собраний членов райкома, горкома или обкома, называемых пленумами.

Декоративная демократия находила свое выражение и при формировании Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана.

ЦК коммунистических партий союзных республик, согласно уставу единой партии, избирались на съездах. Съезд считался высшим органом партийной организации республики. Последний довоенный XVI съезд Компартии Азербайджана был проведен в 1940 г. В первые послевоенные годы партийные съезды в Азербайджане, как и в целом по стране, не проводились.

Согласно уставу единой партии, съезд ВКП(б) должен был проводиться раз в четыре года, а съезды коммунистических партий союзных республик - каждый год. Но, вопреки уставу, очередной съезд КПСС был проведен лишь в 1952 году, а очередной съезд Коммунистической партии Азербайджана - в 1949 г. Можно предположить, что Сталин, как никто другой, знал истинную цену этих съездов, понимая их формально-декоративный характер и при этом зная, как дорого обходится это ритуальное мероприятие, не спешил в тяжелое послевоенное время давать санкцию на их проведение. Но Сталин вовсе не намерен был отказываться от самой традиции, отдавая должное пропагандистскому смыслу проведения съездов. Поэтому, видимо, согласие на проведение съездов в республиках в конце концов было дано. В 1949 году был проведен XVII, в 1951 г. - XVIII, в 1952 г. - XIX съезды Коммунистической партии Азербайджана. Делегаты на эти съезды, как впрочем и до и после этого, избирались на конференциях районных, городских и областных комитетов партии. Впрочем, и в данном случае об избрании можно говорить условно, поскольку речь шла о заранее подготовленных и согласованных в аппарате ЦК списках. Содержание работы съездов, речи делегатов, принятые решения свидетельствуют об их запрограммированности. Ни о какой коллегиальности выработки решений, деловом обсуждении проблем не может быть и речи. Съезды рассматривались как очередная необходимая акция систематически реализуемой политики утверждения в сознании людей чрезвычайной роли партии и ее вождя Сталина в жизни страны и проходили под мощный аккомпанемент славословий в адрес Сталина, партии, Советской власти.

В конце съезда проходили выборы в ЦК, который призван был осуществлять руководство по осуществлению принятых съездом решений. Для этого регулярно созывались пленумы ЦК.

На послевоенных (1949-1952 г.г.) трех съездах Компартии Азербайджана избиралось или, вернее, назначалось каждый раз 75 членов и около 30 кандидатов в члены ЦК.¹²

В составе ЦК, помимо партийных, советских и хозяйственных руководителей, были и рабочие, колхозники, представители интеллигенции.

Тем самым состав ЦК как бы утверждал народный характер Коммунистической партии. На самом деле, ЦК давно утратил (если когда-либо вообще осуществлял) роль коллегиального органа. Правда, пленумы ЦК Компартии Азербайджана, в отличие от пленумов ЦК ВКП(б), собирались регулярно. Нелишне напомнить, что за 1946-1953 годы пленумы ЦК ВКП(б) созывались лишь трижды: в феврале 1947 года, накануне XIX съезда ВКП(б) в 1952 году и сразу же после XIX съезда партии. Сталин, по-видимому, не считал для себя обязательным выполнение уставной нормы, предусматривающей регулярный созыв пленума ЦК всей партии. Но кто мог поставить ему это в вину при жизни? Это спустя много лет после его смерти Хрущев, а вслед за ним и другие руководители страны и поддакивающие им ученые и публицисты без устали обвиняли Сталина в нарушении устава, нежелании созывать пленумы, ЦК, да и съезды партии. С формальной точки зрения обвинения, хотя и запоздалые, но обоснованные.

С точки же зрения сталинской логики и здравого смысла пленумы давно потеряли какое-либо значение. В партии и стране, где воля одного человека определяла политику, где давно отказались от практики публичного изложения самостоятельных суждений, где не допускалась сама возможность существования альтернативной сталинскому мнению мысли, проведение съездов и пленумов в установленные Уставом сроки представлялось излишней тратой времени и средств. Сталину позволительно было отказаться от практики регулярных созывов пленумов ЦК ВКП(б). Но то, что позволено Юпитеру, говорили древние римляне, непозволительно Быку. Местные Юпитеры, обладающие "бычьими" полномочиями, обязаны были почитать Устав и следовать ему. В противном случае в нужный момент им могли напомнить об этом. С начала 1946 года по март 1953 года было проведено 18 пленумов ЦК Компартии Азербайджана. Если в 1946 году был проведен лишь один пленум, то в последующие годы проводилось не менее двух пленумов в год. Любопытно, что, как правило, сообщения в печати о пленумах начиналось словами: "На днях состоялся Пленум ЦК КП(б) Азербайджана". Точная дата проведения пленума не указывалась. Причем, сообщение публиковалось лишь спустя несколько дней после завершения пленума. В данном случае следовало заимствование формы, практикуемой Москвой. Так, например, сообщалось в печати о февральском (1947 г.) пленуме ЦК ВКП(б). Такая форма как бы подчеркивала особую конфиденциальность пленума, а, следовательно, его политическую значимость. Из Москвы заимствовался и выбор докладчиков по основным вопросам повестки дня пленумов.

Сталин давно уже отказался от выступлений на пленумах в качестве основного докладчика. Он выступал лишь в конце, как бы подводя итоги работы пленума. Такая форма была использована и М.Д.Багировым. Ни на

одном из пленумов ЦК Компартии Азербайджана в послевоенные годы он не выступал в качестве докладчика по вопросам, включаемым в повестку дня. И лишь в конце работы пленума он выступал с пространной речью, касаясь всех вопросов, затронутых докладчиками и участвовавших в прениях по докладам.

Пленумы ЦК Компартии Азербайджана, как видно, проводились достаточно часто. На 18 пленумах в повестку дня работы были включены в общей сложности 33 вопроса. Тематически вопросы повестки дня пленумов можно распределить следующим образом: 18 вопросов связаны непосредственно или преимущественно с темой развития сельского хозяйства, 12 посвящены кадровым и организационным вопросам, 2 вопроса работы пленумов касались проблем пропагандистской и агитационной работы, 1 вопрос был посвящен выборам в местные советы.¹³

Как видно, самыми популярными темами работы пленумов были вопросы развития сельского хозяйства и кадров. Это вполне соответствовало негласному функциональному распределению обязанностей между ЦК и Бакинским комитетом (БК) Компартии Азербайджана.

Вопросы промышленного развития и, прежде всего, развития нефтяной промышленности как бы отходили в сферу влияния Бакинской партийной организации.

Такая традиция брала свое начало с 20-х годов, когда Москва рассматривала именно Бакинскую парторганизацию как свою опору в Азербайджане, отводя ЦК Компартии Азербайджана роль руководящего органа за пределами Баку. Такой подход был обусловлен выделением Москвой особого приоритета в пакете тех интересов, который она имела по отношению к Азербайджану. Этим приоритетом была нефть. Бакинская партийная организация по своему, преимущественно неазербайджанскому, включая ее руководящие органы, составу внушала Центру больше доверия, нежели ЦК Компартии Азербайджана с ее преимущественно азербайджанским руководящим кадровым составом. Этим же можно объяснить, что и функции первого лица в ЦК и БК Компартии Азербайджана, вплоть до 1933 года, замещались неазербайджанцами, причем, чаще всего специально командированными для этой цели из Москвы. Тем не менее, на протяжении 20-х - начала 30-х годов особый статус Бакинского горкома партии в какой-то мере выводил его из подчинения ЦК Компартии Азербайджана, что вызывало недовольство последнего. Став первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, М.Д.Багиров сумел добиться согласия Москвы на свое назначение и на должность первого секретаря Бакинского Комитета. Это позволило ему вскоре "приручить" и Бакинскую парторганизацию. Но последствия некогда особого положения Бакинского горкома находили свое отражение и в послевоенные годы в разнице тематик

повестки дня пленумов ЦК и БК. Во всяком случае, на пленумах Бакинского горкома ведущее место при обсуждении занимали проблемы индустриального развития и, прежде всего, нефтяной промышленности.

В период между пленумами ЦК руководство партией было призвано осуществлять бюро ЦК Компартии Азербайджана, персональный состав которого определял пленум ЦК. Он же обладал полномочиями внесения изменений в состав бюро ЦК. Состав бюро ЦК предусматривал включение в него наиболее значимых должностных лиц республики: секретарей ЦК, председателя Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики, некоторых заместителей председателя правительства, второго секретаря Бакинского комитета партии, министра государственной безопасности и в ряде случаев других должностных лиц. В 1949 г., сразу после первого послевоенного съезда Компартии Азербайджана, членами бюро ЦК были избраны секретари ЦК М.Д.Багиров, М.Г.Сеидов, С.Кафарзаде, Г.Мамедов, Г.Гасанов, второй секретарь Бакинского горкома А.Малютин, председатель Совета Министров Т.Кулиев, министр государственной безопасности С.Емельянов, министр иностранных дел М.Алиев и другие. Сразу после ХУНТ съезда в 1951 г. членами бюро ЦК стали секретари ЦК М.Д.Багиров, М.Т.Ягубов, С.Кафарзаде, Г.Гасанов, Т.Аллахвердиев, второй секретарь Бакинского горкома Малютин, председатель Совета Министров Т.Кулиев, его первый заместитель М.Г.Сеидов, председатель президиума Верховного Совета Н.Гейдаров, министр государственной безопасности С.Емельянов, редактор республиканской газеты "Коммунист" (на армянском языке) А.Амирханян.

В 1952 г., в связи созданием двух областей - Бакинской и Гянджинской, учреждаются два новых областных партийных комитета. В этой связи структура управления республиканской партийной организации претерпела некоторые изменения. Сократилось число секретарей ЦК - до 4 вместо 5. Несколько упал престиж поста первого секретаря Бакинского горкома. М.Д.Багиров тотчас отказался от этой должности. Зато более авторитетными стали считаться должности первых секретарей новообразованных обкомов. В эти области на ведущую партийную и советскую работу были переведены М.Т.Ягубов, М.Г.Сеидов, Т.Аллахвердиев. После этого состав бюро ЦК выглядел следующим образом: секретари ЦК М.Д.Багиров, В.Самедов, М.Алиев, Ю.Абдуллаев, первый секретарь Бакинского обкома М.Т.Ягубов, первый секретарь Гянджинского обкома И.Мустафаев, председатель Совета Министров Т.Кулиев, его первый заместитель М.Аллахвердиев, председатель президиума Верховного Совета Н.Гейдаров, министр государственной безопасности С.Емельянов, председатель республиканского Совета профсоюзов З.Керимова, редактор республиканской газеты "Коммунист" (на армянском языке) А.Амирханян.

Бюро ЦК регулярно обсуждало (не реже одного раза в неделю) текущие вопросы партийной, хозяйственной, идеологической жизни республики, кадровые вопросы. Решения бюро ЦК оформлялись затем как постановления ЦК Компартии Азербайджана или совместные постановления ЦК и правительства. На этом основании издавались приказы руководителей министерств и ведомств. Решения бюро ЦК являлись окончательными и подлежали неукоснительному исполнению законодательной и исполнительной властью на всех уровнях.

Пожалуй, трудно назвать какой-либо более или менее важный для жизни республики вопрос, который не становился бы предметом обсуждения на бюро ЦК. Их было так много, что порой одно заседание с перерывами продолжалось по несколько дней и каждый раз по несколько часов.

Вот лишь несколько примеров из практики заседаний бюро ЦК в 1946 году - заседаний 17-24 января и 25-29 января. Обсуждаемые вопросы: утверждения начальников отделов министерства государственной безопасности, об отпуске чистых бланков партийных документов областным, городским и районным- комитетам партии, об утверждении директоров детских домов, о тематическом плане Бакинской киностудии, рассмотрение персональных дел исключенных из партии и т.д. И на каждое заседание приглашаются большое число лиц, имеющих отношение к рассматриваемым вопросам, но не являющихся членами бюро ЦК.¹⁴

Сами заседания бюро ЦК мало походили на коллегиальный орган. Здесь все решало отношение к рассматриваемому вопросу одного лица - первого секретаря ЦК, выступающего в качестве главного арбитра, а часто государственного обвинителя. Все остальные участники, включая членов бюро, скорее походили на ответчиков на судебном процессе, чем на равноправных участников делового обсуждения. Ведущим был первый секретарь ЦК, он задавал тон и, как правило, не допускал и мысли о возможности высказываний, противоречащих его позиции. По существу, заседания бюро ЦК подтверждали декларативный характер партийной демократии, в точной копии отражающей формальный характер принципов советской демократии в целом.

В этих условиях, когда съезды, заседания ЦК и даже его бюро являлись не более чем рудиментами некогда существовавшей партийной демократии, функции руководящего органа осуществлял постоянно функционирующий орган - аппарат ЦК, который осуществлял разработку вопросов текущей работы, подготовку материалов для принятия решений, готовил проекты решений как ЦК, так и его бюро, определял и строго контролировал кадровую политику как во всех партийных, так и во всех государственных и хозяйственных организациях, учреждениях, готовил на утверждение съездов списки членов и кандидатов в члены ЦК. При этом

многие работники аппарата ЦК являлись членами ЦК. Понятие аппарата ЦК и самого ЦК были слиты воедино. По существу, аппарат ЦК подменил ЦК, полностью узурпировав его полномочия.

Такая система функционирования Коммунистической партии, которая в основных чертах сохранилась и в послесталинский период, свидетельствовала не о монополии партии на власть, как это часто утверждалось в литературе перестроечного и постперестроечного периода, а о монополии власти аппаратной части Партии, имея в виду ее администрацию в лице аппарата ЦК и администрацию на местах в лице аппаратов обкомов, горкомов, райкомов.

В этих условиях достаточно велика была власть главных руководителей аппаратной части партийных органов. В масштабах союзных республик ими были секретари ЦК. Самым влиятельным и авторитетным являлся первый секретарь ЦК. Но наряду с ним до 1952 г. в ЦК Компартии Азербайджана было еще четыре, а в 1952-1953 гг. три секретаря, причем один из них считался вторым секретарем. Если первый секретарь осуществлял общее руководство, то секретари ЦК, включая второго, осуществляли партийное руководство отдельными сферами развития: промышленностью, сельским хозяйством, кадрами, идеологией. Секретари ЦК среди многих других носителей власти выделялись большим объемом властных полномочий, возможностями влияния на кадровые решения, большой ролью в решении судеб людей.

С 1944 по 1946 гг. вторым секретарем ЦК являлся Алиашраф Ализаде. В 1946 г. на этом посту его сменил Мир Гасан Сеидов, который оставался на этой должности до 1950 г. В том же году он уступил свое место Мир Теймуру Ягубову, которого, в свою очередь, в 1952 г. сменил Виталий Самедов. "Ненумерованными" секретарями ЦК в рассматриваемые годы относительно длительное время являлись Султан Кафарзаде (до 1952 г.), Гасан Гасанов (до 1952 г.), Газанфар Мамедов (до 1951 г.). Должности секретарей ЦК занимали в те годы, правда недолго, также Тофик Аллахвердис (1951-1952 г.г.), Юсиф Абдуллаев (1952-1953).

При сличении служебных характеристик этих людей обнаруживается определенная закономерность. Сравним некоторые из них.

Султан Кафарзаде родился в 1908 г. В партию вступил в 1927 г. В середине 30-х годов выдвигается на руководящую партийную работу. В 1939 г. становится секретарем Бакинского горкома, а с 1941 г. - секретарем ЦК.¹⁵

Гасан Гасанов родился в 1904 г. В 1928 г. вступил в партию. Во второй половине 30-х годов переводится на руководящую партийную работу, а затем становится секретарем ЦК.¹⁶

Газанфар Мамедов родился в 1905 г. В партию вступил в 1931 г. Выдвинут на руководящую партийную работу во второй половине 30-х годов. С 1942 г. - секретарь ЦК.¹⁷

Общее в этих биографиях - не принадлежность их носителей к участникам революционного движения, к так называемым "борцам за победу Советской власти в Азербайджане", их вступление в большевистскую партию в годы, когда новая власть достаточно прочно утвердилась в стране и достаточно стремительный служебный взлет относится ближе к концу 30-х годов. В возрасте 30-35 лет они становились одними из ведущих партийных руководителей Азербайджана. Такие же приблизительно особенности характеризуют биографические данные Мир Гасана Сеидова, Мир Теймура Ягубова, Али Ашрафа Ализаде и других секретарей ЦК тех лет. Это была новая, по сравнению с поколением высших партийных руководителей Азербайджана 20-х - первой половине 30-х годов, генерация. В Азербайджане среди последних преобладали те, кто в той или иной степени был сопричастен к победе Советской власти в Азербайджане. Среди них были и коммунисты со стажем пребывания в партии до 1917 г. У всех у них была одна, роднившая их особенность: они пришли к большевизму в сложные годы, когда их выбор был сопряжен с большим риском. И каждый из них, высоко оценивая свои заслуги, считали вправе претендовать на особое положение в системе власти. Такие люди становились опасными в тех случаях, когда их амбиции неадекватно воспринимались распорядителями власти. Но самым опасным для формируемого Сталиным тоталитарного режима являлась затаившаяся способность этих людей в определенных условиях выразить свое недовольство. Массовые репрессии 1937-1938-годов своим острием были направлены против этого поколения - поколения, которое почитало себя создателями новой Системы. Но Система, по своей сути, отвергала саму возможность считаться с особым статусом своих - создателей. Она лишала иммунитета неприкосновенности всех, кто считал себя соучастником ее создания, отвергала саму мысль об институте соучастия, признавая авторское право лишь за одним. В этом состояла главная особенность сталинской Системы. Поэтому поколение, считавшее себя соучастником создания сталинской Системы, должно было погибнуть. Расширив в 1936-1938 гг. рамки террора, проводившегося непрерывно на всем протяжении 20-30 гг., уничтожив старшее поколение партийцев, Сталин в кадровой политике отдал предпочтение новому поколению - тем, кто уже мог считаться генетическим порождением Системы. Это поколение формировалось Системой, которое страхом и убеждением внедряло в его сознание идею о своей непогрешимости. Главное, что должно было составлять менталитет этого поколения - отсутствие сомнения в правильности политики, спускаемой сверху, слепое следование в ее

фарваторе. Новое поколение партийных кадров было именно таким. Заняв кадровые пустоты, образовавшиеся после опустошительных репрессий, эта генерация новых руководителей глубоко осознала свою зависимость от новой Системы, ощущала признательность по отношению к ней и ее создателю. И это было главным в ее менталитете. Страх постоянной угрозы утратить приобретенное положение превратил их в ретивых исполнителей директивных предписаний, предопределял их полный отказ от проявлений собственной инициативы, держал их в постоянном напряжении. Такой тип руководителей, неспособный на открытое выражение недовольства и, тем более, протеста, вполне соответствовал характеру сложившейся Системы, отвергающей любые формы и попытки ревизии проповедуемых и утверждаемых ею догматов.

Этот тип функционеров обязан был постоянно демонстрировать подобострастное отношение к вышестоящему руководителю, подчеркивать свое вассальное положение по отношению к нему и в то же время внушать нижестоящим функционерам их вассальное положение по отношению к себе. Тем не менее, в отличие от феодального принципа "вассал моего вассала - не мой вассал", в условиях сталинской системы господствовал принцип "вассал моего вассала - мой вассал", при котором первое лицо в иерархической партийной системе на республиканском, краевом и областном уровнях получал возможность безграничного манипулирования кадрами, тем самым приобретая абсолютную власть в системе управления. Правда, эта власть не была бесконтрольной, поскольку она являлась лишь точной копией сложившейся в масштабах единого государства модели управления. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана М.Д.Багиров по характеру своего положения в иерархической структуре единой общесоюзной партии ощущал свою соподчиненность по отношению ко многим высшим партийным функционерам Москвы. Но основным его сюзереном являлся Сталин, от которого зависело сохранение Багировым своего исключительного положения в Азербайджане.

В послевоенные годы М.Д.Багиров пытался консолидировать кадровый состав секретарей ЦК вокруг своей персоны. Шансы для этого у него были неплохие. Ведь все секретари ЦК той поры были его выдвиженцами. Их авторитет и влияние в значительной степени зависели от его отношения к ним. Но такая консолидация вряд ли устраивала Сталина и высшее партийное руководство Москвы. Сталинские методы управления республиками преследовали задачу постоянно держать в напряжении своего наместника. Лучшим средством поддержания такого напряжения была угроза его смещения, имея в виду наличие в ближайшем окружении потенциального, достойного приемника. Мир Гасан Сеидов в своих воспоминаниях пишет, что в бытность его вторым секретарем ЦК Компартии

Азербайджана ему в Москве в аппарате ЦК ВКП(б) неоднократно намекали, что он рассматривается высшим руководством страны как возможный и реальный преемник Багирова.¹⁸ Не исключено, что и Багирову там же, в Москве, неоднократно говорили об угрозе его положения, исходящей из его ближайшего окружения. Этим можно объяснить достаточно частую смену лиц на должности именно второго секретаря ЦК, ибо второй секретарь ЦК рассматривался как "дублер" первого.

Вполне вероятно, что кто-то из секретарей ЦК и поддавался на в общем-то нехитрые уловки Москвы. Это создавало нервную обстановку в секретариате ЦК, вызывало интриги между секретарями ЦК, охлаждение отношений первого секретаря к другим секретарям. Не случайно, что из секретарей ЦК, которые в 1945 г. занимали эти должности, к 1953 г. уже на своих постах никто не работал. Москва же, постоянно испытывая нервы Багирова, по-прежнему предпочитала его другим кандидатурам.

Однако М.Д.Багиров сам предпочитал держать подчиненных, включая членов ближайшего окружения, в постоянном напряжении. При этом окрик, оскорбительные выпады и угрозы служили надежным методом обеспечения этого напряжения. Багиров мог позволить себе публичный выпад в устной форме, а нередко и в письменном изложении. Так, в 1948 г., в одной из своих записок секретарю ЦК Г.Гасанову, копия которой была отправлена всем другим секретарям ЦК и БК, он пишет: "Если сами вы не можете составить грамотный проект постановления..., прошу найти грамотного человека...".¹⁹ В 1949 г., в записке, адресованной всем секретарям ЦК, он пишет, что некую анонимку секретарь ЦК Г.Мамедов "...без своего мнения послал мне. Со стороны тов. Мамедова это не первый случай. Вообще у него своего мнения, в таких случаях, часто не бывает".²⁰ Все это звучит как приговор. И так не только по отношению к партийным и советским работникам. Он мог позволить себе сказать в отношении члена-корреспондента АН СССР Маковельского: "Подозрительный человек, неизвестно откуда он появился и стал подвизаться в Азербайджане".²¹ Мог грубо наброситься на академика Ш.Азизбекова за то, что он без согласия ЦК дал рекомендацию профессору Пустовалову для баллотирования в члены АН СССР. Мог грубо обрушиться на руководителей предприятий и учебных заведений за то, что они допустили, с его точки зрения, те или иные проступки. Обвиненной стороне позволительно было лишь каяться, что она и делала.

Секретари ЦК являлись руководителями аппарата ЦК Компартии Азербайджана - структуры, которая и обеспечивала руководство всеми сторонами жизни республики. Но это было руководство директивного характера. Непосредственное управление ходом развития экономики и культуры, правда, не всех их отраслей, осуществляло правительство (Совет Народных Комиссаров - до 1946 г., впоследствии - Совет Министров).

Согласно утвержденному в 1947 г. новому составу правительства, в него входило 34 человека: председатель, его заместители, министры, председатели государственных комитетов, уполномоченные союзных ведомств.

Особо значимыми в составе правительства должностными лицами считались председатель правительства и его заместители. Председатель и некоторые из его заместителей входили в состав бюро ЦК или являлись кандидатами в члены этого органа. Среди министров наиболее авторитетными считались руководители силовых структур: министерств государственной безопасности и внутренних дел. Министр государственной безопасности неизменно был членом бюро ЦК. Совет Министров и его аппарат работали под постоянным контролем аппарата ЦК. Секретари ЦК, заведующие отделами ЦК рассматривались как вышестоящее начальство по отношению к соответствующим должностным лицам в структуре управления Советом Министров. Практика прямых указаний работников аппарата ЦК работникам аппарата Совета Министров и аппаратов министерств была обычным явлением. Если ЦК курировал все отрасли экономики, культуры, то вне сферы управления правительства находилась значительная ее часть, прежде всего в индустриальной сфере, подчиненная министерствам союзного значения. Вне подчинения правительству находилась нефтяная промышленность. Тем не менее Совет Министров был второй по значимостью властью в Азербайджане, а его главные руководители рассматривались как одни из основных руководителей республики. Колоритной выглядела фигура председателя правительства Теймура Кулиева.

Он родился в 1896 г. Окончил Горийскую учительскую семинарию, работал сельским учителем. В революционном движении себя не проявил. Правда, в бытность его уже председателем правительства газеты писали, что в годы существования АДР "Кулиев стал принимать участие в революционном движении, ведя агитацию и распространяя революционные прокламации среди мусаватских войск. Мусаватское правительство хотело арестовать Теймура Кулиева, но он успел скрыться". Неубедительность газетной сентенции очевидна. Но не это суть важно. Уже в 1920 г. он вступил в большевистскую партию и начал работать в системе государственной безопасности.

Совместная работа, видимо, сблизила Кулиева с Багировым. И не случайно, что после назначения Багирова руководителем республики Кулиев в 1934 г. становится председателем спецколлегии Верховного Суда, а в 1936 г. - председателем Верховного Суда.²²

В 1937 г. он председательствовал на судебном процессе по делу о группе партийных, советских и хозяйственных руководителей во главе с Гамидом Султановым, обвиненных в контрреволюционной, антисоветской деятельности. Большинство из обвиняемых были приговорены к расстрелу.²³

Т.Кулиев входил в 1937-1938 г.г. в состав так называемой тройки. Его подпись стоит под приговорами в отношении 2792 человек, приговоренных к расстрелу, и 4425 - к лишению свободы.²⁴

Как бы в благодарность за выполненную "работу", Т.Кулиев в ноябре 1937 г. был назначен председателем Совета Народных Комиссаров Азербайджанской ССР, сменив на этом посту репрессированного У.Рахманова.

В отличие от руководителя правительства, кадровый состав его заместителей не был столь постоянным. В этом качестве после войны работали Ислам Исламадзе, Азизага Азизбеков, Азиз Алиев, Мирза Ибрагимов, Рза Садыхов, Юсиф Абдуллаев, Ювелиан Сумбатов - Топуридзе и другие.

Абсолютное большинство из них вступило в партию во второй половине 20-30-х годах. Их выдвижение на руководящую должность относится ко второй половине 30-х годов, когда кровавый смерч репрессий привел к образованию бесчисленных кадровых пустот в высших эшелонах власти.

Биографии высших руководителей правительства весьма напоминали биографии высших руководителей партийной организации республики.

Этих людей, в отличие от их предшественников, формировала Система, а не они ее создавали. Что касается конкретных персоналий, то выдвижение и дальнейшее продвижение определялось выбором М.Д.Багирова. Это была его прерогатива. И он, естественно, отдавал предпочтение тем людям, которым доверял.

Среди заместителей председателя правительства Азербайджана особое место принадлежало Ювельяну Сумбатову - Топуридзе. Начав работать в органах государственной безопасности Азербайджана почти одновременно с Багировым и Берия, Сумбатов-Топуридзе в кровавом 1937 г. занимал должность народного комиссара внутренних дел республики. В начале 1938 г. он переводится на работу в аппарат НКВД СССР. Это назначение практически совпадает с переходом на работу в Москву на должность заместителя народного комиссара, а затем народного комиссара внутренних дел Берия. В работах российских исследователей обычно подчеркивается, что с переводом Берия на работу в Москву в аппарат НКВД СССР были переведены также близкие ему по совместной деятельности в Закавказье Кобулов, Меркулов, Деканозов и другие. Имя Сумбатова-Топуридзе не упоминается. Но нет сомнения, что именно Берия был обязан Сумбатов-Топуридзе за перевод в Москву. Это подтверждается тем, что он продолжал там работать все время пребывания Берия (до 1943 г.) и его преемника Меркулова (до 1946 г.) на посту главы ведомства государственной безопасности. Но с назначением министром государственной безопасности Абакумова,

который не относился к членам бериевского окружения, Сумбатов-Топуридзе, дабы, видимо, не искушать судьбу, возвращается в Азербайджан.²⁵ Покровительство Берия наверняка сыграло роль в том, что ему была предоставлена должность заместителя председателя Совета Министров Азербайджанской ССР. А то, что Сумбатов-Топуридзе вновь вернулся в Азербайджан по инициативе Берия, подтверждается и репликой Г.Маленкова на заседании Президиума ЦК КПСС в июле 1953 г., когда он заявил, что Сумбатов-Топуридзе, несомненно, является человеком Берия.²⁶ Уж Маленков, который многие годы курировал кадры в ЦК КПСС, в том числе и аппарата органов государственной безопасности, имел основание для такой реплики.

В состав Совета Министров входило немало лиц, служебная карьера которых завершилась вскоре после ухода М.Д.Багирова. Речь идет, прежде всего, о председателе - Теймуре Кулиеве, министре государственной безопасности С.Емельянове, министрах внутренних дел М.Т.Ягубове и А.Атакишиеве, министре юстиции С.Алимамедове и некоторых других. Служебной карьере некоторых членов правительства был положен конец самим М.Д.Багировым еще в бытность им руководителем Азербайджана. В числе провинившихся были первый заместитель председателя Совета Министров И.Исламзаде, заместитель председателя правительства А.Азизбеков, министр государственного контроля З.Ализаде, министр финансов М.Самедов и другие. Но была и группа руководителей правительства, которые еще долгое время после М.Д.Багирова оставались заметными фигурами в политической, общественной, научной и культурной жизни Азербайджана. Из утвержденных в послевоенные годы в качестве членов Совета Министров это относится к Мирзе Ибрагимову, работавшему министром просвещения и заместителем председателя Совета Министров, Расулу Рза, занимавшему пост министра кинематографии, министру просвящения М.Мехтизаде, министру здравоохранения К.Фараджевой, министру социального обеспечения З.Сеидмамедовой, заместителю председателя правительства, а затем министру финансов Р.Садыхову, министру текстильной промышленности, а затем министру коммунального хозяйства С.Рагимову, министрам сельского хозяйства И.Мустафаеву и И.Абдуллаеву, министру местной промышленности Д.Магомаеву и другим. В целом, если и не всем, то очень многим вышвиженцам М.Д.Багирова предстояло сыграть заметную роль в жизни Азербайджана в постсталинскую эпоху.

Во все советские времена власть, существовавшую в стране, определяли как "Советскую". Власть называли так, имея в виду, что будто бы она полностью сосредоточена в руках выборных органов разных уровней - Советах депутатов трудящихся (народных депутатов после 1977 г.). Советов

было несметное количество - сельских, поселковых, городских, районных, областных. Выборы в эти органы местной власти проводились раз в два года. Депутаты избирались на безальтернативной основе, по спискам, намечаемым в партийных органах, под аккомпанемент пропагандистской шумихи о блоке "коммунистов и беспартийных". Народное волеизъявление подтверждалось впечатляющими статистическими выкладками избирательных комиссий. Вот два типичных примера из сообщений избирательных комиссий по итогам выборов в местные Советы в 1948 г. Одно из них касалось выборов в Бакинский Совет. В нем говорилось: "В выборах приняло участие 100% зарегистрированных избирателей. Во всех 767 избирательных округах за кандидатов... голосовало 99,38% от общего числа избирателей. Против кандидатов в депутаты голосовало 0,02% от общего количества избирателей, принявших участие в голосовании... Признано недействительными 70 бюллетеней... Все избранные депутаты являются кандидатами блока коммунистов и беспартийных". Другое сообщение относится к итогам выборов в областные, районные, сельские и поселковые Советы республики. В нем сказано: "Состоявшиеся 11 января выборы в областной (Нагорно-Карабахской автономной области), районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся Азербайджанской Советской Социалистической республики проходили в обстановке всеобщего политического подъема и исключительно высокой активности избирателей... По предварительным данным в голосовании приняло участие 99,99% избирателей республики... Блок коммунистов и беспартийных одержал новую блестящую победу, показав нерушимое единство партии и народа".²⁷

После "избрания" депутаты "избирали" исполнительные комитеты Советов во главе с председателем. Исполкомы Советов были, по существу, подчинены соответствующим партийным органам.

Те же, в свою очередь, полностью узурпировав власть Советов на местах, превратили исполкомы Советов в свои структуры, занятые обеспечением руководства жилищно-коммунальными, образовательными и медицинскими учреждениями на данной конкретной территории. Так что о реальной власти Советов на местах говорить не приходится. Тем более о ней трудно говорить и в масштабах всей республики.

Верховный Совет Азербайджанской ССР считался высшей законодательной властью в республике. В послевоенные годы выборы в этот орган проводились дважды - в 1947 и 1951 гг. В ходе выборов в 1947 г., проходивших в обстановке "всенародного одобрения" предложенных населению кандидатов блока коммунистов и беспартийных, депутатами высшего органа законодательной власти стали 309 депутатов.²⁸ Состав депутатов был заранее намечен в аппарате ЦК Компартии Азербайджана. Депутатами стали пять высших московских руководителей: Сталин, Берия,

Жданов, Микоян, Молотов. "Свадебные" московские депутаты, естественно, участия в работе парламента принимать не должны были. Их введение в состав Верховного Совета Азербайджана должно было засвидетельствовать преданность азербайджанской власти московскому руководству. О том, что членство в законодательном органе носило представительный характер, являлось одной из форм поощрения, свидетельствовал состав депутатов. Депутатский статус был положен всем секретарям ЦК, всем членам правительства, всем первым секретарям обкомов, горкомов и райкомов, председателю Верховного Совета Нахичеванской АССР и председателю областного исполкома НКАО, руководителям крупнейших производственных объединений и предприятий, научных и творческих учреждений. В целом, должностные лица занимали едва ли не около половины депутатских мест. Оставшиеся места были предоставлены отличившимся на производстве высокими показателями трудовой, творческой активности представителям рабочих коллективов, колхозов, интеллигенции. При этом заранее программировался национальный состав. Русские, армяне, представители других некоренных национальностей составили около 30% (85 человек). Приблизительно столько же мест было отведено женщинам. 61 из 83 женщин являлись азербайджанками. Верховный Совет считался высшим органом государственной власти в Азербайджанской ССР и по замыслу тех, кто определял его состав, должен был олицетворять, прежде всего, власть азербайджанского народа в республике. В этой связи азербайджанцам и должно было принадлежать абсолютное большинство мест в парламенте, в относительном процентном выражении даже большее, чем составлял их удельный вес в составе населения.

Но все потуги изображения власти как подлинно народной носили сугубо декоративный и декларативный характер. В той же самой степени, в какой об этом свидетельствовал ритуал избирательного процесса. В той же степени об этом говорили форма и содержание деятельности высшего законодательного органа республики.

Верховный Совет в полном составе заседал в период краткосрочных сессий в течение 2-3 дней, на которых утверждал или принимал выносимые на так называемые обсуждения законы, избирал на первой сессии председателя президиума Верховного Совета и членов президиума, членов постоянных отраслевых комиссий, на последующих сессиях мог внести кадровые изменения в руководящих органах парламента, назначал руководителя правительства и утверждал членов правительства, санкционировал кадровые изменения в правительстве, если они имели место в период между сессиями. Пренебрежительный подход к оценке значения Верховного Совета сказывался на периодичности созыва его сессий.

Первая сессия Верховного Совета Азербайджанской ССР, избранного в 1947 г., была проведена в марте 1947 г., вторая - в июле того же года, четвертая сессия была проведена в мае 1949 г., пятая - в июле 1950 г. Как видно, особой нужды в частом созыве сессий не ощущалась. Сессии же созывались, чтобы проштамповать решения президиума Верховного Совета, оформляемые как Указы. Указы же президиума готовились в аппарате ЦК и без согласования с законодательной властью. Деятельность постоянных комиссий парламента носила формальный характер и никакой законотворческой деятельности от них никто и не требовал. Состав президиума Верховного Совета определялся заранее предусмотренными параметрами. В 1947 г. в его состав вошли председатель, два его заместителя: председатель президиума Верховного Совета Нахичеванской АССР Д.Мамедов и председатель областного исполкома Совета НКАО Е.Акопов, секретарь президиума С.Джафаров, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана М.Д.Багиров, секретарь ЦК Г.Мамедов, а всего 13 человек. Было предусмотрено представительство некоренного населения: двух русских, двух армян, женщин: одной русской - Е.Голубковой и одной азербайджанки - А.Султановой. Два члена президиума были рабочими.²⁹ Почему-то не было представлено колхозное крестьянство. Но, в целом, состав членов президиума комплектовался в духе представлений тех времен о том, как должен выглядеть руководящий орган высшего собрания народных избранных.

Самыми важными вопросами, находящимися будто бы в компетенции Верховного Совета, являлись вопросы, связанные с ежегодным утверждением государственного бюджета и утверждением отчета о его исполнении по докладу министра финансов. По этим вопросам на сессиях организовывались обсуждения. В них принимали участие многие депутаты. Но это были не прения, не деловое обсуждение представленных проектов, а часть сценария с заведомо известным концом. Любопытно, что государственный бюджет на год утверждался с большим опозданием. Так, бюджет на 1947 г. утверждался в июле 1947 г., а бюджет на 1949 г. - в мае того же года, бюджет на 1950 г. - в июле 1950 г. и т.д.

Так же, с большим опозданием утверждались отчеты об исполнении бюджета за прошедший год. А соответствующий отчет за 1947 г. был утвержден лишь в 1949 г. Все это говорило о формальном отношении к деятельности Верховного Совета.

Пожалуй, наиболее значимой должностью в системе Верховного Совета республики была должность председателя президиума Верховного Совета.

Занимавшее эту должность лицо считалось полноправным членом высшего руководства республики, непременным членом бюро ЦК Компартии

Азербайджана. Глава высшего законодательного, хотя и бесправного органа, призванного штамповать подготовленные в аппаратах ЦК законы, выполнял роль манекена, олицетворяющего власть народа. Именно на этой должности в масштабе страны и Ленин и Сталин предпочитали иметь фигуру, как бы символизирующую власть рабочих и крестьян. Такой фигурой был М.Калинин, человек с крестьянским происхождением и рабочим стажем. В Азербайджане выбор пал на Мир Башира Касумова. Человек с крестьянским происхождением, рабочий на нефтепромыслах, один из немногих оставшихся в живых членов партии с дореволюционным стажем, он в 1938 г., вместе с образованием Верховного Совета Азербайджанской ССР стал председателем его президиума. Малообразованного, но не амбициозного революционера знал Сталин. На XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. он, подойдя к азербайджанской делегации, напомнил Касумову о совместном участии в рабочей манифестации в Баку: "Помнишь, как ты достал из сапога алям". Эта реплика вызвала восторг у членов делегации.³⁰ Кандидатура Касумова вполне устраивала и Багирова, который не мог представить номинального главу государства, послушного и безынициативного, в качестве своего соперника даже в потенциале. И когда в 1949 г. Касумов умер, Багиров остановил свой выбор на Назаре Гейдарове, уроженце Кубатлинского района. Гейдаров, как и Касумов, происходил из крестьянской среды, работал рабочим на нефтепромыслах, вступил в партию до установления Советской власти в Азербайджане, в 1919 г. Но в отличие от Касумова, он получил уже при Советской власти высшее образование, причем в Москве, после чего долгие годы занимал руководящие должности в нефтяной промышленности.³¹

Назар Гейдаров отвечал требованиям, по традиции предъявляемым к лицу, занимающему представительный пост главы парламента. Малоизвестный для Москвы кадр, он вряд ли в дальнейшем мог рассматриваться в качестве возможного преемника Багирова, что также в немалой степени предопределило выбор последнего.

В феврале 1951 г. состоялись новые выборы в Верховный Совет Азербайджанской ССР. Центральная избирательная комиссия радостно сообщала, что в выборах приняло участие 1.725.465 человек из 1.725.600 зарегистрированных избирателей. 99,96% голосовавших отдали свои голоса кандидатам "сталинского блока коммунистов и беспартийных". Избрано было 310 депутатов.³² Очередной спектакль легитимизации законодательной власти подошел к концу. Начиналась новая очередная четырехлетняя фаза демонстрации показного народовластия.

Власть республиканского масштаба в рассматриваемые годы не была властью, выраженной наличием особых властных полномочий, сконцентрированных в конкретных политических структурах. Как и во всей стране, она носила авторитарный характер, свободный от желаний и

объективных, настроений людей. Она сама формулировала и навязывала обществу свои представления о его интересах. Достигалось это путем мобилизации усилий аппаратной части власти. А аппарат, в конечном счете, это конкретные, задействованные в нем персоналии, наделенные особыми полномочиями, и, в то же время, обремененные особой ответственностью за порученное им дело. Именно поэтому подбор и расстановка кадров занимали особое место в системе регулирования процессов управления государством и обществом.

Источники и литература

1. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах. Статистический сборник. Баку, 1970, с.24.
2. Там же, с.47.
3. Там же, с. 31-32.
4. "Бакинский рабочий", 25 сентября 1946 г.
5. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах, с.24.
6. Подсчитано по данным: Коммунистическая партия Азербайджана, в цифрах, с.27, 45.
7. Коммунистическая, партия Азербайджана в цифрах, с.53.
8. Там же, с. 5 7.
9. "Бакинский рабочий", 12 февраля 1947 г.; Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах; Сумгаитский горком партии возник на основе Сумгаитского райкома Бакинского городского комитета партии.
10. ГАППОД ф.1, оп.250, д.33, л.П.
11. Там же, оп.244, д.1, л.250.
12. "Бакинский рабочий", 26 января 1949 г; там же, 27 мая 1951 г.; там же, 26 сентября 1952 г.
13. По данным газеты "Бакинский рабочий" за 1946-1953 гг.
14. ГАППОД, ф.1, оп.206, д.27.
15. "Бакинский рабочий", 3 марта 1950 г.
16. Там же, 1 марта 1950 г.
17. Там же, 28 февраля 1950 г.
18. Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с.80-81.
19. ГАППОД, ф.1, оп.104, д.53, л.30.
20. Там же, д.59, л. 50.
21. Там же, оп.250, д.33, л.4.
22. "Бакинский рабочий", 3 марта 1950 г.
23. Гасанов Дж. Черные тени "белых" пятен истории, с. 145
24. ГАППОД, ф.1, оп.331, д.23, л.55.
25. "Бакинский рабочий", 3 марта 1950 г.

26. ГАППОД, ф.1, оп.277, д.29, л.43.
27. "Бакинский рабочий", 13 января 1948 г.
28. Там же, 12 февраля 1947 г.
29. Там же, 25 марта 1947 г.
30. Рассказано автору Мир Кязимом Исмаиловым.
31. "Бакинский рабочий", 1 марта 1950 г.
32. Там же, 13 февраля 1951 г.

ГЛАВА 4

ПАРАМЕТРЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

На всех этапах развития советской системы, в том числе в сталинские времена, понятие власти подразумевало узкую прослойку людей, наделенную правом ею распоряжаться. Часто эту категорию так называемых руководящих работников определяли емким понятием "номенклатура". Номенклатура включала в себя всех тех, кто в той или иной степени был призван осуществлять руководство коллективами людей, распоряжаться их судьбами, обеспечивать успешную реализацию спускаемых "сверху" программ, направленных на наращивание экономического и духовного потенциала государства и общества посредством, прежде всего, всемерного использования возможностей людей. Некогда брошенная фраза Сталина, ставшая крылатой, "кадры решают все", в общем, выражала реальное положение дел. В условиях, когда приказ являлся отправной точкой решения той или иной проблемы, страх перед тяжелым наказанием за невыполнение приказа был главным стимулятором трудового рвения, а окрик - главным методом мобилизаций усилий коллективов, уповать можно было лишь на кадры. Самым ответственным звеном кадровой политики и являлась наиболее элитная часть кадрового корпуса советской системы - номенклатура.

В состав должностей, относимых к номенклатурным, входили те, окончательное утверждение или назначение на которые входило в компетенцию партийных органов. В зависимости от статуса должности номенклатура подразделялось на районную, городскую, областную и республиканскую. Это означало, какая конкретно инстанция являлась решающей при назначении на должность. Поскольку партийные органы стремились держать под контролем как можно большее число должностных назначений, то и списки номенклатурных должностей все более расширялись. Тем не менее, в конкретных условиях Азербайджана наиболее престижные номенклатурные назначения определялись в аппарате ЦК. Окончательное же решение по этим кадровым вопросам выносилось на заседание бюро ЦК Компартии Азербайджана. Здесь утверждалось назначение *на работу всех работников аппарата ЦК, секретарей и руководителей отделов областных, городских и районных комитетов партии, большинство руководящих работников в аппаратах законодательной и исполнительной власти, промышленных предприятий, хозяйственных, правоохранительных органов, научных и образовательных учреждений, газет и журналов, учреждений культуры.

По данным на 1 июля 1949 г., в номенклатуре ЦК Компартии Азербайджана числилось 3169 должностей.¹ Это составляло приблизительно 0,5% от численности всего занятого населения. Иными словами, особыми властными полномочиями в республике пользовались лишь один из каждых 200 работников или один на каждую 1000 жителей.

Составление списков номенклатурных должностей в партийных органах, в том числе в аппарате ЦК, далеко не всегда укладывалось в рамки логики. Так, например, согласно здравому смыслу даже того времени, окончательное утверждение директоров детских домов должно было бы замыкаться на уровне районных комитетов партии, на территории которых они находились, на основе представлений органов управления народным образованием. Однако директорам детских домов прежде чем приступить к должности, надо было получить добро бюро ЦК. Так, в январе 1946 г. бюро ЦК утвердило в должности целый ряд директоров этих учреждений. Это можно объяснить увеличением числа детских домов и детей-сирот как одним из тяжелых последствий войны. В этой связи утверждение директоров детских домов на самом высоком уровне можно оценить как желание внушить назначаемым на должность лицам степень ответственности за поручаемое дело. Вместе с тем здесь проявлена и тенденция усиления централизации практики назначений на должности. Эта практика изначально занимала ведущее место во всей кадровой политике Сталина и возглавляемой им партии. Собственно, отражением этой политики являлась и система назначения на должности в Азербайджане. Следует отметить что установленный, в целом, в государстве порядок был таков, что по отношению к значительной части руководящих работников в Азербайджане утверждением в должности со стороны ЦК Компартии Азербайджана процедура их окончательного назначения не завершалась. Так, назначение, также, как и освобождение от должности всех секретарей ЦК Компартии Азербайджана, секретарей обкомов, горкомов и первых секретарей райкомов партий, было связано с согласием ЦК ВКП(б), а затем ЦК КПСС. То же самое было связано и с практикой назначения председателя Совета Министров и его заместителей. И хотя, как правило, Москва соглашалась с предложением ЦК Компартии Азербайджана, тем не менее, установленный порядок говорил сам за себя.

Вопрос о назначении значительной части руководящих работников государственных учреждений после прохождения всех инстанций в республике, в том числе и в ЦК Компартии Азербайджана, или до начала рассмотрения их вопроса в республике, согласовывался с вышестоящими московскими отраслевыми инстанциями, а часто становился предметом обсуждения по инициативе последних. Это касалось министров, руководителей предприятий, строек, транспортных учреждений,

руководящих работников в системах милиции, прокуратуры, государственной безопасности и т.д. Переписка по этим вопросам с Москвой, обсуждения, обмена мнениями, согласования являлись непременным условием окончательного утверждения в должности.

Таким образом, номенклатурная система была частью и, быть может, важнейшей частью системы управленческого процесса в Азербайджане, да и самим Азербайджаном. Назначенчество, централизация и регламентация составляли ее основное содержание. Система всем своим существом отвергала какие-либо принципы демократичности управления. Занимая ведущее место в политической системе Советского государства, номенклатурная система, хотя и была выработана в годы сталинского руководства страной, сохранилась и в последующие годы, составляя основу метода управления, который впоследствии был назван командно-административным. Но в сталинские годы номенклатурная система имела свои особенности, некоторые из которых впоследствии утратили прежнее значение.

Но и в сталинские времена подход к так называемой проблеме "подбора и расстановки кадров" претерпевал определенные изменения. В послевоенные годы эти изменения были, в частности, связаны с повышением требовательности к образовательной и профессиональной подготовке выдвигаемых кадров. Сталинская система все в большей степени осознавала, что ее устойчивость может быть обеспечена путем использования знаний и энергии подготовленных за годы Советской власти образованных специалистов, тех самых, профессиональная подготовка которых сочеталась с системой мер, обеспечивающих их верность и привязанность Системе.

Процесс обновления номенклатуры, ускорившийся в период репрессий второй половины 30-х годов, продолжался и в послевоенные годы. И теперь он, во многом, объяснялся требованиями повышения образовательного уровня руководящих работников. Если некогда при оценке качеств выдвигаемого работника особое значение придавалось признакам политической благонадежности, то со временем все большую роль отводилась уровню образовательной подготовки. Важнейшим критерием в данном случае считалось наличие высшего или среднего специального образования. Существенное расширение подготовки специалистов в послевоенные годы позволяло наращивать выпуск дипломированных кадров в вузах. Если в предвоенном 1940 г. вузы Азербайджана окончили 2,5 тыс. человек, то уже в 1950 г. - 4,8 тыс.² Все большее значение придавалось подготовке студентов за пределами республики, прежде всего, в Москве и Ленинграде. Уже в 1946 г. по направлениям республики в московских и ленинградских вузах училось 375 студентов из Азербайджана³, а в 1949 г. их численность достигла 600 человек. Все это сказывалось на общем

увеличении численности⁴ дипломированных специалистов высшей квалификации. Если к началу 1941 г. в Азербайджане насчитывалось лишь около 20 тыс. человек с высшим образованием, то к концу 1953 г. численность этой группы специалистов достигла более чем 40 тыс.⁵ В этих условиях возможности заполнения номенклатурных ниш специалистами расширились с каждым годом.

Рост удельного веса дипломированных кадров среди номенклатурных работников рассматривается как один из главных показателей зрелости кадров и это подчеркивается в официальных отчетных документах. Так, в справке "О составе и движении номенклатурных кадров ЦК КП(б) Азербайджана на 1 июля 1949 года", представленной М.Д.Багирову одним из секретарей ЦК, с гордостью констатируется, что только "за полугодие число дипломированных номенклатурных кадров увеличилось на 3,3%"⁶. В 1952 г. в информационной записке на имя Сталина "О ходе реализации решений партии и правительства по Азербайджанской ССР" М.Д.Багиров, касаясь достижений в кадровой политике, счел уместным и необходимым подчеркнуть наличие высшего образования у большинства лиц, получивших более высокие, по сравнению с прежними, служебные назначения: "За короткое время подобрана и выдвинута на руководящую работу... большая группа свежих кадров. Секретарями обкомов партии выдвинуты: ...Кулиев Г., с высшим сельскохозяйственным образованием, ...Алиев А., с высшим педагогическим образованием, ...Мамедов Д. с высшим педагогическим образованием, ...Аллахъярлы И., с высшим педагогическим образованием.

Заведующими отделами обкомов партии выдвинуты ...Расулов А., с высшим педагогическим образованием, ...Сулейманов М., с высшим экономическим образованием, ...Панахов М., с высшим техническим образованием, ...Зейналов З., с высшим техническим образованием, ...Арушанов П., с высшим техническим образованием, ...Карамян А., с высшим педагогическим образованием, ...Моллаева Л., с высшим сельскохозяйственным образованием, ...Алескеров К., с высшим педагогическим образованием...

Заведующими отделами ЦК КП(б) Азербайджана выдвинуты: ...Абагян И., с высшим экономическим образованием, Хаджиев Д., с высшим техническим образованием, ...Джафаров Д., с высшим педагогическим образованием..."

И далее следуют перечисления изменений в составе секретариата ЦК, правительстве. Перечисляются фамилии вновь назначенных: В.Самедов, Г.Алиев, Ю.Абдуллаев, М.Амирасланов, М.Рагимов, М.Алекперов, И.Сафаров, М.Ахундов, М.Мехтизаде. И в каждом случае подчеркивается наличие у них высшего образования. Особо отмечается, что некоторые из

них В.Самедов, Г.Алиев, М.Алекперов, И.Сафаров, М.Мехтизаде - кандидаты наук⁷.

Содержание данной записки, состоящей всего из 4 листов, из которых 3 посвящены кадровым перестановкам, причем с перечислением того, кто с какой должности выдвинут и какое образование имеет, вряд ли случайно. Видимо, справка была затребована самим Сталиным. В чем-то вождь сомневался. И М.Д.Багиров привел данные, удостоверяющие зрелость кадрового состава руководящих работников республики. При этом М.Д.Багиров, очевидно, полагал, что сомнения у Сталина посеяны вторым по значимости в аппарате ЦК ВКП(б) лицом - Г.Маленковым. Лишь этим можно объяснить, что копию этой записки М.Д.Багиров отослал Г.Маленкову, в сопроводительном письме к которому пишет: "Мною послана товарищу Сталину И.В. информационная записка... Копию этой записки посылаю Вам"⁸. Создается впечатление, что М.Д.Багиров уверен в правильности произведенных перестановок и что эти перестановки полностью соответствуют требованиям о высоком образовательном уровне номенклатуры. Впрочем, послевоенные кадры номенклатуры, во всяком случае элитной ее части, действительно состояли в значительной части из дипломированных специалистов высшей квалификации. И это было прямым результатом особого внимания к этому анкетному требованию. Абсолютное большинство секретарей, заведующих отделами, инструкторов отделов ЦК, секретарей и заведующих отделами обкомов и горкомов имели высшее образование. Характерным является состав Совета Министров Азербайджанской ССР, утвержденного в 1947 г.: Из 34 его членов (председатель, его заместители, министры и т.д.) 26 имели высшее образование, 5 - незаконченное высшее, 2 - среднее и 1 - незаконченное среднее образование⁹. Тенденция очевидна. Задача стала формулироваться все более четко: практики, то есть лица, не имеющие специального образования, должны вытесняться дипломированными специалистами. В первые послевоенные годы практиков было особенно много в среднем звене партийного и советского аппаратов, среди хозяйственных руководителей, среди работников правоохранительных органов, руководителей торговых, сбытовых и снабженческих организаций. И в то же время отсутствие специального высшего образования становилось реальной угрозой выпадения из номенклатурной команды. Значительная часть практиков устремилась на заочные отделения вузов и техникумов. Даже руководители партийных и советских органов осознали опасность утраты своего положения. Как и по всей стране, в Азербайджане открылась 2-годичная партийная школа.

Уже в 1946 г. здесь обучалось 175 партийных и советских работников¹⁰. Вскоре стало ясно, что школа не в состоянии вместить в своих

стенах всех желающих. А желающих было много, особенно среди руководителей районного масштаба. Страх потерять должность вынуждал их настаивать на принятии в школу, даже тогда, когда их туда не принимали. Любопытны две такие настоятельные просьбы, обращенные к М.Д.Багирову в апреле 1948 г. Первый секретарь Зангеланского райкома партии И.Мамедов пишет: "Я не получил высшего образования... В связи с необходимостью получения образования прошу послать меня на учебу в 2-годичную партийную школу"¹¹. Тогда же председатель исполкома районного совета Пушкинского района В.Адигезалов обращается с просьбой: "Я имею образование среднее... Мне исполняется 36 лет, необходимо учиться и получить политическое образование, а потому прошу Вашей помощи для направления меня в 1948 г. на учебу в 2-х годичную Республиканскую партийную школу". Трудно поверить, что в этих, как и в других случаях, людьми двигала жажда знаний. Но факт, что понимание необходимости получения образования как средства удержаться на "плаву" охватило номенклатурную среду. К концу рассматриваемого периода из 288 секретарей обкомов, горкомов и райкомов лишь 81 имел высшее образование, но 155 имели незаконченное высшее образование¹². Это означало, что, большинство секретарей обучалось заочно. Эта же тенденция наблюдалась в правоохранительных органах. Только за один год, с 1950 по 1951 гг., удельный вес работников с высшим образованием в системе прокуратуры вырос с 45,7 до 50,0%, а численность работников, вовсе не имеющих юридического образования, уменьшилась с 108 до 85 человек.¹³ Быстрый рост численности и удельного веса специалистов с высшим образованием во всех звеньях номенклатуры стал характерным явлением послевоенных лет.

Отмечая рост образовательного уровня номенклатурных кадров, измеряемого количеством обладателей дипломов, не следует напрямую отождествлять это с ростом образованности. Слишком многое в системе высшего образования было подчинено не столько качеству подготовки квалифицированных кадров, сколько демонстрации высоких темпов численной динамики их выпуска. Много, но не все. В любом случае сдвиг в образовательном облике номенклатуры был очевиден. Став более образованной, номенклатура невольно должна была испытывать неудобства от используемых сталинским тоталитарным режимом методов управления ею.

Важнейшей чертой, характеризующей послевоенные изменения в составе номенклатуры, являлось усиление процесса ее азербайджанизации. С первых дней советизации Азербайджана в составе номенклатуры удельный вес инационального элемента был достаточно высок, во всяком случае, намного выше его доли в составе населения. Это объяснялось рядом причин. Во-первых, более низким, по сравнению с русской, еврейской и даже армянс-

кой частью населения, образовательным уровнем азербайджанцев. Это играло большую роль при комплектовании номенклатурных кадров. Во-вторых, выступая в качестве наиболее активной части участников дореволюционного социалистического движения и борьбы за установление и утверждение Советской власти в Азербайджане, представители русской, еврейской, армянской части населения впоследствии многие годы владели рычагами формирования номенклатуры в республике. В-третьих, определенная часть номенклатурных должностей, особенно в сфере хозяйственного управления, комплектовалась непосредственно из Москвы и замещалась эмиссарами всесоюзного центра. Не учитывать влияния каждого из этих факторов нельзя.

В условиях существования единого союзного государства проблема национального состава номенклатуры имела особое значение. Еще в 20-е годы Коммунистической партией "коренизация" состава руководящих работников в национальных республиках как проблема была выдвинута в качестве одной из важнейших задач в рамках программы построения социалистической системы¹⁴. Статистические данные, подтверждающие успешную реализацию этой задачи, приводились в качестве одного из главных показателей правильности проводимой в стране национальной политики. Смысловое значение этой политики сводилось к следующему. Во-первых, наличие в составе руководящих кадров союзных республик значительного удельного веса представителей титульного этноса служило одним из важнейших доказательств достижения в стране равноправия народов. Одним словом, реализация этой задачи выполнялась в интересах пропаганды преимуществ советской системы по сравнению с формами управления национальными окраинами в царской России и колониями великих держав того времени. И, действительно, если, например, в дореволюционной России в управлении национальными окраинами представители автохтонного населения принимали участие, в лучшем случае, в крайне ограниченных масштабах, а в большинстве случаев, как, например, в Азербайджане, практически были лишены этой возможности, то в советское время самое широкое, поощряемое привлечение местного населения в управление стало реальностью. Это создавало видимость того, что судьбы народов находятся в их собственных руках, поскольку непосредственное управление поручено представителям этих же народов.

Во-вторых, Сталин полагал, видимо, не без основания, что управление в национальных районах более эффективно, когда осуществляется в большинстве своем представителями титульного этноса уже в силу лучшего знания ими языка, обычаев, особенностей уклада жизни, психологии населения, чем представителями некоренного населения. Но при этом преданность национальных кадров Системе, коммунистической идеологии и

сложившимся принципам функционирования союзного государства должны быть вне сомнений. Страхом и убеждением такая генерация руководителей была сформирована в течении 20-30 гг. Все более широкое вовлечение ее в номенклатурную среду осуществляется, как отмечалось, во второй половине 30-х годов. В последующем оно принимает еще более широкий размах.

Но в сталинской Системе подхода к кадрам постоянно присутствовал элемент сомнения в лояльности и преданности членов номенклатуры. Эта характерная особенность тоталитарной системы управления в национальных республиках находила свое выражение в постоянном подозрении национальных кадров в их склонности к так называемому национализму. Этот штамп, словно дамоклов меч, постоянно висел над номенклатурными кадрами коренной национальности. Угроза быть обвиненным в национализме в союзных республиках была самой опасной, а страх прослыть националистом - самым страшным. М.Д.Багиров и его окружение вряд ли забывали, что главным обвинением по отношению к большинству репрессированных в 1936-1938 гг. в национальных республиках, в том числе в Азербайджане, было обвинение в "буржуазном национализме". Не забывали, потому что и сами использовали этот жупел, участвуя в фабрикации обвинений. Учитывали они и то, что Сталин, развязав в послевоенные годы пропагандистскую кампанию о ведущей роли русского народа в качестве "старшего брата" по отношению ко всем другим народам страны, стимулировал рост великодержавных амбиций среди русских. Теперь любое недовольство русского населения Азербайджана, в том числе номенклатурной его части, могло вызвать апелляцию к Москве с обвинениями в адрес М.Д.Багирова, других азербайджанских руководителей в национализме. С этими же обвинениями могли бы выступить и представители других национальных групп и, прежде всего, армяне. М.Д.Багирову невольно приходилось учитывать это в своей кадровой политике.

В публицистической литературе, в ряде телевизионных передач последних лет то и дело звучит мысль о том, что в бытность М.Д.Багирова руководителем Азербайджана в среде номенклатурных кадров была велика доля представителей инациональной части населения. При этом особый упор делается на широком присутствии в составе номенклатуры армян. И будто бы это было возможным вследствие переоценки Багировым знаний и способностей армян. А армяне, в свою очередь, пользуясь доверчивостью М.Д.Багирова, всячески старались помешать продвижениям азербайджанцев, политически дискредитировать, а при возможности уничтожить. Наиболее убедительным доводом в подтверждении этой версии служит состав обвиняемых на процессе по делу М.Д.Багирова и других в 1956 г. На скамье подсудимых рядом с М.Д.Багировым в числе других 5 обвиняемых было 2

армян - Маркарян и Григорян. Но Москва, которая являлась главным инициатором проведения процесса по делу Багирова и других, установила четкий "баланс" в составе обвинения. Она интернационализировала его (2 азербайджанца, 2 русских, 2 армянина). Тем самым как бы устанавливалась равная доля ответственности за массовые репрессии в Азербайджане между Центром, представленным на скамье подсудимых русскими Емельяновым и Борщовым, армянами, представленными Маркаряном и Григоряном, и местной властью, представленной Багировым и Атакишиевым. Так была обозначена символика процесса. Как бы то ни было, организаторам процесса удалось на долгие годы укоренить в массовом сознании в Азербайджане убежденность, что армянский след является одним из главных на пути поиска первопричин проблем и трагедий 20-х-начала 50-х годов XX века. Не отрицая наличие этого следа, не следует относить его к числу первопричин. Как и нет оснований преувеличивать привязанность Багирова к армянским кадрам. Правда, до последних дней пребывания М.Д.Багирова на посту руководителя республики лица армянской национальности занимали значительное число должностей в системе власти и управления. И все же, анализируя национальный состав руководящих работников послевоенного периода, невольно приходишь к выводу, что армяне медленно, но неуклонно отчуждаются от наиболее важных, судьбоносных рычагов управления.

Между тем, еще совсем недавно, до войны, в ЦК, обкомах, горкомах и райкомах, правительстве значительная часть должностей, включая ключевые посты, была занята представителями некоренных национальностей. По свидетельству М.Г.Сеидова, вторым секретарем ЦК до 1939 года являлся армянин, "которого не без труда заменил русский по национальности, но бакинец Петр Чеплаков". Тем не менее, одним из секретарей ЦК являлся Каркарян. Одно время даже постоянным представителем республики при правительстве СССР был армянин Карганов¹⁵.

Но в послевоенные годы изменения в национальном составе руководителей разного уровня проявляются все более ощутимо. Ведущей тенденцией этих изменений становится увеличение численности и удельного веса азербайджанцев.

С 1944 года неизменно все секретари ЦК являлись азербайджанцами. Они же составляли абсолютное большинство в составе бюро ЦК. Багиров сохранил в его составе и армянское представительство, включив туда Амирханяна. Но тот, занимая в должностной структуре второстепенный по своей значимости пост редактора одной из республиканских газет, не в состоянии был серьезно влиять на решение тех или иных вопросов, прежде всего, кадровых.

Абсолютное большинство членов правительства являлись также азербайджанцами. Среди 34 членов правительства, утвержденного в 1947 г.,

29 являлись азербайджанцами¹⁶. В 1953 г. эти показатели составляли соответственно 23-20¹⁷. Абсолютное большинство первых секретарей городских и районных комитетов партии также являлись азербайджанцами. Но кривая показателя удельного веса азербайджанцев в составе партийно-советской номенклатуры снижалась на более низких ступенях иерархической лестницы. Это особенно заметно было в первые послевоенные годы. Как уже отмечалось, фактическим руководителем повседневной деятельности бакинской партийной организации являлся второй секретарь горкома. Эта должность постоянно замещалась лицами русской национальности: Воробьевым, Малютиным, Кирсановым, Сергеевым. До 1950 г. пост руководителя исполнительного комитета Бакинского Совета депутатов трудящихся также замещался лицами русской национальности: Козловым, Буздаковым, Сергеевым. Один из секретарей горкома являлся армянином. До 1950 г. эту должность занимал Агабабов. Любопытно, что до 1950 года состав секретарей горкома четко устанавливался по национальному признаку (кроме первого секретаря): русский, азербайджанец, армянин. Но с освобождением в 1950 г. Агабабова с должности секретаря БК более этот принцип не соблюдался и армяне в состав секретариата не избирались. А в 1952 г. в связи с образованием Бакинской и Гянджинской областей состав секретарей горкома был изменен. Багиров перестал быть первым секретарем горкома. Тем не менее, первым секретарем, но теперь уже фактическим руководителем, стал азербайджанец Рзакулиев, вторым стал Смелов, а все остальные секретари стали азербайджанцами¹⁸. С тех пор на долгие годы, вплоть до крушения советской системы, этот принцип формирования секретариата БК утвердился окончательно. А еще раньше, в 1950 г., на должность председателя исполкома Баксовета впервые был назначен азербайджанец. Им стал Рустам Исмаилов.

В первые послевоенные годы, в отличие от сельских районов, руководителями многих районных организации Баку являлись неазербайджанцы. Партийную организацию Сталинского района возглавлял Аветисов, Ворошиловского района - Абрамова, Шау-мяновского - Кузовенков, Кировского - Попов, Орджоникидзевского - Писман, Кишлинского - Абагян и т.д. Но со временем большинство райкомов стали возглавлять азербайджанцы. Правда, делалось это крайне осторожно, так, чтобы не вызвать возможных обвинений в национализме. При назначении азербайджанца первым секретарем, вторым и третьим секретарями обязательно назначались, соответственно, русский и армянин. Но количество райкомов партии в Баку, где первыми лицами были лица неазербайджанской национальности, уменьшалось.

И все же неазербайджанцы составляли в изучаемые годы существенную часть номенклатурных партийных и советских кадров. Их

немало было среди заведующих отделами ЦК, горкомов и райкомов, среди председателей райисполкомов. В разные годы Смелов возглавлял организационно-инструкторский отдел ЦК, Каркарян - отдел легкой промышленности ЦК, Мартиросов долгое время работал ответственным секретарем партколлегии ЦК, Гордеев в 1952 г. был назначен первым секретарем Кировабадского горкома и т.д. Особенно много представителей некоренной национальности было среди руководителей крупнейших промышленных объединений и предприятий. Лишь небольшой перечень руководителей этой сферы дает наглядное представление об этом: директор нефтеперерабатывающего завода им. Андреева - Аренбристер, директор нефтеперерабатывающего завода им. Сталина - Щелкогонов, управляющий трестом "Лениннефть" - Карасев, (вскоре он стал управляющим объединением "Азнефть"), управляющий трестом "Сталиннефть" - Мравян, главный инженер объединения "Азнефть" - Овнатов, главный геолог объединения "Кировабаднефть" - Ованесов, директор института нефтяного машиностроения - Даниелян, управляющий объединением "Азморнефть" - Степанян, директор машиностроительного завода им.Шмидта - Глинман, директор механического завода им.Сталина - Галустян, директор завода стальных макетов - Гасиаров, директор сернокислотного завода - Мягков, управляющий трестом "Кагано-вичнефть" - Наумов, начальник объединения "КураАраксводстрой" - Баграмов и т.д. Безусловно, ничего криминального в том, что представители других национальностей привлекались к руководству отдельными отраслями и предприятиями, нет. Нет сомнения, что большинство из них были хорошими специалистами и организаторами. Но особенность такого массового присутствия неазербайджанцев в среде руководящих производственных кадров являлась последствием ее комплектования в довоенные десятилетия, когда специалистов - производственников среди азербайджанцев было крайне мало.

Бывали случаи, когда, оказавшись во главе того или иного объединения, руководитель отдавал предпочтение при наборе и выдвижении работников лишь представителям национальности, к которой он сам принадлежал. Типичным является пример с управляющим объединением "КураАраксводстрой" Баграмовым. Брат маршала Советского Союза Ивана Баграмяна Алексей Баграмов возглавлял крупнейшую мелиоративную организацию республики. В справке на него, представленной М.Багирову министром госбезопасности Емельяновым в июле 1950 г., говорилось, что Баграмов "старается укомплектовать штаты за счет прежних сослуживцев, друзей и знакомых, в первую очередь, из числа лиц армянской национальности", что в управлении объединения работали 94 человека, из них лишь 14 азербайджанцев при 31 армянине¹⁹.

При этом, если формирование номенклатуры в системе партийного и государственного управления можно было решать путем административного регулирования, то в системе промышленного производства квалификация специалиста играла едва ли не решающую роль. Между тем в послевоенные годы, когда количество специалистов - производственников среди азербайджанцев заметно выросло, изменения в национальном составе руководителей-производственников стало естественным. К тому же Багиров поощрял выдвижение национальных кадров. Появилась целая плеяда молодых специалистов - азербайджанцев, возглавивших крупные объединения и предприятия: Исмаилов стал управляющим объединением "Азнефтезаводы", Заманов - управляющим объединением "Азнефттехснаб", трест "Бузовнынефть" возглавлял Эминбейли, руководителями крупных промышленных объектов стали Искендеров, Лемберанский, Эфендиев и многие другие. Но, как свидетельствуют документы тех лет, процесс этот оказался не простым.

Порой назначение азербайджанца встречало ожесточенное сопротивление сотрудников, особенно, когда основную их массу составляли лица другой национальности. Характерен следующий пример. В 1950 г. в адрес ЦК ВКП(б), в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), ЦК Компартии Азербайджана, Шаумяновский райком партии г. Баку были направлены анонимные заявления с обвинением управляющего трестом "Азнефттехснаб" Заманова в национализме, "других" проступках. По этому поводу последовало постановление секретариата ЦК ВКП(б), в соответствии с которым бюро ЦК Компартии Азербайджана создало специальную комиссию, в которой не было ни одного азербайджанца: Мартиросов - ответственный секретарь партколлегии ЦК Компартии Азербайджана, Лукшт - заместитель министра внутренних дел республики, Кузовенков - первый секретарь Шаумяновского райкома партии, Козлов - представитель Министерства нефтяной промышленности СССР. Комиссия констатировала, что помимо Заманова в составе руководящих работников треста (заместителей управляющего и начальников отделов) лишь один является азербайджанцем, 9 человек - армяне, 5 - евреи, 5 - русские, 1 - латыш. Комиссия пришла к выводу, что "обвинение Заманова в национализме и издевательствах над армянами и евреями, сравнение его действий с фашистскими" являются клеветническими. Комиссия установила вдохновителей и авторов анонимных заявлений²⁰.

Все они являлись работниками или бывшими работниками управления треста. В справке в подстрочной форме: "в тресте "Азнефттехснаб" укоренилась гнилая теория "незаменимости" старых работников", указана главная причина недовольства работников управляющим - его национальная принадлежность²¹. Это, очевидно, вызвало ярость Багирова. Вот почему на

заседании бюро ЦК Компартии Азербайджана было принято решение, в соответствии с которым Заманов был фактически оправдан, а материалы на организаторов и авторов анонимок переданы в прокуратуру "для привлечения их к ответственности, как отъявленных провокаторов и клеветников"²². Данный пример вовсе не говорит о том, что Багиров всегда выступал гарантом неприкосновенности выдвигаемых кадров из числа азербайджанцев. Это далеко не так. Добившись освобождения в 1947 г. Ализаде от должности управляющего объединением "Азнефть", он выдвинул на этот пост Карасева. Было немало других примеров, когда смещаемых с высоких должностей азербайджанцев заменяли русскими, армянами, евреями и т.д. Но не это было главной, как это пытаются изобразить порой, тенденцией. М. Д. Багиров, безусловно, стремился к азербайджанизации номенклатуры.

И примеров тому много. В конце 1945 г. министр морского флота СССР Ширшов обратился в адрес М.Д. Багирова с предложением назначить Аллахвердиева - заместителя начальника Бакинского порта начальником порта вместо некоего Савинова, которого намеревался выдвинуть на более высокую должность вне республики. В справке по этому поводу, составленной сотрудником аппарата ЦК Компартии Азербайджана Москвичевым, в категорической форме утверждается: "Освобождение т. Савинова от должности начальника Бакинского порта считаем нецелесообразным, т. к. вместо него нет подходящей кандидатуры. Рекомендуемый Наркомморфлотом СССР на должность начальника Бакинского порта т. Аллахвердиев... с этой работой не справится... Специального образования не имеет, практик, нуждается в повышении своего теоретического, технического и культурного уровня"²³. Любопытна реакция Багирова на эту справку. Она выражена в весьма деликатной форме, а по существу представляет собой директиву: "Посоветуйтесь еще раз по существу телефонного звонка т. Ширшова о перемещениях в Бакинском порту... с товарищами... Мне кажется, что особенно возражать не следует... О Вашем мнении прошу представить письменную справку в виде нашего ответа т. Ширшову"²⁴. Данный пример убеждает, что Багирову импонировало выдвижение национальных кадров. Инициатива союзного министра вполне соответствовала его настроениям. Даже в тех случаях, когда подобного рода подозрения могли возникнуть у подчиненных. В данном случае у некоего Москвичева. Отсюда и стиль его реакции на справку, составленную последним. И тем не менее в послевоенные годы все более очевидным становилось то, что в кадровой политике предпочтение все в большей степени отдается азербайджанцам. Несомненно, что проявление этой тенденции стимулировалось руководством республики и, прежде всего, Багировым. Правда, все это

делалось с большой долей осмотрительности, оглядкой на позицию московского центра и реакцию местного некоренного населения. Именно поэтому часто в те годы среди азербайджанцев было распространенным мнение, что руководители Азербайджана боятся выдвигать своих. Осведомители МГБ фиксировали высказывания, свидетельствующие о таких настроениях. Так, известный скульптор Джалал Карягды в частной беседе в 1951 г. сказал: "Дело вовсе не в том, что у нас нет подходящих людей, кадры есть, их нужно выдвигать и поощрять, но этого не будет, пока во главе ЦК КП(б) Азербайджана находятся теперешние руководители, они видимо считают выдвижение азербайджанцев проявлением национализма". Инженер Алиага Азизов говорил: "Советская власть умышленно не дает возможности основным жителям Азербайджана - азербайджанцам полностью руководить всеми учреждениями и предприятиями в Азербайджане". Директор завода Джамиль Везиров говорил: "... до чего довели наш народ и наши кадры, до чего их забили и прижали... Вошло в моду назначение на ответственные должности кого угодно, только не азербайджанцев"²⁵. Все эти и другие, подобного рода эмоциональные высказывания отражали, в целом, процесс борьбы межнациональных групп номенклатуры за обладание решающими рычагами управления. И сколь бы не был категоричным ропот, высказывавшийся со стороны азербайджанцев, ситуация складывалась в их пользу. И это не могло не быть замеченным неазербайджанской номенклатурой.

В 1949 в докладной на имя М.Д.Багирова работавший тогда в аппарате ЦК ВКП(б) Азиз Алиев писал, что работник МГБ Дронов открыто высказывал антиазербайджанские настроения, выступал (правда в нетрезвом состоянии) против выдвижения азербайджанцев на ответственные посты.²⁶ В резолюции на докладную А.Алиева Багиров потребовал от С.Емельянова выяснить личность Дронова. Как бы то ни было, Дронов выразил определенные настроения. Но его не стали тревожить. Во всяком случае, еще в конце 1952 г. он работал начальником 3 отдела МГБ на Азербайджанской железной дороге.

Весьма примечательной является обнаруженная в архиве анонимка, направленная в адрес ЦК КПСС и переправленная Багирову накануне XIX съезда КПСС. По существу, она выражала недовольство выдвижением на руководящие должности в республике азербайджанцев. И хотя автор ее пытался выдать себя за рабочего, подписавшись достаточно вызывающе "рабочий - советский рабочий", скорее всего он являлся неудовлетворенным своим должностным положением служащим, представителем некоренного населения, к тому же не имеющим высшего образования. Это предположение подтверждает следующее предложение из его письма: "Я головой стою выше 1000 раз, чем формалисты, которые носят значок о высшем образовании".

Главная претензия заявителя сводилась к следующему: "Почему азербайджанцы находятся на руководящих постах?... Почему все ответственные руководители являются азербайджанцами?..."²⁷

Более выразительной выглядела тревога, звучавшая в высказываниях армянской интеллигенции. После очередной бакинской партийной конференции, состоявшейся в 1951 г., в ходе которой среди критикуемых и смещенных с руководящих постов оказалась группа армян, осведомителями были зафиксированы следующие высказывания: "Бакинская партийная конференция была организована исключительно для гонения над ответработниками армянами. Там запачкали, раздели лучшие честные силы армян... Наш приговор уже подписан, нам армянам больше нечего делать в Азербайджане...", "итак, продолжается притеснение лучших работников - армян в Азербайджане. Это явная националистическая политика... Руководитель ЦК КП(б) Азербайджана... прижал к стене Агабабова, Баграмова, Каркаряна и других честных работников армян", "работать дальше здесь - в Баку нам армянам стало невозможно".²⁸ И здесь немало преувеличений. Но опять же это была реакция на процесс коренизации руководящих кадров в Азербайджане.

В принципе "коренизация" кадров в Азербайджане, как и рост их образовательного уровня, отвечали интересам Системы. Именно проявление этих тенденций делало облик власти все более привлекательным в глазах основной части населения, содействовало укреплению ореола "народности" власти, ее компетентности.

Но отказавшись, по существу, от нормальной демократической нормы формирования органов власти и управления, сталинская Система была постоянно озабочена поддержанием авторитета власти, стараясь пресекать в зародыше явления, свидетельствующие о ее дискредитации самими носителями власти. Отсюда проистекала высокая требовательность к результатам их работы, к поведению кадров в быту, их моральному облику, жестокое преследование за присвоение государственных средств и взяточничество. Частое смещение и наказание руководителей являлись нормой, использование которой было направлено на постоянное утверждение тезиса о справедливости власти, о том, что ни одно должностное лицо не гарантировано от наказания за свои проступки, а тем паче преступления. Кадровая тема постоянно присутствует на всех партийных форумах. И постоянно говорится о том, что кадровый состав недостаточно качественный, недостаточно компетентный. Выступая на XVII съезде Компартии Азербайджана в 1949 г., М.Д.Багиров утверждал, что недостатки в работе ЦК, обкомов, горкомов и райкомов партии "нередко приводят к выдвижению на руководящую работу случайных, неспособных и непроверенных людей. Этим надо объяснять, что у нас в районах, на ряде решающих участков, в

республиканских министерствах и организациях и даже в аппарате ЦК и БК партии... ряд работников... не справляются с возложенными на них задачами".²⁹ Спустя три года, в 1952 г. на XIX съезде Компартии Азербайджана М.Д.Багиров признал даже, что "подбор и расстановка кадров продолжают оставаться самым слабым, самым узким местом в нашей партийной работе. В результате... в районах, министерствах и республиканских организациях среди руководящих работников оказалось немало людей сомнительных, нечистоплотных, которые занимаемое ими положение используют в корыстных грязных целях".³⁰

Высказывания подобного рода служили или объяснением происшедших или обоснованием предполагаемых кадровых изменений. Но главная цель публичных сетований на несостоятельность кадров состояла в том, чтобы неурядицы в экономике, в жизни и быту людей связать с нерадивостью и нечестностью отдельных руководителей. Справедливая же власть находится в состоянии поиска более добросовестных и порядочных работников.

Видимости единства власти и народа было подчинено использование тезиса о критике и самокритике "как движущих силах общества", некогда сформулированных в таком виде одним из идеологов сталинизма Ждановым.³¹ Критический фон любого партийного форума рассматривался как крайне важный метод убеждения людей, что номенклатура не вправе чувствовать себя безнаказанной. Критика и самокритика занимали ведущее место в содержании работ партийных форумов разного уровня. На районных, городских, областных партийных конференциях, на пленумах ЦК, съездах Компартии Азербайджана из уст рядовых членов партии и партийных функционеров нередко можно было услышать критику в адрес вышестоящих партийных и государственных органов и их руководителей. Причем критику довольно жесткую. Не скупилась на критику в свой собственный адрес и сами руководители. Вне критики оставался лишь М.Д.Багиров, который, тем не менее, подстегивал остальных: "Слабость критики и самокритики среди руководящих наших республиканских и бакинских работников, несвоевременное реагирование на сигналы о недостойном поведении отдельных работников, зачастую либеральное отношение к их антиобщественным антипартийным поступкам, отсутствие повседневного контроля за работой руководящих кадров... - все это являлось причиной имевших место крупных недостатков в нашей работе, недостойного поведения отдельных руководящих работников".³²

Багиров часто стимулировал открытую критику и требовал немедленной реакции на нее. В одной из своих записок, датированной 1952 г., в адрес секретарей ЦК и руководителей правительства, он откровенно

обвиняет некоторых министров, руководителей карательных органов в отсутствии реакции на обвинения хозяйственных руководителей, руководителей милиции и прокуратуры Худатского района, прозвучавшие на пленуме ЦК.³³ В июле 1952 года он обвинил второго секретаря БК партии Смелова в том, что он на конференции Кировского райкома партии г. Баку пытался помешать критическим выступлениям.³⁴ И таких примеров много.

Впрочем, Багиров был вне критики лишь в масштабах республики. Его статус был не более чем статусом заместителя. И в качестве такового он должен был демонстрировать требовательность по отношению ко всей подчиненной ему номенклатурной команде, чтобы ненароком не попасть в немилость Сталину. И он старался. По отношению к подчиненным он был крут в тех случаях, когда они не справлялись с выполняемыми задачами. Частая смена партийных руководителей, руководителей министерств, ведомств, учреждений, предприятий являлась, чаще всего, результатом недовольства уровнем обеспечения ими порученных заданий.

По он был часто непримирим, когда речь шла о махинациях и воровстве. Впрочем, говорить о широких масштабах злоупотреблений служебным положением в целях наживы применительно к тем годам нет оснований. Особенно, если сравнить с последующими периодами. В архиве можно столкнуться с документами, которые у современного читателя, знакомого с нравами партийных руководителей периода "развитого социализма", может вызвать лишь недоумение. В те годы значительная часть руководителей оставалась честными людьми. Видимо, сказывалась обстановка тех лет, когда страха перед возмездием было больше, а гарантии избежать расплаты меньше, чем в послесталинский период. Вот 2 из таких документов: 1) письмо секретаря Ярдымлинского райкома Алиева от 22 января 1946 г. в адрес М.Д.Багирова. В нем говорится: "В силу создавшегося материального положения вынужден обратиться к Вам за содействием... Получаемая сумма (зарплата - Э.И.) для содержания семьи мне не хватает... Получаемое продовольственное снабжение не удовлетворяет... В таком же положении находятся и другие ответственные работники района... В связи с этим прошу оказать нам помощь, чтобы мы не оказывались зависимыми от людей, руководимых нами"³⁵; 2) письмо секретаря Маразинского райкома Ализаде от 18 мая 1946 г. тому же адресату: "Создавшиеся тяжелые семейные обстоятельства вынудили меня обратиться к Вам со следующей просьбой. Кроме меня и дети продолжительное время страдают болезнью (так в письме - Э.И.) и нуждаются в усиленном питании, которое мне трудно удастся приобрести. Поэтому прошу Вашего указания об оказании мне материальной помощи".³⁶ Трудно сказать, каковы были последствия этих обращений. Ясно лишь, что только большая нужда могла их вызвать.

Для многих работников должностное положение не рассматривалась как возможность материального обогащения. В этих условиях становятся понятны, например, мотивы обращения в 1948 г. заместителя председателя Совета Министров Азербайджанской ССР Мирзы Ибрагимова к М.Д.Багирову с просьбой освободить его от занимаемой должности. Один из самых талантливых писателей-прозаиков Азербайджана XX века так обосновывает свою просьбу: "Требования должности заместителя председателя Совета Министров настолько велики и ответственны, чтобы справиться с ними не остается времени для творческой работы, и я встал перед дилеммой - или совсем оторваться от творчества, или уйти с занимаемой должности, ибо работать между-прочим, кое-как, невозможно... Прошу Вас, товарищ Багиров, создать мне условия для творческой писательской работы, освободив меня от занимаемой должности - заместителя председателя Совета Министров".³⁷

Возможно, именно в таких условиях М.Д.Багиров становился порой непримиримым по отношению к тем, кто во имя личных интересов шел на нарушение закона. В 1946 году специальная комиссия выявила именно это в деятельности директора Сумгаитской ТЭЦ Гусейнова. По этому поводу М. Багиров пишет секретарю ЦК Гасанову: "Пусть т. Эфендиев (прокурор республики - Э.И.) по своей линии принимает меры. А привлечь его надо. Чей бы сын он ни был, какого бы происхождения ни был, какие бы заслуги в прошлом не имел, пройти мимо этих фактов дискредитации органов Советской власти, дискредитации звания члена партии, звания ответственного советского работника нельзя, тем паче, что речь идет не только о дискредитации его самого, а о прямом материальном ущербе и моральных последствиях поведения Гусейнова".³⁸

Надо сказать, что выражение "чей бы сын он ни был" не было пафосным. Порой ответственным работникам самого высокого ранга приходилось выдерживать самые тяжелые минуты перед грозными очами М.Д.Багирова.

В 1952 г. секретарь комитета комсомола Московского Государственного Института Международных отношений обратился с жалобой на недостойное поведение студента этого института, сына министра юстиции Азербайджанской ССР Алимамедова. Не ясно, в чем провинился студент, но ответ пришлось держать папе на бюро ЦК. Думается, скрепя зубами Алимамедов вынужден был писать какому-то комсомольцу Кудашкину в Москву: "Отношение комитета ВЛКСМ Института к Л.Алимамедову и решение комсомольского коллектива о нем считаю совершенно правильным. Вы, товарищ Кудашкин, правильно поступили, написав о его поведении товарищу М.Д.Багирову... Прошу Вас принять мою искреннюю благодарность за Вашу товарищескую заботу о моем сыне".³⁹

Вряд ли Алимамедов-отец был искренен в выражении признательности, но против воли Багирова возразить не посмел. Более того, он сдал копию письма в ЦК, дабы удостоверить факт его направления в Москву.

Багиров очень часто не прощал проступков нравственного свойства. Порой к провинившимся применялась весьма оригинальная форма наказания - выдворение за пределы республики. В марте 1949 г. М.Д.Багиров дает письменное указание в отношении работника центрального аппарата прокуратуры Азербайджанской ССР З.Башлинского, заподозренного в получении взятки: "Прошу в 5-дневный срок... тщательнейшим образом разобраться в деле бывшего прокурора отдела прокуратуры Азерб.ССР Башлинского Заира, предложить ему, согласно существующим законам немедленно выехать из пределов г.Баку...".⁴⁰ Если первая часть приведенного текста ясна, то трудно сказать, что имел в виду Багиров, когда писал "согласно существующим законам". По существу, речь шла о выдворении, причем насильственным. Интересно, что позже, подшивая материалы о Башлинском в дело, секретарь ЦК Г.Мамедов наложил резолюцию: "Исполнено". Вообще, практика насильственного выдворения за пределы республики использовалась, как видно, не редко. Так поступили с участником войны офицером Хаджимуратом Ибрагимбейли, в будущем крупным историком, так поступили с работником госбезопасности Мовсумом Муслимзаде. Если Ибрагимбейли отправили служить в Грузию (Ахалцик), то Муслимзаде угодил аж на Сахалин.

Но бывали случаи, когда руководящие работники, обвиненные в тех или иных грехах, буквально "сломя голову" бежали из Азербайджана. Но тогда руководство Азербайджана, лично М.Д.Багиров проявляли завидную настойчивость, чтобы достать изгоев. В 1949 г. врач Ибрагим Эфендиев, в чем-то провинившийся перед Багировым, переехал в Москву и устроился на работу в Институт организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР. Вскоре Эфендиев был утвержден в качестве заведующего отделением всеобщей истории медицины этого института. Узнав об этом, М.Д.Багиров в письме секретарю ЦК ВКП(б) Сулову дал Эфендиеву крайне отрицательную характеристику, потребовав, по существу, выдачи опального медика.⁴¹

В 1952 году Багиров был разгневан характером деятельности руководителя строительством Карадагского цементного завода Абдулладжановым. Почувствовавший опасность Абдулладжанов, не сдав дела, не снявшись с партийного учета, бежал из Баку в Москву, где был назначен на работу на Украине. На защиту Абдулладжанова встал министр промышленности строительных материалов СССР П.Юдин. Но М.Д.Багирова это не остановило. В ноябре 1952 г. он обратился к секретарям

ЦК КПСС Маленкову и Аристову, настойчиво добиваясь возвращения Абдулладжанова в Баку для выяснения с ним отношений.⁴²

Нет оснований утверждать, что Багиров был справедлив в каждом отдельном случае. Но в настойчивости и смелости ему отказать трудно.

Надо сказать, что М.Д.Багиров не делал исключений порой и для своих родственников. Да и ближайшее окружение не очень-то заискивало перед родственниками Багирова, зная характер шефа. Очень характерен случай с Агамехти Гусейновым. Последний, муж дочери брата Багирова, в конце 1950 г. был назначен прокурором Кировского района г. Баку. Уже вскоре последовали анонимные письма на него и Багиров поручил разобраться Емельянову. В декабре 1951 г. Емельянов представил справку на Гусейнова, составленную на основании информации негласных осведомителей. Емельяновская справка изобиловала фактами, отрицательно характеризующими Гусейнова: "рассказывает всем, что он - родственник секретаря ЦК", "ведет себя вызывающе", "брал под свою защиту хулиганов", "ведет себя развязно и несолидно", "из корыстных целей прекратил дело" и т.д. В этой связи по поручению Багирова специально созданная комиссия в составе председателя Бакгорисполкома, прокурора республики, заместителя министра госбезопасности, заместителя прокурора республики и начальника отдела охраны МГБ проверила факты, изложенные в справке Емельянова, подтвердила их, более того, в новой справке привела целый ряд новых фактов, компрометирующих Гусейнова. Авторы справки предложили: "Считать целесообразным освободить Гусейнова А.М. от работы в органах Прокуратуры". Пожалуй, трудно себе представить, что такое могло произойти в более поздние советские времена или в наши дни. Но тогда такой случай не был исключением.⁴³

Да, сталинские времена, несомненно, были суровыми, жестокими. Но в те годы власть и представлявшую ее номенклатуру несправедливо было бы обвинять в массовом злоупотреблении из корыстных побуждений, в содействии продвижению по служебной лестнице, исходя из родственных и местных интересов. Проявления такого рода пресекались и склонных к проявлению такой манеры поведения наказывали и порой достаточно жестоко. Власть всемерно стремилась сохранить свой имидж справедливой и народной. Она всячески выпячивала рабоче-крестьянское происхождение своих выдвиженцев во власть. Так, например, в 1950 г. при очередных выборах в Верховный Совет СССР в печати публиковались биографии партийных и советских руководителей, выдвигаемых в качестве кандидатов в депутаты. Практически начало биографий очень похоже: Гасан Гасанов (секретарь ЦК) - "родился ... в семье бедного крестьянина", Али Джафаров (начальник управления Азербайджанской железной дороги) - "...родился... в семье паровозного кочегара", Юсиф Юсифов (первый секретарь

Нахичеванского обкома партии) - "...родился... в семье крестьянина - бедняка... Детство его было безрадостным", Азиз Алиев (заместитель председателя Совета Министров) - "...родился... в крестьянской семье", Газанфар Мамедов (секретарь ЦК) - "...родился... в семье рабочего", Имам Мустафаев (министр сельского хозяйства) "Семи лет отроду он остался круглым сиротой", Яков Кирсанов (второй секретарь Бакинского горкома партии) - "...родился... в семье крестьянина... рано пришлось самому зарабатывать себе кусок хлеба", Мир Теймур Ягубов (министр внутренних дел) - "...родился... в семье каспийского моряка", Аршавир Агабабов (секретарь Бакинского горкома партии) - "...родился... в семье кузнеца", Махмуд Абилов (генерал) - "родился... в семье крестьянина - бедняка", Рза Асланов (секретарь райкома) - "родился в семье крестьянина - бедняка", Джабраил Мамедов (председатель президиума Верховного Совета Нахичеванской АССР) - "Отец его был крестьянином - бедняком" и т.д.⁴⁴

Среди выдвигенцев тех лет были люди, в выдвижении которых, видимо, немалую роль играли их принадлежность к семьям ветеранов партии. Заместитель председателя Совета Министров Азизага Азизбеков был сыном одного из 26 бакинских комиссаров Мешади Азизбекова, секретарь ЦК Султан Кафарзаде с гордостью писал в автобиографии: "сын старого большевика". Таких было немного, поскольку подавляющая часть старых большевиков была уничтожена, а их отпрыски превратились в изгоев. Тем более выдвижение детей большевиков с дореволюционным партийным стажем символизировало преемственность связи между борцами за народное счастье и нынешней властью.

Среди руководителей республиканского масштаба были выходцы из среды интеллигенции. Например, известный партийный функционер Тофик Аллахвердиев был сыном врача, другой - Джамаладдин Магомаев - сыном композитора Муслима Магомаева. В семье служащих родился первый секретарь ЦК комсомола Азербайджана Али Керимов. Это отражало веяния, связанные с новым отношением к интеллигенции, выраженным Сталиным еще в 1939 г. - на XVIII съезде ВКП(б): "Создалась... новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой".

Среди членов номенклатурной элиты были и такие, правда, нечасто, кого трудно было отнести к представителям эксплуатируемых до революции слоев. В этом случае при презентации в прессе вопрос социального происхождения деликатно обходил. Но до поры до времени. Но об этом позже.

В те годы не могло быть и речи о местнических пристрастиях руководителей. Среди выдвигаемых на высшие руководящие должности

были представители самых различных регионов. Да и в принципе их трудно было назвать представителями каких-то регионов. Скорее, выходцами. На это и не обращали особого внимания. Это, прежде всего, было связано с беспристрастностью в этом вопросе самого Багирова. В его непосредственном окружении, да и в правительстве было немного его земляков - кубинцев. В то же время можно было увидеть выходцев из Карабаха, Ширвана, Шеки, Армении, Баку и др. Теймур Кулиев родился в Джебраиле, оттуда же был один из секретарей ЦК Гасан Гасанов, бакинцами по происхождению были секретарь ЦК Газанфар Мамедов и заместитель председателя Совета Министров Ислам Исламадзе, родом из Шемахи был второй секретарь ЦК Алиашраф Ализаде, из Еревана - сменивший его Мир Гасан Сеидов, и, наконец, сменивший Сеидова на этом же посту Мир Теймур Ягубов родился в Баку. Председатель Верховного Совета Назар Гейдаров был родом из Кубатлов. В целом, в те годы номенклатура была межрегиональной в подлинном смысле этого слова. Хотя, быть может, специальной такой задачи и не ставилось.

Багиров относился к той плеяде руководителей сталинской поры, которые не склонны были злоупотреблять своим положением ради собственной наживы. Позже, когда он попал на скамью подсудимых, следствие, безусловно, пыталось ему инкриминировать множество преступлений. Но ничего, что подвергало бы сомнению его честность, позволяло бы его обвинить в казнокрадстве, присвоении государственных средств, не было найдено. Поэтому в обвинительном заключении описи подобного рода отсутствовали. Видимо, Багиров действительно не был вором. И потому в его время хищения и взяточничество не могли пустить глубокие корни в Азербайджане. Хотя и то и другое имели место. Но если чиновники попадались, то выпутаться им было очень сложно. Весьма примечательна история с заместителями председателя правительства Азизбековым и Исламадзе.

В 1948 году комиссия министерства государственного контроля СССР установила в действиях этих и ряда других руководителей республики крупные нарушения действующего законодательства. Азизага Азизбеков - сын одного из 26 бакинских комиссаров, расстрелянных врагами большевиков в годы Гражданской войны в песках Закаспия, пользуясь своим служебным положением, захватил 7 гектаров колхозных земель на Апшеронском полуострове и присоединил их к своей даче в пригороде Баку - Шувелянах. За государственный счет он построил на этом участке большой дом и бассейн. На участке он выращивал овощи, реализация которых приносила ему солидный доход. За все это Азизбеков был не только снят с работы, но и исключен из рядов Коммунистической партии.⁴⁶

Ислам Исламзаде, в отличие от Азизбекова, не имел "героической" родословной. Он был типичным представителем плеяды руководителей, выдвинутых в первые ряды элиты Багировым. В 1937 г., вскоре после окончания института в возрасте 27 лет он назначается заместителем председателя Госплана республики. В 30 лет он - заместитель, а в 32 - первый заместитель председателя правительства.⁴⁷ Нарушения Исламзаде закона состояли в том, что он, как и Азизбеков, за государственный счет построил у себя на даче дом, оборудовал личное подсобное хозяйство, урожай которого сдавал в государственные учреждения, а деньги присваивал. Кроме того, за счет подчиненных ему хозяйственных организаций Исламзаде построил себе роскошную квартиру. Это подтверждалось в справке прокурора республики А.Алиева, представленной в ЦК Компартии Азербайджана. Согласно данным этой справки, лишь на строительство дачи для Исламзаде было израсходовано " 695.700 рублей из государственных средств. Совокупность приведенных обстоятельств дает основание привлечь Исламзаде И.М. к уголовной ответственности за систематическое злоупотребление своим служебным положением", - писал прокурор республики. Но далее он же выдвигает предложение, вовсе не соответствующее его полномочиям и статусу: "Принимая во внимание его (Исламзаде - Э.И.) долголетнюю, безупречную работу, и что преступление им совершено впервые, осознав всю глубину и тяжесть своих преступлений осудил свое поведение и дал слово ЦК КП(б) Азербайджана своей дальнейшей плодотворной и честной работой искупить свою вину перед Партией и Родиной считаю возможным разрешить вопрос об ответственности Исламзаде в строгом партийном и административном порядке". Странное заключение. Прокурор республики дает рекомендации, которые делать не вправе. Очевидно, что текст справки был согласован с Багировым, который в этом случае не хотел сразу же гробить своего выдвиженца. И Исламзаде действительно пострадал несильно и даже стал в 1950 г. депутатом Верховного Совета СССР. Но позже, заподозренный Багировым в новых злоупотреблениях, окончательно попал в опалу.

Конечно, позволить себе жить не по средствам было опасно. Жизнь и быт каждого должностного лица находились под неусыпным контролем. Органы государственной безопасности в состоянии были дать достаточно подробную информацию не только о том или ином лице, уже уличенном в совершении хищений или получении взятки, но и о всех, кто в той или иной степени протекционировал преступнику. Так, в 1952 г. был арестован торговый работник, некто Абрам Нисанов, обвинявшийся в крупных махинациях. По заданию Багирова Емельянов представил подробную справку об ответственных работниках, составлявших круг близких знакомых Нисанова - всего на 12 человек. Среди тех, кто состоял в преступной связи с

Нисановым, покрывал его, Емельянов называет ряд работников военкомата и прокуратуры республики, председателя Бакинского горисполкома, секретаря Бакинского горкома партии, некоторых руководящих работников бакинской милиции, высокопоставленных торговых работников. В результате большинство из них были сурово наказаны: исключены из партии, сняты с должностей, арестованы. А те, кого миновала гроза, хотя и отделались испугом, наверняка пережили далеко не самые лучшие дни своей жизни.

Чуть раньше, в 1951г., Багиров сурово обошелся с секретарем БК партии Аршавиром Агабабовым, уличенным в связях с некой дамой, которая использовала эти связи в корыстных целях. Получая деньги, она через Агабабова устраивала на работу людей, способствовала освобождению от наказания лиц, совершивших уголовные преступления. После ее ареста Агабабов был снят с должности, лишен мандата депутата Верховного Совета СССР.⁵⁰

Багиров в целом старался сохранить тот круг людей, который окружал его, которым он доверял и которых он считал своей надежной опорой. Даже в тех случаях, когда в силу тех или иных объективных или субъективных причин приходилось ущемлять интересы тех или иных лиц из окружения, Багиров отдалял их от себя не слишком далеко. Гасан Гасанов, перестав быть секретарем ЦК, оставался заведующим отделом ЦК, Мир Гасан Сеидов, перестав быть секретарем ЦК, стал заместителем председателя Совета Министров, затем председателем Бакинского областного исполнительного комитета, затем председателем Госплана. Такие же перемещения в должности происходили и с другими членами элитной части номенклатуры. Но не всегда. Порой Багиров был неукротим в гневе и тогда его недавний протеже превращался в жертву. И в этом случае причины могли быть разными.

В 1956 г. на судебном процессе по делу Багирова и других одним из центральных сюжетов явилась история, связанная с преследованием семьи секретаря ЦК Алиашрафа Ализаде. История эта является типичным примером произвола высшей власти по отношению к должностному лицу, попавшему в опалу. А.Ализаде был выдвинутцем Багирова. Инженер-нефтяник, ученый, он стал вторым секретарем ЦК, был избран академиком АН Азербайджанской ССР, дважды был удостоен Сталинской премии, стал депутатом Верховного Совета СССР. Достигнув к 1946 г. пика своей карьеры он затем, неожиданно, говоря иносказательно, стал терять высоту.

В 1946 г. он уже удален из партийного аппарата, правда, получив достаточно престижную должность начальника управления объединения "Азнефть". Багиров, давая объяснения по этому поводу, говорил: "Ализаде став вторым секретарем расставил кругом своих людей, главным образом, своих родственников... Опираясь на своих людей... стал творить безобразные

дела и в материальном и моральном отношении... Крупные и мелкие злоупотребления Ализаде заставили нас поставить вопрос об освобождении его из партийного аппарата".⁵¹ Объяснение не очень убедительное, поскольку ни одно из значимых назначений не могло быть сделано без санкции Багирова. Что касается родственников, то, видимо, речь шла, скорее всего, в основном о двух из них: заместителе министра государственной безопасности Алекпере Мустафаеве (брат жены) и начальнике санитарной службы МГБ Али Джаваде Джавадове (муже золовки). Еще в сентябре 1946 г. Джавадов увольняется из органов МГБ как лицо, имеющее репрессированных родственников. В семье Ализаде подозревали, что увольнение Джавадова - первый шаг на пути дискредитации Ализаде и что за этим стоят секретарь ЦК Мир Гасан Сеидов, председатель Совета Министров Теймур Кулиев и некоторые другие лица из окружения Багирова.⁵² Не исключено. Стремительный взлет Ализаде не мог не вызывать ревностного отношения среди других высших руководителей республики. Но за всем этим мог стоять и сам Багиров, обеспокоенный растущей популярностью собственного выдвиженца. Ведь способного выдвиженца могли заприметить и на кремлевском Олимпе.

В начале именно это могло быть первопричиной вытеснения Ализаде из партийного аппарата. Ведь там, в Москве, именно второй секретарь ЦК Компартии союзной республики рассматривался как реальный преемник первого секретаря. К тому же Ализаде обладал достаточным количеством анкетных показателей для выдвижения на пост первого лица в Азербайджане. Кстати, и преемник Ализаде на должности второго секретаря ЦК Сеидов также в 1950 г. был выдворен из партийного аппарата, когда Багиров утвердился в мысли, что тот может реально претендовать на его место. Во всяком случае, так утверждает в своих воспоминаниях сам Сеидов.⁵³ Но последний все же удержался, и надолго, в верхних эталонах власти. И прежде всего потому, что смирился с утратой одной из ведущих позиций в партийном аппарате.

В случае с Ализаде события приобрели совсем иной характер. Уже вскоре после смещения Ализаде с поста второго секретаря ЦК и увольнения Джавадова из органов государственной безопасности семья Ализаде переходит в наступление. Теща Ализаде Хавер Рашидзаде уговаривает Джавадова начать борьбу компроматов и тот соглашается. Начинается война анонимок. Жена и дочь Джавадова под его диктовку пишут о секретаре ЦК КП(б) Азербайджана Сеидове, о председателе Совета Министров Азербайджанской ССР Кулиеве и других, что "... они свое служебное положение используют в корыстных целях, для обогащения себя; имеют скомпрометированных родственников, родственники их занимаются торговлей, что некоторые из них являются морально разложившимися

личностями". Анонимные письма были направлены на имя Сталина, Берия, Микояна, Багирова. Этим же адресатам были направлены анонимные письма, но уже в отношении Ализаде и с такими же обвинениями. Все анонимки стали достоянием Багирова, который подвел первую черту в начавшейся интриге.⁵⁴

С.Емельянову поручается выяснение авторства анонимок, порочащих Сеидова и других. И уже в апреле 1947 г. авторство анонимок - Джавадова и членов его семьи - было установлено научно-графической экспертизой. До июня 1947 г. их не трогают. Но в июне 1947 г. в квартире Ализаде состоялся разговор между хозяином квартиры и его деверем, заместителем министра государственной безопасности А.Мустафаевым в присутствии их жен. Обиженный Ализаде говорил о нескромности Багирова, проявившейся в строительстве на даче бассейна за государственный счет. Мустафаев ему поддакивал. По сути - сплетня в кругу семьи. Но уже на следующий день Мустафаев был вызван к Емельянову, в кабинете которого стало ясно, что содержание его беседы в квартире Ализаде стало известно министру и Багирову.⁵⁵ Спустя столько лет сложно сказать, как это произошло: то ли разговор передал один из участников беседы, то ли в квартире было вмонтировано подслушивающее устройство. Как бы то ни было, гнев Багирова обуздать было трудно. Мустафаев был освобожден от работы в МГБ, Джавадов же был арестован. Вслед за этим были взяты под стражу жена и теща Джавадова, то есть мать и сестра Мустафаева. В ходе следствия Джавадов признался в составлении анонимок, которые были признаны клеветническими. Признания были получены путем систематических избиений. 14 ноября 1947 года Джавадов и его теща Рашидзаде Хавер, обвиненные в составлении анонимных писем, были приговорены к 3 годам лишения свободы каждый. Жена Джавадова, принимавшая участие в написании анонимок, была приговорена к 2 годам лишения свободы.⁵⁶

Странно, но Мустафаев и Ализаде арестованы не были. Странно, потому что показания на них, при тех используемых методах следствия, у Джавадова и его жены выбить было не так уж сложно. Но, тем не менее, Багиров избрал другой путь - унижения своих недавних выдвиженцев, их морального подавления. Он мстил им за их, как ему представлялось, измену. Безусловно, и не без оснований, он ощущал себя благодетелем и Ализаде, и Мустафаева. Нет сомнения, что Ализаде не без согласия Багирова стал и секретарем ЦК, и лауреатом, и академиком. И Мустафаев мог стать заместителем министра госбезопасности лишь с согласия Багирова. При этом личное досье Мустафаева содержало такие факты, которые в условиях того времени его серьезно компрометировали: происходил из бекской семьи, отчим был турецким офицером, высланным из СССР в 1930 г., брат имел судимость. В документах Мустафаев заявлял, что не поддерживал отношений

с матерью и отчимом, а на самом деле он длительное время проживал с ними в одном доме. Еще в 1939 году Багиров принял Мустафаева. В архиве сохранилась стенограмма этой беседы. Произошел следующий диалог:

Мустафаев: Мать вышла замуж за другого и ушла от нас.

Багиров: За кого вышла замуж?

Мустафаев: Не знаю.

Багиров: Мать не здесь?

Мустафаев: Здесь, но я не имею с ней связи.⁵⁷

Задававший вопросы знал правду, потому что держал в руках личное дело, в котором содержались оперативные данные, опровергавшие ответы Мустафаева. Но Багиров не стал изобличать его и не мешал, а, быть может, способствовал служебному продвижению Мустафаева.

Трудно сказать, были ли Ализаде и Мустафаев причастны к анонимным письмам Джавадова. Сомневался и сам Багиров. Но действуя по принципу "своя рука владыка", он вынудил Ализаде развестись с женой, объявил ему выговор "за неискренность перед партией", перевел его на менее значимую, чем прежде, должность руководителя "Азербайтнефтеразведки", а уже в 1948 г. выдворил и с этого поста как "необеспечившего руководство", лишил депутатского мандата, исключил из состава действительных членов АН Азербайджанской ССР.⁵⁸ Министр нефтяной промышленности Байбаков, видимо, по договоренности с Багировым, предложил Ализаде работу за пределами Азербайджана - в Туркмении. Но и после этого Ализаде в покое не оставили. В публичных выступлениях Багиров всячески поносил Ализаде, говорил, что тот не чист на руку. В адрес ЦК Компартии Туркменистана были направлены письма, полные обвинений в адрес Ализаде. Гонениям подверглись братья Ализаде.⁵⁹

Мустафаева вначале перевели на должность контролера в Министерстве государственного контроля. Но затем его исключили из партии. Правда, в 1949 г. ему позволили устроиться на рядовую работу в министерстве коммунального хозяйства.

Преследованиям и травле подверглась жена Ализаде.

Интересно, что в апреле 1949 года определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР дело в отношении тещи Ализаде было прекращено, а в отношении его золовки наказание в виде двух лет пребывания в исправительно-трудовом лагере было заменено на осуждение условно. Обе они были освобождены. Но под давлением республиканских руководителей пленум Верховного Суда СССР отменил решение судебной коллегии и обе женщины вновь были арестованы. Между тем, в заключении скончался Джавадов.⁶⁰

Многое в этой истории не совсем понятно. Одно ясно, что во всем происшедшем проявились необузданность Багирова, его самоупоение

властью, произвол работников МГБ, прокуратуры и суда, трепетавших перед Багировым, любой ценой стремившихся выполнить заказ хозяина. Непонятно другое. Почему он не пошел на окончательную судебную расправу с Ализаде, его женой, Мустафаевым. Ведь был добыт материал об их антигосударственной деятельности. Такие, в частности, показания дали некоторые из арестованных специально для этой цели людей. Но факт остается фактом. На тотальное уничтожение семьи Ализаде Багиров не пошел. Остается предположить, что его сдерживало опасение возможной расплаты за очевидную фальсификацию. Фигура Ализаде - бывшего секретаря ЦК, бывшего академика, лауреата Сталинских премий была слишком заметной. Время массовых репрессий минуло, а неосторожная расправа могла бы быть использована и недругами. Но все это предположения. Во всяком случае, Багиров преследованиями Ализаде, его родственников и так нажил себе целую группу свидетелей обвинения для своего будущего процесса.

Как видно, формирование кадрового корпуса власти в стране, в том числе в Азербайджане, в рассматриваемые годы было процессом сложным и противоречивым. Желание Системы видеть свою команду все более презентабельной в глазах народа было очевидным. Представители элиты должны были выглядеть достойными права именоваться носителями власти. Рост ее образовательного уровня, особое внимание регулированию национального и социального состава, постоянная повышенная требовательность по отношению к качеству выполнения ею служебных обязанностей и моральному облику - все это, в конечном итоге, было подчинено задачам поддержания и роста авторитета власти. Системе представлялось, что номенклатура - визитная карточка власти, и в условиях формализации системы волеизъявления населения она может быть единственным реальным убедительным символом декларируемого народовластия. Отсюда и следовало то большое внимание к комплектованию командных кадров. Наделяя их большой ответственностью, Система и строго взыскивала за любую неудачу и неосторожность. Кадры должны были постоянно находиться в напряжении. Каждый член номенклатуры постоянно ощущал бдительный контроль за своими действиями вышестоящего должностного лица. Но в условиях отсутствия четких и ясных критериев оценки деятельности кадров номенклатуры во взаимоотношениях между участниками ее иерархической лестницы господствовал субъективизм и произвол. Наделяя членов номенклатуры особыми льготами и привилегиями материального порядка, Система постоянно держала их перед угрозой "отсечения" из своей среды. Надо сказать, что постоянное психологическое давление на номенклатуру дополнялось ненормальным, находящимся на грани человеческих возможностей, ритмом ее работы. Большинство членов номенклатуры не имели какого-либо распорядка рабочего времени, их

рабочий день продолжался в течение 14-16 часов, они работали и в выходные дни. Мир Гасан Сеидов вспоминает, что даже работники аппарата ЦК располагали свободным временем лишь полдня в неделю, в воскресенье.⁶¹

В рассматриваемые годы кадры номенклатуры не подвергались физическому разгрому, как это имело место в конце 30-х годов. И, тем не менее, такая угроза постоянно довлела над ними. Наделенная властью номенклатура была бесправной перед лицом Системы, которая оперировала по отношению к ней не Законами, а неписанными Правилами, которые номенклатура использовала чаще, чем Законы, во взаимоотношениях с подвластным ей народом. Сталину представлялось, что номенклатура не является некой застывшей формой, что это постоянно формирующийся и развивающийся организм, в котором могут вызревать настроения, противоречащие интересам Системы. Поэтому одной из главных забот Сталина в области кадровой политики оставалось обеспечение благонадежности номенклатуры.

Источники и литература

1. ГАППОД, ф.1, оп.104, д.53, л.35.
2. Народное хозяйство Азербайджанской ССР. Статистический сборник. Баку, 1957, с. 475-476.
3. "Бакинский рабочий", 27 декабря 1946 г.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.9396, оп.1, д.210, л.262.
5. Народное хозяйство Азербайджанской ССР, Стат. сборник, с. 364-365.
6. ГАППОД, ф.1, оп.104, д.59, л.35.
7. Там же, оп.244, д.1, л.296-298.
8. Там же, л.306.
9. Там же, оп.168, д. 7, л. 1-6.
10. "Бакинский рабочий", 27 декабря 1946 г.
11. ГАППОД, ф.1, оп.104, д.53, л.43, 45.
12. Коммунистическая партия Азербайджана в цифрах, с. 139.
13. ГАППОД, ф.1, оп.241, д. 12, л.205.
14. КПСС в решениях съездов, конференций, пленумов ЦК, издание девятое, т.3, М., 1984, с. 86, 132.
15. Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с. 13.
16. ГАППОД ф.1, оп.168, д.7, л. 1-6.
17. Бакинский рабочий, 25 марта 1947 г.
18. Бакинский рабочий, 19 апреля 1953 г.
19. ГАППОД ф.1, оп.225, д. 14, л.282, 285.
20. Там же, д.1, л. 154,-156.

21. Там же, л. 154.
22. Там же, л. 157.
23. Там же, оп.104, д.20, л.164-165
24. Там же, л. 166.
25. Там же, оп.241, д.11а, л.30.
26. Там же, оп.221, д.12, л. 15.
27. Там же, оп.244, д.53, л.47.
28. Там же, оп.241, д.11а, л.26-27.
29. "Бакинский рабочий", 26 января 1949 г.
30. Там же, 24 сентября 1952 г.
31. Жданов А. Доклад о журналах "Звезда" и "Ленинград". М., 1952, с.23.
32. "Бакинский рабочий", 26 января 1949 г.
33. ГАППОД, ф.1, оп.245, д.43, л.4.
34. Там же, л.35.
35. Там же, ф.1, оп.104, д. 4 6, л.1.
36. Там же, оп.253, д.25, л.73.
37. Там же, оп.222, д. 5, л. 246-247.
38. Там же, оп.230, д.9, л.5.
39. Там же, оп.45, д. 10, л.30-31.
40. Там же, оп.104, д.59, л.43.
41. Там же, оп.225, д.1, л.48-50.
42. Там же, оп.244, д.1, л.266-269.
43. Там же, оп.245, д.49, л.5-7.
44. "Бакинский рабочий", 1, 3, 4, 5 марта 1950 г.
45. Сталин. Вопросы ленинизма. М., 1947, с.608.
46. Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с.31.
47. "Бакинский рабочий", 4 марта 1950 г.
48. ГАППОД ф.1, оп.221, д.2, л.44-54.
49. Там же, оп.244, д.14, л.428-429.
50. Там же, оп.241, д.1, л.96.
51. Там же, оп.222, д.4, л.11.
52. Суд над Мир Джафаром Багировым, с.88
53. Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с.80.
54. ГАППОД, ф.1, оп.251, д. 14, л.133.
55. Суд над Мир Джафаром Багировым, с.82
56. ГАППОД, ф.1, оп.251, д. 14, л.136.
57. Там же, оп.168, д.33, л.11.
58. Там же, л. 3-6.
59. Суд над Мир Джафаром Багировым, с.85-86
60. ГАППОД ф.1, оп.251, д. 14, л.136.
61. Сеидов М.Г. Указ. рукопись.

ГЛАВА 5

О БДИТЕЛЬНЫХ И БДИТЕЛЬНОСТИ

Важнейшей составной частью сталинской системы являлись правоохранительные учреждения: прокуратура, суд, милиция, и, конечно же, органы государственной безопасности. Применительно к изучаемому периоду понятие "правоохранительные органы" вряд ли можно считать корректным, поскольку исходной базой деятельности этих государственных структур являлось не столько обеспечение правопорядка, сколько обслуживание политических интересов сталинского режима, чаще всего, с использованием методов, противоречащих закону и вопреки ему. Так что, если говорить о правопорядке, имея в виду, что это слово подразумевает синтез понятий "право" и "порядок", то в большей степени применимо понятие "порядкоохранительные органы". Прежде всего потому, что их главной задачей была охрана порядка, который базировался на неписаных правилах, стоящих над Законом, и которые использовали закон в тех случаях, когда он их устраивал. В те годы, да и позже, по отношению к этим структурам чаще всего использовалось выражение "карательные органы". И это, в целом, справедливо, поскольку раскрывало политическую суть основной их задачи - карать за нарушение сложившегося режима. Это вовсе не означало, что функции работников карательных органов ограничивались борьбой с политическими преступлениями. Отнюдь. Большое место в их деятельности занимала защита населения от уголовных элементов - бандитов, воров, хулиганов, борьба с взяточничеством, хищениями на предприятиях, торговых учреждениях.

И, тем не менее, в то время все виды преступлений рассматривались как действия, подрывающие основы Системы и Режима и все они, в той или иной степени, оценивались с точки зрения их политических последствий. Отсюда и борьба как с политическими, так и уголовными преступлениями перед карательными органами выдвигалась в равной степени как задача политическая.

Отсюда и политизированность органов, которая выражалась в том, что их кадровым работником нельзя было стать, не будучи членом Коммунистической партии. Во всяком случае, рассчитывать на служебную карьеру не приходилось. Попастъ в органы, будучи, как минимум, комсомольцем, можно было. Но дальнейшее служебное продвижение по службе без партийного билета было нереальным. Думается, логика такого подхода к формированию карательных органов была основана не столько на особом доверии к коммунистам, сколько на возможности повышенного политического спроса с члена партии за уровень его служебного рвення.

Политическая ответственность коммуниста отождествлялась с его служебной ответственностью и, как правило, в случае просчетов в работе влекло за собой двойное наказание - и по партийной, и по служебной линии. Политизированность карательных органов находила свое выражение в наличии в рамках каждого из них разветвленной системы партийных комитетов - от первичных партийных организаций в каждом структурном подразделении до партийных комитетов центральных аппаратов.

Каждый работник карательных органов должен был каждодневно чувствовать непосредственный партийный контроль за своей деятельностью. Помимо этого, в Министерстве внутренних дел существовал институт заместителей по политической работе - от министра до начальника районного отдела, которые осуществляли функцию идейно-воспитательной работы, а по существу, политического контроля за поведением личного состава. Наконец, важнейшим фактором политизированности органов являлась то, что их деятельность проходила под пристальным контролем и, в значительной степени, на основе систематических директивных указаний партийного аппарата, причем на всех уровнях. Деятельность карательных органов проходила под пристальным вниманием первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.Д.Багирова, часто непосредственно вмешивающегося в их дела и дававшего конкретные поручения руководителям министерств и ведомств. По его указаниям секретари ЦК и другие работники аппарата систематически вмешивались в работу карательных органов, корректируя выполнение ими служебных обязанностей. В аппарате ЦК функционировал специальный отдел административных органов, осуществлявший непосредственный контроль за деятельностью карательных органов. Надо сказать, что в те годы в партийной среде вмешательство в работу прокуратуры, милиции, суда рассматривалось как вполне естественное явление, как проявление руководящей роли партии в государстве и обществе. Такое право за собой ощущали не только работники аппарата ЦК, но и руководители областных, городских и районных комитетов партии. Особенно болезненно они реагировали на попытки назначения руководителей подразделений соответствующих органов в руководимые ими территориальные единицы без их согласия. Руководители карательных органов республики обязаны были согласовать представляемые кандидатуры не только с аппаратом ЦК, но и с местными партийными руководителями. Бюрократическая волокита с назначениями руководителей прокуратуры, милиции и суда порой затягивалась на многие месяцы. Но часто местные партийные руководители считали себя вправе вмешиваться в процесс отправления правосудия, в определение виновности или невиновности того или иного лица. Такого рода вмешательство приняло столь массовый характер, что ЦК Компартии Азербайджана счел необходимым изложить

свою позицию в специальном письме, направленном руководителям областных, городских, районных комитетов партии, правоохранительных органов 20 февраля 1945 г. В нем говорилось: "...некоторые руководящие республиканские и районные работники, грубо нарушая советские законы, вмешиваются в ход следствия по делам преступников, оказывают давление на прокуроров, судей и работников милиции, требуя от них смягчения наказания или освобождения из-под стражи обвиняемых или подозреваемых в преступных действиях.

Так, например:

Первый секретарь Акстафинского РК КП(б) Азербайджана Векилов предложил нарсудье Акстафинского района тов. Салимовой приостановить судебное заседание, явиться к нему и дать объяснение по поводу рассматриваемого в суде головного дела.

Первый секретарь Кюрдамирского РК КП(б) Азербайджана Кязимов предложил начальнику РО НКВД т.Мовсумову освободить из-под стражи арестованного органами прокуратуры и следствия осужденного Верховным судом Азерб.ССР на 7 лет лишения свободы бывшего председателя Кюрдамирского горисполкома Советов депутатов трудящихся Керимова Г.". ¹

Приведенные в письме примеры вмешательства партийных работников в дела суда и милиции весьма характерны. Речь, как видно, идет о желании местных партийных руководителей помочь осужденным. Трудно сказать сегодня, какими мотивами руководствовались партийные работники. Но ясно другое. ЦК Компартии Азербайджана характером приведенных примеров хотел подчеркнуть, что любая попытка парторганов содействовать участи арестованных не найдет с его стороны поддержки. Правда, в письме говорится, что "имеются факты, когда руководящие районные работники требуют привлечения к уголовной ответственности граждан без достаточных к тому оснований". Но сказано без приведения примеров, как бы так, между прочим. В письме содержится наказ: "Прекратить политику вмешательства в оперативную и следственную работу прокуратуры, суда, милиции и других карательных органов... Прокурору Азерб. ССР тов. Эфендиеву, Наркомосту тов. Самедзаде, председателю Верховного Суда т. Айдамирову, наркому внутренних дел т. Якубову, наркому госбезопасности т. Емельянову о всех случаях вмешательства в оперативно-следственную работу карательных органов сообщать в ЦК КП(б) Азербайджана". ²

Потаенный смысл этого письма очевиден. Местные партийные органы предостерегают против их попыток ограничения жесткости в деятельности прокуратуры, суда и милиции. Центральный комитет не желал допускать даже малейших корректив в отношении жесткой судебной-следственной практики в сторону ее смягчения. Одергивая своих работников, руководители партийной организации республики лишь вскользь упоминают органы

государственной безопасности, прекрасно понимая, что эта организация занимает исключительное положение и ни в коей мере не может испытывать давления со стороны местных партийных органов. В принципе, эта организация вместе со своими структурными подразделениями, включая районные, была в значительной мере выведена из-под контроля партийных органов.

Как отдельная структура, Народный комиссариат государственной безопасности СССР (впоследствии, с 1946 года, министерство) как союзно-республиканское ведомство было создано в 1943 году, выделившись из Народного комиссариата внутренних дел СССР. Надо сказать, что и в рамках единого наркомата органы государственной безопасности рассматривались высшим руководством страны в лице Сталина как особо значимая структура и в силу этого их деятельность проходила под личным его контролем. Созданные тогда же в союзных республиках отдельные народные комиссариаты государственной безопасности являлись ведомствами, которые были в значительной степени сориентированы в определении направлений деятельности на свой московский центр.

На должность руководителей этого ведомства в союзных республиках, как правило, назначались эмиссары из Москвы и это определяло их особый статус. Очень часто руководители партийных организаций союзных республик сами оказывались под контролем руководителей местных министерств государственной безопасности. Материалы процесса над Берией 1953 года, воспоминания Хрущева, "мингрельское дело" в Грузии свидетельствовали об этом. Так могло сложиться и в Азербайджане.

Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана М.Д.Багиров долгое время был руководителем службы государственной безопасности республики. Он, естественно, прекрасно понимал роль и место этой организации в советском государстве, в деле осуществления контроля за руководителями союзных республик, в обеспечении привязанности союзных республик к общесоюзному центру. Тем не менее, тщеславный и волевой руководитель Азербайджана не желал иметь у себя такого руководителя республиканского ведомства безопасности, который исподволь наблюдал бы за его действиями и поступками, информируя о них Москву. Более того, он, несомненно, хотел в своих интересах и, прежде всего, в целях укрепления своих позиций использовать органы госбезопасности. Именно этим объясняется его выбор министра госбезопасности Азербайджана. С учреждением народного комиссариата госбезопасности Азербайджана его возглавил С.Емельянов. Уроженец Татарии, русский по национальности, Степан Емельянов был выдвинут М.Багировым на эту должность с партийной работы. Выбор был не случайным. Багиров понимал, что предшественники С.Емельянова в качестве руководителей службы

государственной безопасности все были эмиссарами Москвы, напрямую связанные с руководителями НКВД СССР Г.Ягодой, Н.Ежовым, Л.Берия, многие из них вместе со своими патронами ушли в небытие. Но до того их руками был инсценирован разгул репрессии в Азербайджане 1937-1938 годов. Конечно, с М.Д.Багирова нельзя снять ответственности за злодеяния тех лет. Но вряд ли он мог без оглядки на эмиссаров НКВД Москвы действовать в те годы. Он действовал скорее в унисон с требованиями того страшного времени, опасаясь тех же "энкаведешников", власть над которыми у него была не столь велика. С назначением народным комиссаром внутренних дел близкого Багирову Берия появилась возможность выдвижения на пост народного комиссара внутренних дел, а затем народного комиссара государственной безопасности своего человека. М.Д.Багиров был в известной степени осторожным человеком. Он понимал, что назначение на эту должность азербайджанца может навлечь на себя подозрение. Поэтому он предпочел выдвижение на эту должность русского, целиком и полностью обязанного своим выдвижением ему, малоизвестного и не связанного с Москвой С.Емельянова. Но с началом служебной карьеры Емельянова процесс азербайджанизации органов государственной безопасности в Азербайджане усилился.

В публицистике распространено мнение, что засилье некоренных кадров в органах государственной безопасности Азербайджана явилось одной из главных, если не решающих факторов особенно широких массовых репрессий в Азербайджане в 30-х годах. Действительно, к концу 30-х годов основную часть ведущих работников службы государственной безопасности республики, и, прежде всего, центрального аппарата НКВД, составляли русские, армяне, евреи. Это правда. К сожалению, точной информацией о национальном составе работников государственной безопасности тех лет мы не располагаем. Но косвенные данные подтверждают, что в аппарате НКВД абсолютное большинство составляли неазербайджанцы.

Выпущенная в 1993 году небольшая брошюра о судебном процессе по делу М.Д.Багирова и других дает представление об основных фигурах, задействованных в качестве исполнителей репрессий в 1937-1938 годах. Здесь чаще всего мелькают неазербайджанские фамилии: Раев, Сумбатов-Топуридзе, Григорян, Борщев, Цинман, Герасимов, Аксенов, Кудин, Крученков, Желтенкова, Борисов-Павлов, Маркарян. И лишь эпизодически встречаются азербайджанские фамилии³.

Весьма интересны сведения о руководящих работниках отдела кадров НКВД в конце 30-х годов. Отдел состоял из четырех отделений. Начальником отдела был Петин, начальниками отделений - Накаряков, Лашманов, Камалян, Гареев.⁴ Это еще раз подтверждает, что при формировании центрального аппарата органов госбезопасности долгое время

предпочтение отдавалось представителям некоренной национальности. Все это вовсе не дает основание видеть первопричину гибели тысяч представителей азербайджанской культуры, интеллигенции, простых тружеников в национальном составе работников службы государственной безопасности. Прежде всего, это была мощная террористическая акция в масштабах всей страны. И никто сегодня не рискнет сказать, в каких республиках было репрессировано людей больше, а в каких меньше. Ведь речь идет о миллионах людей. Репрессии затронули в Азербайджане и азербайджанцев, и русских, и армян, и евреев, да и не только их. Порой представители коренной национальности составляли единицы при проведении той или иной обвинительной кампании.

Так, в состряпанном в 1937 году "деле" по обвинению в контрреволюционной деятельности к уголовной ответственности были привлечены сотни работников Каспийского пароходства. Азербайджанцев среди них было лишь несколько человек. А все остальные - русские, армяне, евреи. Был репрессирован весь руководящий состав Нагорно-Карабахской автономной республики. Среди репрессированных руководящих партийных, профсоюзных, комсомольских работников были люди разных национальностей. Это было время, которое очень ярко обрисовано в 1955 году в справке тогдашнего прокурора Азербайджанской ССР А.Бабаева, представленной первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана И.Мустафаеву: "По данным НКВД, все слои населения Азербайджана были охвачены контрреволюционной деятельностью и являлись членами самых разнообразных контрреволюционных организаций. Старые партийцы-подпольщики объявлялись врагами Советской власти, руководящие партийные и советские работники буквально на ходу вербовали друг друга в различные контрреволюционные организации, армяне становились мусаватистами, русские рабочие боролись за установление буржуазно-националистической власти в Азербайджане, а дряхлые профессора зачислялись в боевики террористических формирований.

Политическая и культурная отсталость многих работников НКВД приводила к тому, что арестованным предъявлялись самые нелепые обвинения, как например, вредительство путем выпуска недоброкачественной бумаги-мухомора, вредительская поломка колеса арбы, отторжение Азербайджана от ЗСФСР и превращение в союзную республику и, наконец, отделение Азербайджанского Государственного Университета от государства".⁵

Поэтому вряд ли оправдано изображать репрессии 1937-1938 годов как сугубо антиазербайджанскую акцию. В целом, это была часть общесоюзной карательной акции, в ходе которой в союзных мусульманских республиках самым "удобным" аргументом при массовой фальсификации уголовных дел

было обвинение в национализме, панисламизме, пантюркизме. Естественно, такие обвинения в Азербайджане могли быть, прежде всего, направлены против азербайджанцев. Отсюда репрессии против тысяч партийных и советских работников, деятелей науки и культуры, простых крестьян, прежде всего, азербайджанской национальности.

Духовному и нравственному потенциалу азербайджанского народа был нанесен колоссальный ущерб, менталитет нации, вследствие тотального воздействия страха, был деформирован. Естественно, что при поиске виновных трагедии простейшим решением представляется обращение к национальному составу работников государственной безопасности той поры. Тем более, что азербайджанцев в их составе было совсем немного.

Такой подход мог бы иметь основание, если рассматривать репрессии в Азербайджане в отрыве от того, что происходило по всей стране. В противном случае мы должны согласиться, что первопричиной был отнюдь не национальный состав органов государственной безопасности Азербайджана. Тем более, что в ряде случаев азербайджанцы - работники органов государственной безопасности проявляли рвение в разоблачении "врагов народа" не в меньшей степени, чем представители других национальностей. И, тем не менее, в какой-то степени высокая доля представительства инонационального элемента могла сказаться на масштабах репрессий. Здесь могло сказаться и безразличие, и презрительное отношение, когда речь шла об азербайджанцах, иными словами, те качества, которые были унаследованы работниками советского карательного аппарата от царских чиновников. Для некоторых из армян, которых было много среди работников органов государственной безопасности, кампания уничтожения "врагов народа" стала удобным поводом для выражения их традиционной ненависти к азербайджанцам. На судебном процессе по делу Багирова и других в 1956 году было зачитано письмо к матери одного из высокопоставленных в прошлом работников НКВД, армянина по национальности, обвиняемого на данном процессе Маркаряна, где он кичился тем, что отомстил азербайджанцам, многих из которых отправил на плаху. По свидетельству очевидцев, именно этот фрагмент судебного процесса вызвал эмоциональную тираду из уст М. Багирова: "Моя вина перед народом так велика, что меня мало расстрелять, мало повесить, меня надо четвертовать, разрубить на куски".⁶ Тем не менее, вряд ли Маркарян, Григорян или какой-либо другой носитель армянской фамилии являлись основными виновниками трагедии в Азербайджане в период массовых репрессий. Другое дело, что многие из них, возможно, испытывали особое наслаждение, фабрикуя дела в отношении именно азербайджанцев. Не исключено. Но появлению возможности для массовых фабрикации, стимулированию поисковой деятельности по выявлению бесконечных

"врагов народа", проявлениям антиазербайджанской направленности этой деятельности, очевидно, мы обязаны Системе, конкретной политике тех лет. А исполнителей этой политики, в том числе лиц армянской национальности, привнесших порой в процесс репрессий в Азербайджане свою затаенную ненависть к азербайджанцам, было значительно больше, чем их оказалось на скамье подсудимых в 1956 г. Да, национальный состав органов государственной безопасности не мог не сказаться на масштабах репрессий, именно против азербайджанцев. И хотя, отнюдь не в решающей степени, вопрос о коренизации состава работников государственной безопасности имел для судеб азербайджанского народа не столько престижное, сколько стратегическое значение. И думается, что партийное руководство Азербайджана сыграло свою роль в изменении их национального состава в послевоенные годы. Уже к концу рассматриваемого периода удельный вес азербайджанцев среди "чекистов" несравнимо вырос в сравнении с довоенными годами.

Показателем этого служит состав работников МТБ республики, приглашенных на совещание к М.Д.Багирову в декабре 1952 года. Всего было приглашено 60 человек. Все они считались руководящими работниками министерства: министр и его заместители, руководители отделов центрального аппарата и областных структур и их заместители, руководители отделений, других структур. Были и армяне - 9 человек. Но теперь армяне не занимали, как раньше, самые ключевые места и теперь их антиазербайджанские потуги было несложно нейтрализовать активностью азербайджанцев. При этом двое являлись начальниками отделов, один - заместителем начальника отдела, один начальником отделения, 1 возглавлял инспекцию отдела кадров центрального аппарата МГБ, 1 возглавлял областное управление в Нагорном Карабахе, 2 возглавляли отделы в управлениях по Бакинской области и на железной дороге. Среди заместителей министра, начальников Бакинского, Гянджинского, Нахичеванского управлений и их заместителей, начальников ведомственных управлений и их заместителей армян не было. Вряд ли это было случайным. Как и не было случайным присутствие значительного числа представителей, как теперь часто говорят, русскоязычного населения: русских, евреев и других. К их числу относились сам министр Емельянов, его заместитель Ларцев, начальники отделов и отделений центрального аппарата Рынский, Кемарский, Романский, Бронштейн, Зимин, Котомин, Гнездов, руководящие работники в областных и ведомственных управлениях Лаврухин, Клементьев, Гордеев, Бумаков, Дронов, Нефтяков, Андрюшов и другие. Но теперь значительную часть руководящих работников МГБ Азербайджана составляли уже азербайджанцы (около 50%). Из трех заместителей министра двое являлись азербайджанцами: Кулиев и Агамалы. Мустафаев, Назарли,

Мамедов, Ализаде возглавляли отделы центрального аппарата, Керимов, Касумов, Гасанов возглавляли, соответственно, бакинскую, гянджинскую и нахичеванскую структуры. На руководящую работу именно в эти годы была выдвинута целая плеяда национальных кадров, впоследствии занявших ключевые посты в системе государственной безопасности и других правоохранительных органах. Среди них был и будущий руководитель Азербайджана Гейдар Алиев, занимавший тогда должность начальника 2 отдела управления МГБ по Бакинской области, Аббас Заманов (в будущем прокурор Азербайджанской ССР), Ильгусейн Гусейнов (в будущем председатель КГБ республики), Гамбай Мамедов (в будущем прокурор республики) и другие.

Как видно, в столь высоко котируемой структуре, каковой являлись органы государственной безопасности, "коренизация" состава стала заметной тенденцией. И без поддержки руководителя с таким характером, как М.Д.Багиров, или хотя бы без его молчаливого согласия развитие она бы не смогла. Как, впрочем, и в других правоохранительных органах. Причем, если в системе МГБ первым должностным лицом являлся русский, то всеми другими правоохранительными ведомствами неизменно руководили азербайджанцы. Прокурорами Азербайджанской ССР в послевоенные годы поочередно являлись Эфендиев, Алиев, Рахимов. Должность министра внутренних дел занимали Ягубов и Атакишиев. Министром юстиции неизменно оставался Алимамедов. Председателями Верховного Суда являлись Айдамиров и Алекперов.

Безусловно, в подходе к замещению должности руководителя ведомства государственной безопасности Москва проявляла гораздо больший интерес по сравнению с подходом к кандидатурам на должности руководителей прочих карательных органов. Правда, назначению их всех предшествовало утверждение в соответствующих общесоюзных ведомствах: Генеральной прокуратуре СССР, Министерстве внутренних дел СССР и т.д. Но в каждом из этих случаев Москва предпочитала полагаться на рекомендации ЦК Компартии Азербайджана. М.Д.Багиров использовал это, выдвигая азербайджанцев, опережая возможную инициативу Москвы. Вероятно, тот факт, что большинство других правоохранительных ведомств возглавлялись азербайджанцами, играло не последнюю роль в более быстрой коренизации их кадрового состава по сравнению с органами государственной безопасности. В 1951 г. азербайджанцы составляли уже 75% всего кадрового состава Прокуратуры Азербайджанской ССР, в том числе 61% на уровне центрального аппарата. В самом центральном аппарате из 49 человек 30 являлись азербайджанцами. Армян здесь оставалось всего 5 человек.⁸ В 1947 г. был избран состав Верховного Суда Азербайджанской ССР в количестве 23 человек. 16 из них являлись азербайджанцами, 5 русскими и евреями, 2 -

армянами.⁹ Такая же ситуация была характерна для министерств внутренних дел и юстиции.

Таким образом, азербайджанизация карательных или правоохранительных органов республики стала очевидной. Это вовсе не говорит о том, что органы правопорядка стали в большей степени, чем прежде, гарантами соблюдения прав азербайджанского населения, не говоря уже о правах граждан республики в целом. Но сама по себе эта тенденция существенно ограничивала возможности проявления антиазербайджанских настроений в деятельности этих органов, способствовала лучшему учету особенностей уклада жизни и психологии местного населения. И было бы несправедливым не видеть роли М.Д.Багирова в этом. Правда, очевидно, что ему все время нужно было соблюдать меру, чтобы не вызвать опасных кривотолков в Москве. Ранее говорилось о мотивах выдвижения Багировым Емельянова на должность министра государственной безопасности. С этим же было связано сохранение широкого присутствия представителей других национальностей в руководстве МГБ. Но, видимо, с этим приходилось считаться и при комплектовании руководящих должностей в других карательных ведомствах. Так, в указанные годы должности первых заместителей прокурора и министра внутренних дел республики замещались лицами неазербайджанской национальности (Селиверстов, Полянский, Лукшт и др.). Должности прокурора и начальника управления внутренних дел города Баку замещались лицами русской национальности (Крюков, Полянский, Горелов и др.). Причем, порой, по инициативе самого Багирова, который обращался с соответствующим запросом в московские инстанции. Так, в 1949 г., освободив Крюкова от обязанностей прокурора г. Баку, ЦК Компартии Азербайджана обратился в адрес Генеральной прокуратуры СССР с просьбой назначить на его место другого человека по рекомендации Москвы. Генеральный прокурор рекомендовал на эту должность Полянского, ранее работавшего в Узбекистане. М.Д.Багиров сразу же дал согласие на эту кандидатуру. Такие случаи имели место. Но это, скорее всего, можно рассматривать как маневр, за которым скрывалось стремление к широкому использованию национальных кадров.

Диапазон деятельности карательных органов и, прежде всего, Министерства государственной безопасности был достаточно широк. Деятельность последнего вообще была сконцентрирована на выполнении функции политического сыска. В этом плане эту деятельность можно назвать даже разносторонней. Важнейшей ее сферой являлось отслеживание настроений населения. Располагая большой армией негласных осведомителей, министерство государственной безопасности имело возможность регулярно информировать вышестоящую инстанцию в Москве и местное партийное руководство о реакции населения на все важнейшие

события в стране, в целом, в республике и в сфере международной политики. Вот заголовки некоторых характерных так называемых "спецсообщений" тех лет, направленных МГБ в адрес ЦК КП(б) Азербайджана: 3 января и 7 февраля 1947 г. - "Высказывания населения Баку и его районов по поводу тяжелых материально-бытовых условий и продзатруднений", 5 июня 1947 г. - "Высказывания населения о надвигающейся войне", 13 августа 1947 г. - "Жалобы рабочих, занятых в промышленности, на строительстве в гор. Баку и его районах", 9 ноября 1948 г. - "О настроениях населения города Баку в дни праздников 31-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции", 9 мая 1950 г. - "О высказываниях населения гор. Баку и его районов в связи с празднованием 30-летия установления Советской власти в Азербайджане и майскими днями" и т.д.¹⁰

Основное место в этих спецсообщениях занимают подслушанные, записанные, зафиксированные высказывания граждан республики, квалифицируемые как проявление враждебных по отношению к Системе выпадов.

Под неусыпным контролем органов государственной безопасности находилось все общество, каждый его член. Разветвленная система политического сыска в каждом человеке видела потенциального политического противника, без усталости выискивая врагов, просеивая через фильтры политической благонадежности тысячи и тысячи людей. Критерии этих фильтраций были различными. В число политически неблагонадежных зачислялись, как и до войны, родственники "врагов народа", лица, имеющие родственников за границей, лица с "сомнительным" социально-классовым происхождением, лица, имеющие судимость за уголовные преступления. Министерство государственной безопасности было в состоянии дать информацию на любого человека, включая простых рабочих и крестьян. Особое внимание уделяется персоналу в учреждениях и ведомствах, входящих в сферу политического управления: в партийном аппарате, государственных структурах. Не остались без бдительной аттестации даже охранники и уборщицы. В августе 1946 г., например, министерству государственной безопасности поручается проверить анкетные данные уборщицы партийного архива Азербайджанского филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП (б) Евдокии Султановой.¹¹ В 1950 г. министерство государственной безопасности докладывает о наличии судимостей у охранников партийной школы Дадашева и Азимова.¹²

2 июня 1948 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ, согласно которому решением общего собрания колхозников члены колхозов, не обеспечивающие выполнение установленного законом минимума трудовых затрат, обвиненные в уклонении от работы в колхозе, могли быть выселены в отдаленные районы страны. Применение этого указа в

Азербайджане не получило широкого распространения. Во всяком случае, оно ни шло ни в какое сравнение с практикой выселения периода борьбы с кулачеством в первой половине 30-х годов. И, тем не менее, применение имело место. Только за десять месяцев 1952 г. эта форма наказания применялась 230 раз¹³.

21 февраля 1948 года Совет Министров СССР принял постановление, согласно которому из пределов ряда республик, в том числе из Азербайджанской ССР подлежали переселению в северные районы и Сибирь лица, осуждавшиеся в прошлом за контрреволюционную деятельность. Согласно этому решению, районные комитеты партии составили соответствующие списки и представили их в ЦК Компартии Азербайджана. Тот, в свою очередь, переслал эти списки в Министерство государственной безопасности, которое представило свои заключения по этому поводу. Одно из таких заключений, касающееся списка, поступившего из Нефтечалинского района, отчетливо характеризует нравы того времени. В справке, подписанной министров государственной безопасности С.Емельяновым и министром внутренних дел М.Т.Ягубовым указывается, что в нефтечалинском списке лишь в отношении 8 человек применима предусмотренная постановлением правительства мера наказания в виде переселения из республики. Среди них лица, занимавшие разные должности: заведующий газовой конторой, слесарь, парикмахер, мастер конторы бурения, главный инженер рыбокомбината, плотник и т.д. В то же время министры полагали, что решение правительства не предусматривает выселение других, указанных в списке лиц. И, тем не менее, в заключении подчеркивается: "В отношении этих лиц дано указание начальникам РО (районных отделений - Э.И.) МТБ и МВД усилить наблюдение за ними и при наличии данных об их преступной деятельности, немедленно арестовывать и передавать суду".¹⁴ Нет сомнения, что каждый шаг всех людей, зачисленных в число политически неблагонадежных и, пожалуй, не только их, систематически прослеживался.

В любой момент сотрудники госбезопасности в состоянии были представить исчерпывающую информацию и на ее основании осуществить новый цикл массовых политических репрессий. Убедительным свидетельством служит справка Министерства государственной безопасности, датированная 2 октября 1948 г., составленная, очевидно, в связи с очередным запросом "сверху", с характерным заголовком: "О наличии в отдельных колхозах бакинских районов лиц политически неблагонадежных и не занимающихся общественно-полезным трудом". В списке, содержащем информацию на 20 человек, наряду с обвинениями в отказе работать в колхозах, хозяйственных преступлениях неизменно присутствуют и политические компроматы: "исключен из ВКП(б)", "отец в прошлом был крупным богачем, арестовывался за антисоветскую деятельность",

"происходит из кулаков", "происходит из семьи кочи, брат арестован за контрреволюционную деятельность, другой брат - бывший мусаватист, систематически ведет антисоветские разговоры", "происходит из семьи крупного торговца, дядя состоял в мусаватской организации, проживает в Иране", "настроен антисоветски, среди колхозников и рабочих нефтяников высказывает недовольство проводимыми мероприятиями партией и Советским правительством, ожидает прихода в Баку англичан и турок" и т.д.¹⁵ Основная идея справки очевидна: не желающие работать в общественном производстве являются политическими противниками режима и в любой момент их можно репрессировать по политическим мотивам. Если не тотчас, то в любое другое время.

Советская тоталитарная система на всех этапах своего существования была предрасположена к поддержанию идеи о постоянстве внешней опасности, исходящей от ведущих капиталистических и находящихся в сфере их влияния государств, среди которых были и пограничные с СССР страны. После окончания второй мировой войны, с началом "холодной войны", эта идея нашла свое воплощение в воздвигнутом вдоль всей границы, отделяющей СССР и его союзников от другого мира, так называемом "железном занавесе".

Постоянное муссирование советской пропагандой образа внешнего врага было подчинено двум задачам. Первая из них состояла в том, чтобы подготовить общественное мнение на случай, если "холодная война" перерастет в фазу военного конфликта или даже крупномасштабную, а возможно, и новую мировую войну. Вторая задача своим происхождением была обязана характеру советской системы. Антидемократизм советской системы с неизбежностью предполагал извечный поиск внутри страны сил, являющихся выразителями интересов внешних врагов или потенциально способных быть таковыми. Тоталитарная советская система сталинского образца видела в этом важнейшее средство политической консолидации в стране, искоренения всех возможных форм инакомыслия.

После вывода советских войск из Ирана в 1946 г. и перехода Ирана в сферу влияния западных стран, "железный занавес" стал определяющим фактором во взаимоотношениях СССР с Ираном. Ухудшение советско-иранских отношений имело следствием усиление антииранской пропаганды в Советском Союзе, активный поиск сил, которые, по мысли советского политического руководства, являются потенциально способными быть проводниками иранского влияния, иными словами, скрытыми противниками антииранского советского внешнеполитического и идеологического курса. Эта политика в большей степени, чем в какой-либо другой из сопредельных с Ираном советских республик, нашла свое выражение в Азербайджанской ССР. И это естественно. Азербайджан и Иран многие тысячелетия были

связаны общностью исторических судеб, Южный Азербайджан оставался частью Иранского государства, Азербайджанская ССР принимала самое активное участие в политических, идеологических и экономических акциях СССР, осуществленных в Иране после ввода туда советских войск в августе 1941 года, десятки тысяч жителей Азербайджана имели близких и дальних родственников по ту сторону границы. Все это объясняло причину того, почему в Советском Азербайджане с началом "холодной войны" "иранский фактор" рассматривался в качестве одного из важнейших в системе обеспечения безопасности Советского Союза. В этом плане деятельность политического руководства Азербайджанской ССР, органов государственной безопасности республики постоянно была нацелена на выявление "иранского следа" в жизни населения, проведения профилактических мероприятий, направленных на устранение самой возможности иранского влияния на настроения людей.

Если жители Азербайджана - граждане СССР, в случае наличия родственников в Иране, рассматривались как лица, не внушающие особого доверия, то еще большее подозрение падало на проживающих в Азербайджане граждан Ирана. Известно, что еще до второй мировой войны большинство членов многотысячной диаспоры иранских граждан, проживающих в СССР, в том числе в Азербайджане, были насильственно выдворены в Иран. Тем не менее, к концу 40-х годов в республике проживало 1262 человека, прибывших в Азербайджан в 20-е годы и сохранивших подданство Ирана. Чувством, политического недоверия к этой части населения, стремлением избавиться от них продиктовано предложение Министерства внутренних дел, относящееся к 1949 году, которое состоит в следующем: "Целесообразно выдворить из СССР, в принудительном порядке, хотя бы 197 ираноподанных с их семьями".¹⁶

Парадоксально, что в то время, когда власти Азербайджана стремились избавиться от лиц, сохранивших иранские паспорта, не уменьшался поток иранских граждан, переходящих границу СССР в связи с политическими репрессиями в Иране после 1946 года, голодом и нуждой. Надо признать, что Советское государство шло навстречу желаниям беженцев из Ирана. Только в 1951 году, по данным на 1 октября, было разрешено проживание в Азербайджанской ССР 1107 жителям Ирана. Им была оказана материальная помощь, они были обеспечены жильем и трудоустроены.¹⁷ Однако комплекс недоверия довлел над принимающей стороной. В августе 1950 года министр государственной безопасности Азербайджанской ССР С.Емельянов докладывал первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана М.Д.Багирову о "разоблаченных агентах иранской разведки, выявленных среди нарушителей границы, перешедших в массовом порядке в силу голода в Иране".¹⁸ В октябре 1951 года М.Багиров докладывал

Сталину: "Органы МГБ как из числа ранее расселенных, так и особенно из числа перешедших в СССР в последние месяцы 1951 года, разоблачили более 30 шпионов, которые на следствии признались, что заброшены к нам иранской разведкой, находящейся в полном подчинении американских и английских разведывательных органов. Кроме того, из числа перешедших границу арестовано и осуждено более 150 человек, подозрительных в принадлежности к иностранным разведывательным органам". Далее, обращаясь к Сталину, Багиров предлагает: "Учитывая, что иностранные разведывательные органы стали активно использовать этот канал для заброски к нам своей агентуры, дальнейшую концентрацию в большом количестве беженцев на территории республики считаем нецелесообразной. Поэтому просим разрешить вновь прибывающих из Ирана на нашу территорию беженцев, после соответствующей фильтрации и проверки, направлять вместе с семьями в отдаленные от границы области".¹⁹ Куда направлялся поток беженцев из Ирана, легко догадаться: Сибирь, Урал, Казахстан.

Ухудшение отношений с Ираном в первые годы "холодной войны", и как следствие, поиск "проиранских элементов" в Азербайджанской ССР не могло не сказаться на отношении к жителям приграничной полосы. В докладной министра государственной безопасности С.Емельянова М.Д.Багирову и председателю Совета Министров Азербайджанской ССР Т.Кулиеву в июне 1951 года отмечается, что жители 6 населенных пунктов Астаринского района, расположенных вблизи границы, имеют "большие родственные и другие связи с Ираном... За весь период борьбы с агентурой иноразведок не зафиксировано ни одного случая, чтобы жители этих населенных пунктов задержали нарушителей границы, или заброшенных агентов иноразведок". В этой связи министр предлагал переселять жителей этих населенных пунктов вглубь района, подальше от границы.²⁰ Это предложение было одобрено и жителей переселили. В другой докладной С.Емельянов сообщал, что в Астаринском районе проживают родственники известных кадровых агентов иранских разведорганов и предлагает "в целях ликвидации... базы иранских разведывательных органов" переселять родственников иранских разведчиков "в один из тыловых районов республики".²¹ В результате были переселены все перечисленные С.Емельяновым семьи.

Именно этими же политическими мотивами можно объяснить составление в Азербайджане специального плана внутри-республиканского переселения на 1952 г. Согласно этому плану, подлежали переселению вглубь от границы часть жителей пограничных деревень Лерикского и Ярдымлинского районов. Только из Лерикского района подлежало переселению 400 семей в Пушкинский район. Справедливости ради следует

отметить, что переселенцам предоставлялись ссуды, долгосрочные кредиты, они обеспечивались безвозвратным денежным пособием; транспортные расходы, связанные с переселением, государство брало на себя. Да и само переселение, формально, обставлялось как добровольное.²² В какой-то мере само переселение ставило целью решение хозяйственных задач: погасить дефицит рабочей силы в районах, где он ощущался особенно остро. Но, безусловно, главной задачей было пресечь любую возможность контакта пограничного населения с иранским населением.

Переселение населения из пограничной полосы коснулось не только простых крестьян. Еще в 1948 году С.Емельянов предлагал перевести на работу в другие районы двух руководящих работников пограничного Карягинского (ныне Физулинского) района на том основании, что они имеют родственников в Иране. При этом один из них, Гаджиев Гаджи, был в свое время удостоен самого высокого в СССР звания Героя Социалистического труда.²³

Постоянная фильтрация людского потенциала оставалась едва ли не главной задачей карательной системы. Война существенно расширила диапазон поисковой работы в этой сфере. Десятки тысяч граждан Азербайджана в годы войны попали или добровольно сдались в плен. Многие из них добровольно служили в создаваемых немцами национальных военных формированиях, которые сражались с частями Советской армии, армиями союзников СССР, партизанскими отрядами европейского движения Сопротивления. Сотни тысяч граждан СССР - жителей различных республик и областей - в годы войны на оккупированных территориях служили в созданных немцами структурах управления, многие отправлялись в Германию и другие страны Европы, где работали на предприятиях, в сельском хозяйстве. После окончания войны началась репатриация советских граждан из стран Европы в СССР. Часть репатриантов возвращалась в страну добровольно, часть - в принудительном порядке. Как бы то ни было, на долгие годы все они попали в разряд неблагонадежных элементов. Анкетные вопросы "проживал ли в годы Великой Отечественной войны на оккупированной немцами территории?", "находился ли в плену в годы Великой Отечественной войны?" и им подобные при утвердительном ответе являлись основанием для отнесения человека к гражданам второго сорта. Малейший же намек на сотрудничество с немцами служил основанием для суровых уголовных наказаний.

К июлю 1946 года в Азербайджанской ССР оказалось около 14 тыс. репатриантов. Среди них большинство составляли русские - 3566 человек. Немало было украинцев - 2704 человека, молдаван - 2 тыс., 650 - армян. Азербайджанцев было 3.262 человека. Сразу же созданные в каждом районе проверочно-фильтрационные комиссии, возглавляемые начальниками

районных отделов Министерства внутренних дел, стали проводить работу по выявлению среди прибывших агентов гестапо, легионеров, власовцев, полицейских, карателей, старост и т.п. Было установлено, что таких насчитывалось 1063 человека. Трудно судить, насколько тщательно проводилась проверка. Но нет оснований и не доверять информации, исходящей от тогдашнего министра внутренних дел республики Ягубова. Надо полагать, что ко всем были применены статьи уголовного кодекса, предусматривающие наказания за измену Родине. Но из этой же справки министра также следует, что только "во второй половине мая 1946 года из числа служащих во вражеских формированиях изъято 723 репатрианта... В настоящее время проводится 2-я аналогичная операция. Изъято в городе Баку и районах республики 350 человек, служивших в различных вражеских формированиях... Все они направлены в порядке спецпоселения в северные районы страны сроком на 6 лет".

Можно предположить, что в данном случае речь идет о недоказанном, но предполагаемом участии в национальных формированиях немецкой армии. Решение о направлении этих людей в спецпоселения принимались во внесудебном порядке, по спискам. И в дальнейшем такая практика применялась систематически. Уже в 1949 году Ягубов докладывал, что "с середины 1946 года по февраль 1949 года было выявлено 2516 бывших легионеров..., которые отправлены в места спецпоселения". Характерно, что к числу подлежащих заключению в спецпоселениях относились и те репатрианты, которые были освобождены из немецкого плена не советскими, а американскими и английскими войсками.

В справке Ягубова, датированной 26 февралем 1949 года, отмечалось, что "только за 4 месяца по спискам МГБ АзербССР выселено из гор. Баку 432 репатрианта" этой категории.²⁵

Даже в наши дни мы не вправе осуждать государство за то, что оно карало людей за измену ему. Но трудно простить государству и то, что оно, плохо подготовившись к войне, допустило пленение миллионов своих солдат и офицеров, захват противником огромной территории, а всю вину за это пыталось переложить на плечи своих граждан. Именно это оно сделало, причислив миллионы людей к разряду неблагонадежных только за то, что они были в плену или находились на территории, подконтрольной немецкому управлению, или были освобождены англо-американскими войсками. Только этим можно объяснить, что очень часто бездоказательно, не прибегая к судебной процедуре, часть этих людей для профилактики репрессировалась. Но все это было в полном соответствии со сталинской концепцией управления, в которой государство во всех случаях выступало в качестве истца и судьи одновременно, а граждане - в качестве привлекаемых к обвинению грешников, которым, в лучшем случае, позволено каяться.

Безусловно, не все оказавшиеся в немецком плену осуждались и выселялись. Но и оставшиеся чувствовали себя крайне неуютно. Типичен, например, случай с учителем средней школы Халданского района Б.Исмаиловым. В 1950 году он был уволен с работы "ввиду невозможности использования его на идеологическом фронте". Вся вина учителя состояла в одном - был в плену. Интересно, что и председатель отраслевого ЦК профсоюза Ахундова и заведующая школьным сектором ЦК Компартии Азербайджана Асланова в ответ на жалобу Исмаилова пришли к выводу, что, действительно, работать учителем он не вправе.²⁶

В каждом учреждении, предприятии того времени тщательно следили за составом работников. И если за работником числился тот или иной политический криминал, от него стремились или избавиться, или он постоянно находился под специальным наблюдением руководства, не говоря уже о "чекистском наблюдении". Среди криминала нахождение в годы войны в плену считалось одним из самых серьезных. В 1951 г. управляющий Азербайджанской геофизической конторой М.Бабаев представил в ЦК Компартии Азербайджана список работников, на которых имелся компрометирующий материал. Из 18 человек у 11 компрометирующим их фактом было нахождение в плену или на оккупированной территории. Среди них матрос Аббасов, радист Гуменюк, топограф Капканец, капитан судна Кафаров, водитель Айрапетов и другие, словом, люди разных специальностей и национальностей.²⁷

Атмосфера всеобщей подозрительности активно насаждалась в стране. Постоянная бдительность по отношению к проискам внутренних и внешних врагов - требование, выдвигаемое ко всем людям. Государство хотело видеть в своих гражданах активных соучастников процесса борьбы за политическое единство общества. И довольно значительная часть общества откликалась на этот призыв к бдительности. Сообщения осведомителей МГБ дополнялись тысячами, десятками тысяч доносов простых граждан на друзей, соседей, сослуживцев, в действиях которых они видели политический компромат. Нередко это была клевета. Но такая форма соучастия была затребована. И доносчики знали, что она не раз приводила к решению поставленной цели. Так нередко сводились счёты, бытовые конфликты разрешались путем устранения одной из сторон на основе политического обвинения.

Архивы хранят десятки тысяч таких доносов. Но очень часто люди осознали себя активными участниками поиска враждебных элементов. Создается впечатление порой, что люди чувствовали себя участниками какого-то триллера, нужного и полезного народу и государству. В 1948 году контролер Министерства государственного контроля республики П.Мачин со слов своего сына - студента 4 курса индустриального института, находившегося на производственной практике в Дашкесанрудстрое,

сообщает своему министру, что немецкие военнопленные, работающие в Дашкесане, имеют доступ к секретным чертежам строящегося объекта.

Мачин пишет: "Сообщаю о вышеуказанном в качестве примера потери бдительности и для принятия соответствующих мер". Тотчас заявление Мачина было переслано в ЦК Компартии Азербайджана. По заданию М.Д.Багарова проверкой сигнала Мачина занялись два министерства - государственной безопасности и внутренних дел. "Как показала тщательная проверка" факты, изложенные в заявлении бдительного контролера, не подтвердились.²⁸ Но ажиотаж, поднятый вокруг этого сигнала, был вполне в духе того времени. В том же 1948 году в ЦК Компартии Азербайджана поступило заявление на колхозника села Шардахны Д.Гаджиева о том, что тот ведет антисоветскую агитацию. По заданию секретаря ЦК М.Г.Сеидова министерство государственной безопасности проверило достоверность изложенного факта. В докладной министра С.Емельянова на имя секретаря ЦК сообщается: "По почерку предполагается, что заявление писал житель того же села, Ахмедов Казим. Как выяснилось, взаимоотношения между Ахмедовым и Гаджиевым натянутые, так как Ахмедов подозревает Гаджиева в том, что он сообщил в райвоенкомат о том, что брат его Ахмед был в плену у немцев и скрывает об этом... Дальнейшую проверку продолжаем".²⁹ Или другой пример. В 1950 году в адрес секретаря ЦК Кафарзаде поступило заявление некой Е.Берчиян. Оно касалось, как ни странно, двух работников внешнеторгового объединения "Экспорттлес" Министерства внешней торговли СССР, находящихся в командировке в Баку. В заявлении утверждается, что московские посланцы подозрительно интересовались бакинским портом. "В антисоветских взглядах этих москвичей, - пишет Берчиян, - я совершенно не сомневаюсь". И в качестве доводов приводит такие, например, доказательства: "Требовали съемку, чертежи, описание, мощность, техническую оснащенность бакинского порта", "по поводу последнего выступления товарища Вышинского (министр иностранных дел СССР - Э.И.) сказали, что он говорил базарным языком", "что-то тихо записывали на голубом телеграфном бланке. Когда я подошла они спрятали бланк во внутренний карман пиджака". В заключение Берчиян пишет, что "не сомневается в существовании контрреволюционной подпольной группы... Более подробно я сообщила в МГБ Азерб.ССР в октябре и ноябре 1949 г".³⁰ В том же 1950 г. преподаватель школы фабрично-заводского обучения Джафаров обращается к самому М.Д.Багирову с вопросом, имеющим, по его словам, "решающее значение в нашей жизни". Оказывается, автор заявления самостоятельно выявил антисоветскую контрреволюционную группу, о которой хочет конфиденциально сообщить адресату. Как ни странно, М.Д.Багиров поручает секретарю ЦК Кафарзаде разобраться с письмом заявителя.³¹

Знакомясь со всеми перечисленными образцами проявления "бдительности" со стороны трудящихся, невольно приходишь к выводу, что это есть не что иное, как вакханалия массового безумия, инспирированная властью. Но порой создается впечатление, что и сама власть в лице ее виднейших представителей стала активным участником этой вакханалии, уверовав в необходимость поиска политического криминала в каждом отдельном случае.

Руководителя Азербайджана М.Д.Багирова трудно было отнести к разряду наивных людей, слепо веривших в необходимость постоянного поиска внешних и внутренних врагов. Правда, видимо, время массовых репрессий 30-х годов оставило глубокий след в его памяти. Тени жертв тех лет, нет-нет, да представляли перед его глазами. В 1947 г. в связи с каким-то вопросом о некоем Джавадове он пишет записку: "Установить... не является ли Джавадов родственником старику Джавадову - родственнику Рухуллы Ахундова?".

Багиров помнил Р.Ахундова, бывшего секретаря ЦК, уничтоженного в 1938 г. В 1950 г. в Баку за уголовное преступление был осужден П.Плешаков. Об этом каким-то образом стало известно Багирову, который стал выяснять у Емельянова возможность родственной связи осужденного с ветераном рабочего движения и большевистской партии М.Плешаковым, расстрелянным в 1938 г. Емельянов после тщательной проверки родословной П.Плешакова сообщает: "Близкая родственная связь... с Плешаковым Михаилом Георгиевичем... пока не установлена. Производится проверка по месту рождения для выявления возможной дальней родственной связи между ними".³² Сколько усилий и времени для выяснения в общем-то ничего не значившего факта. Скорее всего, Багирову уж очень хотелось самому соответствовать требованию быть бдительным. Но, подыгрывая общему настрою, он сам поддавался ему и тогда его подозрительность принимала гипертрофическое обличье.

14 мая 1948 г. в газете "Бакинский рабочий" в статье "Широко внедрить опыты новаторов" в слове "новаторов" была допущена ошибка. Вместо первой буквы "в" была напечатана буква "с". Получилось слово "носаторов". Уже рано утром ошибка была обнаружена. Лишь 100 экземпляров были реализованы через розничную торговлю. Остальные были возвращены в типографию. Ошибка была исправлена. Тем не менее, в тот же день началось разбирательство. Виновником был назван дежурный от редакции газеты Дубинский. Он сразу же был освобожден от работы в редакции. Более того, ему инкриминировалось сознательное допущение ошибки. Истоки же такого поведения Дубинского "объяснили" его родственной связью с некогда репрессированным "разоблаченным врагом народа". М.Д.Багирова такое объяснение вполне убедило. В записке

секретарям ЦК Г.Мамедову и Г.Гасанову он предлагает: "Убедительно прошу Вас еще раз пересмотреть состав редакций республиканских газет, в особенности в связи с сегодняшним гнусным поступком со стороны Дубинского и компании".³³ Создается впечатление, что М.Д.Багиров пришел к выводу о провокационном, сознательном, политическом выпаде не одного Дубинского, а целой группы заговорщиков. Дальнейшая судьба провинившегося нам не известна, но то, что она была незавидной - не вызывает сомнения.

В том же 1948 г. ученик 5 класса школы №90 Ленинского района Вова Валиков по дороге домой подобрал моток провода, подбросил его вверх, да так сильно, что он попал на высоковольтную линию.

Произошло замыкание, в результате которого произошло автоматическое отключение двух электрических воздушных линий и трансформаторной группы. На время прекратилась подача электричества на нефтедобывающие объекты.

В обсуждении инцидента принял участие сам М.Д.Багиров. Выслушав информацию о происшедшем, он пришел к следующим выводам: "Что мальчик подозрительный, это не вызывает никакого сомнения. 13 летний мальчик - это большой мальчик, понимающий, что делает... Он был подучен... Это чрезвычайное происшествие диверсионного характера". После таких заявлений мальчик, его мать и отец, тетя с мужем и дядя оказались в МГБ, где, по словам Емельянова, велось расследование на предмет "установления умышленных действий со стороны Валикова и выявления подстрекателей к совершению им наброса".³⁴ Нет сомнения, что работники МГБ сделали все, чтобы доказать правоту умозаключения М.Д.Багирова. Но любой здравомыслящий человек понимает сегодня, да и тогда понимал, что в самом худшем случае мальчик совершил хулиганский поступок, правда, с тяжелыми последствиями. Но Багирову и всем, кому он поручил это расследование, уж очень хотелось, чтобы это выглядело как сознательное вредительство. Игра в выявление "врагов народа", начатая в 20-е годы, не прекращалась. Накал ее в послевоенные годы был не столь ярким, как во второй половине 30-х годов, но он был достаточным, чтобы его можно было бы не заметить. Репрессии по политическим мотивам по своим масштабам не шли ни в какое сравнение с предвоенными. И все же они методично осуществлялись все послевоенные годы. Да, Азербайджан не пережил в послевоенные годы шумных репрессивных кампаний, которые имели место в других регионах страны. Таких, например, как "Ленинградское дело", "Мингрельское дело" и других. Но, тем не менее, аресты и осуждения по политическим мотивам не прекращались.

Органы государственной безопасности, словно оправдывая свою необходимость, считали своим долгом ежегодно осуждать какое-то

количество людей за их неосторожные высказывания, квалифицируемые как антисоветская агитация. Таких высказываний было немало. И доносов на этот счет поступало предостаточно. Но далеко не все из них принимались сразу же во внимание. Хотя все они фиксировались и пополняли досье, заведенные, практически, на каждого гражданина.

Создается впечатление, что существовал спущенный "сверху" некий план, который надлежало выполнять и он аккуратно выполнялся. При этом лица, выбранные для обеспечения этого плана, оправдаться не имели никакой возможности, поскольку арестовывались они на основании информации секретных осведомителей, а судил их такой внесудебный орган, как особое совещание при МГБ, и права на защиту обвиняемые не имели. Правда, и обычные суды, когда им передавались на рассмотрение дела такого рода, особо не церемонились. Репрессии коснулись людей разных профессий, социальных групп, национальностей. Вот лишь некоторые примеры. В 1949 г. были осуждены педагог школы Ага Рза Бабаев и телеграфист Наджаф Ахундов. Каждый из них был приговорен к лишению свободы сроком на 25 лет, с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. Вся их вина состояла в том, что якобы в годы войны они восхваляли гитлеровскую Германию и дореволюционную жизнь. Как показала проверка дела, проведенная в 1954 г., серьезных доказательств не существовало, обвиняемые сами оговорили себя "в результате применения... незаконных методов следствия". В том же году к 6 годам лишения свободы был приговорен электромонтер Ященко, который был обвинен в том, что его письмо в газету "Бакинский рабочий" носило антисоветский характер. В 1954 г. было установлено, что ничего антисоветского в письме Ященко не было. В 1950 г. по обвинению в антисоветской агитации на 6 лет лишения свободы осуждается рабочий Аракелян. В 1951 г. на 10 лет лишения свободы был осужден участник и инвалид Отечественной войны Александр Судак за "антисоветские выпады и террористические намерения в отношении руководителей партии и государства". Как гласит вывод результатов проверки по этому делу, проведенной после смерти Сталина, "Судак на предварительном следствии признал себя виновным в антисоветской агитации, но эти признания были получены после неоднократных очных допросов, в то время как он, будучи больным-контуженным, страдал сильным недомоганием и головными болями".

Таких примеров можно привести очень много. И каждый случай подтверждает присутствие изнурительных допросов, применение пыток, избияния подследственных. И все во имя подтверждения правоты репрессивной политики, ее неизбежности. Правда, возможно, обвиняемые в контрреволюционной агитации допускали в повседневной жизни высказывания, которые шли вразрез с декларациями

официальной политики и идеологии. Но во всех случаях карали и за слово. Крамолу пытались искоренить в потенциале. От общества изолировали тех, кто мог представляться для власти социально опасным. Не всех, но в назидание всем. И не было важным, что под жернова репрессивной машины попадали, даже по меркам того времени, невинные.

Порой досье на то или иное лицо разбухало так, что органы государственной безопасности, да и сам М.Д.Багиров не считали себя вправе воздерживаться от расправы. Так случилось с видным ученым-психологом Фуадом Ибрагимбековым, доцентом Азербайджанского медицинского института. К 1948 г. объем его досье, содержащий данные о социальном происхождении, наличии родственников за рубежом, данные о родственных связях с репрессированными "врагами народа", бесчисленные доносы о антисоветских высказываниях, превысил все допустимые пределы. В ответ на очередной донос М.Д.Багиров затребовал справку МГБ. В справке МГБ, подписанной заместителем министра Ага Салимом Атакишиевым, можно было найти весь букет обвинения: 1. Отец был крупным беком, мать - дочь богатого купца; 2. Двоюродный брат Аббас Атамалибеков - эмигрировал; 3. Среди репрессированных родственников - бывший секретарь ЦК Компартии Азербайджана Алигейдар Караев, брат жены Николай Туаев, мужа двоюродных сестер Абасали Макинский и Алиовсат Наджафов, дяди - Шахлар Шихалибеков и Исмаилбек Гусейнбеков; 4. Согласно доносам, в 1923 г. примыкал к нелегальной мусаватской организации, вел разговоры контрреволюционного мусаватского характера, в годы войны высказывал пораженческие настроения и т.д. Судьба Ф.Ибрагимбекова была решена. Он был арестован и осужден.³⁶

В числе объектов постоянного наблюдения органов государственной безопасности было отношение людей к религии. Советская Система сделала в первые, довоенные десятилетия своего существования очень много, чтобы покончить с религиозными убеждениями граждан. Тысячи разрушенных храмов, церквей, мечетей, десятки тысяч расстрелянных, репрессированных служителей культов, постоянное преследование верующих, постоянная пропаганда воинствующего атеизма - все было направлено для реализации этой цели. Но в годы войны Сталин сумел использовать потенциал организации верующих и религиозных чувств людей в патриотических целях. Более того, он дал согласие на избрание глав религиозных конфессий. В 1944 г. после длительного перерыва была восстановлена деятельность Духовного управления мусульман Закавказья, избран его глава - шейхуль-ислам, резиденция которого находилась в Баку. При правительстве республики стал функционировать Совет по делам религии. Нападки на религиозные организации, преследование верующих в послевоенные годы были не столь жесткими по сравнению с довоенными годами. Тем не менее,

государство продолжало прежнюю политику, направленную на вытеснение религии из общественной жизни, религиозных чувств из сознания людей.

Отношение к религии продолжало играть роль одного из важных признаков оценки политической благонадежности. И в этой связи органы государственной безопасности тщательно отслеживали религиозные настроения граждан. Так, в январе 1950 г. С.Емельянов в справке "Об участии некоторых коммунистов и части сельской интеллигенции в исполнении религиозных обрядов" докладывал в ЦК Компартии Азербайджана, что "активность верующей части населения всех религиозных направлений, особенно мусульманского и армяно-грегорианского вероисповедания в части посещения молитвенных домов и исполнения религиозных обрядов, по сравнению с прошлым годом значительно понизилась... В дни религиозного траура "магеррам" посещаемость верующими официально действующих мечетей и мест паломничества, по сравнению с 1948 г., сократилась почти на 50%. В обычные же дни молитвенные дома в городе Баку посещают от 30 до 50 человек, это в основном лица пожилого возраста и в преобладающем большинстве женщины-домохозяйки. В районах же республики, посещаемость церквей и мечетей еще ниже".

После столь "радужного" описания тенденций охлаждения людей к религии автор справки вынужден признать, что среди выполняющих религиозные обряды можно все еще встретить представителей "интеллигенции, молодежи, а также отдельных коммунистов и комсомольцев". И далее приводятся примеры: директор литературного фонда Борис Кабаков посещает синагогу, члены партии Анна Минникова, Варшаник Саакян посещают церковь, председатель колхоза в Ордубадском районе, коммунист Муса Мустафаев и ветеринарный врач Исмаиллинского района Ага Мамед Ахвердиев в дни траура "магеррам" принимали активное участие в исполнении религиозных обрядов. Емельянов гордо рапортует, что коммунисты, оказавшиеся верующими, исключены из партии.³⁷ Как же иначе, ведь Коммунистическая партия была партией атеистов.

Однако, в последующем С.Емельянов вынужден признать, что, несмотря ни на что, многие коммунисты продолжают посещать церкви, мечети и синагоги, выполняют религиозные обряды. При этом особую тревогу у Емельянова вызвал тот факт, что абсолютное большинство мусульманского населения выполняет обряд обрезания. Среди тех, кто делал обрезание детям, было много представителей номенклатуры. Он пишет, что в Хиллинском районе это были заведующий районным отделом народного образования, заведующий районным отделом сельхозбанка, прокурор и народный судья района, в Худатском районе - народный судья и начальник милиции, заведующий Районным отделом народного образования, в

"Астрахан-Базарском районе 90% ответработников района делают обрезание детям", а в Норашенском районе обрезание своим Детям сделали даже секретарь районного комитета партии и председатель райисполкома и т.д.³⁸

Особую тревогу вызвало у работников государственной безопасности наличие религиозных сектантских групп, деятельность которых напрямую связывалась с зарубежными разведывательными органами империалистических государств, прежде всего США. Речь шла о сектах - ответвлениях христианской религии. В начале 50-х годов в Азербайджане репрессии обрушились на пятидесятников, адвентистов, молокан и других. Произведя массовые аресты среди участников сект, органы государственной безопасности так обосновывали репрессии: "Эти группы в своем большинстве возглавляли антисоветски настроенные проповедники, имеющие родственные связи в США, Иране и других странах. Все они под религиозным прикрытием проводили вражескую работу. На устраиваемых сборищах, противопоставляя религиозную мистику принципам социалистического общежития, руководители этих групп прививали участникам фанатизм, запрещали вступать в общественные организации, посещать собрания, культурно-зрелищные учреждения, также читать нерелигиозную литературу".³⁹

Таким образом, власть руками органов государственной безопасности всячески пыталась бороться с религиозным мировоззрением. Но к концу рассматриваемого периода обнаружилось, что эффективность затраченных усилий оказалась не столь значимой. Цель - окончательно вытравить религиозные чувства людей - оказалась недостижимой. Достижения социализма оказались не столь великими, чтобы побороть религиозные традиции, имевшие многовековую историю и пустившие глубокие корни в сознании людей.

Власть сурово карала, но не любила миловать. Не любила, потому что исходила из представления: те, кто отнесен ею к разряду врагов, никогда не простят ей издевательств, огульных обвинений, потерянных лет жизни, несправедливости. Принято считать, что осужденные в сталинское время на длительные сроки заключения по политическим обвинениям, если они доживали до смерти Сталина, сумели вырваться из лагерного "ада" лишь в период хрущевской "оттепели". В абсолютном большинстве случаев так оно и было. Но были и исключения. Некоторая, очень небольшая часть репрессированных в 30-е годы, отбыв срок наказания возвращалась или пыталась вернуться. Отношение к этим людям властей Азербайджана, лично Багирова было крайне настороженным. И при малейшей возможности их вновь выдворяли в лагеря.

Бывший колхозник, малограмотный Мусеиб Иманов в 1937 г. за антисоветскую агитацию был приговорен к 10 годам лишения свободы.

Отбыв срок наказания, он вернулся в Азербайджан. Но в 1952 г. на основании противоречивых свидетельств Гянджинский областной суд вновь приговорил его за якобы антисоветскую и антиколхозную агитацию к 10 годам лишения свободы.

Трагична судьба Алиева Фиридуна. После получения высшего технического образования в Германии он в 1926 г. вернулся в Азербайджан, где работал на руководящих должностях в системе управления "АЗЭНЕРГО". В 1937 г. он был арестован и в 1939 г. осужден на 8 лет лишения свободы по обвинению в контрреволюционной деятельности. Отбывал наказание в Кировской области. В 1946 г. Алиев прибыл в Баку, но в прописке ему было отказано. Тогда он выехал в Агдам, а затем Варташен, где работал инженером. Одновременно он стал добиваться отмены приговора. И чудо! В феврале 1948 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Союза ССР дело Ф.Алиева производством прекратила за недоказанностью обвинения. Бывало и такое. Теперь Алиев стал требовать прописать его в Баку, обеспечить работой и выдать денежную компенсацию. Его persona привлекла к себе внимание М.Д.Багирова. Он обращается в МВД и МГБ: "Прошу дать мне справку, каким образом Алиев Ф. оказался в Баку?" Спустя некоторое время этот вопрос уже обсуждается на бюро ЦК. Следует грозная резолюция: "Поручить т.т.Ягубову Т., Халилу Эфендиеву, Алимамедову, Емельянову принять надлежащие меры в отношении Алиева Фиридуна и о результатах сообщить в ЦК КП(б) Азербайджана".

В конце апреля 1948 г. Ягубов, Емельянов и Эфендиев, верно оценив позицию Багирова, докладывают ему, что "приговор по делу Алиева судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Союза ССР отменен неправильно.

Верховным Судом Азербайджанской ССР возбуждено ходатайство перед председателем Верховного Суда Союза ССР об опротестовании определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР на предмет его отмены и оставления приговора в силе... Послано письмо на имя министра государственной безопасности Союза ССР тов. Абакумова с просьбой поддержать протест Верховного Суда Азербайджанской ССР. Если приговор Верховного Суда Азербайджанской ССР от 1939 года будет оставлен в силе - Алиев Ф. подлежит выселению из Азербайджана".⁴¹

Как сложилась дальнейшая судьба Алиева Ф., сказать трудно. Но позиция властей Азербайджана предельно ясна. Как и в случае с другой жертвой массовых репрессий 30-х годов Сулейманом Султановым. Тот был приговорен в 1938 г. к расстрелу. В 1939 г. мера наказания была заменена 20, а в 1942 г. - 10 годами лишения свободы. После освобождения в 1948 г. Султанов, проживая в Дагестане, обратился с заявлением к члену политбюро ЦК ВКП(б) Микояну с просьбой пересмотреть его дело с целью

реабилитации. Микоян переправил заявление Багирову, а последний - Ягубову и Емельянову. Те сразу все поняли и дали свое заключение: "Считаем необходимым в пересмотре дела отказать".⁴² Столь категоричными они могли быть, лишь зная позицию Багирова.

Желание Багирова отмахнуться от прошлого, от всего того, что связывало его с жертвами кровавого террора, понятно. Это желание соответствовало и политическому климату в стране в послевоенные годы, мало чем отличавшемуся, по существу, от довоенных лет. Кроме того и Багиров и другие часто знали людей, о которых шла речь, были сопричастны к их осуждению. Проявление участия в их судьбе могло быть расценено как невольное признание допущенной по отношению к ним несправедливости. Порой М.Д.Багиров и не знал обратившихся к нему ранее репрессированных людей. В 1948 г. к нему обратился Юсиф Зия Ширвани - преподаватель Среднеазиатского университета - с просьбой разрешить вернуться на Родину. М.Д.Багиров затребовал справку о заявителе. В справке, подписанной Емельяновым, было сказано: "Ширвани Юсуф Зия... в апреле 1934 года, особым совещании ОПТУ за антисоветскую агитацию был осужден к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере". Получив такую справку, М. Багиров сразу же потерял интерес к заявителю. Об этом свидетельствует заключительная, стандартная резолюция, написанная как-бы с облегчением: "К делу".⁴³

И все же были исключения из правил. В 1950 г. МГБ республики изучило материалы, послужившие основанием к осуждению в 1938 г. некоего Алиева Джамиля. Дж. Алиев, обвиненный в принадлежности к буржуазно-националистической организации, был арестован сотрудниками госбезопасности Закавказской железной дороги в Кировабаде, а осужден по статьям уголовного кодекса Грузинской ССР и приговорен к расстрелу тройкой НКВД Грузинской ССР. Пересмотр дела производился в связи с заявлением сына расстрелянного. В справке, подписанной Емельяновом, говорилось, что арестовавшие Алиева сотрудники НКВД позже были сами арестованы за создание провокационных дел, необоснованные аресты, "добываясь от арестованных "признаний" путем применения к ним мер физического воздействия. Арестованные эти кроме самоговора, оговаривали и других, в том числе лучших работников транспорта-коммунистов-орденоносцев и сотрудников органов НКВД.. Изучив все материалы на Алиева, МГБ Азербайджанской ССР пришло к выводу о том, что последний осужден необоснованно, по сфальсифицированным материалам. В связи с этим дело по обвинению Алиева представлено в МГБ СССР с предложением о пересмотре дела на предмет реабилитации Алиева как необоснованно осужденного".⁴⁴

Что послужило основанием для нетипичного для того времени вывода МГБ Азербайджанской ССР, об этом судить сложно. Может быть то, что приговор выносился не в Азербайджане, а в Грузии и азербайджанское руководство своей вины не чувствовало. Может быть, М.Д.Багиров некогда знал осужденного и хорошо к нему относился. Тогда спасти его не решился, а теперь решил хоть в какой-то мере загладить свою вину. Не исключено. Но ясно, что власть осознала и тогда, как добывались доказательства обвинения в застенках госбезопасности. И при желании совершенно спокойно могла придти к выводу о несостоятельности обвинений. Но такое случалось крайне редко.

Конечно, нет оснований для утверждения, что карательная система государства была озабочена лишь обеспечением репрессивных функций против собственного народа. Без сомнения, ее усилия в немалой степени были направлены на обеспечение безопасности государства в самом широком смысле слова. Велась активная борьба с проникновением на территорию Азербайджана агентов иностранных государств. И об этом сохранились многочисленные свидетельства. Активная борьба велась против разгула уголовной преступности, захлестнувшей страну, в том числе Азербайджан, в первые тяжелые послевоенные годы. Велась непримиримая борьба против хозяйственных преступлений, подтачивающих экономику. Иными словами, по-настоящему профессиональная борьба за безопасность велась. И бдительность составляла неприменимый атрибут этой деятельности.

Бесконечное копание в личных делах, по сути, всех граждан порой приносило и неожиданные результаты. Как говорилось в одной из справок МГБ, "в процессе работы по выявлению изменников из числа репатриантов... в поле зрения попала героическая история деятельности и гибели Гусейнзаде Мехти". В 1951 г. за подписью Емельянова в ЦК Компартии Азербайджана была представлена подробная информация о деятельности легендарного "Михайло" в составе IX итало-югославского партизанского корпуса им. Гарибальди. Были перечислены многочисленные подвиги М.Гусейнзаде. Главной целью справки являлось получение согласия на причисление Мехти Гусейнзаде к числу героев, на примере которых и надлежало воспитывать молодежь. В целом, эти намерения соответствовали и интересам Системы, и интересам азербайджанского народа. Приступая к составлению справки, Емельянов, наверное, согласовал вопрос с М.Д.Багировым, а может быть даже, получил от него соответствующую директиву. Как бы то ни было, справка была обсуждена на заседании бюро ЦК 30 октября 1951 г. и было принято решение о составлении "очерка о партизанских подвигах Гусейнзаде". С этого начался процесс причисления Гусейнзаде к числу самых выдающихся представителей азербайджанского народа, отличившихся в годы борьбы с фашизмом.⁴⁵

И тем не менее, понятие бдительности, прежде всего, понималось как необходимость постоянного поддержания напряжения в обществе. Граждане государства должны были постоянно испытывать страх за свою судьбу, страх быть причисленным к "изгоям" и испытывать постоянное искушение участвовать в этой, казалось бы, странной, не вполне объяснимой борьбе с коварным, не всегда видимым врагом. Но существовал ли он, этот враг? Была ли оппозиция власти и режиму? И была ли эта оппозиционность антинародной и антигосударственной?

Если исходить из тогдашнего понимания оппозиционности властями, то она была. В каждой неосторожно высказанной мысли, допущенной ошибке, неудаче выискивался политический криминал. Власть была постоянно озабочена поиском оппозиции себе. Себе и государству, с которым она себя отождествляла. Поэтому местная власть, которая ощущала себя полномочным представителем "большой", московской власти, воспринимала любое недовольство политикой советского государства и даже собственных действий, как враждебный, политический, оппозиционный выпад. Точно также она воспринимала часто совершенные людьми действия, которые расценивала как идущие вразрез с ее политикой. Согласно официальной позиции, такие формы оппозиционности не имели права на существование, а их носители подлежали суровому наказанию. Но, с позиций здравого смысла, наш современник вряд ли может согласиться с такой постановкой вопроса об оппозиционности. Ведь, говоря об оппозиционности, мы подразумеваем организованные формы ее проявления. Между тем, об этом в те годы не могло быть и речи, во всяком случае в Азербайджане. Запуганное, задержанное население не могло допустить мысли об организационном проявлении своего несогласия с проводимой политикой, выражения недовольства ею. Власть же всей своей репрессивной политикой стремилась законсервировать именно такое состояние психологического климата в обществе. И своей цели она достигала. Но власть знала и то, что сохранить единообразие мысли, пусть даже где-то показное, она может, лишь не сбавляя накала психологического давления на население, будь то страхом или убеждением. Знала не столько потому, что располагала агентурной информацией об отдельных "крамольных" высказываниях граждан, а потому, что знала о существовании серьезных, подвергающих основательному сомнению правомерность Системы, внешней и внутренней политики, взглядов в обществе. Люди во все времена, в любой стране, в условиях самой мрачной диктатуры сохраняли в себе способность трезвого анализа ситуации, критической оценки творящегося вокруг них. Так было и в изучаемые времена. Люди искали форму выражения своих взглядов и, применительно к условиям своего времени, находили ее. Так было и в послевоенные годы в Азербайджане. Своеобразной такой формой явились

анонимные письма граждан в руководящие инстанции, но не в виде доносов о неблагонадежности кого-то, а в виде своеобразного изложения своего отношения и оценки действительности. Люди боялись подписываться собственным именем. Но обращаясь в высокие партийные инстанции, они как бы взывали власть прислушаться к их голосу и сделать соответствующие выводы. Но власть была глуха к мнению сограждан. В каждом отдельном случае ее интересовал лишь подлинный автор.

В 1948 г. в Бакинский горком партии поступило письмо за подписью "Иванов". Автор письма, говоря о материальных проблемах, с которыми сталкивается большинство людей в повседневной жизни, пришел к выводу, что "лучше ходить в церковь, чем состоять членом ВКП(б)". Как видно из содержания анонимки, автор видел основную причину тяжелой жизни людей в Коммунистической партии, ее политике, перерождении ее руководящих кадров. МТБ выяснило подлинного автора. Им оказалась техник треста "Лениннефть" коммунист Александра Крылова. Министр С.Емельянов счел возможным не арестовывать Крылову, а ограничиться осуждением ее поступка в партийном порядке. Столь "гуманное" отношение к "клеветнику" встречалось не часто. Тем более, если речь шла о недоверии к "организатору и вдохновителю всех побед советского народа" - партии.⁴⁶

В 1950 году органами государственной безопасности был выявлен автор другого анонимного письма - тоже член партии, инженер, работник управления Азербайджанской железной дороги Аббас Керимов. Автор обвинил "судебные и следственные органы, милицию, МГБ ... в незаконных арестах граждан, в применении физических воздействий к арестованным..., что в СССР существует эксплуатация, рабский труд и несправедливость народа". На этот раз органы тотчас отреагировали и Керимов был арестован.⁴⁷

В том же 1950 году был арестован член партии, ответственный секретарь редакции газеты "Азербайджан мюаллими" Алекпер Гюлизаде. Как отмечалось по этому поводу в справке Емельянова, Гюлизаде "собственноручно написал и распространил ряд анонимных писем и документов резкого антисоветского содержания, в которых пытался клеветать на советскую действительность..., в резко оскорбительной форме отзывался о руководителях Советского государства". Гюлизаде был приговорен к 25 годам лишения свободы.⁴⁸

Также был арестован в 1951 году мастер одной из строительных организаций в Сумгаите Артур Беррис, латыш по национальности, участник войны. По существу, анонимку Берриса в какой-то степени можно оценить как манифест диссидентской мысли того времени. Она стоит того, чтобы привести основное его содержание: "У нас нет свободы личности. Наши граждане бросаются в тюрьмы, лагеря, подполья МГБ. Тысячи и тысячи граждан томятся в драконовских сроках заточения... Ни одно крупное

строительство в гор. Баку не ведется без колючей проволоки, охранных будок по углам с застывшими автоматчиками. Весь путь бакинской электрической железной дороги от начальной станции до конечной проходит мимо все вырастающих и вновь строящихся тюремных лагерей и все это на протяжении десятков километров перед глазами людей для назидания. Подростков, женщин, стариков пачками и вновь пачками поглощают наши лагеря, напоминаящие времена жестокой "аракчеевщины"... И если поздно ночью и рано утром к нам постучат, то правда, первое чувство будет не из приятных: никаких почтальонов и молочников ждать не будем, а скорее людей в фуражках с красным околышком".⁴⁹

Приведенные выдержки из анонимных писем выражают протест против Системы. Но, в то же время, некоторые из них содержат в себе веру в возможность ее улучшения. Эти анонимки, с позиции сегодняшнего дня, сложно квалифицировать как полное отрицание идеи социализма, полное неприятие внутренней или внешней политики. Беррис, например, полностью солидаризировался с советской внешней политикой. И все же это была одна из форм идеологической оппозиционности.

Но, как видно, существовала и другая, глубоко антикоммунистическая по своей идеологической направленности форма. Помимо случая с Гюлизаде, другим ее примером могут служить взгляды группы людей, выявленные сотрудниками органов государственной безопасности в ходе следствия по делу бакинских преподавателей Гулама Джафарова и Халила Мурадова, арестованных в 1951 г. и осужденных к 25 годам лишения свободы каждый.

В ходе следствия выяснилось, что группа преподавателей различных учебных заведений Баку и Сумгаита систематически собиралась и обсуждала деятельность советского правительства как внутри страны, так и на международной арене. В беседах категорически отвергалась сама идея социализма, осуждалась репрессивная политика власти и лично Сталина. Любопытно, что в беседах между собой они критиковали внешнюю политику СССР за насаждение коммунистической системы в других странах, за развязывание войны в Корею, за провоцирование конфликта с Югославией.⁵

Таким образом, скрытая, достаточно глубоко осознанная идеологическая оппозиционность Системе существовала и в те годы. В недрах общества вызревали те идеи, которые позже, в иных условиях, дали всходы, приведшие вначале к постепенной трансформации Системы, а затем к ее крушению. И это служит убедительным свидетельством того, что любая диктатура, любой тоталитарный режим, размах репрессий не в состоянии привести к унификации общественного сознания. Сохраняющееся инакомыслие в любом его проявлении подготавливает почву для постепенного обновления общества и государственной системы.

Источники и литература

1. ГАППОД, ф.1, оп. 104, д.20, л.360.
2. Там же, л.360 а.
3. Суд над Мир Джафаром Кагироеым, с.46-113
4. ГАППОД ф.1, оп.168, д.33, л. 12.
5. Там же, оп.331, д.23, л.2.
6. Суд над Мир Джафаром Багировым, с.115
7. ГАППОД, ф.1, оп.244, д.13, л. 347-350.
8. Там же, ф.1, оп.241, д.12, л.214.
9. "Бакинский рабочий", 26 марта 1947 г.
10. ГАППОД, ф.1, оп.104, д.101; там же, д.104; там же д.114; там же, оп.221, д.12; там же оп.225, д. 13; там же, оп.14; и др.
11. Там же, оп.225, д. 15, л.206.
12. Там же, оп.253, д.25, л.5.
13. Там же, оп.244, д. 13, л. 320, 326.
14. Там же, оп.221, д. 12, л.200.
15. Там же, л. 1-8.
16. Там же, оп.222, д. 18, л.220.
17. Там же, оп.241, д.1, л. 139.
18. Там же, оп.225, д. 15, л. 183.
19. Там же, оп.241, д.1, л. 140.
20. Там же, д.11, л. 160-161.
21. Там же, оп.221, д.1, л. 154-159.
22. Там же, оп.244, д.2, л. 7-10.
23. Там же, л. 330-331.
24. Там же, оп.241, д.11а, л. 82-86.
25. Там же, оп.222, д. 108, л.246.
26. Там же, л. 142-145.
27. Там же, оп.241, д.96, л. 203-204.
28. Там же, оп.221, д. 12, л. 39-42.
29. Там же, л.20.
30. Там же, оп.225, д. 13, л. 87-88.
31. Там же, оп.104, д.41, л. 87-88.
32. Там же, оп.225, д. 13, л. 171.
33. Там же, оп.104, д.53, л. 46-48.
34. Там же, оп.221, д. 12, л. 50-61.
35. Там же, оп.331, д.23, л. 22, 42, 44, 45.
36. Там же, оп.221, д.12, л. 33-36.
37. Там же, оп.225, д. 13, л.49-52.
38. Там же, оп.241, д.11а, л.41-42.

39. Там же, л. 69-72.
40. Там же, оп.221, д. 12, л.42.
41. Там же, л. 362, 365, 368, 374.
42. Там же, л. 89-91.
43. Там же, л. 15-16.
44. Там же, оп.225, д. 14, л. 155-157.
45. Там же, оп.241, д.11 в, л. 38-50.
46. Там же, оп.221, д.12, л. 287-288.
47. Там же, оп.225, д.14, л. 289-291.
48. Там же, л.49.
49. Там же, л.241, д.11 в, л. 144-150.
50. Там же, оп.225, д.11, л.23-36.

ГЛАВА 6

НОМЕНКЛАТУРА ПОД "КОЛПАКОМ" СИСТЕМЫ

В советской тоталитарной системе существовало два связанных метода обеспечения преданности кадров. Первый предусматривал расширение материальных и так называемых моральных стимулов. Наличие материальных льгот и привилегий для номенклатурных работников обеспечивали представителям этой группы зажиточное и комфортное существование в условиях крайне низкого жизненного уровня подавляющей части населения. Приобщенные к номенклатурному образу жизни должны были ценить и дорожить своим положением. Но Сталин немало внимания уделял и удовлетворению тщеславия и честолюбия номенклатуры. Частое присвоение высоких правительственных наград, популяризация имен ее представителей через прессу и средствами наглядной агитации, присвоение имен представителям высшего слоя советской номенклатуры, включая первых лиц союзных республик, городам, районам, колхозам, заводам служило этой цели. Все это поднимало престиж принадлежности к номенклатуре, демонстрировало ее особое место в социальной структуре.

Но Сталин был убежден, что номенклатурный состав должен периодически обновляться, возможности корпоративной и групповой консолидации должны быть сведены на нет, любая форма проявления оппозиционности, даже потенциальной, блокирована в зародыше. Поэтому номенклатурная команда должна, словно карточная колода, тасоваться. При этом члены номенклатурной команды должны испытывать постоянный страх перед угрозой потери приобретенного положения. И не только из-за угрозы потери власти и привилегированного материального положения, но и физического устранения. Сталин был убежден, что потеря места в номенклатурной команде или даже снижение статуса в номенклатурной иерархии человеком будет рассматриваться как личная социальная катастрофа и превратит его неизбежно в потенциального оппозиционера. Об этом свидетельствовала практика 20-30 гг. Поэтому Сталин считал, что изменение в худшую сторону в положении номенклатурного деятеля, во всяком случае высшего, общесоюзного уровня, должно иметь следствием его физическое устранение. В этом видится природа массовых кадровых репрессий 20-30-х годов, корни так называемого "ленинградского дела", "мингрельского дела" и ряда других акций послевоенных лет.

В первые два десятилетия советской власти при формировании номенклатуры приоритетное место занимал признак политической благонадежности. Под этим понималось, прежде всего, безоговорочное

признание правомерности социалистического выбора, со временем принявшего форму безграничного доверия и любви к Сталину.

Как уже отмечалось, после кадровых чисток конца 30-х годов, наряду с преданностью к социализму и верой в Сталина, опыта и организаторских способностей, в число необходимых требований при выдвижении в номенклатурную среду стали большее значение, чем прежде, приобретать профессиональные качества: образовательный уровень, знания. Жизнь выдвигала свои требования, с которыми нельзя было не считаться. Однако фактор политической благонадежности не утратил своей значимости и в эти годы. И это не случайно. Сталинизм, как метод, сохранил свою природу. Но метод определения благонадежности несколько изменился. К середине 40-х годов состав "кандидатов" в номенклатурную среду резко изменился. В этой обойме уже трудно было, в силу их возраста, найти людей, которых можно было бы напрямую обвинить в связях с "белым" движением в годы Гражданской войны, в связях с меньшевиками, эсерами, национальными партиями, троцкистами, "правыми" и т.д. Но Сталин был убежден, что внутренний мир новой волны номенклатурных кадров в той или иной степени содержит в себе отпечаток той жестокой политической борьбы, участником которой был он сам и его поколение. Поэтому и к новому поколению номенклатуры особого доверия он не испытывал. Исходя из этого, в послевоенные годы в практике контроля за номенклатурными кадрами особое значение придавалось учету компрометирующих признаков. К их числу относились следующие:

1. Социальное происхождение. Сам факт происхождения не из рабочей или бедняцкой крестьянской среды, а еще хуже – из семей бывших эксплуататорских классов - помещиков и капиталистов и даже так называемой мелкобуржуазной среды - торговцев, нэпманов, зажиточных крестьян, религиозных деятелей.

2. Родственные или просто доверительные связи с репрессированными "врагами народа".

3. Пребывание за рубежом, свое и родственников, наличие родственников, постоянно проживающих за границей.

4. Высказывания, рассматриваемые как несовместимые с политикой партии и идеями социализма, неучастие в общественных акциях, таких, например, как демонстрации, подписка на государственные займы и т.д.

Все эти компроматы рассматривались как политические. Они были не единственными признаками, которые могли стать препятствием на пути вхождения в номенклатурную среду или причиной "отсечения" от нее. Политический компромат был самым опасным и мог иметь самые тяжелые последствия. Его использование было самым надежным методом для того, чтобы держать номенклатурную команду в "узде".

В послевоенные сталинские годы Азербайджанская ССР не знала политических кампаний, связанных с шумными судебными процессами, массовым "отсечением" из номенклатурной среды ее представителей. В этом отношении развитие событий в Азербайджане несколько отличалось от развития событий в целом по стране или в соседней Грузии. В Азербайджане рассматриваемый период по масштабам преследований по политическим мотивам не идет ни в какое сравнение с 30-ми годами. Накал политических обвинений и размах политических преследований в послевоенные годы был значительно слабее. Однако Азербайджан продолжал и в эти годы жить по Правилам сталинского режима и за рамки этих Правил, в целом, не выходил, да и выйти не мог.

Изучая документальные материалы тех лет, можно прийти к выводу, что в номенклатурной среде трудно было найти людей, в "объективке" которых отсутствовал бы политический компромат. Это может вызвать недоумение. Как могло случиться в тех условиях, что люди, на которых существовал политический компромат, попадали в номенклатурную команду. В этой связи любопытно то, каким образом выявлялись компрометирующие Материалы.

По существу, при всех назначениях номенклатурных работников министерство государственной безопасности представляло секретную справку, в которой указывало наличие или отсутствие компромата.

Сохранился любопытный документ, хранящийся в архиве политических партий и общественных движений Азербайджанской республики. Документ интересен тем, что не имеет названия и не подписан. Но содержание документа свидетельствует, что речь идет о предложениях, связанных с "ускорением и упрощением процесса проверки работников, проверяемых ЦК и БК КП(б)" Азербайджана. Год составления документа - 1950. Содержание документа позволяет сделать вывод, что по отношению к номенклатурным работникам применялись два вида специальной проверки - собственно спецпроверка и тщательная спецпроверка. Автор документа предлагал "производить тщательную спецпроверку (по учетам, родине, месту работы и домашнему адресу) только: а) руководителей и их заместителей республиканских, областных и районных партийных и советских органов до секретаря Райкома партии и Председателя Райисполкома включительно; б) работников аппаратов ЦК, БК КП(б) Азербайджана и Зав.Отделами Обкома партии, за исключением технических работников, которые проверяются особым порядком.

Остальных лиц проверять только по учетам МГБ Азерб.ССР".

Вывод напрашивается сам по себе. В Министерстве государственной безопасности хранилось досье на всех граждан. Тщательная же спецпроверка предусматривала получение Дополнительной информации из других

источников, помимо содержащихся в министерстве государственной безопасности.

Неизвестно, были ли учтены предложения по "ускорению и Упрощению процесса проверки работников", но одно остается очевидным: и до появления этого документа и после него вступающий в номенклатурную среду проверялся самым тщательным образом. И, тем не менее, компрометирующие материалы очень часто не становились преградой для проникновения в ряды номенклатурной элиты. И в этом был особый смысл. Компромат позволял держать работника в постоянном напряжении и в случае необходимости мог быть использован. В этом случае особенно выгоден был вариант, когда сведения о себе, представляемые проверяемым в период вступления в номенклатуру, противоречили негласной информации.

Выдвижение кадров, перестановки по службе сопровождались каждый раз запросами в Министерство государственной безопасности и ответной справкой последнего. Но особым поводом для новой спецпроверки являлись сигналы трудящихся, чаще всего поступавшие в форме анонимных писем. Эта форма рассматривалась как один из важных источников информации, а на деле являлась элементарным доносительством. Штатные негласные информаторы в данном случае не имелись в виду. Анонимка сразу же вызывала реакцию в случае, если речь шла о номенклатурных работниках, и тут же следовала спецпроверка. Министерство государственной безопасности систематически получало все новые и новые задания от ЦК Компартии Азербайджана, причем по самым различным поводам. 26 апреля 1948 года следует письмо в адрес министра госбезопасности следующего содержания: "По распоряжению тов. Багирова М.Д. посылаются справки на работников оргинструктурского отдела ЦК и БК КП(б) Азербайджана для проверки".² Не более или менее: на весь состав ведущих отделов Центрального и Бакинского комитетов Компартии Азербайджана. Сложно сказать, чем было вызвано это поручение. Скорее всего, оно было связано с желанием руководителя произвести кадровые изменения. А вот другой повод для спецпроверки, связанный с выборами в Верховный Совет Азербайджанской ССР: "Тов. Емельянову. Направлены справки-анкеты на товарищей выдвигаемых в кандидаты депутатов Верховного Совета Азербайджанской ССР для проверки. 3.1.51г". Всего на 5 человек. И другое письмо аналогичного содержания по этому же поводу, датированное тем же числом. Теперь уже на 8 человек.³ И так регулярно. Но особенно частыми были индивидуальные проверки, связанные с "сигналами трудящихся" - анонимками. Поручения в этой связи давались по поводу анкетных данных практически на всех работников высшего звена: секретарей ЦК, БК, членов Совета Министров, руководителей правоохранительных органов, включая руководителей Министерства государственной безопасности. И в каждом

случае работники госбезопасности составляли подробный отчет с обязательными упоминанием компромата, и лишь в некоторых случаях следовала фраза с характерным содержанием: "Компрометирующими материалами не располагаем". И сама формула интересна. Работники органов как бы объясняют: компромата не быть не может, но в данном случае не повезло - не обнаружили. В типичном стиле библейской традиции - человек безгрешным быть не может.

Итак, первый грех номенклатурного работника - не то социальное происхождение. Печальный опыт 20-30-х годов свидетельствовал о том, что принадлежность к бекскому роду, купечеству является не только серьезным препятствием на пути продвижения по служебной лестнице, но и дает основание для попадания в разряд "сомнительных элементов" с реальными последствиями быть репрессированным при проведении очередной кампании против "контрреволюционных элементов", к коим пристегнуть выходцев из "нетрудящихся" классов для органов государственной безопасности было весьма удобным поводом. Вот почему, заполняя многочисленные анкеты и представляя автобиографию, многие не выпячивали те данные, которые не соответствовали стандартным представлениям о примерном социальном происхождении. Однако при каждом сигнале" и последующей проверке всплывали факты о порочащем социальном происхождении и проверяемому приходилось униженно каяться, доказывая свою преданность идеям и задачам, верность которым подвергала сомнению их автобиография.

Характерен пример дела, связанного с Мир Гасаном Сеймовым. Этот человек за короткий срок сделал головокружительную карьеру. В 1937 году, в возрасте 29 лет, был назначен директором научно-исследовательского института, затем в 1941 году - директором Азербайджанского сельскохозяйственного института. Далее следует: 1942-1943 гг. - председатель Кировабадского исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся, в 1943-1944 гг. - заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КП(б) Азербайджана, в 1944-1950 гг. - секретарь, второй секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. Затем следуют доносы о его неблагополучном социальном происхождении. И, как результат, следует его перемещение на менее престижный пост заместителя председателя Совета Министров Азербайджанской ССР. По и здесь прошлое не оставляет его в покое. И в ноябре 1950 года он вынужден написать подробную автобиографию, очевидно, с целью развеять все сомнения. Здесь Сеидов детально описывает основные сведения о деде, отце, братьях и сестрах, их женах и мужьях, их детях, братьях и сестрах отца и матери, их детях, о своей жене, ее отце, матери и брате, и, наконец, о себе и своих детях. Всего - на 47 человек. Из всего описанного Сеидовым становится ясно, что главное обвинение, направленное против него, связано с тем, что он происходил из купеческой

среды. Но пришлось писать о всех родственниках. Благо, отец его имел трех жен и от них 9 детей. Так что объем автобиографии не случайно составил 7 машинописных страниц. Самое интересное, что выясняется из автобиографии, это то, что за свое социальное происхождение Сеидов в 1930 г. был исключен из партии. Но затем по апелляции был восстановлен. Так что о социальном происхождении "подозреваемого" все давно было известно. Но ему пришлось вновь писать об этом, унижаться, заверять в своей преданности. "Связи с родственниками, как по линии отца, так и по линии матери почти что не имею", подчеркивает автор биографии, как бы открещиваясь от прошлого.⁴

В 1950 году на должность секретаря БК был рекомендован Афрасияб Адигезалзаде. Еще в июле 1950 года М.Д.Багиров в своем письме в адрес ЦК ВКП(б) на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.Маленкова просит утвердить его в этой должности.⁵ А уже в сентябре того же года А. Адигезалзаде вынужден объясняться по поводу своего бековского происхождения. В письме М.Багирову он пишет, что не знал об истинном социальном статусе своего отца до революции, что он был гласным Елизаветпольской думы: "Я должен признать свои ошибки в том, что... хорошо не изучал в прошлом моих родных..., этим вопросом не интересовался...". И, как всегда, следует: "...я,... обязан исправить допущенные мною ошибки...".⁶ Ошибка, однако, лишь в том, что не от тех родителей родился и не тех родственников имел. Поверить, что не знал, трудно. Как и трудно поверить в то, что для партийных органов происхождение Адигезалзаде явилось откровением. Ведь в секретари БК он попал с весьма престижной должности заведующего отделом ЦК.

И Сеидов, и Адигезалзаде по занимаемому положению в иерархической номенклатурной системе были достаточно заметными в Азербайджане фигурами. Но проверялись при малейшем подозрении и люди менее известные. 16 мая 1948 года министр госбезопасности Емельянов докладывает в ЦК КП(б) Азербайджана: "В МГБ Азербайджанской ССР поступили данные о том, что второй секретарь Карягинского райкома партии Агакишиев Магеррам Талыббек оглы происходит из беков. Дядя его, он - же и тесть, - до революции имел крупную торговлю в Баку и Карягино".⁷ И далее в том же духе. Вряд ли компромат на Агакишиева впервые стал известен в 1948 году. Сам же Емельянов показывает, что компрометирующие данные были известны и в 1941 году. Но организационные выводы тогда сделаны не были. Неизвестно, повлияла ли новая докладная на судьбу Агакишиева в 1948 г. Известно лишь, что в 1950 г. "разоблачительные" данные не повлияли на особое номенклатурное положение ни Сеидова, ни Адигезалзаде. В целом, изучение документальных материалов говорит о том, что в послевоенные годы, во всяком случае в Азербайджане, фактор социальной принадлежности хотя и продолжал играть роль признака

степени политической благонадежности, но в значительно меньшей степени, чем в 20-30 гг. И в кадровой политике это проявлялось все четче. На это есть ряд причин. Первая, наверное, самая главная, была, видимо, связана с временным фактором. Ушло то время, когда Советская власть, утверждая о своем народном характере и стремясь убедить в этом широкие слои населения, в качестве одного из главных аргументов приводила свою политику формирования интеллигенции и чиновничьего аппарата за счет, главным образом, выходцев из рабочей и крестьянской среды. С конца 30-х годов необходимость убеждать кого-либо в народном характере власти считалось излишним. Люди должны были воспринимать эту истину в качестве аксиомы. И сомнения в этом были чреваты тяжелыми последствиями для усомнившихся. Что касается использования выходцев из так называемых эксплуататорских классов при формировании интеллигенции и даже номенклатуры, особого беспокойства по поводу угрозы для себя в этом случае власть не чувствовала. И не случайно. Ведь, по сути, она добилась массового притока в ряды номенклатуры выходцев из рабочих и крестьян. На этом фоне приток выходцев из "недружественной", ушедшей в небытие среды, запуганных и задерганных, вечно кающихся и вынужденных доказывать верность власти, не только не¹ таил в себе опасности, но и был выгодным.

В Азербайджане, видимо, это понимал и М.Д.Багиров. Понимал и потому, что, как уже отмечалось, и у него самого с социальным происхождением, с точки зрения того времени, далеко не все было в порядке.

Так что Багирову было понятно стремление тех, кто пытался не выпячивать свое происхождение. Думается, что Багиров никогда и не был ослеплен классовой ненавистью и "классово чуждым элементом". Во всяком случае, создается впечатление, что обвинение на судебном процессе в 1956 году в части, касающейся того, что он часто покровительствовал выходцам из бекской среды еще в 20-30 гг., не лишено оснований. Правда, с позиций уже сегодняшнего дня это трудно назвать криминалом. Но тем не менее такие факты были. В частности, на судебном процессе прозвучало имя одного из тех, кому он якобы покровительствовал - Алипанах бека Шафибекова - выходца из бекской среды, бывшего активиста мусаватской партии. Видимо, Багиров хорошо знал род Шафибековых. Один из них, изменивший свою фамилию на Шафиева, Керар в 1947 году работал в Москве преподавателем политической экономии Военно-химической академии имени Фрунзе. Багиров задумал привлечь его для работы в партийных органах Азербайджана. Но затребованная из МГБ справка, казалось бы, должна была заставить его отказаться от этой затеи. В ней говорилось: "Шафиев - Шафибеков Керар является сыном бывшего крупного тушинского богача Мешади Нагибека Шафибекова, который до

установления Советской власти... имел в гор. Шуше два каменных дома и несколько мануфактурных магазинов... Дядя его... также имел... собственные магазины. Третий его дядя... тоже в прошлом имел... крупную торговлю. Четвертый дядя... был учителем и пользовался среди шушинских купцов и беков большой популярностью".⁸ Казалось бы, все ясно. Но Багирова это не останавливает. 9 июня 1947 г. следует телеграмма Багирова в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова: "В связи с необходимостью укрепления бакинского горкома партии теоретически подготовленными кадрами ЦК КП(б) Азербайджана настоятельно просит Вашего указания направлении наше распоряжение для использования руководящей партийной работе линии пропаганды Шафиева Керара...".⁹

По неизвестным нам причинам Шафиев так и не был направлен в Баку. Тем не менее, когда в январе 1952 г. директор института экономики АН СССР К.В.Островитянов обратился в ЦК Компартии Азербайджана с просьбой дать заключение на докторскую диссертацию Шафиева, Багиров, несомненно, способствовал быстрому положительному ответу, причем за подписью секретаря ЦК КП(б) Азербайджана Ягубова.¹⁰ Очевидный факт того, что Багиров и знакомых не забывал и антибекской предубежденностью не страдал.

Но это в том случае, когда речь не шла о личной заинтересованности М.Д.Багирова. В ином случае фактор социальной принадлежности используется им с беспощадностью. Типичен пример с Азизом Алиевым. Последний в свое время по рекомендации Багирова был выдвинут на должность первого секретаря Дагестанского обкома ЦК ВКП(б). Впоследствии он работал уже инспектором ЦК ВКП(б). По свидетельству М.Г.Сеидова, Багиров буквально уговорил Алиева вернуться в Азербайджан и согласиться занять пост заместителя председателя правительства." В своем письме Г.Маленкову в феврале 1950 г. он просил ЦК ВКП(б) дать согласие на перевод Алиева на работу в Баку.¹² Настойчивость Багирова в этом вопросе можно объяснить лишь одним: маячивший перед глазами московских руководителей азербайджанец мог реально рассматриваться ими как преемник Багирова на должности первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. И после переезда Алиева в Баку его конфликт с Багировым был лишь вопросом времени. И время это не заставило себя долго ждать.

К моменту размолвки с Багировым в 1951 году Алиев уже работал заместителем председателя Совета Министров Азербайджанской ССР. И Багиров принимает решение сместить его с высокой должности в правительстве. В письме секретарю ЦК Г.Маленкову он в качестве одного из аргументов приводит то, что Алиев А.М. скрывает от партии действительное социальное положение родителей...его дядя по матери с 1914 по 1917 гг. служил приставом в одном из уездов..., другой дядя... работал сельским

старостой...".¹³ Создается впечатление, что истинное социальное происхождение Алиева явилось для него, Багирова, откровением. Поверить в это невозможно. Человек, занимавший столь высокие посты, не мог скрыть данных из своего прошлого. Он мог не писать об этом, заполняя анкеты. И на это до поры до времени закрывали глаза. Но при желании компромат использовался. Случай с Алиевым был именно таким. А.Алиев был назначен директором института восстановительной хирургии. Но, видимо, недовольство Алиевым не прошло. В конце 1952 г. министр государственной безопасности Емельянов, по всей видимости, по заданию Багирова готовит новую обширную справку. Здесь уже говорится: "Отец Алиева Азиза был торговцем и старшиной села... Мать Алиева Азиза происходит из зажиточной семьи... Дядя его со стороны отца -Алиев Алекпер в прошлом являлся урядником и служил в свите охраны Эриванского губернатора. Другой дядя Алиева Азиза по линии отца, согласно личной рекомендации премьер-министра Хан Хойского был назначен начальником одного из уездов в Азербайджане... Третий дядя со стороны матери - Сулейманбеков служил приставом в Эриванской губернии".¹⁴

В общем - образ выходца из социально чуждой среды. Такое ощущение, что готовилась документальная база для окончательной расправы с Алиевым и здесь фактор социального происхождения должен был сыграть свою роль. Этот фактор играл большую роль во внутренних расправах, подсиживаниях, вечном стремлении номенклатурщиков дискредитировать друг друга в глазах начальства. И фактор этот порой определял судьбу людей.

Показателен следующий пример. В 1950 г. на должность заместителя прокурора Нахичеванской АССР выдвигается работник прокуратуры Азербайджанской ССР И.Исмаилов. Но секретарь Нахичеванского обкома Юсифов выступил против этой кандидатуры, мотивируя это тем, что отец Исмаилова "бывший мулла, занимается религиозной деятельностью... состоял одно время в духовном совете...".¹⁵ Вопрос решен не был. В 1951 г. И.Исмаилов выдвигается уже на должность начальника следственного отдела Прокуратуры Азербайджанской ССР. Но и теперь отец стал препятствием для И.Исмаилова. Заведующий административным отделом ЦК КП(б) Азербайджана Б.Агамали в этой связи пишет: "Кандидатура... отклонена по результатам сиецпроверки".¹⁶

Важным признаком определения благонадежности члена номенклатуры являлось наличие данных о родственниках, Друзьях и знакомых. Наличие среди родственников "врагов народа", бывших членов так называемых контрреволюционных партий и даже контакты с людьми, находящимися на подозрении органов государственной безопасности в прошлом и настоящем, являлись достаточно веским основанием для того,

чтобы держать номенклатурную часть населения в постоянном напряжении. Но, как и в случае с происхождением "из классово чуждой среды", в послевоенные годы при подходе к этому вопросу государство использует его от случая к случаю. Сам руководитель Азербайджана М.Д.Багиров не был сторонником огульного отчуждения всех лиц, имевших соответствующий автобиографический компромат, от номенклатурной среды. Да и при желании сделать это было сложно, поскольку размах репрессий 20-30-х годов был настолько широк, что в условиях сравнительно небольшой республики тяжело было найти человека, среди родственников которого не было бы репрессированных по политическим мотивам. Где-то внутри себя М.Д.Багиров понимал, что наступило, быть может, то время, когда консолидация людей гораздо важнее, нежели бесконечный поиск "врагов" с целью разделения их на "своих" и "чужих". Не исключено, что в этом вопросе позиция Багирова не соответствовала взглядам Сталина, который и после войны по-прежнему был склонен к поиску "врагов" и на этом пути видел возможность консолидации общества.

Это лишь предположение. Но ряд фактов дают основание и для такой точки зрения.

Любопытен случай, рассказанный в свое время автору книги бывшим сотрудником Бакинского государственного университета Мамедом Эфендиевым. Племянник бывшего председателя Центрального исполнительного комитета Солтан Меджид Эфендиева, расстрелянного в 1937 году как "враг народа", он был исключен из партии и лишен работы. В годы войны он был призван в ряды Советской армии и провоевал весь период. После демобилизации он так и не смог устроиться на работу. И причиной этого была его принадлежность к семье репрессированного "врага народа". В отчаянии он обратился за помощью к М.Д.Багирову. Неожиданно он был вызван на заседание, бюро ЦК. Здесь М.Д.Багиров произнес приблизительно следующую тираду: "Перед Вами племянник "врага народа" Эфендиева. В рядах Советской армии он своей кровью смыл позорное пятно в своей биографии. Предлагаю восстановить его в партии и привлечь на работу в ЦК". Так, неожиданно, Эфендиев стал инструктором, а вскоре заведующим сектором ЦК Компартии Азербайджана.

Документы свидетельствуют, что М.Д.Багиров часто стремился не придавать особое значение "темному" родственному прошлому кадров. Интересно в этом отношении его отношение к выдвижению на руководящие должности Вели Ахундова, в будущем первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Врач по специальности, В.Ахундов все годы войны находился в действующей армии. После окончания войны в 1946 году он был избран председателем ЦК профсоюза медицинских работников. И это несмотря на то, что в своей автобиографии он неизменно указывал, что его двоюродный

брат, бывший секретарь Нахичеванского обкома партии был в 1937 году репрессирован как "враг народа". В 1949 году В.Ахундов уже заместитель министра здравоохранения республики. И тут следует донос, в котором указывается, что его авторы, озабоченные "большевистской бдительностью", спешат сообщить, что в роду Вели Ахундова целый букет "врагов народа": 5 человек, в том числе четверо - двоюродные братья.¹⁷ В.Ахундова вызвали для объяснения к секретарю ЦК Г.Мамедову. Затравленный Ахундов вынужден писать объяснительную М.Д.Багирову. Он оправдывается, пишет о своей преданности, заслугах: награжден орденами Отечественной войны и Красной звезды, медалями. Далее он отмечает: "После возвращения из армии мне приходилось много раз заполнять анкеты и писать автобиографию и повсюду я указывал, что мой двоюродный брат Ахундов Акпер Джавад оглы арестован органами НКВД в 1937 г. как враг народа... Об остальных я не писал, потому что о них мне ничего определенного не известно... Теперь, когда после мучительных переживаний я пишу Вам это объяснение, осознаю, что я ошибался... Тяжело и обидно, первый раз в жизни, быть оскорбленным в самом сокровенном, в самом дорогом, что есть во мне - принадлежность к партии, без чего я считаю свою жизнь бесцельной". Интересно, что несмотря на "корчагинскую" форму изложения преданности, в письме отсутствуют столь характерные для тех лет выражения любви лично к М.Д.Багирову как "родной отец", "любимый отец". Но М.Багиров не стал раздувать "дела". Если секретарь ЦК Г.Мамедов предложил обсудить вопрос на бюро ЦК, то Багиров отправил его на обсуждение Ворошиловского райкома партии, бюро которого ограничилось объявлением Ахундову выговора "за скрытие от партии осужденных двоюродных братьев". И на этом была поставлена точка.

Но тон подхода к этим делам все же задавала общая обстановка в стране, когда поиск потенциальных "врагов народа" из числа родственников "врагов народа" протекает все более интенсивно. И в первую очередь арестовывали подростков ранее репрессированных по политическим мотивам. В Азербайджане такие случаи были нечастыми. Но постоянный поиск компромата на почве близости с "политическими врагами" должен был подтвердить, что работа в Азербайджане в этом направлении не ослабевает. И он продолжался в различных сферах скопления номенклатурных работников: в самом партийном аппарате, правоохранительных органах, в учреждениях науки и культуры.

В партийных органах долгое время работала некая Абрамова. Была она и первым секретарем Ворошиловского райкома партии, затем работала в аппарате ЦК Компартии Азербайджана. В 1952 году она была изгнана из партийного аппарата. Причиной этого стало, как писал в весьма корявой своей докладной министр госбезопасности Емельянов, то, "что личность Абрамовых весьма подозрительна на причастность ее к английской разведке,

а деятельность ее мужа подозрительна на вредительство в нефтяной промышленности".¹⁹ Что же послужило основанием для столь тяжелых обвинений? Вот некоторые купюры из справки Емельянова:

"В числе ее близких друзей оказались Кричевская и Эфендиева, которые были изгнаны из партийного аппарата, как не внушающие политического доверия...", "будучи осведомлена о том, что другая работница аппарата ЦК КП(б) Азербайджана - Ефимова также находится в дружеских взаимоотношениях с Кричевской и Эфендиевой... эту связь Ефимовой с ними конспирировала. Более того... принимала участие на проводимых Ефимовой и Эфендиевой так называемых семейных вечерах проводимых под видом именин...", в период Гражданской войны "Абрамова была арестована английской контрразведкой и поставлена в Иран... Здесь... Абрамова пробыла три месяца...", "сестра Абрамовой была замужем за... Гутиным, который в 1937-1938 года был арестован органами НКВД", "муж Абрамовой - Сквирский..., работая на ответственных должностях в нефтяной промышленности, пользовался большим доверием у разоблаченных врагов народа..., поддерживал связь с разоблаченными врагами..., создавал обстановку для антисоветской деятельности. Работая начальником отдела бурения объединения "Азморнефть"... создал безответственную обстановку, когда по подозрительным причинам происходило много сложных аварий".²⁰

Тенденциозность пронизывает каждую строчку справки. Явно чувствуется стремление обосновать обвинение. При этом автор справки уверен, что дружеские отношения с людьми, не внушающими доверия органам государственной безопасности, уже есть криминал. Причем такой, что позволяет и самого его обвинять в антигосударственной деятельности. В данном случае очень хорошо чувствуется враждебность Системы по отношению к сближению людей. Власть не желала всех других форм отношений между "номенклатурщиками", кроме служебных. Отношения в быту должны были быть лишь продолжениями отношений на службе и не более. И если человек утрачивал политическое доверие и выбывал из "обоймы", то оставшиеся должны были и публично, и в личных отношениях разделить с властью правоту решения. В противном случае это уже рассматривалась как вызов с вытекающими последствиями.

Недоверие. Как много оно значило в судьбах людей. В начале 50-х годов следует целая кампания по выявлению родственников врагов народа" в самых различных сферах жизни. Из правоохранительных органов изгоняются все работники, у которых были родственные связи с репрессированными "врагами народа". Повод - не указали в анкетах, автобиографиях, скрыли от партии правду. Десятки людей потеряли работу.

В 1950 г. министр государственной безопасности Емельянов, очевидно, по согласованию с Багировым, сообщил в Министерство Юстиции

СССР сведения на родственников жены председателя военного трибунала г.Баку Ходжаева. Выясняется, что среди близких родственников жены незадачливого судьи есть репрессированные "враги народа", да к тому же некоторые родственники проживают за границей. В ответ союзный министр К.Горшенин, перечислив семейные грехи Ходжаева, обращается к Багирову с вопросом: "Считает ли ЦК КП(б) Азербайджана возможным дальнейшее пребывание тов. Ходжаева на работе в военных трибуналах?". Ответ мог быть только один - нет, не считает. Иначе зачем было передавать информацию в Москву.²¹

В 1952 году из органов прокуратуры увольняется Алиев Тимур, отец которого еще в 1930 году коллегией АЗ ГПУ был выслан в Новосибирскую область. При поступлении на работу Алиев скрыл, оказывается, от органов, что его отец был осужден по политическим мотивам, и написал, что он был лишен свободы за спекуляцию. Не указал он, что два его дяди были репрессированы, "тем самым проявил неискренность". И все.²²

Тогда же по схожим мотивам из органов увольняется мой отец - Исмаилов Рафик Алигейдар оглы, 27-летний прокурор Кишлинского райкома Баку. Основанием послужил выявленный факт о том, что его дядя как "враг народа" был расстрелян в 1937 году. По этой же причине лишилась работы в одном из научно-исследовательских институтов АН Азербайджанской ССР, считавшимся секретным, родная сестра моего отца. И такие случаи носили массовый характер.

В 1950 г. от должности заведующего кафедрой и преподавательской работы в Институте физкультуры отстраняется Вагабова З.Г. Причина - до 1937 года состояла в браке с "врагом народа". Брак был давно расторгнут. Но тем не менее, Вагабова обратилась за помощью к М.Д.Багирову. Чем кончилось - не ясно.²³ Но суть не в этом. Во всяком случае, часто судьбы людей решали субъективные факторы. В 1950 году к М.Д.Багирову обратился Амиров Джамшид, бывший сотрудник органа ЦК комсомола республики - газеты "Азербайджан геджлери", откуда его уволили. Основание - отец в 1937 г. арестован органами ЦКВД и осужден на 10 лет. Амиров пишет, что "задолго до ареста... мой отец бросил нас - меня, мать и четверых братьев... Меня вырастили и воспитали советская власть и большевистская партия. Меня ничто не связывает с моим отцом, кроме фамилии... Я действительно допустил большую ошибку и не сообщил, что мой отец был арестован, так как с ним никакой связи не имел". На заявлении наложил любопытную резолюцию секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гасанов: "Если на самом деле отец его в 1932 разошелся с его матерью и уехал и он сам является квалифицированным журналистом, то можно его использовать по своей специальности".²⁴ Логика потрясающая: если отец разошелся с матерью, то работать журналистом может. Амиров был

восстановлен на прежнее место работы. Интересно, что в те же годы на руководящей работе в нефтяной промышленности использовался брат Д. Амирова - Али Амиров, в будущем секретарь ЦК. Братьям повезло тогда. Их не уволили. Фортуна повернулась было к ним спиной, но потом смилостивилась. К ним, но не к большинству попавших в похожую ситуацию.

Порой селекция номенклатурных кадров начиналась уже на подступах попадания в эту категорию. 8 июля 1951 года заведующая сектором ЦК Новикова посылает министру госбезопасности С.Емельянову письмо: "По поручению ЦК КП(б) Азербайджана посылаются для проверки справки на рекомендуемых на учебу в республиканскую 2-х годичную партийную школу". И далее следует список на 59 человек.²⁵ В 1950 году на юридическом факультете Азербайджанского государственного университета учился студент Фахри Захиров. И вот заместитель министра юстиции Сейфетдинов пишет в ЦК Компартии Азербайджана письмо. В нем говорится: "По имеющимся сведениям... студент IV курса юридического факультета Захиров... происходит из социально чуждой семьи... Дед Захирова... со своими сыновьями... в 1920-1924 г.г. создали банду и выступали против Советской власти... Отец Захирова и дядя были... расстреляны". Следует указание в Университет и вот уже Захиров отчисляется приказом ректора. Основание приказа ректора сформулировано лаконично: "Мое распоряжение". И никаких объяснений.²⁶

Ректором Университета, так спокойно распорядившимся судьбой одного из своих студентов, был известный ученый-физиолог, профессор Абдулла Караев. Он, как и все в те годы знал цену политическому компромату. Знал уже по той простой причине, что и сам был скомпрометирован. И значимость компромата на него оценивалась как более веское обвинение, чем чуждое социальное происхождение или наличие среди родственников и друзей "врагов народа". В том, что родился не от трудящихся родителей и за то, что некогда имел нежелательные связи, можно было покаяться. Правда, и это никогда не забывалось. По вот любая ниточка, связывающая с враждебным, зарубежным окружением, никогда не выпадала из поля зрения бдительной Системы. Она всегда помнила, что любая связь с зарубежным родственником или знакомым - предпосылка для вербовки иностранной разведкой.

В 1952 году А.Караев уже не был ректором Университета. Тем не менее, когда на него поступил донос, Министерство государственной безопасности представило справку, которая "высветила" зарубежные связи профессора. Выяснилось, что в Иране живут два его двоюродных брата, о которых он "в своих анкетных и биографических данных... не указывает. Кроме того, в 1948 году Караев "из заграницы получил три письма - два из

США, одно из Ирана. По данным 1937 года сестра Караева... поддерживала связь с женой иранского консула. Квартиру Караева в 1950 году часто посещал прибывший из Ирана в СССР ирано-подданный", а последний "является шурином одного из бывших руководителей демократов в Иранском Азербайджане, подозреваемого в связи с иностранной разведкой".²⁷ Что стало с Караевым после разоблачительной докладной, не известно. Но возвращаясь к делу Азиза Алиева, отметим, что среди порочащих последнего фактов был и такой, как "проживание сестры А.Алиева в Иране" и что он сам в 1920 году "находился на территории Ирана".²⁸ Позже, когда А.Алиев работал директором института восстановительной хирургии, в числе фактов, компрометирующих его, были названы дружеские взаимоотношения с людьми, имеющими родственников в Иране и некогда поддерживавшими связи с иранскими дипломатами и иранскими гражданами.

Как видно, к компрометирующим относились сами факты пребывания на территории Ирана. Абсурдность подобного рода обвинения хорошо видна на примере объяснительной записки секретера ЦК комсомола Азербайджана Али Керимова. Объяснительная была составлена в 1948 г. в связи с тем, что он в своей автобиографии не указал ряд эпизодов из жизни отца. Отец его, как выяснилось, до революции какое-то время учился в Германии, в 1918 году с женой и годовалой дочерью проживал в Иране. В страхе за свою судьбу униженный А.Керимов пишет: "Сейчас я понял, как глубоко виновен... сейчас же я осознал, что я заблуждался, был не прав и допустил большую ошибку. Прошу, если можно, простить мне ошибку...".³⁰

Представление оперативно - агентурной информации, компрометирующей номенклатурных работников, входило в круг служебных обязанностей органов государственной безопасности. Тем не менее, с таким же рвением к этому вопросу порой относились и другие ведомства. Стремлением зарекомендовать себя перед вышестоящими партийными органами "бдительными" в кадровых вопросах отличались и руководители других ведомств, прежде всего, правоохранительных. Выше приводились примеры, связанные с инициативами прокуратуры, министерства юстиции и других. Характерен такой пример. В ноябре 1949 года заместитель министра юстиции Г.Кулиев обращается к секретарю ЦК КП(б) Азербайджана Г.Мамедову. Он пишет, что преподаватель юридического факультета Азгосуниверситета Кафар-заде Махбуба и ее муж, директор 9-ти месячных курсов по переподготовке юристов, Мамедов Ахмед до 1934 года являлись гражданами Ирана, и только после этого стали гражданами СССР. Отец, мать, братья и сестры Мамедова проживают в Иране. Резюме Г.Кулиева достаточно категорично: "Считаю невозможным дальнейшее оставление их на преподавательской работе". Секретарь ЦК Г.Мамедов согласен с Г.Кулиевым. Но в своей резолюции он пытается придать характеру

принимаемого решения более обоснованную форму, не ограничившись обвинением в наличии заграничного следа. Он пишет: "Кроме Указанных фактов в письме тов. Кулиева Г., есть другие данные о том, что он не обеспечивает работу курсов, создает там нехорошую атмосферу, занимается нечистоплотными делами. Прошу собрать все материалы и внести вопрос о немедленной замене".³¹ Все ясно - есть причина. А повод должен быть найден.

Конечно, наличие "иранского следа" считалось достаточно серьезным компроматом для автобиографии любого номенклатурного работника. В условиях Азербайджана наличие такого следа было обычным явлением. До революции 1917 года, да и в последующие годы, вплоть до середины 30-х годов, перемещение населения из Ирана в Азербайджан носило интенсивный характер. В поисках работы огромная масса иранцев, подавляющую часть которых составляли иранские азербайджанцы, прибывали в Азербайджан, оседали здесь на долгие годы, обзаводились семьями, мало заботясь о проблеме своего гражданства. Введение в СССР в 1932 году новой паспортной системы поставило перед выходцами из Ирана вопрос об определении своего гражданства. Многие из них приняли гражданство СССР. Те, кто отказался, вынуждены были, в большинстве своем, уже до начала второй мировой войны вернуться в Иран. Как бы то ни было, количество лиц, имеющих родственные связи в Иране, стало огромным. И, соответственно, численность лиц, имеющих в автобиографии компромат по факту наличия родственных связей в Иране, возросла. Найти такой след в анкетах многих достаточно крупных партийных, советских работников, деятелей науки и культуры, творческих работников было несложно.

Но насколько серьезным компроматом не считался бы "иранский след", он не рассматривался в качестве "железного занавеса" на пути проникновения в номенклатурную среду. Скорее всего, "иранский след" в контексте политической бдительности рассматривался в одном ряду с общим недоверием к любым связям с зарубежными странами. Иранское происхождение не мешало Мир Баширу Касумову долгие годы быть Председателем Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, а писателю Мирзе Ибрагимову - заместителем председателя правительства. И таких примеров много. "Иранский след" лишь служил дополнительным компрометирующим фактором, в случае, когда номенклатурного работника ниспровергали по другим причинам, но когда необходимо было привлечь для убедительности политический компромат.

Гораздо сложнее обстояло дело, когда речь шла о наличии в анкетах "турецкого следа". Людей связанных с Турцией родственными связями, по сравнению с Ираном, в Азербайджане было значительно меньше. До революции 1917 года массовое перемещение населения из Турции в

Азербайджан и из Азербайджана в Турцию не наблюдалось. В связи с падением Азербайджанской Демократической Республики и установлением Советской власти в Азербайджане в 1920 году имело место эмиграция небольшой части азербайджанского населения в Турцию. В связи с заключением в 1921 году Московского договора между Турецкой республикой, с одной стороны, и тремя закавказскими республиками - Азербайджаном, Грузией и Арменией, с другой стороны, граница между Азербайджаном и Турцией составила всего 11 км. При этом изначально граница была плотно блокирована пограничной охраной и ни о каком более или менее свободном перемещении не могло быть и речи. В послевоенные годы в Турции осела часть азербайджанцев, попавших в годы войны в германский плен и не пожелавших вернуться на Родину. Таким образом, даже с точки зрения органов госбезопасности, фактор наличия родственных связей с жителями Турции на благонадежность азербайджанцев - граждан СССР особенно влиять не мог. И, тем не менее, именно Турция и, не без основания, рассматривалась как наиболее опасный фактор воздействия на настроения азербайджанского населения. Этническая близость турок азербайджанцам была главным, что настораживало советские властные структуры и специальные службы. Оперативно-агентурная информация свидетельствовала, что популярность Турции достаточно велика и симпатии к ней не изжиты, вопреки всем предпринимаемым репрессивным и пропагандистским мерам.

В Турции функционировали азербайджанские эмигрантские антисоветские и антикоммунистические организации. Отношение к Турции усугублялось резким изменением отношения к этой стране советского политического руководства незадолго до окончания второй мировой войны. Санкционировав территориальные претензии Грузии и Армении к Турции, Советский Союз взял курс на усиление конфронтации с этой страной. Ответом стало сближение Турции со странами Запада и, в конечном итоге, ее вступление в военно-политические структуры НАТО. Турция в глазах советского руководства стала рассматриваться в качестве одного из наиболее опасных, враждебных государств.

Еще в 20-30-е годы понятие пантюркизма советской пропагандой расшифровывалось как стремление объединения тюркоязычных народов под эгидой Турции. Отсюда кровавые репрессии против всех заподозренных в приверженности пантюркизму. В восточных мусульманских советских республиках с этими обвинениями, чаще всего, явно недоказанными, репрессировалась значительная часть людей. В послевоенные годы тенденция к раскручиванию нового витка репрессий вокруг феномена пантюркизма до поры до времени в Азербайджане не наблюдается. Как ни странно, в начале 50-х годов в соседней Грузии инспирируется так

называемое "мингрельское дело", в результате которого были репрессированы сотни представителей этой этнической группы в составе партийно-советской номенклатуры. Одним из главных пунктов обвинения являлось, якобы, их стремление присоединить Грузию к Турции. Трудно понять мотивы столь нелепого обвинения. Но интересно другое. В начале 50-х годов и в Азербайджане был составлен секретный список "ответственных работников и представителей интеллигенции, имеющих родственников в Турции и лиц, проявивших себя в протурецком направлении".

Об этом свидетельствует весьма любопытный документ, подписанный 6 октября 1950 года председателем Совета Министров Т. Кулиевым, секретарем ЦК Т. Ягубовым, министром госбезопасности С.Емельяновым и министром внутренних дел А. Атакишиевым. Этот документ так и озаглавлен: "Предложения в отношении ответственных работников и представителей интеллигенции, имеющих родственников в Турции и лиц, проявивших себя в протурецком направлении".³² Отсюда легко сделать вывод, что список был составлен заранее министерством государственной безопасности на основе секретных досье, доложен М.Д.Багирову, который и дал указание дать предложения. Главным был вопрос о том, как распорядиться судьбой попавших в список. В списке 28 человек. В их числе два партийных работника, два члена правительства, два руководящих работника системы Госплана, один судебный работник, 10 работников науки и образования, 5 писателей и деятелей искусства, а также ряд руководящих работников, занятых на производстве, в системе социального страхования и др. По отношению к лицам, к которым выражается, по существу, политическое недоверие, предлагается, в основном, принятия трех типов мер. Первый, самый тяжелый тип, предусматривал снятие с работы и исключение из партии. Такая мера предусматривалась для четырех человек. Все они являлись работниками нижнего звена в системе номенклатуры: научный сотрудник, завуч школы, корреспондент газеты, преподаватель школы. Столь суровое наказание связано с выраженными ими в частных беседах симпатиями к Турции. Авторы предложений понимают, что не вправе оперировать оперативно-агентурными данными, иными словами, информацией "стукачей". Поэтому они предлагают: "В отношении протурецки настроенных лиц, подлежащих исключению из ВКП(б), необходимо дать указание райкомам партии, чтобы они на месте изыскивали другие предлоги". По отношению к целой группе людей предлагается снятие с работы. Причем, в этом случае предлагаемые формулировки звучат не совсем одинаково. Инструктора ЦК С.Рашидова, председателя Верховного Суда Нахичеванской АССР М.Мамедова, начальника цеха завода им. Буденного З.Джабиева, преподавателей школ в Геокчае и Дастафюрте Д.Гасанзаде и И.Исмаилзаде просто предлагается снять с работы. Первого секретаря

Норашенского райкома партии И.Гасанова предлагается "снять и на партийной и советской работе не использовать", заместителя председателя Госплана республики М.Аллахвердиева - "снять и на работе связанной с секретными данными не использовать, управляющего "Азконсервтреста" М.Рафизаде - "снять и не допускать на работу в пищевую и нефтяную промышленность", председателя Госплана Нахичеванской АССР М.Султанзаде - "снять, и на работе, связанной с секретными данными, не использовать". Но есть и совершенно оригинальная рекомендация. Министра кинематографической промышленности Б.Сеидзаде предлагается снять, но с формулировкой как "не обеспечившего руководство министерством". Трудно понять, почему для его освобождения от должности авторы предложения хотели использовать отнюдь не политический повод. Достаточно лояльна и формулировка предложения в отношении заместителя председателя Совета Министров М.Г.Сеидова: "желательно, чтобы не занимался расстановкой кадров". Видимо, М.Г. Сеидов за наличие родственников в Турции поплатился совсем недавно, распрощавшись с должностью второго секретаря ЦК, перейдя на работу в Совмин. Авторы записки рассудили: два раза за одно и то же не наказывают. А вот в отношении директора филармонии Ш.Бадалбейли вердикт был категоричным и угрожающим: "снять, так как он может быть использован иноразведками во вражеских целях". Что послужило основанием для сомнения в политической устойчивости директора филармонии, сказать трудно.

По отношению к основной части научных и творческих работников использовалась формулировка предложения "обеспечить чекистским наблюдением". Это относилось к президенту АН М.Алиеву, писателям Осману Сарывелли, Расулу Рза, Мамеду Рагиму, Зейналу Халилу, директору института педагогики Д.Джебраилбейли, доценту Азгосуниверситета М.Тахмасибу и другим. Но здесь можно встретить совершенно абсурдные предложения. Так, по отношению к преподавателю Азгосуниверситета И.Эфендиеву предлагается: "диссертационную работу забраковать".

Документ уникальный по своему характеру. Но он точно передает суть политического режима с его неискренностью, двойной моралью, неповоротливостью чиновничьего мышления. Первый секретарь ЦК Компартии М.Д.Багиров наложил на нем резолюцию: "Товарищам Кулиеву Т., Ягубову Т., Емельянову С., а также если они найдут возможным Сергееву собраться у меня как можно скорее". Какое они приняли решение собравшись -неизвестно.

Почему торопился М.Д.Багиров, тоже неясно. Но факт остается фактом. "Чекистское наблюдение" за работниками, хоть в какой-то степени заподозренными в симпатиях к Турции или потенциально даже способными в будущем проявить эти симпатии, нависло как "дамоклов меч".

Наличие политических компроматов в биографии продолжало играть серьезную роль в судьбах номенклатурных кадров и в послевоенные годы. И при их формировании, и при передвижениях внутри, и при отсечении из этой среды. Но в Азербайджане использование политического компромата не было доведено до роковой черты обвинения в политической и государственной измене, как это часто имело место в 30-е годы и особенно в 1937-1938 гг. Политический компромат стал весьма удобным средством контроля за поведением номенклатуры. Ощущая на себе пристальный взор сверху, номенклатура невольно сжималась, съеживалась, все время ощущая на себе бремя ответственности за прошлое. Такое состояние номенклатуры вполне устраивало лиц первой величины на всех уровнях: на общесоюзном - Сталина, на республиканском, областном, городском, районном - первых секретарей партийных комитетов соответствующих уровней. Политический компромат позволял не только контролировать, но и манипулировать кадрами, а при случае спокойно отлучать неугодных из команды. Но в любом случае и опальные, и сохраняемые в номенклатурной среде кадры составляли потенциал будущих жертв возможных политических репрессий. Ряд российских авторов полагают, что к новой, аналогичной 1937-1938 гг. волне массовых репрессий Сталин готовился, но помешала его смерть.³³ Трудно сказать, насколько обоснована и аргументирована эта точка зрения. Но то, что, по мысли Сталина, консолидация общества требовала проведения регулярных репрессивных акций, в этом сомнений нет. И в этой связи номенклатура постоянно испытывала дискомфорт, свое несправие, в той же, а, может быть, в большей степени, чем "покорный ей народ".

Источники и литература

1. ГАППОД, ф.1, оп 225, д.2, л.4 7.
2. Там же, оп 221, д. 12, л. 12с
3. Там же, оп. 241, д.33, л. 1-3
4. Там же, оп.251, д.48/ч/2, л.6.
5. Там. же, оп. 225, д.1, л. 169
6. Там же, оп. 251, д.48/ч/10, л.4.
7. Там же, оп 221, д. 12, л. 5.
8. Там же, оп 168, д.2, л. 103.
9. Там же, л. 102
10. Там же, оп 244, д.1., л. 15.
11. Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с. 79.
12. ГАППОД, ф.1, оп.225, д.1, л.46.
13. Там же, оп.241, д.12, л. 113.
14. Там же, л. 137-138

15. Там же, оп. 241, д.12, л.142.
16. Там же, л. 140
17. Там же, оп. 104, д.62, л.6.
18. Там же, л.4,10,11,13,15.
19. Там же, оп.144, д.14, л.111.
20. Там же, л. 116-120.
21. Там же, оп.225, д.4, л. 195-197.
22. Там же, оп.251, д.24, л.32.
23. Там же, оп.240, д.11, л.4.
24. Там же, оп.244, д.1, л. 1-2.
25. Там же, оп.221, д.33, л.89.
26. Там же, оп.225, д.17, л. 67-68.
27. Там же, оп.244,д.13, л.339.
28. Там же, оп.241, д. 12, л. 113.
29. Там же, л. 140-141.
30. Там же, оп.222, д. 18, л.220.
31. Там же, оп.225, д.17, л. 118.
32. Там же, д.15, л.395.
33. Радзинский Э. Указ. работа, главы 23,24

ГЛАВА 7

МОСКВА И АЗЕРБАЙДЖАН: "ОТЕЧЕСКАЯ" ЗАБОТА И "СЫНОВЬЯ" БЛАГОДАРНОСТЬ

С точки зрения достаточно весомых показателей значимости Азербайджанской ССР в составе Союзного государства - населения и территории, то они выглядели достаточно незначительными. К началу рассматриваемого периода население республики не превышало 1,7 % от общей численности населения, а территория составляла всего 0,3 % территории СССР. Однако тогда Азербайджанская ССР являлась одним из 16 субъектов союзного государства и уже сам этот факт свидетельствовал о политическом её весе в системе сохранения и упрочения единой и, как казалось тогда, неделимой империи. Но не только этот фактор определял позицию Москвы по отношению к республике. Экономические возможности, геополитическое расположение, этническая и религиозная принадлежность основной, коренной части населения - всё это в комплексе, вместе со статусом союзной республики определяли особое внимание союзного центра к Азербайджану. В отношении к Азербайджану имело значение реальное представление многих из тогдашних руководителей СССР об особенностях Азербайджана. Еще в дореволюционные годы ряд ведущих "шефов" страны, такие как, Ворошилов, Калинин, какое-то время жили, работали, вели революционную пропаганду в Баку. Уроженцами Баку были и некоторые из министров СССР: Ванников, Байбаков и другие. В Баку несколько лет учился и работал один из самых влиятельных руководителей сталинского времени, член Политбюро ЦК ВКП(б) Лаврентий Берия, многие годы возглавлявший органы государственной безопасности страны, в послевоенные годы ставший первым заместителем председателя Совета Министров СССР.

Большое место бакинский период жизни занимал в биографии другого влиятельного члена Политбюро ЦК ВКП(б) армянина Анастаса Микояна. С именем этого человека был связан очень важный период в истории Азербайджана. В 1918 г. Микоян, если и не относился к числу лидеров антинационального Бакинского Совета, то, во всяком случае, был одним из активных его функционеров. Избежав каким-то образом гибели после падения Советской власти в Баку, он вновь появился в городе в 1919 г. Теперь он стал одним из руководителей бакинской большевистской организации, возглавившей борьбу за свержение национального правительства Азербайджана. Покинув Баку, он затем вновь появился здесь в апреле 1920 г. вместе с частями ХТ Красной армии, оккупировавшей Азербайджан и положившей конец его независимости. Он проявил большую активность в начальный период советизации страны, всячески стараясь

расставить на командные посты в руководстве республикой коммунистов-армян. Антинациональный характер деятельности Микояна в Азербайджане был отмечен еще в те годы лидером азербайджанских большевиков Нариманом Наримановым.¹ С 1921 г. Микоян работал за пределами Азербайджана. Тем не менее, он всегда внимательно следил за событиями в республике. По свидетельству Мир Гасана Сеидова, его внимание к Азербайджану и, прежде всего, к судьбе армянских кадров не ослабевало и в рассматриваемые годы.²

Но самым, конечно, значимым было близкое знакомство Сталина с Баку. Сталин много раз посещал Баку в дореволюционные годы, участвовал здесь в организации революционных акций, хорошо знал многих из участников политической жизни. Побывал он в Баку и в начале 20-х годов, где ему был оказан восторженный прием.³ Сталин был человеком наблюдательным, обладал, по признанию абсолютного большинства знавших его и исследовавших его деятельность политиков, даром глубокого аналитического мышления. И в силу этого, несомненно, имел свое представление о Баку, Азербайджане и азербайджанцах.

Было бы наивным давать одностороннюю оценку отношению Сталина к Азербайджану: хорошее или плохое. Сталин неизменно исходил из интересов державы. Во всяком случае, так как он себе их представлял. С этой "колокольни" он и выражал свою позицию по каждому конкретному вопросу. Необходимо признать, что порой его позиция совпадала с объективными интересами Азербайджана. Эти интересы были, прежде всего связаны с наращиванием экономического и духовного потенциала республики. Без активной поддержки Сталина добиться этого в тех условиях было практически невозможно. В разоренной войной стране, когда на повестку дня выдвигалась такая первоочередная задача, как восстановление ранее оккупированных врагом районов, трудно было ожидать выделения Азербайджану больших финансовых средств, других материальных ресурсов, предоставление дополнительных контингентов рабочей силы. Но союзное государство пошло на это. Конечно, оно исходило не из альтруистских побуждений. Рост экономического потенциала Азербайджана, располагавшего большими, чем, например, соседние республики Южного Кавказа возможностями вклада в общий подъём и возрождение экономики страны, отвечал общесоюзным интересам. Но факт остается фактом: Советское государство в эти годы пошло на обеспечение форсированных темпов экономического развития Азербайджана. Это, прежде всего, нашло выражение в небывалом до того увеличении капитальных вложений в народное хозяйство Азербайджанской ССР. Только из средств государственного бюджета за годы четвертой пятилетки было выделено республике 8,7, а в годы пятой пятилетки - 15,8 млрд рублей. В целом, это

было больше соответствующей суммы, выделенной за годы первой и второй пятилеток (1928-1937 гг.) в 6 раз.⁴ Столь щедрые субсидии союзного руководства были обусловлены, прежде всего, той высокой ролью, которая отводилась республике в решении экономических проблем страны.

Особая значимость придавалась развитию нефтяной промышленности. Предполагалось, что в послевоенные годы эта отрасль сумеет восстановить свой потенциал за счет освоения новых месторождений, в том числе за счет разработки и введения в эксплуатацию месторождений на Каспии. Все дело в том, что вынужденная, хотя, с точки зрения технологии, хищническая эксплуатация нефтяных месторождений в годы войны привели к резкому падению добычи нефти в Баку. Если в 1940 г. в Азербайджане было добыто 22,2, то в 1945 г. всего - 11,6 млн. т., то есть почти в 2 раза меньше.⁵ Между тем, без бакинской нефти ускоренное развитие экономики СССР казалось тогда невыносимым. И хотя всё большее значение приобретала добыча нефти в Татарии и Башкирии, предполагалось, что еще долгое время Азербайджан в сфере развития нефтяной промышленности будет занимать в стране ведущие позиции. В соответствии с планом развития народного хозяйства СССР на первую послевоенную пятилетку нефтедобыча в Азербайджане должна была составить почти половину добычи нефти в Союзе. Отсюда колоссальные вклады в эту отрасль. Это сказалось, прежде всего, в резком повышении оплаты труда нефтяников. В 1946 г. были введены новые, повышенные тарифные ставки заработной платы для рабочих, а также новая система повышенных должностных окладов для инженерно-технических работников нефтяной промышленности. Ставки рабочих-бурильщиков, например, возросли на 43%.⁶ Стимулируя материально труд работников, предпринимались попытки коренного обновления технического и технологического обеспечения нефтяного производства. Свыше 50 заводов Советского Союза выполняли заказы нефтяной промышленности республики, было освоено производство 438 видов машин, механизмов и инструментов для отрасли, внедрялись новые прогрессивные методы бурения, методы и формы организации труда, шли поиски новых месторождений.⁷ Но, пожалуй, самой эффективной мерой оказалось освоение морских нефтяных месторождений.

31 октября 1949 г. Совет Министров СССР принял постановление "О мероприятиях по улучшению организации работы по разведке и разработке морских месторождений нефти в Азербайджанской ССР". Это была комплексная программа, которая, в конечном итоге, привела к созданию нефтепромысловых эстакад в море, получивших наименование города "Нефтяные Камни". Именно освоение морских нефтяных месторождений сыграло большую роль в медленном, но неуклонном повышении объемов Добычи нефти. Но достигнуть довоенных объемов, и, даже, более низких

плановых показателей не удалось ни к концу 40-х, ни к концу рассматриваемого периода. Последствия губительных для развития нефтяной промышленности форсированных темпов добычи нефти в годы войны преодолеть не удалось.

И, тем не менее, резкий рост ассигнований на развитие экономики Азербайджана был во многом связан со стремлением ускорить развитие нефтяной промышленности. Именно с этим в значительной степени было связано санкционирование союзным правительством строительства заводов трубопрокатного и синтетического каучука в Сумгаите, Бакинского электромеханического завода, Бакинского подшипникового завода, строительство Мингячевирского гидроузла, Северной ГРЭС и многих других индустриальных объектов. Все эти и другие предприятия создавались для обеспечения нужд нефтяной промышленности или же были связаны с обработкой и переработкой нефти. Именно на этой базе мощный рывок был достигнут в развитии черной и цветной металлургии, электротехники, машиностроения, химической промышленности. Рост объемов производства в 1953 г. по сравнению с 1940 г. составил: стали - 2,7 раза, проката черных металлов - 2,6 раза, электроэнергии - 2,1 раза. Рост валовой продукции машиностроения и металлообработки только к 1950 г., по сравнению с 1940 г., увеличился в 3,2 раза, а химической промышленности - в 2,8 раз.⁸ Достаточно высокими темпами рос объем продукции, выпускаемой предприятиями промышленности строительных материалов, легкой и пищевой промышленности. Выросло число предприятий этих отраслей. Мощный рывок в индустриальном развитии сопровождался расширением географии индустриальных центров. Сумгаит, Мингячевир, Дашкесан стали новыми промышленными центрами, вырос индустриальный потенциал Баку, Кировабада, сельских районов. Таких масштабов индустриального роста республика ранее никогда не имела. А с точки зрения расширения географии промышленного развития и, как следствие, увеличения числа индустриальных городов, такого Азербайджанская ССР не имела и в последующие годы своего существования. Решающее значение в проявлении этой тенденции в рассматриваемые годы имели щедрые капитальные вложения из союзного бюджета. А это, в свою очередь, было вызвано желанием реанимировать прежние и расширить будущие возможности нефтяной промышленности Азербайджана. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана М.Д. Багиров, говоря о позиции московского центра в отношении развития нефтяной промышленности республики, неоднократно подчеркивал роль "партии, правительства, лично товарища Сталина". Но если отбросить словесные выкрутасы типа "отеческой заботы", то руководитель Азербайджана того времени был недалеко от истины, когда говорил, что "за последнее время правительством Союза принято ряд важнейших

постановлений об азербайджанской нефтяной промышленности. Эти постановления направлены на укрепление материально-технической базы, развертывание разведочных работ, бесперебойное обеспечение материалами и оборудованием нефтяной промышленности и резкое улучшение материально-бытовых условий нефтяников". На XVII съезде Компартии Азербайджана в 1949 г. в качестве конкретного примера материального стимулирования работы нефтяников был приведен следующий пример: только по одному нефтеразведовательному объединению в конце 1948 г. было выплачено одним премиальных на сумму 4,5 млн. рублей. Сумма по тем временам очень большая.⁹

Важным методом обеспечения поступления в республику крупных капитальных вложений явились изменения в отраслевой структуре сельскохозяйственного производства. Крайне низкие цены на заготовительные и закупочные государственные цены на зерно и мясомолочную продукцию за годы войны привели к окончательному обнищанию азербайджанской колхозной деревни. В какой-то степени поднять экономику села могли лишь серьезные финансовые вливания. Надежда на это была связана лишь с культивацией технических культур, прежде всего хлопка, за который государственные расценки оплаты были несравнимо выше, чем за все прочие виды сельскохозяйственной продукции. С этой целью уже в 1946-1950 гг. намечалось увеличение площади пахотных земель на 112 тыс. га. Это стало возможным в результате проведенных работ по орошению земель Муганской, Ширванской и Мильско-Карабахской степей.¹⁰ Именно на этих территориях была расселена значительная часть депортированного из Армении азербайджанского населения, о чем речь пойдет несколько позже. В результате с 1945 по 1953 годы производство хлопка в республике увеличилось с 65 до 388 тыс. т, или более чем в 6 раз. Для сравнения отметим, что за эти же годы производство всех других видов сельскохозяйственной продукции не выросло.¹¹

Таким образом, усиленное внимание союзного государства развитию хлопководства в Азербайджане было одним из главных источников резкого возрастания капитальных вложений в республику в изучаемый период. Это сыграло огромную роль в восстановлении экономики Азербайджана, позитивных сдвигах в социальной сфере, в последующем развитии республики.

Все это вовсе не говорит о каком-то особом приоритетном внимании Москвы к нуждам и проблемам Азербайджана. Державные интересы в понимании и интерпретации сталинского руководства были главными в определении политики. И республика, в главном и основном, развивалась в соответствии с этой политикой. Сталин и его окружение, как до войны, так и после нее, считали, что развитие индустрии и города возможно обеспечить

преимущественно на путях высасывания ресурсов из деревни. Сталин и его окружение полагали, что низкие расценки заработной платы основной, большей части населения является наилучшим средством обеспечения снижения себестоимости производственной продукции и в Азербайджане большинство рабочих и служащих получало низкую зарплату, на которую было сложно прожить. Страна жила в условиях тоталитарной, жесткой системы, когда права людей на каждом шагу грубо попирались. Так же жили люди и в Азербайджане. Тяжелыми и там, и здесь оставались жилищно-бытовые условия жизни людей. Духовная жизнь в Азербайджане развивалась согласно тем же идеологическим канонам, культивируемым по всей стране в послевоенные годы. Но все это вовсе не значит, что у Сталина было некое предвзятое отношение к Азербайджану, как это порой пытаются представить некоторые публицисты. В послевоенные годы, в отличие, например, от соседней и родной вождю Грузии, в Азербайджане Сталин не развязал массовых репрессий. Сталин, как и в других союзных республиках, дал добро на учреждение Академии Наук Азербайджанской ССР. Сталин позволил расширить сеть высших учебных заведений в республике и обеспечить льготные условия для массового обучения азербайджанской молодежи в вузах Москвы и Ленинграда. Наконец, Сталин, безусловно, способствовал резкому, небывалому до того в практике Азербайджана увеличению капиталовложений в экономику Азербайджана. Это факты и игнорировать их нет необходимости. И опять же это все шло не от особой любви к Азербайджану. Просто Сталин исходил из интересов державы. И если он видел, что эти интересы требуют особого внимания форсированию тех или иных тенденций развития в Азербайджане или в другой союзной республике, он этому содействовал. Если же он полагал, что ситуация в том или ином регионе или республике не внушает особых опасений, то он и не проявлял особой агрессивности.

Впрочем, угроза массовых расправ и чисток, повторения трагедии 1937-1938 гг., была вполне реальной. Азербайджан от нее не был застрахован. Во всяком случае, в 1948 г. такая опасность, как представляется, существовала. Весной того года специальная комиссия Министерства государственного контроля СССР начала проверку деятельности правительства Азербайджанской ССР. Проверка, будто бы, была начата в связи с многочисленными жалобами из республики по поводу злоупотреблений высшими должностными лицами в правительстве своим служебным положением в корыстных целях. Речь, в первую очередь, шла о заместителе председателя Совета Министров Азизаге Азизбекове - сыне одного из самых тогда почитаемых революционеров периода существования Бакинского Совнаркома, а также первом заместителе председателя

правления Исламе Исламадзе, а позже и самом председателе Теймуре Кулиеве и других.

Что на самом деле инициировало четырехмесячную проверку, сегодня, с доскональной точностью, сказать трудно. Занимавший в те годы пост второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана Мир Гасан Сеидов полагает, что решающее значение имела ненависть министра госконтроля СССР Льва Мехлиса к руководителю Азербайджана Мир Джафару Багирову. Источником этой ненависти будто бы явился конфликт между ними в 1942 г., когда Багиров добился отстранения Мехлиса - тогда представителя Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте - от руководства боевыми действиями. Багиров обвинил Мехлиса в провале операции на Керченском полуострове, повлекшем бессмысленную гибель тысяч азербайджанских солдат. Стремление отомстить, возможно, сыграло роль в организации широкомасштабной инспекционной кампании в Азербайджане. Но вряд ли Мехлис мог решиться на такую акцию без санкции самого высшего руководства и, прежде всего, Сталина. Последний, безусловно, доверял Багирову. Но червь сомнения, который одолевал Сталина на всем протяжении его жизни в отношении даже самых близких ему людей, не мог обойти и Багирова. И сам Сеидов в своих воспоминаниях утверждает, что в ноябре 1947 г. Сталин неожиданно отправил Багирова в отпуск сроком на 4,5 месяца.¹³ Видимо, существовало несколько причин столь длительного отчуждения от власти. Но не исключено, что Сталин обдумывал вопрос замены Багирова на посту руководителя Азербайджана каким-либо другим лицом и его дальнейшую судьбу. Что могло стать причиной этого? Думается, что ответ на этот вопрос следует искать в контексте кадровых перетрясок в высшем руководстве СССР.

Известно, что с 1946 г. непосредственное руководство кадровой политикой в ЦК ВКП(б) из рук Г.Маленкова перешло в руки А.Жданова. Маленков был близок с Берия. Берия же был покровителем Багирова. Приход А. Жданова и его так называемой "ленинградской команды" к управлению кадровой политикой не сулил Багирову радужных перспектив. Багиров далеко не всегда был сговорчивым в отношениях с чванливой многочисленной московской номенклатурой. И это раздражало ее. События 1953 г., когда Багиров был подвергнут тотальной атаке этой номенклатуры, подтверждают это. Но об этом позже. А тогда, в 1947-1948 гг., началась первая крупномасштабная атака на Багирова. В начале 1948 г. Багиров досрочно вернулся из отпуска. Видимо, Сталин не дал согласия на его устранение, во всяком случае, из Азербайджана. Но в мае комиссия министерства госконтроля СССР начала работу. Члены комиссии упорно искали компромат, который дискредитировал бы руководство республики и, прежде всего, Багирова. Ее деятельность подтвердила многочисленные

злоупотребления руководящих работников в правительстве - выдвиненцев Багирова. Угроза последнему стала реальной. И тогда Багиров решился обратиться к Сталину с просьбой срочно принять его. В воспоминаниях Сеидова при упоминании всех этих событий не указывается точная дата обращения. Но логика подсказывает, что такое обращение могло иметь место лишь после окончания работы комиссии. Ознакомившись с материалами комиссии, Багиров сказал Сеидову, что московской комиссии "ничего особенного не удалось раздобыть, обычные недостатки, ошибки, промахи... Ну что же думаю, что надо позвонить Сталину, попросить разрешение на поездку в Москву и доклада ему лично об этой затее Мехлиса". Багиров позвонил и Сталин дал согласие на его приезд в Москву.¹⁴ Ясно, что и звонок Багирова Сталину мог состояться не раньше августа 1948 г. К этому времени произошли серьезные изменения в руководстве страны. В конце августа умер Жданов. До того он серьезно болел. Летом в Москву вернулся Маленков и кадровая политика вновь перешла к нему.¹⁵ А это означало, что в решении кадровых вопросов вновь стала велика роль Берия. Вряд ли Багиров не позвонил и не проконсультировался с Маленковым или Берия до звонка к Сталину. Но Сеидов об этом мог и не знать. Тем не менее, он пишет, что Сталин радушно встретил Багирова. До этого он, несомненно, переговорил с Маленковым, который, видимо, в возникшем конфликте занял сторону Багирова.¹⁶

Сильным козырем в руках Багирова явились материалы против некоторых руководителей комиссии, которые в период пребывания в Баку в свободное от работы время позволили себе несколько расслабиться, заведя интимные связи с жительницами Баку. Фотографии, на которых были изображены члены комиссии Мехлиса вместе с женщинами "легкого поведения", на корню подрывали доверие к результатам работы комиссии.¹⁷ Согласно логике того времени, безнравственные проверяющие не имели права судить о нравственности проверяемых.

Сталин образовал комиссию Политбюро ЦК ВКП(б) в составе Маленкова, Берия, Микояна, Кузнецова, Пономаренко, Мехлиса и Багирова, которой было "поручено партийно-политически разобрать материалы комиссии Министерства Госконтроля СССР и ЦК КП(б) Азербайджана о ревизии финансово-хозяйственной деятельности Совета Министров Азербайджанской ССР".

Комиссия в кратчайшие сроки выполнила задание, составила справку, которая была рассмотрена и утверждена Политбюро. Главный вывод, который был сделан комиссией, сводился к тому, "что ревизия была проведена неправильно, что ей был придан слишком большой размах".¹⁸ Такой вывод комиссии содержит двоякий смысл. Во-первых, комиссию обвинили в неверных методах работы (пользовалась информацией

сомнительных, антиобщественных элементов), и, во-вторых, комиссия превысила свои полномочия, поставив перед собой задачу дискредитации руководства Азербайджана и, прежде всего, Багирова. Выходило, что у Маленкова, как у нового руководителя кадрового корпуса партии, такой цели не было. Мехлис не мог сослаться на Жданова, Молотова, тем более на Сталина или кого-то другого. И Багиров вышел победителем из этой весьма опасной интриги. К счастью для Азербайджана. Ведь в те времена освобождение и, вполне вероятно, наказание Багирова и ряда других руководителей республики не могло не сопровождаться массовой политической истерией вокруг этой акции. А размах репрессий мог приобрести непредвиденные масштабы. Так что можно предположить, что освобождение Багирова в 1948 г. могло повлечь за собой тяжелые последствия для Азербайджана. Но этого, к счастью, не произошло. И больше всего, наверно, повезло самому Багирову и многим из его окружения. Политическая возня вокруг руководителей Азербайджана и, прежде всего, самого Багирова убедительно показала зыбкость постаментов, на котором они восседают, марионеточный характер местной власти. Если Сталин и не пошел на отстранение Багирова, то он напомнил последнему еще раз от кого зависит его судьба, ему и всем тем, кто мог придти ему на смену, всем, кто ждал смены или с тревогой наблюдал за этими событиями, всем, кто следил за развитием ситуации вне Азербайджана - как в Москве, так и в других союзных республиках, краях и областях.

И, тем не менее, есть все основания полагать, что Сталин имел желание заменить М.Д.Багирова на посту первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. К 1948 г. Багиров уже 15 лет занимал эту должность. По свидетельству Сеидова, на рубеже 1948-1949 гг., вопрос о перемещении Багирова на должность министра нефтяной промышленности СССР активно обсуждался в Москве. И лишь нежелание Багирова и, видимо, некоторые сомнения Сталина стали причинами того, что этот вопрос не был решен.¹⁹ Хотя Багиров сохранил свою должность, прав, видимо, был Н.Хрущев, который писал: "Стремление к постоянной смене главных персонажей, созданных им самим, было отличительной чертой Сталина".²⁰

Страх был главным оружием поддержания верноподданнических настроений в стране, в том числе в Азербайджане. Тем не менее, Сталин считал необходимым постоянно поддерживать в глазах людей ореол справедливого, способного оценить преданность ему и представляемым им государству и Системе.

В послевоенные годы на граждан СССР посыпался град наградений в различных формах. Вниманием не были обойдены и жители Азербайджана. За 1946-1952 гг. в Азербайджане знаменитых и, пожалуй, самых престижных Сталинских премий всех трех степеней было удостоено 150 человек. Это

были ученые, инженеры, партийные и государственные деятели, работники культуры. В 1946 г. Сталинские премии получили 8, в 1947 г. - 4, в 1948 г. - 26, 1949 г. - 5, в 1950 г. - 37, в 1951 г. - 44, в 1952 г. - 29 человек, живущих в Азербайджане.²¹ Особенно часто Сталинскими премиями награждали ученых и инженерно-технических работников за новые технические и технологические разработки и их внедрение в производство в нефтяной и нефтеперерабатывающей отраслях промышленности. А.Ализаде, М.Далин, Б.Бабазаде, А.Нейматулла, А.Кулиев, О.Гельман, Р.Исмаилов, А.Орлов, С.Оруджев, Г.Тер-Аваков, Г.Степанянц, М.Горелик, А.Лемберанский, К.Абасов, А.Ягубов, В.Корчагина, В.Мелик-Пашаев, К.Аливердизаде, Г.Овнатанов, С.Мовсумзаде, Уста Баба Пир Мамед, В.Джоев, А.Багиров, М.Бедирханов, А.Сулейманов, А.Татаренко, Г.Эфендиев, И.Фаерман, А.Караев, М.Алиев, И.Прок, А.Бабаев, Р.Ионнесян и многие другие именно за это были удостоены Сталинских премий.

Значительное число людей в Азербайджане получили Сталинские премии за произведения искусства и литературы: композиторы У.Гаджибсков, К.Караев, Д.Гаджиев, Ф.Амиров, С.Рустамов, Д.Джангиров, С.Гаджибеков, писатели и поэты Мамед Рагим, М.Ибрагимов, Мехти Гусейн, С.Рустам, деятели театра А.Искендеров, Н.Фатуллаев, Р.Афганлы, М.Давудова, М.Алиев, Сидги Рухулла, И.Дагестанлы, К.Кязимзаде, М.Ашумов, Г.Алмасзаде, Ниязи, К.Баташов, Ю.Кузнецов и другие.

Всех лауреатов Сталинских премий тех лет не перечислить. Да и необходимости в этом нет. Кстати, некоторые удостоивались ее дважды - композиторы К.Караев и Д.Гаджиев. Самое интересное заключается в том, что хотя решения и принимались специальной комиссией на основе представлений местных партийных и государственных органов власти, последнее слово принадлежало Сталину. И в этом случае сталинская позиция приобретала решающее значение. Конечно, такое количество премий нефтяникам Азербайджана могло иметь место лишь в контексте сталинского подхода к проблемам развития нефтяной промышленности страны. В данном случае это был, прежде всего, один из методов стимуляции деятельности ученых и инженерно-технических работников, занятых в этой отрасли.

Но сталинская оценка труда людей не всегда вписывалась в логическую канву смысла награждения премией. В 1946 г. при присвоении Сталинских премий за предыдущий год этой награды был удостоен композитор У.Гаджибеков. Конечно, великий азербайджанский композитор заслуживал не только этой премии, но и много другого. Но мотивировка награждения - за музыку к кинофильму 'Аршин мал алан' - и тогда и сегодня могли и могут вызвать лишь недоумение. Да, фильм появился на советском экране в 1945 г. Фильм действительно замечательный. Но ни его автор, ни актеры премий не удостоились. Между тем, фильм явился лишь

экранизированной версией знаменитой музыкальной комедии, написанной У.Гаджибековым еще до революции, разница в постановочных версиях на сцене театра и на экране была, но минимальной. Так, что особое выделение творческой работы композитора в 1945 г., мягко говоря, не было достаточно обоснованным. Но Сталин ценил У.Гаджибекова. Он был одним из немногих, кому Сталин лично разрешил вступить в ряды Коммунистической партии без прохождения кандидатского стажа. Сталин в той или иной форме часто подчеркивал свое особое расположение У.Гаджибекову. В 1946 г. представился еще один удобный случай и Сталин сделал это еще раз, не особенно обременяя себя следованию логике.

Был случай, когда принятое решение о присуждении Сталинской премии затем отменялось. В марте 1950 г. было принято решение о присуждении Гейдару Гусейнову Сталинской премии третьей степени за книгу "Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX в". Кстати, Г.Гусейнов и до того, в 1948 г., вместе с Ю.Мирбабаевым и А.Оруджевым был удостоен Сталинской премии за "Русско-азербайджанский словарь". Но теперь история с присуждением имела трагическую развязку. Но об этом позже.

В послевоенные годы московское руководство не скупилось на правительственные награды - ордена, медали, звания Героя Социалистического Труда. Награждали целые предприятия, тресты, колхозы и совхозы, особо отличившихся ученых, инженеров, специалистов сельского хозяйства, простых рабочих и колхозников. Ежегодно сотни так называемых передовиков производства получали ордена и медали разного уровня престижности. Но все это обставлялось с такой помпезностью, что кавалеры этих наград поневоле чувствовали свою исключительность и особое место в обществе. Пожалуй, эта мера рассматривалась как наиболее эффективное средство воздействия на психологическую устойчивость работников, морального стимулирования трудового энтузиазма. В послевоенные, годы огромные масштабы приобретает присвоение самой высокой в СССР награды - звания Героя Социалистического Труда, учрежденного в 1939 г. Именно теперь число удостоенных этой награды в Азербайджане стремительно растёт. Часто Героями становились нефтяники. Так, в 1948 г., этого звания удостоились Поль Бала Алиев, Рустам Исмаилов, Александр Орлов, Дмитрий Спирин, Уста Баба Пир Мамед. И так происходило каждый год. Но, пожалуй, этим званием больше всех награждали колхозников. В марте 1948 г. 104 передовика сельского хозяйства Азербайджана были удостоены звания Героя Социалистического Труда, в августе того же года к ним прибавилось еще 17 человек, в июле 1949 г. - еще 60 человек и так регулярно.²² Два человека -хлопкоробы Басти Багирова и Шамама Гасанова были удостоены этого звания дважды.

Массовые и регулярные награждения не были случайными. Щедрость государства имела следующее объяснение. Концепция сталинского руководства в отношении сельского хозяйства исходила из необходимости получения возможно большего количества продукции при минимальных затратах из средств бюджета. В этих условиях моральное стимулирование рассматривалось как самое важное, едва ли не единственное средство стимуляции трудовой активности. Поскольку положение в сельском хозяйстве после войны выправлялось с большим скрипом, град наград, в том числе самых высоких, увеличивался.

Наград часто удостаивались партийные и государственные деятели. Сам руководитель Азербайджана - Мир Джафар Багиров не был обделен в этом смысле. И если он так и не дождался звания Героя Социалистического Труда, тем не менее награждение его самым престижным орденом Ленина достигло рекордного не только для республики, но и для всей страны числа - 5.²³

В наши дни, когда мы располагаем возможностью более трезво, чем в прежние, советские годы, не впадая в крайности, оценивать роль Москвы в развитии Азербайджана, важно понять ту смысловую нагрузку, которую содержал курс на создание атмосферы постоянного всенародного ликования в отношении проводимой в стране политики. В рассматриваемые годы самой яркой формой этого ликования являлось проявление различных форм почитания и восхищения "вождем", "учителем", "отцом" советского народа Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

Уже задолго до начала изучаемого периода Сталин был возведен в стране, в т.ч. в Азербайджане, на пьедестал непогрешимого руководителя, творца единственно правильной, выверенной политики, которая неуклонно ведет советский народ в направлении к достижению все новых и новых побед, к светлому, счастливому коммунистическому будущему. Эта идея в разных формах и словосочетаниях непременно присутствует во всех партийных документах, во всех выступлениях руководителей партийных и государственных органов разных уровней. Поддержанию этой идеи должно было способствовать присвоение имени Сталина городам, заводам, фабрикам, проспектам, улицам и площадям, колхозам и совхозам. Трудно сказать, отчего в Азербайджане, в отличие от большинства других союзных республик, ни один город не был переименован в честь Сталина. И новые города не получили его имени. Но тем не менее сталинское имя звучало так часто в Азербайджане при перечислении названий районов, улиц, фабрик, заводов, колхозов. Сталинский район, нефтеперегонный завод им. Сталина, трест "Сталиннефть", проспект Сталина, республиканский стадион им. Сталина, колхоз им. Сталина Маштагинского района гор. Баку - вот далеко не полный перечень названий, связанных с именем Сталина только в столице.

Сталинский район существовал и в Кировабаде. Почти в каждом сельском районе существовал колхоз имени Сталина. Не счесть количества улиц и памятников Сталину в городах и селах. Все это считалось в порядке вещей. Имя Сталина слилось с Жизнью людей, сопутствуя им в повседневной жизни на каждом Шагу. И смысл всего этого понятен. Так официальная пропаганда "одействовала на сознание, убеждая людей в решающем соучастии "вождя", "учителя", "отца" в судьбе каждого из них. Но Именно в этой связи для власти особое значение приобретала ответная реакция народа. И в данном случае народ был призван демонстрировать свою преданность Сталину и, тем самым, покорность власти.

Возможность выразить эту преданность можно было, чаще всего, в ходе очередных массовых кампаний по разным поводам. Одной из форм таких кампаний являлись выборы в органы власти. В 1946 г. в СССР прошли выборы в высший законодательный орган страны - Верховный Совет. Тысячи заводов, фабрик, колхозов выдвинули в качестве кандидата в депутаты Сталина. В своем рвении не отставали и трудящиеся Азербайджана. 30 предприятий, электростанций, нефтепромыслов, колхозов, учебных заведений республики выдвинули на предвыборных собраниях кандидатом в депутаты Сталина. И каждое собрание сопровождалось славословием и дифирамбами в адрес кандидата. Казалось, люди соревнуются за лучшее изъявление любви к своему вождю. И каждый раз в конце следуют "долго несмолкающие овации в честь любимого вождя", возгласы "Да здравствует товарищ Сталин", "Товарищу Сталину "ура"". И это при том, что все знали, что Сталин не будет баллотироваться в Азербайджане, что он будет избран от одного из избирательных округов Москвы. Но таков был порядок. Люди выдвигали Сталина, а голосовать им приходилось за другого кандидата. Но верноподданнические настроения им выразить пришлось. То же самое происходило и на следующих выборах в Верховный Совет СССР в 1950 г. Та же кампания, та же истерия на предвыборных собраниях, и тот же результат.

В период предвыборных кампаний в Верховный Совет СССР наряду со Сталиным принято было выдвигать и других руководителей страны из ближайшего окружения вождя. Но сценарий выдвижения, прежде всего, увязывался с личностью Сталина. В 1946 г. различными коллективами выдвигались В.Молотов, Л.Берия, А.Микоян, А.Жданов, Г.Маленков. Но в каждом случае по заранее составленному сценарию предлагавший кандидатуру говорил приблизительно следующее: товарищ... известен нам как ближайший друг, соратник и ученик великого Сталина, его помощник в руководстве нашей страной.²⁵ Иными словами, главным достоинством выдвигаемого является его преданность Сталину. Правда, и в данном случае никто впоследствии не баллотировался от Азербайджана. Из московских руководителей в Верховный Совет СССР от Азербайджана избирался лишь

министр нефтяной промышленности южных и западных районов СССР Н.Байбаков. С личностью Сталина увязывалось и избрание в Верховный Совет СССР и руководителя Азербайджана М.Д.Багирова. Вот типичное выступление по этому поводу на встрече с последним некоей домохозяйки Аслановой: "О простых советских людях заботятся большевистская партия, наш родной отец товарищ Сталин. Вот почему я с радостью буду голосовать за кандидата блока коммунистов и беспартийных, за верного сына большевистской партии тов. М.Д. Багирова".²⁶

Следует обратить внимание, что в те годы из республиканских руководителей, как правило, лишь первое лицо - первый секретарь ЦК рассматривался в качестве полномочного представителя великого Сталина. Это находило свое выражение в том, что только его имя при жизни позволительно было присваивать улицам, предприятиям, колхозам. В Азербайджане несколько заводов и фабрик, по одному колхозу в большинстве районов носили имя Багирова. Согласно устоявшемуся на практике стандартному обращению советских граждан к большому вождю - Сталину как к "отцу", поскольку тот мог проявлять к своим согражданам только "отеческое" отношение, местные вожди получили право в республиканских масштабах именоваться так же. Так Багирова именовали в бесчисленных обращениях рядовые граждане, именитые деятели науки и культуры, партийные и советские работники. Выходило, что у граждан Азербайджана три отца: один - всесоюзного, один - республиканского масштабов. И один - по рождению.

В те годы особой формой демонстрации преданности Сталину было избрание его в высшие законодательные органы союзных республик. В 1947 г. прошли выборы в Верховный Совет Азербайджанской ССР. Трудящиеся многих предприятий одного из избирательных округов Баку немедленно выдвигают в Верховный Совет Азербайджанской ССР Сталина. Последний в лаконичной форме отвечает жаждущим его согласия избирателям:

"Благодарю за доверие всех товарищей избирателей, выставивших мою кандидатуру. Согласен баллотироваться в депутаты Верховного Совета Азербайджанской ССР по Ильичевскому округу №1 города Баку.

И.Сталин".²⁷

Вождь отвечает скромно, но содержательно. Без эмоций и излишних сентенций. Он принимает все это как должное, как и подобает вождю.

И в 1951 г., на новых выборах, Сталин вновь выдвигается и становится депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Вместе со Сталиным в 1947 г. в Верховный Совет республики избираются В.Молотов, А.Жданов, А.Микоян, Л.Берия. И опять, если

следовать логике предлагавших эти кандидатуры, потому, что они - друзья, соратники и ученики. О А.Микояне и Л.Берия на предвыборных собраниях говорится особо. Слишком многое этих двух членов Политбюро ЦК ВКП(б) связывало с Азербайджаном. И это подчёркивается. Инженер Бабаев, азербайджанец по национальности, обязан был сказать: "Тов. Микоян вместе с Кировым и Орджоникидзе ... пришли освобождать Азербайджан от ига мусаватистов". Среди предлагавших кандидатуру Микояна на объединенном собрании работников завода им. Берия и станции Баку-пассажирская нет ни одного армянина. Помимо Бабаева, выступили грузин Кервалашвили, грек Лазариди, русский Солдатов. Чтобы не было кривотолков. На объединенном же собрании работников завода им. Шмидта и АзНИИ им. Куйбышева, где выдвигалась кандидатура Берия, выступили азербайджанец Алекперов, русский Гмызин, армянин Бадамян. Опять все предусмотрено. Здесь также напоминают об исторической роли Берия в судьбах народов Кавказа, в том числе, естественно, подразумевая Азербайджан: "Тов. Берия по заданию вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина организовал оборону Закавказья, а затем и изгнание врага из пределов Кавказа".²⁸ Насколько велика роль Берия в обороне Кавказа в 1942 г., сказать сложно. Но преувеличение, в данном случае, очевидно. Тем не менее, применительно к Берия в те годы в Азербайджане в преувеличении оценок и даже искажении фактов не особенно стеснялись. Особа эта была слишком близка к тому от которого зависела судьба республики и кому ее доверили. В поздравлении Центрального и Бакинского комитетов Компартии Азербайджана в адрес Берия в связи с его 50-летием в марте 1950 г. наряду с обычной лестью содержится и откровенная ложь: "Мы гордимся, что Вы... стали одним из руководителей азербайджанских большевиков еще в период их борьбы за установление и упрочение Советской власти в Азербайджане".²⁹ Берия никогда не был одним из руководителей большевиков в Азербайджане. Это знал и он, и Багиров, но никого эта неправда не смутила.

В 1951 г. вместе со Сталиным в Верховный Совет Азербайджанской ССР избираются В.Молотов, Г.Маленков, Л.Берия, А.Микоян.³⁰

Участие Сталина в выборных органах государственной власти Азербайджана не ограничивалось его депутатством в Верховном Совете республики. В 1948 г. Сталин после солидной предвыборной истерии становится депутатом Бакинского городского Совета депутатов трудящихся. То же произошло и в 1950 г. В том году депутатами Бакинского Совета стали практически все другие тогдашние руководители страны: В.Молотов, Г.Маленков, Л.Берия, А.Микоян, Л.Каганович, А.Андреев, Н.Хрущев, А.Косыгин, П.Булганин, К.Ворошилов, Н. Шверник, М.Суслов, П.Пономаренко.³¹

Депутатская эпопея Сталина в Азербайджане этим не ограничилась. В начале 1952 г., после образования Бакинской и Гянджинской областей, Сталин был зарегистрирован в качестве кандидата в депутаты в состав обоих областных Советов. И опять же по "настоянию" трудящихся. Но смерть помешала ему на этот раз получить депутатские удостоверения.

Сталин был олицетворением Коммунистической партии, Советского государства, Системы, которая сформировалась при нем. Поэтому заверения в преданности Сталину выражали преданность Партии, Государству и Системе. Власть была подозрительной, поэтому лишь регулярный, различный по форме поток заверений в преданности мог убедить ее в отсутствии оснований для тревоги. Больше всех приходилось доказывать свою преданность М.Д.Багирову. Во всех своих многочисленных выступлениях М.Д.Багиров неизменно отдавал дань Сталину безудержным славословием в его адрес. И этим он мало чем отличался от других руководителей союзных республик, краев, областей, высших московских руководителей. Но в отличие от многих из них, Багирову, в силу его статуса руководителя Азербайджана, предоставлялась возможность внести свой вклад в обоснование особой роли Сталина в истории большевистской партии, в истории страны. Эта возможность, прежде всего, была связана с достаточно активным участием Сталина в революционном движении в Баку. Сталин, инициируя мифологизированную версию значимости своего присутствия в большевистском движении, рассматривал это в качестве убедительного обоснования перехода власти в стране в его руки после смерти Ленина. Хорошо составленное описание бакинских периодов его революционной деятельности должно было служить этой цели. Это, наверно, и послужило основной причиной написания доклада "Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана", в роли автора которой и выступил Багиров. Багиров располагал аналогом подобного опуса. Еще в 1935 г. два грузинских автора Торошелидзе и Бедия подготовили по заданию самого Сталина доклад "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье". Но авторство доклада было приписано Берия, тогда руководителю Закавказской Федерации.³² Доклад этот, изданный в виде книги, по существу, содержал обоснование руководящей роли Сталина в дореволюционном движении в Закавказье. Была ли идея доклада Багирова подсказана Сталиным или Берия, или Багиров сам проявлял инициативу - не столь важно. Подготовка этого доклада отвечала интересам и Сталина, и Багирова. Первому, - потому, что доклад должен был послужить ещё одним доказательством закономерности прихода Сталина к руководству партией и страной, Багирову - для того, чтобы с особой силой засвидетельствовать и закрепить свой имидж доверенного лица Сталина.

Доклад Багирова был прочитан на общебакинском собрании партийного актива, посвященного шестидесятилетию со дня рождения Сталина, 19-20 декабря 1939 года, а затем был издан в виде книги в годы войны, причем в Москве. Затем он был переиздан. Нет сомнения, что авторство книги принадлежало отнюдь не Багирову. По существу, это был расширенный вариант книги Берия в части, касающейся бакинских периодов революционной деятельности Сталина. В целом, содержание книги не отражало ее названия. Главным героем книги был Сталин и большая часть книги была посвящена ему. Нет сомнения, что текст книги был одобрен Сталиным. Все содержание книги пронизано безудержной лестью и откровенным подхалимажем. Стоит лишь привести начальные ее строки: "21 декабря 1879 г. родился вождь и учитель трудящихся, гениальный стратег пролетарской революции, вдохновитель и организатор побед социализма, наш родной и любимый отец Иосиф Виссарионович Сталин. День 21 декабря является радостным и счастливым днем для нас, большевиков, для великого советского народа, для всего прогрессивного человечества.

В этот день родился великий человек, воплотивший в себе все мечты и чаяния, всю силу и мощь передового класса человеческого общества - пролетариата.

В этот день родился великий Сталин, который вместе с бессмертным гением человечества - Лениным закладывал основы большевизма, создавал и выковывал непобедимую большевистскую партию, поднял рабочий класс на борьбу за освобождение трудящихся, на борьбу за торжество коммунизма...

Собранные в докладе материалы и документы позволяют вкратце осветить неутомимую революционную деятельность великого основоположника большевистской организации Баку и Азербайджана товарища Сталина и его руководство борьбой большевиков и трудящихся Азербайджана за победу социалистической революции".³³

Как видно, уже в начальной части работы изложена ее суть. Автор до конца верен поставленной задаче. Вот лишь некоторые краткие выдержки, подтверждающие эту верность: "Бакинские большевики во главе с товарищем Сталиным сумели поднять бакинский пролетариат на всеобщую стачку в декабре 1904 г." "бакинские пролетарии шли в первых рядах российского рабочего класса. Это обеспечивалось той огромной работой, которую проводили бакинские большевики под руководством товарища Сталина", "еще в 1904 г., по инициативе товарища Сталина, была создана социал-демократическая группа "Гуммет", и в мае 1905 г. по указанию товарища Сталина в Баку проводится многотысячная политическая демонстрация, а затем новая мощная всеобщая стачка бакинского пролетариата",³⁴ "превратив Баку в цитадель большевизма, товарищ Сталин неустанно воспитывал стальные большевистские кадры, закалял их в

пламени классовых битв."³⁵ "В период первой русской революции и столыпинской реакции, под руководством товарища Сталина в Баку работали и боролись его верные ученики и ближайшие соратники - С.Орджоникидзе, Ст.Шаумян, А.Джапаридзе, М.Азизбеков, С.Спандарян, И.Фиолетов и другие замечательные большевики",³⁶ "Сталин в повседневной, поистине отеческой заботе вырастил и воспитал крепкий большевистский актив, в рядах которого были пламенные большевики, непоколебимые ленинцы - сталинцы Ханлар Сафаралиев, Кази Магомед, Мамедъяров, Бала Ами Дадашев, Мухтадир Айдинбеков, Амир Аслан, Буниат Сардаров, Мир Башир Касумов, Иван Вацек, Саратовец (Ефимов), Иван Боков, Иван Малыгин и другие", "в период подготовки и проведения Октября, товарищ Сталин направляет всю работу большевиков Азербайджана..., учит трудящихся Азербайджана..., - вдохновляет и направляет бакинский пролетариат и всех трудящихся Азербайджана..." и т.д.³⁷

Следует признать, что в книге высказано немало дифирамбов и в адрес ряда сталинских "соратников и учеников". Особое отношение выражено по отношению к Берия и Микояну. О первом, например, сказано, что ему принадлежит "исключительная заслуга перед партией и страной", что он принадлежит к числу тех, кто являлся "непосредственным проводником указаний Ленина и Сталина об освободительном движении в Закавказье". Особе сказано о Микояне как о руководителе бакинских большевиков в годы Гражданской войны.¹⁸

Во всем этом немало преувеличений и неправды. Но за всем этим стоял политический заказ Центра и Багиров его выполнил.

В рассматриваемые годы сталинская тематика занимает центральное место в издательской деятельности, на страницах печати, в радиопередачах, в системе политического образования. С 1946 г. началось издание сочинений Сталина. В газетах регулярно публиковались статьи, освещающие деятельность Сталина в дореволюционные годы. Особенно часто публиковались воспоминания и очерки о бакинском периоде деятельности Сталина. Оставшиеся в живых очевидцы тех событий Боков, Вацек, Мир Башир Касумов делились своими впечатлениями о встречах с уже ставшим легендой вождем. После издания в виде книги краткой биографии Сталина были опубликованы многочисленные статьи о так называемых "сталинских питомцах", тех участниках революционной борьбы в Баку, которых знал вождь и о которых было упомянуто в его биографии: Азизбекове, Кази-Магомед, Мамедъярове, Ханларе Сафаралиеве, Бокове и других. В многочисленных кружках политического образования штудировали биографию Сталина. Поэты и писатели изошрялись в восхвалении вождя. Никто из них в этом не составлял исключение. Самый почитаемый, известный и обласканный властью азербайджанский поэт того времени Самед Вургун писал:

Путь к счастью через сердце лег твое,

Планета - твой соратник боевой

Веди нас вечно тем путем, о Вождь

Твое дыханье нам приносит мощь,

Твои шаги - грядущего шаги.³⁹

Каждый съезд, будь то партийный или профессиональный, актив партийных, хозяйственных, научных, педагогических

работников или любое другое собрание, они начиналось словами о величии Сталина и завершалось принятием ему приветственного письма. В декабре 1949 г. были проведены празднества, посвященные 70-летию Сталина. Как и в Москве, во всех республиках, краях и областях, торжественное заседание по поводу юбилея было проведено в Баку. Сколько подобострастия, показной и искренней любви к вождю было выражено в эти дни как на этом заседании, так и на страницах республиканской печати. Апофеозом азербайджанской формы восторга стал подарок вождю: ковер размером в 70 кв. м., имевший 35 млн. узлов. Его ткали 70 ткачих. На этом ковре Сталин был изображен в кремлевском кабинете.⁴⁰ Вождь высоко оценил искусство азербайджанских умельцев. Создатели ковра - художники Л.Керимов, К.Кязимзаде, В.Ахундов, мастер Д.Ахмедов, ковроткачихи С.Ахмедова и Г.Мустафаева были удостоены Сталинской премии.⁴¹

Постоянное стремление показать преданность вождю, всем, кто восседает наверху, прослыть благодарным пронизывает повседневную жизнь людей. Любой повод используется в пропагандистских целях в полной мере. Наверно, одним их самых удобных, например, можно было считать меры, связанные с денежной реформой 1947 г. и снижением цен на товары массового потребления в 1949, 1951 и 1952 годах. Страницы газет пестрели тогда бесчисленными заявлениями людей с выражениями восторга. Вот лишь некоторые из них, высказанные по поводу отмены карточной системы и денежной реформы в 1947 г.: "Решение это проникнуто сталинской заботой о трудящихся нашей страны, о том, чтобы сделать нашу жизнь лучше, обеспеченной", "в буржуазных странах ликвидация последствий войны и денежная реформа сопровождается повышением цен, увеличением армии безработных. А у нас реальная зарплата не понижается, а наоборот значительно увеличивается", "в ответ на заботу родной большевистской партии и правительства мы умножим наши трудовые усилия". Все это -

запрограммированный пафос.⁴² Отмена карточной системы была явлением положительным, как и восстановление розничной торговли. Но ведь новые цены были намного выше довоенных, а большинство сбережений людей в ходе денежной реформы растаяли. А снижение цен в последующие годы не было столь значительным, чтобы серьезно сказаться на благосостоянии людей. И люди это понимали. Но принято было благодарить и люди делали это, хотя бы для приличия или для собственной безопасности. Они восторгались даже тогда, когда вынуждены были расставаться с кровно нажитым. Типичным примером этого являются ежегодно проводимые кампании подписки на займы восстановления и развития народного хозяйства страны. При подписке на заем тяжелейшего 1946 г. работница жмыхомельницы г. Кировабада Савченко будто бы гордо заявила: "Я зарабатываю не так уж много, но от всего сердца даю займы государству тысячу рублей". Председатель колхоза из Шамхорского района Гаджиев сделал еще более "принципиальное" заявление: "Новый заем выпущен для дальнейшего развития хозяйства нашей Родины, для повышения благосостояния советского народа. Мы от всей души приветствуем решение правительства и подписываюсь на 5 тыс. рублей". В 1948 г. по поводу очередной подписки на заем мастер нефти Юсуф Сеид Али "глубокомысленно" заявил: "Заем поможет досрочному выполнению сталинской пятилетки. Разве не в этом счастье, чтобы быстрее страна богатели, развивала свое хозяйство". Герой Социалистического Труда Адамян был не менее счастлив: "Мы с радостью отдаем свои сбережения займы государству, так как знаем, что они пойдут на благо нашего народа, нашей любимой социалистической Родины". Пресса сообщала тогда, что уже через несколько часов после передачи по радио постановления о выпуске нового займа сумма подписки по республике достигла 226 млн. рублей. В 1949 г. при новой подписке на заем звучат новые нотки: "Единодушная и активная подписка на заем всех трудящихся СССР - лучший ответ империалистическим поджигателям войны, "Чем краше и богаче станет наша жизнь, тем безнадежней будут дела поджигателей войны". Дефицита проявлений патриотизма и сознательности при подписке на заем не ощущалось и в последующие годы. При чтении периодики тех лет создается впечатление, что благодарность азербайджанского народа, всех жителей республики Сталину, Партии, Системе безгранична. Те, кто создавали видимость такой атмосферы, конечно, меньше всего задумывались о том, кто будет читать эти строки много лет спустя. Они создавали ее для современников. И совсем небезуспешно. Многие верили печатному слову, как и устным публичным выступлениям, поддавались их влиянию. Людям свойственно верить. И это благородное желание верить безудержно эксплуатировалось. Казалось, для целей благородных. Но люди не осознавали,

насколько они втягиваются сами в общий водоворот обмана и лицемерия, насколько деформируется их сознание, насколько унижены они и оскорблены, участвуя в хоровом всеобщем "одобрямс". Пока не задумывались. Но были и такие, кто и в те годы думали иначе. И это естественно.

Источники и литература

- 1.* Нариманов Н. К истории пашей революции на окраинах. Баку, 1992. (на азербайджанском языке), (письмо И.В.Сталину), с.26.
- 2.* Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с. 15.
- 3.* Багиров М.Д. Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана. Баку, 1949, с.217-218.
- 4.* Достижения Советского Азербайджана за 40 лет в цифрах, с. 144.
- 5.* Там же, с.21,52; История Азербайджана, т.3, ч.2. Баку, 1963, с.187.
- 6.* История Азербайджана, т.3, ч.2, с.211.
- 7.* Там же, с. 174-175.
- 8.* Достижения Советского Азербайджана за 40 лет в цифрах, с.20, 21, 68.
- 9.* «Бакинский рабочий», 26 января 1949 г.
- 10.* История Азербайджана, т.3, ч.2, с. 172.
- 11.* Достижения Советского Азербайджана за 40 лет в цифрах, с.95.
- 12.* Сеидов М.Г. рукопись, с.11.
- 13.* Там же, с. 2 б.
- 14.* Там же, с. 36.
- 15.* Верг Н. История Советского государства. М., 1998, с.370.
- 16.* Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с. 37.
- 17.* ГАППОД ф.1, оп.331, д.22, л.299.
- 18.* Там же, оп.222, д.4, л.2.
- 19.* Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с.46.
- 20.* Хрущев вспоминает (пер. с англ.). М., 1971. С. 15-16.
- 21.* Подсчитано по данным газеты "Бакинский рабочий": 29 июня 1946 г., 8 июня 1947 г., 11 апреля 1948 г., 1 июня 1948 г., 4 июня 1948 г., 12 апреля 1949 г., 8 марта 1950 г., 18 марта 1950 г., 19 марта 1950 г., 22 марта 1950 г., 24 марта 1950 г., 26 марта 1950 г., 17 марта 1951 г., 20 марта 1951 г., 21 марта 1951 г., 22 марта 1951 г., 6 апреля 1951 г., 15 марта 1952 г., 16 марта 1952 г., 20 марта 1952 г.
- 22.* "Бакинский рабочий", 12 марта 1948 г., 11 мая 1948 г., 18 августа 1948 г., 3 июля 1949 г.
- 23.* Большая Советская Энциклопедия, 2-е издание, 4 том, с.25.
- 24.* «Бакинский рабочий», 3 января 1946 г.
- 25.* Там же, 4 января 1946 г.

26. Там же, 27 января 1946 г.
27. Там же, 9 января 1947 г.
28. Там же, 4 января 1947 г.
29. Там же, 30 марта 1949 г.
30. Там же, 23 февраля 1951 г.
31. Там же, 27 декабря 1950 г.
32. Рубин Н. Лаврентий Берия. Миф и реальность. М., 1998, с.76-77.
33. Багиров М.Д. Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана, с. 5-6.
34. Там же, с. 4 9.
35. Там же, с. 52.
36. Там же, с.54,55.
37. Там же, с.80-81.
38. Там же, с. 193, 200.
39. "Бакинский рабочий", 28 апреля 1950 г.
40. Громов Е. Власть и искусство. М., 1998, с.413.
41. "Бакинский рабочий", 18 марта 1950 г.
42. Там. же, 15 декабря 1947 г.
43. Там же, 5 мая 1946 г.
44. Там же, 5 мая 1949 г.

ГЛАВА 8

КОНЦЕПЦИЯ "СТАРШЕГО БРАТА" И ЕЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Большевизм, как идеология, изначально исходил из отрицания национальных приоритетов, противопоставляя им идею сотрудничества наций и народностей на базе классовой солидарности интересов трудящихся, независимо от их этнических и религиозных различий. В этой связи Ленин и его сторонники рьяно выступали с критикой колонизаторской политики царизма, всех проявлений великодержавного русского шовинизма, политики дискриминации неправославного, нерусского, нехристианского населения страны, осуждали попытки самодержавия за разжигание межэтнических и межрелигиозных конфликтов. И в первые два десятилетия после прихода к власти большевики, соблюдая приличия, всячески стремились подчеркнуть свой имидж как страстных борцов против проявлений как русского, так и местного национализма. Не всегда и не во всем они искренне придерживались такой позиции. Но внешне все соответствовало декларируемым ими принципам так называемого интернационализма.

Но со временем Сталин стал вносить определенные изменения в идеологию национальной политики. Еще в последние предвоенные годы в Советском Союзе стала пропагандироваться идея о величии русской нации и об особой роли русского народа в истории Российского и Советского многонационального государства. В годы войны Сталин утвердился в мысли о необходимости особого акцента на "русской" идее в идеологической политике.

В послевоенные годы тема особой роли русского народа в победе над Германией, в истории человечества и, в особенности, истории и жизни всех других народов, живущих в СССР, стала одной из ведущих в идеологии. Тезис о цивилизаторской миссии русского народа по отношению ко всем прочим нациям и народностям Союза привел к утверждению мысли о прогрессивном характере завоеваний России и расширении ее границ, Ленинские высказывания о России как о тюрьме народов, о русском колониализме и его реакционной сущности были преданы забвению. В постсоветской российской литературе признается, что в послевоенные годы активно культивировалась идея о русском народе как о "старшем брате". Даются объяснения этому новому явлению в идеологии. Справедливо отмечается, что оно было вызвано рядом факторов объективного и субъективного свойства, что явление это объяснимо, хотя и не оправдано.

Видимо, определенную роль в пропаганде особой миссии русского народа в истории народов СССР играл комплекс нерусского происхождения

Сталина. Этот комплекс постоянно преследовал руководителя страны, большую часть населения которого составляли русские, и который, невольно, подсказывал ему необходимость постоянного доказывания, что, вопреки своему этническому происхождению, он всегда оставался выразителем интересов Российской государственности. Но не это было главным. Сталин осознавал, что в многонациональной стране в условиях существования союзных республик и автономных образований неизбежен рост национального самосознания. Формы проявления этой тенденции могли войти в противоречие с задачами по укреплению имперского государства, цементирующей основой которого являлась идея российской государственности. Идея же российской государственности это, прежде всего, проявление русской национальной идеи. Поэтому выпячивая мысль о роли и величии русского народа, Сталин пытался глубоко внедрить в общественное сознание, каждого из народов СССР идею о немыслимости существования каждого из них вне поддержки "старшего брата". Именно Сталин впервые, сразу по окончании войны заявил о русском народе как о наиболее выдающейся нации среди всех наций, входящих в состав Советского Союза, нации, имеющей ясный ум, стойкий характер и отсутствие торопливости, разумное терпение.¹ В последующие годы советская идеологическая машина, используя все доступные формы воздействия на общественное сознание активно внедряла в умы людей мысль об особой миссии русского народа в мировой истории. Ученые, деятели литературы и искусства упорно доказывали, что именно представители русского народа были первооткрывателями во всех достижениях человечества. Такая постановка вопроса вписывалась в общий контекст идеологической борьбы с так называемым "тлетворным влиянием Запада", которая являлась логическим следствием военно-политического противостояния периода "холодной войны". Руководителям союзных республик в этих условиях надлежало сделать соответствующие выводы, внести коррективы в процесс повседневной идеологической обработки населения.

В приветствии Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), направленном в Азербайджан в 1945 г. в связи с 25-летием установления Советской власти в республике, прямо указывалось, что успехи азербайджанского народа связаны с заботой партии Ленина-Сталина и помощью великого русского народа.

М.Д.Багиров очень быстро сделал выводы. Уже в 1946 г. он направляет в редакцию журнала "Огонек" статью под характерным названием: "Спасибо великому русскому народу". В ней, в частности, говорилось: "Русская культура, русская литература, русское искусство оказывало и оказывает огромное прогрессивное влияние на все области

духовного развития азербайджанского народа. Влияние русской науки способствовало развитию научной мысли в Азербайджане. Русские ученые внесли ценный вклад в создание научных кадров республики... Но больше всего мы обязаны русскому народу за то, что он проявил беспримерное мужество и героизм в защите нашей Родины от посягательств всех врагов, всех империалистических хищников".³ Строки этой статьи выдержаны в умеренных тонах. Багиров еще не совсем понял, что тему эту нельзя ограничивать рамками советского времени. Ведь замысел состоит в том, чтобы показать извечное благотворное влияние России. Но скоро Багиров это понял и все стало на свои места.

В официальных пропагандистских документах, подготавливаемых в Азербайджане, тезис о роли русского народа в счастливой судьбе азербайджанского народа занимает свое прочное место при перечислении всех других благодетелей. Так, например, в сентябре 1947 года в обращении Сталину, принятом на торжественном заседании Бакинского Совета депутатов трудящихся совместно с представителями партийных, общественных организаций и воинских частей гарнизона г.Баку, посвященного 800-летию Москвы, в числе этих благодетелей Азербайджана наряду со Сталиным, большевистской партией и советским правительством назван старший брат - великий русский народ.⁴ Этот штамп становится обычным явлением, на долгие годы перекочевывая из одного официального документа в другой. Признание превосходства русского народа над азербайджанским народом приобретает характер аксиоматической истины, не требующей как будто какого-либо обоснования. Но формальные доказательства все же были нужны.

К их выявлению привлекли, прежде всего, ученых-гуманитариев. И это было естественным. Прежде всего, к ним были обращены слова М.Д.Багирова: "Самым ценным, самым дорогим для многонациональной семьи советских народов является та передовая и могучая культура, литература и искусство, которые по праву принадлежали и принадлежат такому передовому, такому великому и славному народу как наш старший брат - великий русский народ. Своими большими достижениями в области науки и культуры, литературы и искусства азербайджанский народ обязан благотворному влиянию великих русских ученых, просветителей, поэтов, писателей, деятелей искусства и т.д."⁵

Обосновать тезис об исконном влиянии русской культуры на развитие науки и даже искусства в Азербайджане было не так просто. А вот на литературном материале сделать это было проще. В послевоенные годы обычным явлением стали публикации такого рода, как "Русский народ в поэзии Низами", "Радищев и Ахундов", "Великий русский народ", "Великий учитель азербайджанских писателей" (о Гоголе) и другие.⁶ В этих статьях,

справедливо подчеркивая мировое значение русской культуры, нередко крайне преувеличенно и бездоказательно говорилось о ее решающем влиянии на азербайджанскую культуру. По мысли авторов выходило, что Низами как художник состоялся чуть ли не благодаря огромному интересу к древним русам. В статьях можно было встретить такие опусы: "Ахундов несомненно знал "Путешествие Радищева и его "Вольность"... Ахундов нигде не упоминает Радищева, но тем не менее идея "Путешествия" сыграла серьезную роль в развитии антифеодальных, революционных взглядов Ахундова". Или же следующее суждение: "Огромная сила реалистического искусства Гоголя стала школой мастерства для М.Ф.Ахундова, Дж. Мамедкулизаде, А.Ахвердиева, С.С.Ахундова. Учась у Гоголя, М.Ф.Ахундов стал истинным художником - реалистом... Нельзя понять искусство Мамедкулизаде, не осмыслив того идейного и художественного воздействия, которое оказала на него великая русская литература"⁸.

Влияние русской культуры на азербайджанскую было очевидным. Но приведенные примеры явно свидетельствуют о желании максимально завесить оценку этого влияния, подчеркнуть изначальную зависимость развития азербайджанской культуры от развития русской культуры. Доводы на этот счет далеко не всегда соответствовали истине. Но они соответствовали идеологической установке и потому считались неоспоримыми.

В этом же контексте были пересмотрены некоторые вопросы истории Азербайджана.

Особый интерес вызвала в эти годы личность одного из ханов XVIII века - Фатали хана Кубинского. В какой-то мере, видимо, сыграло роль то, что хан и М.Д.Багиров были земляками. Но не основную. После войны была проведена большая работа по сбору материалов о жизни и деятельности Фатали хана. Специальное задание получил постоянный представитель Азербайджанской ССР при Совете Министров СССР Аллахвердиев. В октябре 1947 г. он уже докладывал Багирову: "В дополнение к ранее посланным Вам материалам, касающихся государственной деятельности Фет-Али-Хана Кубинского и истории Азербайджана, посылаю Вам 403 документа на 1149 листах, кроме того, 16 фотокопий с карт и планов крепостей и городов, связанных с продвижением российских войск... Очередной материал будет послан Вам в ближайшие дни". На этой докладной Багиров написал: "На бюро ЦК". Это говорит о том значении, какое придавалось этой работе.

Ко времени и в нужном русле написанная историком Гаси дбдуллаевым книга "Борьба Фатали хана Кубинского за объединение азербайджанских земель и его внешняя политика" (Баку, 1948) вызвала одобрение руководства республики. Книга была обсуждена на расширенном заседании ученого совета Азербайджанского Государственного

Университета. В обсуждении принял участие сам М.Д.Багиров, а материалы обсуждения были опубликованы в печати. Внимание к этой книге было, прежде всего, обусловлено следующим выводом: "Как дальновидный политик, Фатали хан, правильно определил свою внешнюю политику, последовательно ориентировался на Россию".¹⁰

В научный обиход прочно входит тезис о добровольном вхождении Азербайджана в состав России. Завоеватели возводятся в ранг прогрессивных деятелей своего времени. Причем, порой с энтузиазмом, который, видимо, был удивителен для российских авторов. В 1952 году один из них обратился с письмом в ЦК Компартии Азербайджана с запросом о его позиции в отношении публикации книги об одном из участников завоевания Азербайджана - полковнике Карягине. В ответе было сказано: "Против популяризации полковника русской армии Карягина с нашей стороны возразений нет... Книга написана живо и, в основном, правильно".¹¹ Нелишне заметить, что еще недавно имя Карягина носил один из районных центров. И лишь после смерти одного из высших функционеров Коммунистической партии Андрея Жданова районный центр был переименован в Ждановск.

Теперь малейшее сомнение в изначальном желании азербайджанского народа связать свою судьбу с русским народом, намек на недобровольное вхождение Азербайджана в состав России могли быть оценены как проявление крамолы, буржуазного ^{1с}Рерождения, измены делу советского интернационализма. Именно так произошло с книгой академика Гейдара Гусейнова «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века». В марте 1950 г. автор книги был удостоен Сталинской премии, став дважды лауреатом этой премии. Но здесь и разразился скандал.

Гейдар Гусейнов - вице-президент АН Азербайджанской ССР - являлся доверенным лицом М.Д.Багирова. До образования в 1945 г. Академии Наук республики Гусейнов возглавлял Президиум Азербайджанского филиала АН СССР (АзФАН). Именно ему было поручено вести переговоры в Москве о преобразовании Филиала в Академию Наук.¹² Правда, Президентом самостоятельной Академии Гусейнов не стал, но вице-президентское кресло он все же занял. Видимо, по устоявшейся в Союзе традиции президентом должен был стать представитель естественных или технических наук. Так и произошло. Первым президентом стал медик, известный хирург Мир Асадулла Мир Касимов. Но авторитет Г Гусейнова оставался достаточно высоким. В 1948 г. Гусейнов вместе с Мирбабаевым и Оруджеввым был удостоен Сталинской премии за "Русско-азербайджанский словарь". Выдвижение из республики на поощрение в форме премии или звания осуществлялось с согласия ЦК Компартии Азербайджана. Г.Гусейнов об этом прекрасно знал. Знал он и о том, что решающее слово при

выдвижении принадлежит М.Д.Багирову. Знал он, что его кандидатуру Багиров одобрил при выдвижении на присуждение ему Сталинской премии в 1948 г.

Безусловно, предполагал, что М.Д.Багиров весьма ревностно отнесется к выдвижению в обход него. Знал, но не учел всего этого в 1949 г., когда решил вновь баллотироваться на соискание лауреата Сталинской премии. После издания книги Гусейнова в свет ее высоко оценили в рецензиях, помещенных в республиканских газетах. Так, профессор М.А.Дадашзаде в статье "Очень интересная и полезная книга" писал, что книга написана на высоком идейном уровне. Писатель Мехти Гусейн считал, что это ценный труд, большой вклад в науку и должен изучаться партийным и советским активом, учителями, студентами, всей интеллигенцией.¹³ В письме Г.Гусейнову писатель Мирза Ибрагимов писал: "Книга хороша тем, что в ней собраны ценные материалы. Ты старался меньше говорить своими словами, то есть избегал пышных похвал и предоставил трибуну великим писателям... Всесоюзный читатель увидит, что представленные ему лица являются крупными личностями и играли исключительную роль в истории народа... Книга производит хорошее впечатление на человека, радует его. Чувствуется, что она создана в результате большого труда в течение ряда лет".¹⁴

В октябре 1949 г. отдел пропаганды и агитации ЦК Компартии Азербайджана не счел целесообразным поддержать предложение АН республики о выдвижении книги Г.Гусейнова на присуждение Сталинской премии. Отдел ЦК исходил из того, что автор уже удостоивался этой премией. Довод был не очень убедительным. И тем не менее ЦК Компартии Азербайджана устранился от поддержки Г.Гусейнова. Но книга была включена в список соискателей премии. Как это произошло, сказать трудно. Ясно лишь, что об этом стало известно М.Д.Багирову, который ознакомился с содержанием книги до ее обсуждения в Комитете по присуждению Сталинских премий при Совете Министров СССР. М.Д.Багиров высказал секретарю ЦК Компартии Азербайджана Г.Гасанову свое мнение, которое сводилось к тому, что "книга вредна, содержит в себе много политических ошибок". Мнение М.Д.Багирова было доведено до сведения заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Митина. Последний передал мнение М.Д.Багирова секретарю ЦК ВКП(б) М.Сулову, который выразил будто бы согласие с оценкой.¹⁵ И тем не менее, по неизвестным причинам книга с обсуждения не была снята и, более того, удостоена Сталинской премии. Трудно сказать, чем руководствовался М.Д.Багиров, начиная буквально крестовый поход против Г.Гусейнова. Сначала последовала серия отзывов известных ученых-гуманитариев на книгу Г.Гусейнова: Джафара Джафарова, Исмаила Гусейнова, Фейзуллы Касумзаде и Других. Получив установку ЦК, зная мнение М.Д.Багирова, они подвергли книгу тотальной

критике. В одной из самых обстоятельных рецензий - Дж.Джафарова говорится, что "автор чаще всего идет по линии изложения, а не анализа взглядов... представителей общественной и философской мысли в Азербайджане...", общественную и философскую мысль "...не связывает с социально-экономической жизнью Азербайджана и что "трудно понять классовую сущность общественной и философской мысли в Азербайджане в XIX веке" и т.д.¹⁶

Но главный упрек Г.Гусейнову состоял в том, что он не понял сущности идеологии мюридизма и движения Шамиля. Это и было тем политическим криминалом, за который предстояло Г.Гусейнову расплачиваться. Конечно, М.Д.Багиров не мог простить Г.Гусейнову его попытки в обход "хозяина" Азербайджана получить желанную премию. Но предоставлялся шанс выглядеть в глазах Сталина стойким интернационалистом, хорошо осознающим политическое значение тезиса об истинной привязанности народов СССР к русскому "старшему брату". Акцент на антирусской, а, следовательно, реакционной направленности мюридизма и борьбы Шамиля представлял собой хороший фон для обоснования своей приверженности этому тезису. Критика, причем беспощадная, книги Г.Гусейнова открывала широкие возможности для достижения М.Д.Багировым своей цели. Но для этого надо было добиться отмены решения Комитета по Сталинским премиям. М.Д.Багиров, будучи в Москве, доложил свое мнение Сталину. Основным доводом было то, что "Гусейнов дает неправильную оценку мюридизму. Характеризуя мюридизм как прогрессивное национально-освободительное движение, он повторяет и протаскивает высказывания о мюридизме панисламистов, пантюркистов и прочих врагов советского народа". Заодно он обвинил Гусейнова и в других грехах, проявив при этом, в ряде случаев, типичное верхоглядство. На совещании с секретарями райкомов партии уже после встречи со Сталиным он говорил: "Когда я прочел первые строчки, я сейчас же вызвал т. Гасанова и других товарищей и сказал им, что эта книга вредная. Зачем нам говорить о Бакиханове? Ведь в конце концов Бакиханов умер по дороге в Мекку ... Казембек кончил тем, что его сослали в Сибирь. Причем хотели показать его так, как будто его сослали за революционную деятельность. Ничего подобного, не за революционную деятельность его сослали".¹⁸

Не удивительно, что после такой характеристики в "Правде" И мая 1950 г. было опубликовано постановление Комитета по Сталинским премиям об отмене решения о присуждения Гусейнову премии. Теперь к ответу были призваны те, кто положительно отзывался о книге. Уже 16 мая Мирза Ибрагимов в письме М.Д.Багирову признал прежнюю свою позицию грубейшей ошибкой. Он пишет: "Постановление комитета дает глубоко убедительное обоснование реакционности мюридизма и так называемого

движения Шамиля, движения, которое ориентировалось на кровавых палачей народов Советского Востока в прошлом и исконных их врагов - империалистическую Англию и ее сторожевого пса на Востоке - реакционную Турцию".¹⁹ Спустя несколько дней секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г.Гасанов пишет объяснительную М.Д.Багирову. Он пишет, что не знал, как книга Г.Гусейнова попала в Комитет по Сталинским премиям, заодно обвинил Ибрагимову в том, что будто тот этому способствовал. Далее он продолжает: "Только после Вашего указания, ознакомившись с архивными материалами, источниками о движении горцев и Шамиля, у меня сложилось убеждение, что книга Гусейнова написана с позиций буржуазного объективизма, содержит много политических, теоретических ошибок, книга вредна, она выдает реакционный мюридизм и движение горцев под руководством Шамиля, как прогрессивное явление, она играет на руку пантюркистам, панисламистам и стоящим за их спиной англо-американским империалистам".²⁰

3 июля 1950 г. М.Д.Багиров посылает письмо секретарю ЦК ВКП(б) Г.Маленкову. В нем, в частности, говорится: "Нужно сказать, что вообще в нашей исторической литературе кавказский мюридизм и движение Шамиля до сих пор освещались неправильно. Мною подготовлена статья, о так называемом, кавказском мюридизме и Шамиле, которую посылаю на Ваше усмотрение". Вскоре статья была опубликована в журнале Большевик".²¹ В ней Шамиль был назван агентом Турции и стоящей за ней Англии. И главным был тезис о том, что присоединение к России явилось великим счастьем для всех народов страны, в том числе народов Кавказа.

Апофеозом борьбы с книгой Г.Гусейнова и ее автором стало общебакинское собрание интеллигенции 14-15 июля 1950 г. Тема книги Г.Гусейнова занимала на этом собрании центральное место. Ошельмовав книгу и ее автора, М.Д.Багиров пригласил к участию в этой вакханалии известных деятелей науки. Выступавшие набросились на Г.Гусейнова, критикуя его и всех кто дал положительную характеристику книге, кто будто бы вовремя не понял реакционную сущность книги. Досталось многим. Критике подверглись член-корреспондент АН СССР философ А.Маковельский, профессора А.Сумбатзаде М.Эриванский, Е.Токаржевский, А.Демирчизаде и многие другие. Не считая Г.Гусейнова, который отсутствовал на собрании, особенно сильной критике, главным образом со стороны М.Д.Багирова, подверглись М.А.Дадашзаде, М.Ибрагимов, Мехти Гусейн. Взвинтив себя до предела, М.Д.Багиров позволил себе личные выпады, которые говорили о главной цели собрания - запугать. Мамед Арифу Дадашзаде М.Д.Багиров бросил: "Я убедился, что вы самый отвязанный враг советского народа. Вы агент турецкой разведки в рядах наших работников".²² Мирзе Ибрагимову он

сказал: "Ты был беспризорником. Не за это ли ты расплачиваешься с Советской властью?"²³ Иначе, как проявлением политического хулиганства, эти реплики не назовешь. В унисон Багирову старались выступать другие участники "обсуждения". Некоторые же проявили недюжинные способности в этом. Виталий Самедов, в скором будущем ставший секретарем ЦК, был особенно резок в отношении как Гусейнова, так и других критикуемых. В адрес философа Мехбалы Касумова, который имел неосторожность поздравить Гусейнова с выходом книги, а затем был одним из первых ее критиков, Самедов бросил: "Так поступают лицемеры и двурушники". Еще более суровой критике он подверг историка А.Сумбатзаде за прочитанный им в 1947 г. в Москве доклад на одной из научных конференций, где он одобрительно отозвался о Шамиле и мюридизме. Самедов говорил: "Зачем понадобилось Сумбатзаде... оплевывать, по существу, благотворные результаты присоединения к России? Поведение Сумбатзаде более чем непонятно, просто подозрительно. С такими историками нам не по пути» - Выдающийся азербайджанский поэт Самед Вургун, развивая, впрочем, как и многие из выступающих, тему критики книги Гусейнова, не преминул задеть некоторых из своих собратьев по перу. Говоря о том, что в Казахстане вышла книга о поэте Абае, нужность этой книги он видел в том, что "лучший сын казахского народа поэт Абай видит грядущую судьбу своего народа в тесном, братском содружестве с великим русским народом, с его культурой... А почему Сулейман Рагимов, Али Велиев, Пашаев и другие до сих пор не написали на такую тему больших прозаических произведений?". В общем-то представители интеллигенции нередко преуспевали в превращении любого, казалось бы, делового обсуждения в политическую разборку. Но таковы были нравы. А цель была известна. Необходимо было прочно и на долгие годы утвердить в сознании азербайджанской интеллигенции и азербайджанского народа мысль о "старшем брате". Этот штамп должен был стать непременным атрибутом в объяснении прошлого и настоящего на долгие годы. И страх быть обвиненным в этой связи в "ереси" должен был сопутствовать всем проводникам идеологической политики: от партийных работников до каждого деятеля науки, культуры и просвещения.

При этом Багиров считал возможным политически "осовременить" движение мюридизма. Ничем иным нельзя объяснить поручение, которое он дал Емельянову: дать справку об антисоветской деятельности мюридов за последние 10-15 лет. Министр тотчас представил документ, из которого следовало, что мюридизм реально в республике существует, а мюриды с первых дней Советской власти в Азербайджане при поддержке "англо-турецкой разведки проявили себя как контрреволюционная сила". В этой справке с мюридизмом Емельянов связал многие политические обвинения

прошлых лет. Кроме этого, в подтверждение сохранения реальной угрозы юридиказма он привел пример ареста и осуждения в 1948 г. жителей села Демирчиляр Кубатлинского района Абдуллаева, Бабаева, Аасанова и Мамедова, обвиненных в распространении пантюркистских и панисламистских идей". Этим людей он выдавал за скрытых мюридов²⁴. Но все же дальнейший активный поиск подпольной организации мюридов, видимо, не имел места, а возможно, даже в те годы он выглядел очень уж нелепо.

Не выдержав травли, Г.Гусейнов покончил собой. А тезис об особой миссии русского народа в судьбе азербайджанского народа, намного пережив М.Д.Багирова, прочно вошел в обиход долгие годы "украшая" выступления партийных и советских работников Азербайджана, став самостоятельной сюжетной линией в деятельности научной и творческой интеллигенции. При этом адаптация интеллигенции к новым требованиям не заставила себя долго ждать. Так, 5 мая 1951 г. бюро ЦК Компартии Азербайджана забракowało диссертацию М.Касумова на тему: "Влияние передовых идей России XIX века на развитие общественной мысли в Азербайджане". Уже ровно через год соискатель кардинально изменил содержание своей работы, в которой учел все замечания партийного органа. Нет сомнения, что в новом варианте тема благотворного влияния России была доведена до нужной кондиции.

Позже, после смерти Сталина и смещения Багирова с поста руководителя Азербайджана, обвинения в адрес Г.Гусейнова и всех тех, кто попал в опалу в связи с этим делом, были названы необоснованными. Необоснованными, в том числе, и с той точки зрения, что ничего подвергающего сомнению тезис о ведущей роли русского народа их поступки не содержали. Но и в те годы многие понимали, что обвинения надуманы, обусловлены субъективным подходом. Уже 19 июля, т.е. спустя всего четыре дня после общебакинского совещания интеллигенции, министр государственной безопасности С.Емельянов, основываясь на сообщениях осведомителей, докладывал Багирову, что не во всех случаях реакция на его доклад носит положительный характер. Так, заведующий кафедрой Азербайджанского Индустриального Института Мамед Халифазаде отрицательно отнесся к критике Мирзы Ибрагимова. Он "хороший человек, выдающийся интеллигент, а его хотят посадить. Правильно говорят американцы, что у нас нет человека, который смело мог бы выступить с правдивым словом", - говорил ученый. Доцент университета Али Азери отозвался о докладе: "Этот доклад от начала и до конца ни копейки не стоит. Если Шамиль действительно такой нехороший человек, то почему же до сих пор товарищ Багиров не говорил о нем? Во всех книгах, энциклопедиях Шамиля до последнего времени характеризовали как героя, а теперь мы может дойти и до того, что Николаю I поставят бюст... Против русских

ничего нельзя сказать, а нужно ругать турок, арабов, фарсов и вообще ислам". Другой доцент того же вуза Алекпер Гаджиев говорил: "Погубили несчастного Гейдара, а теперь добираются и до его товарищей. Это - полнейшее безобразие".²⁶

Конечно, все эти высказывания были произнесены вполголоса, хотя скрыть от власти свои мысли их авторам не удалось. Но и в целом реакция многих и многих представителей интеллигенции не была адекватной позиции власти. И во многом, видимо, это выражало отношение к тезису о "старшем брате".

Сегодня очень сложно ответить на вопрос о том, насколько оправданным, даже с точки зрения имперских интересов, было выпячивание "русского" фактора. Несомненно, однако, что пропаганда такого рода вызывала усиление великодержавных тенденций в настроениях русского народа, проявления пренебрежительного, презрительного настроения по отношению к другим народам. В этой связи итальянский историк Дж.Боффа справедливо пишет: "Сталин... подогревал грубую велико-державную спесь, которая овладела русским обществом после победоносной войны".²⁷ И действительно, великодержавные настроения не могли не сказаться в сфере бытовых и служебных отношений. Такие настроения могли вполне реально проявиться в среде многочисленной русской диаспоры в Азербайджане и это таило реальную угрозу отношениям в республике между русскими и азербайджанцами. В послевоенные годы в многочисленных донесениях Министерства государственной безопасности Азербайджана часто сообщается о националистических настроениях среди азербайджанцев и армян. Но ни Разу не сообщалось о настроениях подобного рода среди русской части населения республики. Но вряд ли потому, что таких настроений не было. Они, наверняка, были. Но ведь и Министерство государственной безопасности действовало в унисон с политическими веяниями того времени. Выпячивать великодержавные настроения было не ко времени. И Емельянов не сообщал о них, не потому, что сам был русским, а потому, что понимал - могут не понять. В этом нет сомнения.

А настроения такие были. Материалы секретных фондов о настроениях в армейской среде свидетельствуют об этом.

Активно пропагандируемая идея о спасительной миссии русских в войне нашла благодатную почву среди офицеров воинских частей, в том числе и среди расквартированных на территории Азербайджана. Наличие таких настроений стало беспокоить даже политические органы армии. 10 ноября 1947 г. начальник управления контрразведки Министерства государственной безопасности СССР по Закавказскому военному округу генерал-лейтенант Рухадзе был вынужден обратиться к командующему войсками Закавказского военного округа, первым руководителям Грузии,

Армении и Азербайджана с письмом, в котором акцентировал внимание на том, "что случаи проявления великодержавных настроений количественно не только не уменьшаются, а показывают даже некоторую тенденцию к росту... В ряде случаев эти настроения носят даже более острый характер, чем те, которые нами приведены в настоящем специальном сообщении". В качестве примеров менее "острого характера" автор обращения приводит, например, следующие высказывания, касающиеся офицеров частей, расквартированных в Азербайджане: капитан Шпаков - "Надо было бы устроить варфоломеевскую ночь для азербайджанцев", капитан Макаренко - "Я бы каждый месяц со своей зарплаты отчислял по 500 рублей, чтобы только всех азербайджанцев кто-нибудь уничтожил", старший лейтенант Милоков - "Я бы согласен был получать всего по 200 рублей в месяц, лишь бы не видеть азербайджанцев", генерал-майор Корецкий - "За кого кровь на войне проливали? За Советскую власть или за Азербайджан и Багирова".²⁸ В уже упомянутом письме на имя М.Д. Багирова Азиз Алиев сообщил, что некий работник "МГБ или МВД Азербайджанской ССР" Дронов Николай Иванович по пути в Москву в беседе с путниками "заявлял, что вообще азербайджанцы, грузинцы, армяне, евреи жулики и в дни войны не защищали Советскую власть"²⁹.

Как видно, презрительные по отношению к азербайджанцам настроения получили широкое распространение в армейской среде. Причин было несколько. Но главная из них являлась прямым результатом поощрения, как писал Боффа, "великодержавной спеси". И следствием этого явилась та разнузданность, с какой вели себя в Азербайджане солдаты и офицеры Советской Армии. При изучении архивных документов тех лет складывается впечатление, что в первые годы после войны военные вели себя словно не в одной из частей единой страны, а на оккупированной территории. Характерным является обращение М.Д.Багирова к командующему Закавказским военным округом маршалу Толбухину в июне 1947. В нем говорилось: "Мародерство и бесчинства не прекращаются... Массовые жалобы поступают от районных организаций. Сегодня получена следующая шифровка от секретаря Самухского РК КП(б) Азербайджана: "Отдельные бойцы войсковых частей Кировабадского гарнизона приезжают на автомашинах, даже танках, систематически нападают на огороды и сады колхозов им. Кирова и Микояна, расхищают и уничтожают овощи и фрукты колхозов, избивают руководящих работников колхозов и колхозников".³⁰

М.Д.Багиров имел возможность почувствовать такое пренебрежительное отношение военных не только к населению, местным руководителям районного и городского масштабов, но и к нему самому. Назначенный осенью 1948 г. командующим расквартированной в

Азербайджане 4 армией генерал-полковник Колпакчи по приезду в Баку потребовал от М.Д.Багирова явиться к нему на встречу. Хотя Багиров и не подумал выполнить требование генерала, Колпакчи выдвинул целый ряд требований к руководству республики, включая неукоснительное выполнение всех его требований правительством и бакинским горисполкомом. В конце концов Багиров проявил настойчивость и спустя всего полтора месяца после назначения Колпакчи добился согласия Сталина на выдворение генерала из Азербайджана и назначение на должность командующего 4 армией другого человека.³¹

В целом, в эти первые послевоенные годы драки, инициированные военнослужащими, избиения ими гражданских лиц и милиционеров, совершаемые ими кражи и ограбления стали обычным явлением на улицах Баку, Кировабада, других городов и сельских районов республики. В справке, составленной министром внутренних дел Азербайджанской ССР Ягубовым, перечислены преступления военнослужащих на территории Азербайджана, совершенные только за май-июнь 1946 года, всего 36 случаев.³² Дважды в течение этого же времени на автомашинах одной из войсковых частей, дислоцированной в Азербайджане, в которых находился генерал-майор Денисенко, совершался наезд на людей, причем в одном случае со смертельным исходом. И дважды храбрый генерал вместе с водителями с места происшествия скрывался.³³

Поведение военнослужащих, совершенные ими многочисленные преступления было бы несправедливым увязывать лишь с ростом великодержавных настроений. Но, в целом, армия-победительница переживала эйфорию своей значимости и вседозволенности и именно на территории союзной республики эти чувства овладели настроениями большей ее части.

Правда, к концу 40-х-началу 50-х годов, информация о разнузданном поведении армии на территории Азербайджана встречается все реже. Но вряд ли это свидетельствовало о коренном изменении в настроениях. Армейские командиры порой считали себя вправе открыто давать даже оценку уровню благонадежности населения. Так, весной 1951 г. командир одной из расквартированных в Азербайджане воинских частей подполковник Сапленок в письме председателю Совета Министров республики писал: "Население поселка Ленинкенд не вполне политически проверено". Содержание письма стало известно М.Д.Багирову, который в обращении к командующему Закавказским военным округом генералу армии Антонову указал, что ему "непонятно это письмо" и потребовал "срочного вмешательства".³⁴

Проявления "великодержавной спеси" не могли не вызывать ответной реакции.

История азербайджано-русских межнациональных отношений прежде не знала массовых антирусских проявлений со стороны азербайджанцев. Не были они характерны и для изучаемого периода. И, тем не менее, Министерство государственной безопасности Азербайджанской ССР в послевоенные годы не раз вынуждено было сообщать в ЦК Компартии Азербайджана об отдельных выпадах азербайджанцев в адрес русских. В майских сообщениях 1951 г., например, приводились следующие высказывания: Камиль Кулиев - начальник отдела прокуратуры г.Баку - "Москва - это столица Хохландии, хоть я и прокурор, но у меня нет одинакового отношения ко всем нациям... Самое большое зло - это русские, с ними надо вести беспощадную борьбу", Сааб Мамедов - ветеринарный врач в селении Забрат (г.Баку) - "В Грузии и Армении говорят на родном языке..., а в Азербайджане все на русском языке и если не знаешь русского языка, тебе в родном Азербайджане места нет. Сходи вечером на Сабунчину и ты увидишь как много подростков - азербайджанок занимаются проституцией, потому что они окончили семилетку и 10-летку на азербайджанском языке, им работу не дают, они вынуждены идти на это, это можно терпеть?", Зият Таирова - завуч школы 4 г.Баку - "Я высказывала свои политические взгляды сотни раз. Главнейшие из них это лютая ненависть к русским..., вся дальнейшая судьба Азербайджана зависит от освобождения из под ига русских, после чего Азербайджан очень быстро найдет себе правильный путь", Рустамова Тейюба начальник отдела Министерства финансов - "Мы азербайджанцы - виноваты. Отдали свои вожжи в руки русских и превратились в послушных животных".³⁵

Приведенные выше мысли вслух, высказанные шепотом, разделялись, безусловно, далеко не всеми представителями азербайджанской интеллигенции. Но они выражали определенные настроения в ее среде. Эти настроения являлись отражением тех процессов, которые были связаны с изменениями в национальном составе населения и интеллигенции республики и сопутствующей этим процессам борьбе за командные позиции в сфере руководства политической, экономической и духовной жизнью. Но об этом чуть позже. Здесь же заметим, что выпячивание официальной идеологией роли "русского" фактора и как следствие, рост великодержавных проявлений в политике и повседневной жизни неизбежно вызывали протест, пусть скрытый, но, как показала много лет спустя жизнь, с далеко идущими последствиями.

Источники и литература

1. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947, с.220-221.
2. "Бакинский рабочий", 28 апреля 1945 г.

3. ГАППОД, ф.1, оп.253, д.25, л.209.
4. "Бакинский рабочий", 7 сентября 1947 г.
5. Там же, 28 июля 1948 г.
6. Там же, 13 сентября 1947 г., 1 сентября 1949 г., 24 мая 1950 г. и др.
7. Там же, 1 сентября 1949 г.
8. Там же, 4 марта 1952 г.
9. ГАППОД, ф.1, оп.168, д.3, л.61
10. "Бакинский рабочий", 28 июля 1948 г.
11. ГАППОД, ф.1, оп.245, д. 10, л. 100.
12. Там же, ф.1, оп.222, д. 108, л.20.
13. Там же, л.28.
14. Там же, оп.251, д.48 "ч"/12, л. 15.
15. Там же, л. 18-19.
16. Там же, оп.222, д. 108, л.7.
17. Там же, оп.225, д.1, л. 139.
18. Там же, оп.250, д.33, л.3.
19. Там же, оп.251, д.48 "ч"/12, л. 13.
20. Там же, л.20.
21. Там же, оп.225, д.1, л. 140.
22. Там же, оп.280, д.56, л.27.
23. Там же, л.41.
24. Там же, оп.225, д. 13, л. 256-265.
25. Там же, оп.245, д.54/11, л.4.
26. Там же, оп.225, д.15, л. 121-122.
27. Боффа Дж. История Советского Союза в двух томах. Т.2, М.,1994, с.333.
28. ГАППОД, ф.1, оп.168, д.6, л. 40,57.
29. Там же, оп.221, д.12, л. 15.
30. Там же, оп.168, д.6, л. 15.
31. Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с. 49-50.
32. ГАППОД, оп.169, д.291, л. 88-92.
33. Там же, л.94.
34. Там же, оп.241, д.5, л.41
35. Там же, оп.241, д.11а, л.8,28,29.

ГЛАВА 9

НОВАЯ ФАЗА РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ИДЕИ

Выдвинув тезис о ведущей роли русского народа в прошлом, настоящем и будущем всех советских народов, Сталин объявил о новой фазе борьбы с местным национализмом. Это нашло свое выражение в целом ряде партийных постановлений по вопросам теологической политики. Суть недовольства некоторыми, как казалось в Москве, проявлениями национализма выразил в своем выступлении в Баку на республиканском совещании по вопросам пропаганды, агитации и культурно-просветительской работы заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М.Т.Иовчук еще в июле 1946 г. Он говорил: "Националистические элементы нередко пытаются обратиться к области истории, литературы и искусства, хотя использовать эти каналы для того, чтобы исказить в угоду своим хозяевам историческую достоверность, подчеркнуть то, что в прошлом разъединяло народы СССР, и скрыть то, что объединяло, сплачивало их; они пытаются идеализировать феодально-патриархальное прошлое народов нашей страны, чтобы принизить и охаять величайшие достижения советской национальной государственности, экономики и культуры, завоеванные каждым народом нашей страны".¹ Среди трех республик Южного Кавказа Азербайджан располагал самым большим экономическим потенциалом и уже в силу этого являлся самой ценной частью единого государства в регионе. При оценке значимости Азербайджана советское руководство не могло не учитывать и особое геополитическое его значение как в рамках Закавказья, так и в масштабах всего, что называлось в советской политической и научной литературе Востоком и, прежде всего, Средней и Ближней его частью, единственный из республик Закавказья Азербайджан был связан религиозной общностью основной части населения с мусульманским Востоком. Он многие века был связан общностью исторических судеб с исламским миром. И это в значительно большей степени, чем Грузию и Армению, сближало его с зарубежным мусульманским миром. Азербайджан граничил с Ираном и Турцией. По ту сторону иранской границы в Южном или Иранском, Азербайджане жили также азербайджанцы. По ту сторону турецкой границы турецкое население было близко азербайджанцам по происхождению и языку. Этническое родство с турками не было секретом для азербайджанцев. Они не могли забыть того, что еще несколько лет назад, всего лишь до войны они также записывались тюрками. Лишь перед самой войной появилось новое название для них - азербайджанцы. Понимало это и советское руководство. Принадлежность к мусульманскому миру и тюркское происхождение неизменно порождали у Сталина и всего советского аппарата

подозрительное отношение при оценке потенциала благонадежности азербайджанцев. Стереотип подхода к возможности распространения пресловутых "панисламистских" и "пантюркистских" настроений применительно именно к Азербайджану сохранился и в послевоенные годы.

В изучаемый период очевидных, публичных проявлений национализма азербайджанская действительность не знает. И это вполне естественно. Запуганная возможностью обвинения в национализме азербайджанская общественность, жители республики азербайджанской национальности, как правило, опасались гласно излагать мысли, которые, даже косвенно, могли бы быть истолкованы властью как сомнение в правильности национальной политики. Допустим был лишь восторг по поводу тех благ, которые предоставляла азербайджанскому народу Советская власть.

И этот восторг постоянно выражался со страниц газет и журналов, в художественных произведениях, в передачах по радио, в публичных выступлениях партийных, советских руководителей, деятелей науки и культуры, рабочих и колхозников. Тем не менее, еле слышный ропот недовольства прослушивался ревностными служителями секретных служб. Ранее приводились примеры высказываний, свидетельствующие об антирусских настроениях.

Но их нельзя рассматривать вне контекста всего комплекса проблем, порождающих противоречия национальной политики. В конкретных условиях Азербайджана эти противоречия выразились, в основном, в двух измерениях: проблемах кадровой политики и языка.

Вне сомнения, за годы Советской власти было сделано немало в деле формирования национальной интеллигенции, что широко открыло двери азербайджанцам в сферу управления государством и производством, в сферу науки и культуры. В послевоенные годы "коренизация" управленческого аппарата, профессиональных и отраслевых групп интеллигенции усилилась. Этот процесс не мог не породить ряд проблем в сфере межнациональных отношений. Это было связано с тем, что дефицит национальных кадров в два довоенных десятилетия обусловил присутствие в рядах республиканской интеллигенции и прежде всего, в управленческой, технической, научной ее частях широкого, а зачастую, доминирующего представительства лиц русской, армянской, еврейской национальностей. В этих условиях изменения в соотношении удельного веса между азербайджанской и неазербайджанской частями элиты приобретало характер противостояния, когда одна сторона, азербайджанская, быть может, подсознательно, стремилась усилить свое присутствие, другая же, неазербайджанская, также, быть может, чаще всего подсознательно, хотела сохранить свои позиции. Этому противостоянию сопутствовала языковая проблема. Подавляющая часть официального делопроизводства велась на русском языке. В этих условиях та часть интел-

лигенции, которую условно можно было бы, выражаясь современной терминологией, назвать русскоязычной, обладала известными преимуществами. Владение русским языком рассматривалось как важный показатель зрелости кадров. В те годы русским языком свободно владела, как правило, кроме Русской и еврейской, значительная часть армянской и лишь незначительная часть азербайджанской интеллигенции. В кадровом противостоянии языковой барьер ограничивал возможности азербайджанцев. Таким образом, кадровая проблема и проблема языка в условиях растущего кадрового потенциала азербайджанцев вызвала у последних внутренний протест, который облекался порой в своеобразную форму.

Типичным ее проявлением является обнаруженное в архиве анонимное письмо на имя М.Д.Багирова, зарегистрированное в аппарате ЦК Компартии Азербайджана 22 ноября 1948 г. Хотя автор письма остался нам неизвестен, а само послание носит несколько бессистемный характер, содержание позволяет выделить определяющую его канву.

Автор выразил недовольство тем, что "азербайджанское население Баку и других городов Азербайджана составляет меньшинство" и в этой связи требует уменьшить сельское азербайджанское и увеличить городское азербайджанское население. "Если в Баку численность азербайджанцев увеличится, тогда все улучшится" - писал он. Автор выражал недовольство недостаточным представительством азербайджанцев в среде технической, военной интеллигенции, в среде органов государственной безопасности и внутренних дел и предлагал массовое направление азербайджанцев в военные и технические учебные заведения, в том числе в вузы Москвы. И, наконец, автор письма выразил свое недовольство преобладанием русского языка в сфере делопроизводства. "Лучше умереть, чем допустить устранение своего языка из учреждений. Мы должны быть хозяевами своего дома", - заключает он.²

Это письмо вряд ли можно отнести к разряду диссидентских. И форма обращения к М.Д.Багирову - "дорогой", и отсутствие даже намек на антисоветизм и тяжелую долю народа свидетельствуют о миролюбивой настроенности автора. При этом чувствуется, что автор верит адресату и его патриотизму. Письмо это, при всей своей наивности и отсутствию четкой последовательности в изложении своего видения проблем, характерно. Его можно расценить как своеобразный манифест, выражающий мнение азербайджанской интеллигенции на сложившуюся в Азербайджане национальную проблему. Но существовало и другое восприятие ситуации. Засилие инонационального элемента и господство русского языка в условиях жесткого тоталитарного режима обуславливало для части интеллигенции поиск решения проблемы в будущей войне между государствами Запада, западной ориентации, к которым относили Турцию и

Иран, и СССР. В справке министра государственной безопасности республики, датированной 16 апреля 1953 г., приводится ряд высказываний интеллигенции на этот счет: "Нет в мире храбрее армии, как турецкая, она ведет борьбу в пользу ислама", "турки стали пропагандировать панисламизм, в связи с чем можно надеяться на объединение всех народов мусульманского вероисповедания", "в случае нападения на Советский Союз Ирана и Турции, азербайджанцы не будут воевать против турок...", "президент Турции Исмет заботится о том, как бы мусульман Закавказья освободить от коммунизма. Для этой цели в Турции при помощи Америки намечались планы нападения на СССР".³

Очевидно, что во всех этих высказываниях много наивного. Эта наивность проистекала из дефицита информации об истинном соотношении сил на международной арене, о превратном представлении о возможном исходе будущей войны между СССР с Турцией и Ираном. Мысль же о степени вероятности войны стимулировалась самой советской пропагандой, которая всячески раздвигала агрессивный образ южных соседей СССР. Далеко не вся азербайджанская интеллигенция уповала на роль Турции и Ирана в решении своих проблем. Но само по себе существование такой позиции отражало сохранение в сознании людей идеи об общности своей исторической судьбы со странами мусульманского Востока и, прежде всего, с Турцией и Ираном. Именно это давало основание С.Емельянову докладывать о существовании пантюркистских и панисламистских настроений. Пытаясь пресечь эти настроения преследованием их носителей, власть осознавала, что этим настроением также идеологически следует противопоставить нечто конкретное и доходчивое, такое, что обоснует качественную определенность исторического развития Азербайджана вне связи с мусульманским Востоком, что навсегда положит конец представлениям об общности судеб азербайджанского народа с мусульманским и тюркским мирами. И в стратегическом плане обеспечения консолидации советского общества, и в тактическом плане обеспечения идеологической обработки общества все это отвечало интересам советской системы.

Вот почему в послевоенные годы в идеологической жизни Азербайджана был усилен акцент на пропаганде сугубо азербайджанской идеи. Вот почему образы таких исторических персонажей, как Джаваншир, Бабек, становятся едва ли не самыми популярными. Не мусульмане, люди с неясным этническим происхождением - эти персонажи были связаны с Азербайджаном местом рождения и территорией, где протекала их деятельность. Такие деятели прошлого, как никакие другие, символизировали исторически обусловленный, качественный азербайджанизм азербайджанского народа, независимый от наслоений

ислама и тюркизма. Поэты, писатели, историки посвятили этим личностям немало произведений. Однако обращение к историческим личностям доисламского периода вряд ли было достаточным для обоснования азербайджанской идеи. Необходимы были герои-объединители, деятельность которых еще в прошлые века имели целью борьбу за единство именно азербайджанских земель. Таких деятелей с типичными восточными титулами, которых, правда, не очень-то склонна была жаловать советская пропаганда. И, тем не менее, в Азербайджане в рассматриваемые годы рискнули обратить внимание именно на политических деятелей, носивших столь нелюбезные для руководителей советской идеологической доктрины титулы. Нет сомнения, что советское руководство не препятствовало этому, осознавая, что подъем азербайджанского патриотизма на данном этапе соответствует достижению более глубоких целей в Азербайджане.

Из политических деятелей прошлого более других в эти годы повезло Фатали хану Кубинскому. Конечно, сказалась его ориентация на Россию еще в XVIII в. И все же, не менее заметно звучала мысль о том, что "Фатали хан Кубинский в сложной международной и внутренней обстановке второй половины XVIII века приложил много усилий к объединению раздробленных земель Азербайджана в единое государство".⁴ Эта же мысль красной нитью пронизывала снятый тогда фильм "Фатали хан". Пропаганда идеи единства азербайджанских земель была созвучна популярной тогда идее о возможности объединения Северного и Южного (Иранского) Азербайджана.

Как ни странно, но именно надежда на объединение двух Азербайджанов, быть может, как никакое другое событие, в те годы стимулировала рост национального самосознания азербайджанцев. Сама же эта надежда была порождена позицией Советского Союза по отношению к послевоенному будущему Южного Азербайджана.

Итогом второй мировой войны явились коренные изменения в геополитической ситуации в мире. Важнейшей из них стало расширение сферы влияния СССР, роли и авторитета в решении -мировых проблем, воздействие на развитие событий. В первые послевоенные годы Советский Союз сумел расширить территориальные рамки функционирования советской системы, Социалистический путь развития стал уделом целого ряда стран Европы и Азии. Образовалась громадная социалистическая Империя, простиравшаяся от Тихого океана и границ Юго-Восточной Азии до Центральной Европы, в рамках которой место СССР, в качестве гегемона, было неоспоримым. Не довольствуясь этим, советское руководство и лично Сталин, обуреваемые имперскими амбициями, жаждали новых территориальных приобретений. В те годы среди территориальных претензий СССР были претензии на часть территорий Ирана. Еще в августе 1941 года в

соответствии с условиями советско-иранского договора 1921 года части Красной Армии вошли в северные районы Ирана.

После окончания второй мировой войны Советский Союз не стал торопиться с выводом войск из Ирана. Более того, он стал содействовать подъему национального движения в Южном Азербайджане, находящемся в составе Ирана. При активной поддержке Советского Союза было создано национальное правительство Южного Азербайджана. Вырисовывались реальные перспективы воссоединения Советского Азербайджана с Южным Азербайджаном в составе Советского Союза. Безусловно, не интересами азербайджанского народа руководствовалось советское правительство, воздействуя на ход событий в Иранском Азербайджане. Разыгрывая национальную азербайджанскую карту, Советский Союз хотел значительно расширить свои границы на юге за счет Ирана. Это позволяло ему выйти на подступы к Персидскому заливу, овладеть новыми нефтяными районами и резко повысить свою роль великой державы в решении проблем на Среднем и Ближнем Востоке.

В монографии Дж.Гасанлы приведены многочисленные факты свидетельствующие, что, вопреки заверениям Сталина об отсутствии у него каких-либо территориальных претензий к Ирану, он, ссылаясь из необходимость обеспечения безопасности бакинских нефтепромыслов, надеялся путем своего военного присутствия обеспечить советизацию Южного Азербайджана. При этом многое делалось для обоснования максимального расширения границ Южного Азербайджана как на востоке, так и на юге Ирана для увязывания экономики и сферы духовной жизни Южного Азербайджана с Советским Азербайджаном.⁵

Еще более откровенно вело себя Советское правительство в отношении части Турецкой Республики. Сталин стимулировал начало шумной кампании в прессе Армении и Грузии, в среде зарубежной армянской диаспоры с требованием передачи западных районов Турции Армении и Грузии. Вот, например, что говорил первый секретарь ЦК Компартии Армении Григорий Арутинов в одном из своих публичных выступлений в 1946 г.: "... Возвращение Турцией армянских земель их действительному хозяину - Советской Армении является справедливым и что вопрос этот имеет кровное значение для дальнейшего развития армянского народа в целом.... Русские, как настоящие друзья армянского народа - бескорыстно поддерживают это справедливое требование армян".⁶ Столь смелое суждение о позиции русских, конечно же, было связано с уверенностью Арутинова в позиции Сталина.

Сталин после войны практически не скрывал своих планов в отношении Турции. Много лет спустя один из ближайших Сталину людей - Молотов вспоминал: "После войны на дачу Сталину привезли карту СССР в

новых границах. Он приколот ее кнопками на стену: "Посмотрим, что у нас получилось: на Севере V нас все в порядке. Финляндия очень перед нами провинилась, и мы отодвинули ее границу от Ленинграда, Прибалтика - это исконно русская земля - снова наша, белорусы у нас теперь все, украинцы тоже, молдаване тоже вместе. Итак на западе у нас нормально". И он перешел к восточным границам. Что у нас здесь? Курильские острова наши, Сахалин полностью... Посмотрите, как хорошо - и Порт-Артур наш!". Он провел трубкой по Китаю: "Китай, Монголия - все в порядке". "А вот здесь граница мне совсем не нравится", - сказал Сталин и показал южный Кавказ. - Дарданеллы... Есть у нас претензии и на турецкие земли..."⁷ Сталин, по существу, перестал скрывать свои планы в отношении Турции и перед своими недавними союзниками.

В 1946 г. во время совещания министров иностранных дел великих держав в Москве в беседе с министром иностранных дел Великобритании Бевином Сталин открыто заявил о своих претензиях на контроль проливов Босфор и Дарданеллы, на ряд областей Турции, которые исторически, будто бы, должны принадлежать Армении и Грузии.⁸ При этом Сталин выступал как выразитель интересов армян и грузин. Но, конечно, и в данном случае Сталин исходил из желания "передвижения" границ СССР вплоть до ближневосточного региона.

Территориальные претензии Сталина в конце концов вызвали ожесточенный отпор недавних союзников. Сотрудничество обернулось в непримиримое военно-политическое противостояние. Началась эра "холодной войны". "Железный занавес" опустился на границах СССР. В стране была развернута жесткая антизападническая кампания и, прежде всего, против американского империализма".

Не добившись достижения территориальных целей на Южном Кавказе, будучи вынужден вывести свои войска из Ирана и смириться с отходом Ирана и Турции в сферу влияния Запада, Сталин здесь, в республиках Закавказья, должен был искать особые методы пропагандистского психоза, поддержания напряженности, причем с учетом особенностей каждой из республик.

Хотя в 1946 г. советские войска покинули Иран, а Демократическая Республика Южного Азербайджана была уничтожена, вспыхнувшая было искра надежды на объединение всего Азербайджана, даже в составе СССР, не могла сразу же угаснуть. Азербайджанское руководство, прежде всего М.Д.Багиров, полагало, что напряженные отношения СССР с Ираном позволят, в случае военного конфликта, вновь вернуться к идее единого Азербайджана. Апеллируя к историческим сюжетам прошлого, в частности, к деятельности Фатали хана, можно и нужно поддерживать эту идею. Да и советское руководство, очевидно, не оставляло идеи территориальных

приобретений за счет Ирана. Поэтому оно было склонно в какой-то степени стимулировать надежды на объединение двух Азербайджанов. Особенно, если это пропагандировалось на фоне противопоставления "счастливого" настоящего Советского Азербайджана и горькой доли населения Южного Азербайджана. Не случайно, такая тематика щедро поощряется присуждением Сталинских премий. В 1950 г. композитор Джангир Джангиров ее удостоивается за симфоническую поэму "По ту сторону Аракса", а поэт Сулейман Рустам - за сборник стихов "Два берега". В 1951 г. эту премию получил писатель Мирза Ибрагимов, воссоздавший события в Южном Азербайджане накануне создания Демократической республики в романе с символическим названием "Наступит день". Нет сомнения, что, в целом, подъем национальных чувств у азербайджанцев вряд ли устраивал советскую систему. Но выданном случае этот подъем занимал подчиненное положение по отношению к имперским амбициям советского руководства и, помимо к нему, до поры до времени, можно было относиться не только терпимо, но и с некоторой долей одобрения. Тем более, что это отвечало задачам вытеснения из сферы массового сознания представления об органической взаимосвязи исторической общности азербайджанского народа с исламскими и тюркскими мирами.

Задача "отчуждения" Азербайджана от истории Ирана и тем более Турции приобретала для советской идеологии приоритетное значение. Для проводников советской идеологической политики в Азербайджане это было очевидно. И они всячески старались на этом поприще.

В 1949 г. руководители военной разведки Закавказского военного округа довели до сведения М.Д.Багирова, что некто Ялвачоглу в турецкой газете "Улус" опубликовал статью об Узеире Гаджибекове. Автор писал, что творчество великого композитора было неразрывными узами связано с "тюркским и исламским миром". Вывод в высшей степени справедливый. Хотя стоит добавить, что произведения У.Гаджибекова вобрала в себя богатый опыт развития европейской и русской музыкальных культур. В этом состоит несомненное величие композитора как подлинного новатора. Но отрицать связь творчества У.Гаджибекова с восточной музыкальной традицией бессмысленно. Однако такое признание противоречило бы взятому тогда идеологическому курсу. По поручению М.Д.Багирова Мирза Ибрагимов пишет статью, в которой опровергает какую-либо связь деятельности У.Гаджибекова с исламской и тюркской культурами. Выходило, что "вся жизнь Гаджибекова, как великого художника и большого общественного деятеля, прошла в непримиримой борьбе против этой империалистической, губительной для национального существования азербайджанского народа идеологии". В качестве доказательства М.Ибрагимов привел выдержку из одного из обращений У.Гаджибекова в

адрес М.Д.Багирова: "История азербайджанского народа с богатейшим наследием его классиков..., с подвигами народных героев... была совершенно обезличена и предана забвению... навязанными как панисламистскими и пантюркистскими выражениями "мусульманин" и "тюрок". Только благодаря указанию нашего великого вождя товарища Сталина, широкие трудящиеся массы Азербайджана поняли и усвоили смысл выражения "азербайджанцы, единственно правильно определяющего историческое и географическое существование народа и страны".⁹

Понять У.Гаджибекова легко. Он писал эти строки в годы массовых репрессий, когда он, его судьба и жизнь всецело зависели от воли Сталина. Его происхождение и наличие близких родственников за границей делали его положение крайне уязвимым. Большой композитор и интеллектуал, он очень хорошо уловил требования советской идеологии. Спасая свою жизнь, он адекватно откликнулся на них. Это понимал и М.Д.Багиров. Статья М.Ибрагимова, по существу, являлась выступлением адвоката в защиту потенциального, хотя уже к этому времени усопшего обвиняемого. М.Д.Багиров, который хорошо знал нрав Сталина, понимал, что смерть композитора не является еще гарантией сохранения политической репутации художника. Поэтому М.Ибрагимов специально подчеркивал сугубо азербайджанскую суть творчества У.Гаджибекова, поскольку это соответствовало идеологическим установкам Сталина. Ссылка на слова самого У.Гаджибекова была приведена к месту.

Все больший акцент на азербайджанизации прошлого и настоящего Азербайджана и его народа неизменно вел к отрицанию всех тех элементов исторического прошлого, которые могли как раз свидетельствовать о связи с "тюркским и исламским мирами".

В конце 40 - начале 50-х годов объектом этого отрицания для тюркоязычных народов стали народные эпосы. Не стал исключением и древнетюркский эпос "Деде Коркут", весьма популярный в Азербайджане как один древнейший памятников устного народного творчества. Нападки на этот тип литературных произведений были связаны с тем, что они, в том числе "Деде Коркут", ярко свидетельствовали об общих корнях тюркских народов, о существовании тюркского мира как исторической реальности. Эти же памятники народного творчества говорили об исламских истоках тюркских народов.

До войны и в первые послевоенные годы советская идеологическая машина не обнаруживала какого-либо враждебного отношения к "Деде Коркуту". Известные литературоведы и языковеды исследовали этот эпос, высоко оценивая его значение в развитии азербайджанской культуры. Поэтические образцы из "Деде Коркута" активно используются публицистами. Так, еще в новогодней статье публициста Р.Раевой в

"Бакинском рабочем" 1 января 1947 г. говорилось: "Как чудесно преобразилась страна за короткое время... Подобно легендарному герою "Деде Коркут", ожившему от глотка материнского молока, со сказочной быстротой залечивает свои раны Родина". В 1948 году Союз советских писателей намеревался созвать специальное совещание для обсуждения проблем "Деде Коркута". Но в 1951 г. начинается период нового подхода к "Деде Коркуту". В мае 1951 г. специально созывается общее собрание писателей Азербайджана, на котором председатель Союза писателей республики М.Ибрагимов заявляет: "Деде Коркут" не имеет никакого отношения к азербайджанскому народу, его истории, фольклору и языку... Образ жизни, обычаи и традиции, описываемые в "Деде Коркуте", чужды азербайджанскому народу". А вслед за этим следует объяснение новому подходу: "Люди, изображенные в эпосе, не азербайджанцы, а представители верхушечных слоев вторгшихся на Кавказ огузских племен..., занятые грабежами и набегами, разжиганием вражды между народами Закавказья...". Теперь все доведено до логического конца. Азербайджанцы - народ, не имеющий отношения к тюркским народам. Подальше от тюркских корней, дабы не быть заподозренным в пантюркизме. Заодно М.Ибрагимов обвинил литераторов Г.Араслы, М.Рафили, языковеда А.Демирчизаде, писателя М.Рзакулизаде в пропаганде эпоса. Покаялся и сам М.Ибрагимов в том, что ранее не понял враждебного характера произведения.¹⁰

Общее собрание писателей положило начало широкой кампании разоблачения эпоса. В июле 1951 г. секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г.Гасанов на страницах "Правды" гордо рапортует всесоюзному читателю о разоблачении книги "Деде Коркут" как позитивного результата борьбы с буржуазно-националистическими тенденциями." Выступая на XIX съезде ВКП(б) в 1952 г., М.Д.Багиров называет эпос "реакционной, антинародной, проникнутой ядом национализма, панисламизма" книгой.¹²

Своеобразное преломление получило в Азербайджане развязанная в конце 40-х - в начале 50-х гг. кампания против господствующих в советском языкознании теории Марра. Не вдаваясь в суть проповедуемой к этому времени уже умершим ученым теории, отметим лишь, что Марр был убежден в наличии общих праязыков у всех "живых" языков. Это положение учения Марра вызвало особое раздражение Сталина. В двух своих работах "Относительно марксизма в языкознании" и "К некоторым вопросам языкознания" он подверг это положение, как и многие другие составные части теории Марра, уничтожающей критике. Сталин утверждал, что "история отмечает устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка... Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда". Сегодня трудно сказать, чем руководствовался советский лидер, углубляясь в столь глубоко научную

проблему. Но политическая подоплека этого интереса не вызывает сомнения. Это понял и Багиров, когда на упомянутом совещании интеллигенции 14-15 июля 1950 г. обрушился на ведущих языковедов республики Ширалиева, Демирчизаде и других с обвинениями в приверженности марризму. По существу, это был призыв к отказу от признания родственности тюркских языков, их общего происхождения, влияния на формирование азербайджанского языка фарсидского и арабского языков. По словам Багирова, азербайджанский язык изначально обладал самобытностью и доказал на протяжении всей своей истории "жизнеспособность и устойчивость".¹³ И запуганные языковеды живо откликнулись на указание местного лидера. Историю "азербайджанского языка, - подчеркнул в своем выступлении Ширалиев, - надо начинать с древних времен... Мы должны показать нашему народу славную историю его языка, который, несмотря на ассимиляторскую политику и насильственные меры арабских, персидских и турецких захватчиков, всегда выходил победителем из борьбы, и сохранил самобытность, свой грамматический строй и словарный запас". Демирчизаде "углубил" эту мысль и пришел к выводу, что истоки азербайджанского языка надо искать в древней истории, а конкретно, в истории Мидии. Таким образом, интерпретируя выступление Багирова, Демирчизаде назвал эту мысль "гениальной". Более того, он сказал, что уже "выявлены лингвистические следы мидийцев в языке современных азербайджанцев".¹⁵ Так, два больших ученых, идя на поводу политических инсинуаций, пришли к совершенно абсурдным выводам.

Таким образом, в послевоенные годы в национальной политике в Азербайджане сложилась своеобразная ситуация. С одной стороны, преобладают приоритеты "русского" фактора, выраженные в утверждении идеи о судьбоносном, ведущем значении русского народа, России для Азербайджана и азербайджанцев. Этому сопутствует кампания непримиримой борьбы с любыми проявлениями национализма. Но национализм применительно к условиям Азербайджана понимается как неприятие особой роли России и русского народа и ориентация, в этой связи, на исторические связи с исламским и тюркским мирами. Национализм азербайджанцев понимается как проявление панисламизма и пантюркизма. Такому национализму начинает противопоставляться качественно новая форма национализма. Суть этой формы состояла в утверждении идеи азербайджанизма. Приемлемость азербайджанизма для советской идеологии состояла в том, что основывалась на отрицании устойчивой исторической связи с исламскими и тюркскими народами, и, конечно, что было особенно важно, с Ираном и Турцией. Такая форма национализма, или как принято было говорить, патриотизма, облегчала задачу интеграции азербайджанского

народа в систему советской общности народов, в рамках которой ведущая роль принадлежала русскому народу и русскому языку.

В те годы только такая форма национализма позволяла вести борьбу за поднятие престижа азербайджанского народа. Не декрет, что в Советском Союзе популярность азербайджанцев в сравнении, скажем, с соседними народами - грузинами и армянами - была меньшей. В глазах подавляющей части русского населения грузины и армяне рассматривались как более близкие, более понятные им народы. Сказывались общность религиозной, христианской принадлежности, широкое представительство грузин и армян в верхних эшелонах власти, более близкое знакомство с культурным прошлым грузинского и армянского народов по сравнению с культурой азербайджанского народа и ряд других факторов. В условиях исторически сложившейся настроенности и, даже, часто враждебного предрасположения российского общества к мусульманскому Востоку, попытки поднять авторитет Азербайджанской ССР и азербайджанцев делая упор на обоснование тезиса о духовном и этническом родстве со странами и народами Ближнего и Среднего Востока выглядели бы задачей невыполнимой. Между тем, эта задача становилась в послевоенные годы жизненно важной для азербайджанского народа. Как будет видно из дальнейшего именно в эти годы республика столкнулась с территориальными претензиями своих соседей - Армении и Грузии. И обе стороны, естественно, апеллировали к Москве.

На чьей стороне окажутся симпатии общественности страны в возможном противостоянии, имело существенное значение. Конечно, решающей была бы позиция Сталина, который далеко не всегда исходил в своих решениях из учета настроений в обществе. И, тем не менее, азербайджанскому руководству очень и очень хотелось выглядеть презентабельно в глазах миллионов людей за пределами Азербайджана.

Именно с этим было связано столь ревностное отношение к каждой книге, каждому очерку, каждой радиопередаче, которые издавались и готовились в Москве и Ленинграде. И там об этом знали. И потому, желая не раздражать достаточно авторитетного азербайджанского руководителя, московские литераторы, прежде чем затрагивать ту или иную тему, связанную с Азербайджаном, предпочитали обращаться к М.Д.Багирову. 22 февраля 1952 г. к Багирову обратился московский литератор Огульчанский, который выразил "искреннюю благодарность за проявленную Вами заботу обо мне и создание условий для завершения работы над повестью "Ази Асланов". Уже 1 марта Багиров дает поручение "т.т.Самедову, Джафарову... Считаю необходимым через Союз писателей и Азернешр всемерно помочь т.Огульчанскому в доведении до конца начатой им повести, посвященной памяти Ази Асланова".¹⁶

Конечно, Багиров понимал, насколько важно издание книг, освещающих вклад азербайджанцев в победу в войне с фашизмом. Важно, в том числе, с точки зрения популяризации самих азербайджанцев. Этим можно объяснить особое отношение к информации министра государственной безопасности Емельянова о подвигах Мехти Гусейнзаде, совершенных им в районе Триеста.¹⁷ Багиров проявил интерес к информации Емельянова. Союз писателей получил задание написать книгу о Гусейнзаде, которая была подготовлена Г.Сеидбейли и И.Касумовым уже после устранения Багирова под названием "На дальних берегах". Впоследствии был снят художественный фильм под одноименным названием. Несомненно, что популяризируя азербайджанского героя - участника антифашистской борьбы, Багиров стремился поднять авторитет всего азербайджанского народа в глазах советской общественности.

В 1950-м году в журнале "Новый Мир", издаваемом в Москве, в номере 11-м некто Л. Климович имел неосторожность поместить рецензию на раздел "литература и философия" в статье "Азербайджанская Советская Социалистическая Республика", напечатанную в 7-м томе Большой Советской Энциклопедии (БСЭ). Авторами раздела являлись Гейдар Гусейнов и Мамед Ариф Дадашзаде, которые были совсем недавно подвергнуты разгромной критике в Азербайджане. Между тем, главный редактор БСЭ С.Вавилов считал необходимым выяснить мнение Багирова по поводу рецензии Климовича.¹⁸ В своем ответе Багиров напомнил, что еще весной 1950 г. в "Литературной газете" Климович дал высокую оценку разделу, а теперь в другой статье подверг авторов критике. Багиров спрашивает: "Какому же Л.Климовичу верить? ... Не говорит ли это о двуличии, двойном лице Л.Климовича?". Как говорится - не в бровь, а в глаз. Но испугавшийся Климович, не смущаясь, тут же признал свое поведение ошибочным и в письме Багирову подчеркнул: "Ваше мнение всегда является для меня руководящим".¹⁹

В 1951 г. московские ученые доктор исторических наук А.Ионисиани и доцент А.Джамалинский просили М.Д.Багирова сообщить свое мнение о проспекте подготавливаемой ими книги «Очерки по истории Южного Азербайджана». "Мы были бы Вам очень благодарны получить Ваши советы и указания", - пишут они. Они просят не много и не мало - указаний!

Хотя авторы, обращаясь к азербайджанской тематике, считали необходимым вначале заручиться поддержкой Багирова, далеко не всегда законченный вариант их работы приводил в восторг азербайджанских рецензентов. В мае 1952 г. к Багирову обратился ленинградский писатель Лев Вайсенберг. При этом он пишет: "Года два назад я был направлен в Баку с письмом А.А.Фадеева на Ваше имя с просьбой составить мнение о последнем варианте романа. По Вашему поручению ряд товарищей дали мне

существенные указания, которые легли в основу доработки романа, и в настоящее время, после тщательного выполнения этих указаний, роман вышел в свет".²¹

Подобострастный стиль письма очевиден: писатель говорит о тщательном выполнении не рекомендаций, а указаний. Багиров книгу, видимо, читать не стал, а отправил ее на рецензию литератору Джафару Джафарову. А тот пришел к выводу о "идейно-художественной неполноценности" романа и предложил "выступить в печати с развернутой критической статьей".²² Насколько доводы рецензента обоснованны, сказать трудно. Но то, что рецензента не устраивала недостаточно яркая выразительность участия азербайджанского народа в революционной борьбе, это очевидно. Конечно, рецензент стремился действовать в унисон с позицией Багирова, которую он хорошо знал и усвоил.

Систематическая и правильная популяризация достижений азербайджанской культуры выступает, порой, в форме требования к руководителям соответствующих всесоюзных ведомств. В мае 1947 года целая группа видных представителей азербайджанской интеллигенции, депутатов Верховных Советов СССР и Азербайджанской ССР, Героев Социалистического Труда обратилась в адрес председателя Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР А.Пузину и начальнику управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Александрову. В письме говорилось: "Азербайджанская музыка поднялась на новую, высшую ступень своего развития и занимает одно из первых мест в музыкальной культуре народов СССР. Поэтому нам... досадно, что в московских радиопередачах фактически игнорируются достижения азербайджанской советской музыки. Она представляется в передачах московского радио случайным, совершенно не характерным и устаревшим репертуаром". И далее приводятся примеры столь "безответственного" отношения. Стиль письма весьма характерен. В нем начисто отсутствуют мягкие тона. Это претензия, выраженная в бескомпромиссной форме. За этим проглядывается манера азербайджанского руководителя Багирова, который и был, несомненно, вдохновителем письма, которое готовилось в аппарате ЦК Компартии Азербайджана. Хотя одна копия письма как будто была отправлена М.Д. Багирову - это было ни чем иным, как не совсем удачной попыткой замаскировать имя главного отправителя. И мгновенно последовал ответ председателя радиокomiteта А.Лузина, который сразу же признал все недостатки: "Всесоюзный радиокomiteт, обсудил Ваше письмо... и признает правильной критику его работы в этой области. Всесоюзный радиокomiteт примет все необходимые меры к устранению указанных Вами недостатков. В сентябре текущего года в Баку будет направлена специальная бригада для

записи на пленку народной музыки, лучших произведений азербайджанских композиторов и выдающихся исполнителей республики".²³

Еще более жесткий отпор следовал за публикациями в центральных изданиях, если в них была выражена та или иная позиция, не соответствующая оценке азербайджанского руководства. Характерна в этом отношении перепалка, возникшая между московским профессором - музыковедом В.Виноградовым и группой азербайджанских композиторов. В 1949 г. В.Виноградов подготовил статью об азербайджанской музыке для Большой Советской Энциклопедии (БСЭ). Статья была отправлена на отзыв в Азербайджан, где она была подвергнута основательной критике. В этой связи редакция БСЭ отклонила статью Виноградова.²⁴ Раздосадованный ученый в своей статье в журнале "Советская музыка" (1949, №9) "О некоторых проблемах развития братских музыкальных культур" обвинил азербайджанских композиторов в допущении "больших ошибок", в проявлении в их творчестве "опасных тенденций чрезмерного увлечения старинными формами и жанрами народной музыки", "ограниченного, узкого подхода к своему национальному песенному фольклору".²⁵ Это обвинение, по существу, носило политический характер, поскольку соответствовало широко распространенному тогда обвинению в псевдонародное™, за которым проглядывалось обвинение в национализме. Багиров понимал, что такая постановка вопроса может инспирировать обвинение более высокого уровня - ослабление партийного руководства развитием музыкальной культуры в Азербайджане.

Во избежание этого композиторы К.Караев, Ф.Амиров, С.Рустамов готовят для ЦК ВКП(б) специальный документ, озаглавленный: "Ответ музыковеду Виноградову". В нем подчеркивается: "Лучшим доказательством того, что в Советском Азербайджане правильно относятся к музыкальному фольклору, что современное азербайджанское музыкальное искусство развивается в самой тесной связи с культурным наследием других братских народов и особенно с русской музыкальной культурой, является расцвет нашего музыкального творчества, получившего всесоюзное признание. Наши композиторы, глубоко изучая фольклор своего народа, любя и ценя его, в своих произведениях творчески его переосмысливают, беря из него все подлинно ценное и прогрессивное, в чем неустанно следуют великим традициям гениальных русских композиторов Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Бородина и др".²⁶

Как видно, речь идет о заверении в преданности идее единства советской многонациональной культуры и традициям русской музыкальной культуры. Но, тем не менее, на всем протяжении "ответа..." под защиту берется народная музыка и, прежде всего, мугам, подчеркивается ее самобытный характер. При этом Виноградову напомнили, что некогда он

посмел написать о влиянии "арабо-иранской цивилизации" на азербайджанскую музыкальную культуру, а это ложное положение "льет воду на мельницу панисламистов и других ярких врагов народов всего Советского Востока".²⁷

Как видно, в те годы азербайджанскую культуру приходилось часто защищать, проявляя и изобретательность, и даже некоторую агрессивность. Но и другого выхода не было. Это видно из следующей проблемы, которая возникла в связи с публикацией в газете "Правда" 11 ноября 1949 г. статьи проф. Г.Сердюченко "Насущные задачи языкознания". В своей статье московский ученый обвинил азербайджанских ученых, что они при переходе на кириллицу ввели в алфавит ряд отсутствующих в русском алфавите знаков и, наоборот, не ввели все знаки, присутствующие там. Тут же ЦК Компартии Азербайджана организовал соответствующий ответ, подготовленный Ширалиевым, Мирбабаевым и Эфендиевым, в котором убедительно доказывалась вредность предлагаемой затеи полной унификации русского и азербайджанского вариантов кириллицы, вредность этой затеи для развития азербайджанского языка. Отвечая Сердюченко, авторы ответа довольно смело (если иметь в виду, что статья Сердюченко публиковалась в газете, которая всегда выражала официальную точку зрения) писали: "Автор статьи, не зная особенностей азербайджанского языка и не имея представления о работе на местах, делает необоснованные заявления об азербайджанской письменности".²⁸ Последствия ответа нам не известны. Но, очевидно, что совершенно абсурдная идея реформирования азербайджанского алфавита была отведена. В целом, изучаемый период был своеобразным с точки зрения особенностей применения национальной политики сталинского руководства в Азербайджане. В условиях шовинистического психоза, фронтальной атаки против пресловутого местного "буржуазного национализма" параллельно шел процесс укрепления национального самосознания азербайджанского народа. Азербайджанская ССР становилась все более азербайджанской. И это было связано не только с усилением процесса коренизации состава населения, интеллигенции, но и осознанием все большей частью азербайджанцев своей качественной, национальной определенности, укрепления в их среде чувства именно азербайджанского национального достоинства, гордости за свою принадлежность к азербайджанской нации. Характерно, что этому, во многом, способствовала позиция руководства Азербайджана и, прежде всего, Багирова. Последний, по мере своих сил и возможностей, всячески пытался оградить азербайджанский народ и республику от всех попыток унижить, оскорбить их, всячески стремился содействовать подъему авторитета Азербайджана и азербайджанцев в масштабах страны. Это не всегда ему удавалось. Да и делать это ему приходилось осторожно, в таких формах и в таком идеологическом русле,

чтобы не вызвать раздражения там, в Москве. Отсюда так много того, что сегодня вызывает недоумение, как, например, фронтальные атаки против движения Шамиля и эпоса "Деде Коркут" и многое другое. Но немало делалось и для утверждения национального "я" азербайджанцев. И это приносило результаты.

Тем не менее, как и прежде, руководители Азербайджана и, в своем большинстве, азербайджанский народ были свободными от проявлений национальной агрессивности по отношению к представителям других наций, проживающих в республике. Волна антисемитизма, инспирированная Сталиным в последние годы его жизни, не затронула Азербайджан. Можно связать это с тем, что жена Багирова была еврейкой. Но ведь еврейками были жены многих из тогдашних руководителей Советского Союза: Молотова, Ворошилова, Андреева и других. И, тем не менее, массовые проявления антисемитизма имели место в стране. При этом порой репрессировались и жены названных руководителей. Видимо, Багиров не склонен был слепо следовать негласной установке Сталина на антисемитизм, да и мужества у него было побольше, чем у многих из советских руководителей того времени. Евреи в Азербайджане порой видели в нем своего покровителя. Один из них в своем анонимном письме к нему во время XIX съезда КПСС (1952 г.) имел наивность даже просить поднять вопрос о правах евреев: "Я хочу просить Вас, чтобы обратили внимание на создавшийся антисемитизм. У нас в Азербайджане не так, а вот я был в гостях на Украине здесь, прямо погромы". Правда, опыт Багирова подсказал ему, что письмо могло пройти цензуру, поэтому, видимо, он наложил резолюцию: "Емельянову С.Ф. необходимо послать в МТБ СССР, о чем и прошу Вас".

Правда, не стоит преувеличивать и степень самостоятельности Багирова в подходах к национальной политике. По указанию Москвы в 1949 г. он выполнил установку на выселение из Азербайджана в Среднюю Азию всех лиц греческой национальности. Органы государственной безопасности Азербайджана безжалостно выявляли и приговаривали к установленному законом наказанию в виде 20 лет каторжных работ представителей выселенных в годы войны народов, бежавших из мест поселения и укрывавшихся в республике. Только с 1 декабря 1948 по 28 февраля 1949 годов в Азербайджане было арестовано 16 немцев, 1 крымский татарин, 1 чеченец, 1 балкарец.³⁰ Но если органы старались, то само население, рискуя собой, укрывало беглецов. Некий конюх из Шамхора Мамедов Амирхан около года скрывал у себя немца Вернера Фишера. Благодаря состраданию земляков долгое время могли скрываться от преследований немки Эльза Мецлер, Анна Редхер, Эмма Краусс, крымская татарка Сафура Аметчик-Меметова, чеченки - мать и дочь Яхита Дербищева и Тамара Хахоева и другие. История последних заслуживает особого внимания. Мать и дочь

совершили побег из Казахстана и поселились в Евлахе. Помощник прокурора района Бекир Кулиев познакомился и женился на дочери. Когда в 1948 г. мать была арестована и выслана, Кулиев более двух лет мужественно боролся за права своей жены. Но в 1950 г. Хахоева была отправлена обратно в Казахстан, а Кулиев был уволен из органов.³¹

Да, поистине прав известный политолог Ф. Бурлацкий, когда говорит, что во все времена люди были лучше того времени, в котором они жили.³² Люди сохраняли в себе многое из лучших человеческих качеств. И подъем национальных чувств не мог быть тому помехой. Как и не мог стать стимулом этнофобии, в той или иной форме. И все же межнациональные противоречия существовали. И наиболее выпукло они проявились в те годы в связи с угрозой территориальных потерь.

Источники и литература

1. "Бакинский рабочий", 16 июля 1946 г.
2. ГАППОД Ф.1, оп.221, д. 12, л. 68-69.
3. Там же, оп.251, д.14, л. 80-81.
4. "Бакинский рабочий", 28 июля 1948 г.
5. Гасанлы Дж. Совестко-американо-английское противостояние в Южном Азербайджане. (1941-1946). с. 241, 257, 260 и т.д.
6. "Коммунист" (орган ЦК Компартии Армении), 4 января 1946 г.
7. Радзинский Э. Сталин. М., 1997, с. 55 7.
8. Гасанлы Дж. Совестко-американо-английское противостояние в Южном Азербайджане. (1941-1946). с.240
9. "Бакинский рабочий", 25 сентября 1949 г.
10. Там же, 6 мая 1951 г.
11. "Правда", 7 июля 1951 г.
12. "Бакинский рабочий", 9 октября 1952 г.
13. ГАППОД ф.1, оп.280, д.56, л.30.
14. Там же, л. 59-60.
15. Там же, л. 105.
16. Там же, оп.245, д.94, л. 44-45.
17. Там же, оп.241, д.11в, л.38.
18. Там же, оп.242, д.4, л. 179-180.
19. Там же, л. 186.
20. Там же, л. 130.
21. Там же, оп.245, д.94, л.84.
22. Там же, л.72.
23. Там же, оп.168, д.3, л. 13.
24. Там же, оп.222, д. 106, л. 14.

25. Там же, л.2.
26. Там же, л. 5.
27. Там же, л.27.
28. Там же, д. 107, л. 6.
29. Там же, оп.244, д.57, л.52.
30. Там же, оп.222, д. 108, л. 242-243.
31. Там же, оп.225, д. 15, л.285.
32. Бурлацкий Ф. Вожди и советники. М.,1990, с. 127.

ГЛАВА 10

ПЕРЕД УГРОЗОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПОТЕРЬ И НАЦИОНАЛЬНОГО УНИЖЕНИЯ

Противоречия национальной политики нашли свое выражение в новой фазе армяно-азербайджанского противостояния. Конечно, применительно к сталинскому периоду советской истории трудно себе представить это противостояние в форме тех кровавых конфликтов, которые имели место в 1918-1920-е, или "перестроечные" и постперестроечные годы. Сталинская власть, взявшая на себя функции единственного и самого справедливого арбитра, не могла допустить мысли о предоставлении народам права выяснять между собой отношения. Согласно утвердившемуся тогда штампу, все межнациональные проблемы нашли свое окончательное разрешение, дружба и сотрудничество между нациями и народностями, союзными республиками и автономными образованиями являются одними из основополагающих принципов советской системы. Малейшая попытка гласной реанимации прежних проблем межнациональных отношений была чревата самыми тяжелыми последствиями для ее инициаторов.

С утверждением границ между Азербайджанской ССР и Армянской ССР в начале 20-х годов и образованием Нагорно-Карабахской автономной области в составе Азербайджана в 1923 г. был установлен мораторий в армяно-азербайджанском противостоянии, напряженности в отношениях между Арменией и Азербайджаном. Временный характер моратория стал очевиден к окончанию второй мировой войны. Очевидным это стало, когда выяснилось, что в Армении в среде армянской интеллигенции сохранялась убежденность, прежде всего, в том, что хотя армяне Нагорного Карабаха получили автономию, это не исчерпывает сути проблемы. Решение этой проблемы, по мысли армян, состоит в передаче Нагорного Карабаха Армении. И эта надежда, видимо, не оставляла армян все прошедшие после образования НКАО годы. Удобный, как им казалось, момент наступил в связи с попытками Сталина расширить границы СССР за счет территорий Ирана и Турции.

К осени 1945 г. в высших эшелонах советского руководства сложилось убеждение, что стимуляция национального движения в Южном Азербайджане может, в конечном итоге, привести к воссоединению Северного и Южного Азербайджана и, как следствие, к значительному расширению территории Азербайджанской ССР, конечно же, в составе СССР. В это верил и на это надеялся М.Д.Багиров. О советских планах в отношении Южного Азербайджана догадывались, а может быть, точно знали многие высшие руководители СССР. Об этом свидетельствует следующий

фрагмент воспоминаний Мир Гасана Сеидова - тогдашнего секретаря ЦК Компартии Азербайджана. В один из дней осени 1945 г. М.Д.Багиров столкнулся в приемной Сталина с двумя членами Политбюро ЦК ВКП(б) - армянином Анастасом Микояном и грузином Лаврентием Берия. Оба они заявили, что вопрос о Южном Азербайджане уже решен и скоро территория Азербайджанской ССР существенно увеличится. Будто бы в шутку, а может быть и нет, они высказали надежду, что теперь М.Д.Багиров расщедрится и даст согласие на передачу Нагорного Карабаха Армении, а ряда районов на севере республики (Балахсан, Закатала и др.) Грузии. М.Д.Багиров ответил, что еще не время думать над этим.¹

За сказанными Микояном и Берия будто бы в шутку словами стояли серьезные намерения. Особенно большие планы в отношении территории Азербайджана вынашивались армянским руководством.

Эти планы были органически связаны с теми надеждами, которые им дал Сталин в отношении части турецкой территории. Чтобы добиться согласия США и Великобритании на передачу СССР той части Турции, которую в советской печати стали называть исконными армянскими и грузинскими землями, стал использоваться потенциал многочисленного армянского населения, разбросанного по всему миру. Проведя активную работу среди армянской диаспоры за рубежом, советские спецслужбы Добились принятия многими армянскими землячествами в США, странах Европы и Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока решений о репатриации на историческую родину. На первых порах речь шла о 300-350 тысячах репатриантов. Как говорил тогда руководитель Армении Г.Арутинов, разместить всех желающих в небольшой, не располагающей особыми возможностями Армянской ССР очень сложно, надо восстановить "историческую справедливость" и вернуть армянам их земли в Турции, присоединив их к Армянской ССР. Таким образом, требованиями армян Сталин хотел обосновать свои имперские притязания на турецкую территорию. Армянское руководство, интеллигенция Армении, армянская диаспора за рубежом активно включились в сталинскую игру. Но поскольку речь пошла об "исторической справедливости", то армянское руководство сочло возможным рассчитывать и на присоединение Нагорного Карабаха. Безусловно, только получив разрешение Сталина заикнуться на эту тему, Арутинов мог рискнуть. Именно осенью 1945 г. Арутинов внес на рассмотрение ЦК ВКП(б) предложение о передаче НКАО из состава Азербайджанской в состав Армянской ССР. Он аргументировал свое предложение тем, что в составе Армении Нагорный Карабах будет располагать более благоприятными условиями развития и желанием населения Нагорного Карабаха.

Письмо Арутинова было переслано Багирову с просьбой сообщить свое мнение по затрагиваемой проблеме. Багиров отверг аргументацию Арутинова. Но, видимо, он понимал, с чьей санкции действовал армянский руководитель. Поэтому он заявил о согласии с предложением Арутинова при условии включения в состав Азербайджана трех районов Армянской ССР, населенных азербайджанцами. При этом он возражал и против передачи Армении и Шушинского района.³ После этого к вопросу передачи НКАО Армении советское руководство возвращаться не стало. Но причина этого крылась в том, что Сталин не смог добиться ни присоединения Южного Азербайджана, ни овладеть частью турецкой территории. Тем не менее, он дал согласие на репатриацию армян из различных стран в Армению. Видимо, и надежда когда - либо реализовать свои территориальные претензии к Турции не покидала его, и отказывать тысячам уговоренных им же армянам в прибытии на историческую родину было поздно.

Процесс репатриации армян набирал силу. Вот тогда, очевидно, возникла мысль о компенсации несбывшихся надежд армян на расширение исторической родины за счет унижения азербайджанского меньшинства в Армении. Сталин прекрасно отдавал отчет в том, что ненависть к азербайджанцем сохранилась в армянской среде и что попрание прав азербайджанцев может послужить моральной компенсацией армянам за их несбывшиеся надежды. Он как бы подслащивал горечь от возможного разочарования армян им, Сталиным. Так возникла проблема частичного переселения азербайджанского населения из Армении в Азербайджан. Переселение позволяло облегчить размещение армянских репатриантов из-за рубежа. В то же время переселяемое азербайджанское население можно было использовать как дополнительную рабочую силу, дефицит в которой в Азербайджане остро ощущался, особенно в сельском хозяйстве.

Как бы то ни было, к концу 1947 г. реализация планов переселения азербайджанского населения из Армении в Азербайджан вступила в решающую фазу.

То, что инициатива этой акции исходила от армянского руководства и была поддержана Москвой, не вызывает сомнения. Но какова была позиция азербайджанского руководства, прежде всего, М.Д.Багирова по этому вопросу, до сих пор остается загадкой. Среди архивных документов мною был обнаружен проект письма за подписью М.Д.Багирова и Г.Арутинова в адрес Сталина. Текст этого письма содержит объяснение причин необходимости переселения азербайджанского населения из Армении в Азербайджан. В нем говорилось: "Обменявшись мнениями по некоторым вопросам, возникшим в результате хозяйственных изменений, происшедших в Азербайджанской и Армянской Республиках за последние годы, обращаемся к Вам со следующим предложением:

Выход новых земель из-под орошения при осуществлении Мингечаурской системы и нехватка рабочих рук в существующих колхозах, хлопковых районах, а также задача поднятия урожайности хлопка выдвигает вопрос о необходимости увеличения населения в этих районах Азербайджанской ССР.

Реальным решением этого вопроса могло бы быть переселение в эти районы азербайджанского населения, проживающего в Армении, в количестве 130 тысяч человек.

Переселение азербайджанского населения из Армении в Азербайджан облегчило бы многим условия приема и устройства армян, возвращающихся на родину из зарубежных стран.

Освобождаемые в результате переселения азербайджанского населения земли и жилища могли бы быть использованы для расселения прибывающих в Армению крестьян из числа зарубежных армян".⁴

Содержание проекта этого документа свидетельствует, что его подготовке предшествовала определенная работа по его согласованию. При этом азербайджанская сторона могла участвовать в решении вопроса, лишь зная позицию Москвы. Самое интересное заключается в том, что обнаруженный документ не имеет исходящего номера, конкретного числа подписания, и собственных подписей руководителей двух республик. Была ли подпись М.Д.Багирова? Письмо было и, скорее всего, оно было подписано и отправлено из Армении, но кто его подписал от Азербайджана? Сомнение, что это сделал М.Д.Багиров, вызывает следующий фрагмент из воспоминаний тогдашнего второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.Г.Сеидова: "Неожиданно для меня, в октябре 1947 года получили решение (протокольное) Политбюро ЦК о предоставлении первому секретарю ЦК КП Азербайджана отпуска с лечением в Ессентуках продолжительностью 4,5 месяца с 1 ноября этого года... Багиров объявил это решение и сказал, что согласно указанию ЦК ВКП(б) обязанности первого секретаря ЦК возлагаются на второго секретаря ЦК КП Азербайджана -автора этих строк... В конце февраля Багиров вернулся из отпуска и приступил к работе".⁵

Чем был вызван столь длительный отпуск Багирова, сказать сложно. Это было скорее принудительное отстранение его от дел. Временное, но отстранение. Не было ли это связано с его несогласием на переселение населения из Армении в Азербайджан? Похоже, что это было именно так. Во всяком случае, остается предполагать, что согласованное с Арутиновым письмо в адрес Сталина подписал М.Г.Сеидов, хотя естественно, он об этом в своих воспоминаниях умолчал.

Как бы то ни было, уже 23 декабря 1947 г. за подписью Сталина вышло постановление Совета Министров СССР "О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-

Араксинскую низменность Азербайджанской ССР. Согласно этому документу, переселению подлежало 100 тыс. человек, в том числе 10 тыс. человек - в 1948, 40 тыс. человек - в 1949, 50 тыс. человек в 1950 годах. При этом документ обнаруживал весьма характерное для советской системы лицемерие. В нем указывалось о необходимости переселения на "добровольных началах", но использовалось повелительное наклонение - "переселить". Хотя переселяемым предоставлялись льготы и кредиты, но они, фактически, безвозмездно лишались всего недвижимого имущества, прежде всего, унаследованного от отцов и дедов личного жилья.⁶ Так было положено начало депортации азербайджанцев из Армении.

Эту депортацию трудно отождествить, положим, с депортацией чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и других народов в Казахстан и Среднюю Азию, поскольку в данном случае речь шла о вселении в республику, где они вливались в состав титульного этноса, жить им предстояло не в резервациях, называемых спецпоселениями, а в обычных условиях. И все же это была депортация, поскольку была осуществлена помимо воли и желания большинства переселяемых, поскольку прервала обычный, привычный ритм жизни десятков тысяч людей, вынудив их приспособляться к новым условиям, новому укладу жизни, новым занятиям.

10 марта 1948 г. последовало новое постановление Совета Министров СССР "О мероприятиях по переселению колхозников и Другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР". В этом постановлении условия переселения существенно облегчались, Предусматривалась компенсация за оставляемое в Армении жилье, другой недвижимости. Лишь после этого постановления переселение населения стало обретать организованный характер. При Совете Министров Азербайджанской ССР было создано Переселенческое управление.

В Армянской ССР было открыто представительство Совета Министров Азербайджанской ССР, специально занимающееся вопросами переселения. 19 марта 1948 г. постановлением ЦК Компартии Азербайджана председатель Совета Министров Азербайджанской ССР Т.Кулиев и второй секретарь ЦК М.Г.Сеидов направляются в Ереван "для согласования с руководящими товарищами Армянской ССР сроков и порядка переселения". Мурсал Мамедов назначается уполномоченным правительства в Армянской ССР.⁸ После этого план депортации вступил в стадию реализации. Уже 12 апреля 1948 г. уполномоченный в Армении М.Мамедов бравурно сообщал в Баку: "Соответствующая агитационно-разъяснительная работа... проведена и народ с усиленным темпом готовится к отправке".⁹ Тогда же был составлен план переселения, согласно которому уже в 1948 г. предстояло переселить

азербайджанцев из 53 сел 9 районов Армении: Арташатского, Басаркечарского, Эчмиадзинского, Ноемберянского, Октямберянского, района им. Берия, Ведийского, Зангибасарского, Котайкского. Заодно переселялась часть жителей Еревана. План был составлен так, что уже в 1948 г. не должно было остаться ни одного азербайджанца в Эчмиадзинском, Октямберянском районах, районе им. Берия. Более чем наполовину уменьшалось азербайджанское население в Ноемберянском районе, на $\frac{1}{4}$ в Зангибасарском районе, 295 семей предстояло переселиться из Еревана в села и поселки Апшерона.¹⁰ И, тем не менее, реализовать намеченное планом в установленные сроки не удалось. К концу 1951 г. было переселено 37387 человек вместо 100 тыс." Все это было связано с тем, что подготовительные работы, связанные с переселением, велись из рук вон плохо.

Темпы строительства домов для переселенцев на новых для них местах были крайне недостаточными. Строительные материалы в места дислокации переселенцев поступали с большим опозданием. На 1 января 1951 г. половина переселенных семей не были обеспечены жильем. Часто жители горных районов поселялись в равнинных районах Мильской степи. Затянувшаяся адаптация сопровождалась массовыми заболеваниями малярией.¹²

Заместитель начальника Главного переселенческого управления при Совете Министров СССР Дмитриев констатировал, что "хозяйственная неустроенность переселенцев вызывает выезды переселенцев из мест вселения". За 1948-1950 г. выбыло 1138 семей или 14,5% к числу переселившихся семей. За первое полугодие 1951 г. уехали обратно в Армению еще 215 семей. Правда, правительство республики приняло специальное постановление, предусматривающее "осуществление практических мероприятий по возвращению самовольно выбывших из районов планового вселения переселенцев и о закреплении их в районах и колхозах Кура-Араксинской низменности". За четыре месяца 1952 г. из Армении было переселено еще 204 семьи.¹⁴ По плану, установленному постановлением правительства Азербайджанской ССР от 17 января 1952 г., предусматривалось переселение из Армянской ССР еще 150 семей.¹⁵

Как бы то ни было, факты свидетельствуют, что и к концу рассматриваемого периода осуществить переселение запланированного количества азербайджанских семей из Армении не удалось. Официальные документы, объясняя это, чаще всего ссылались на нерадивость местных руководителей, отдельных министерств и организаций. Но характерно, что обязывая ответственных за переселения руководителей и организаций обеспечить своевременное выполнение планов подготовки приема переселенцев, ЦК Компартии Азербайджана, Совет Министров республики особо и не подстегивал их. Более того, ссылаясь на объективные трудности,

правительство республики возбудило перед Советом Министров СССР ходатайство об уменьшении в 1952 г. второе плана переселения населения в Кура-Араксинскую низменность.¹⁶ Есть основание для вывода, что руководители Азербайджана без особого вдохновения восприняли программу переселения азербайджанцев из Армении в Азербайджан. И в силу этого стремились ограничить поток депортируемых. И в какой-то мере им это удалось. Основная часть азербайджанского населения тогда сохранилась в Армении. Хотя, конечно, моральная травма, нанесенная азербайджанскому населению Армении угрозой переселения, сказывалась все последующие годы. Даже когда переселенческая кампания утратила свой накал, постепенный, медленный исход азербайджанцев, почувствовавших во всей полноте второсортность своего положения в Армении, стал неизбежным. Главным последствием переселенческой шумихи вокруг азербайджанского населения Армянской ССР стала в 50,60,70 и 80 гг. его ускоренная миграция в Азербайджан, ставшая постоянной тенденцией.

В целом, в послевоенные годы М.Д.Багиров, руководящие органы Азербайджанской ССР оказались перед лицом реальной армянской экспансии. Избежать территориальных потерь удалось. Но предотвратить моральное унижение, связанное с депортацией азербайджанского населения, не удалось. Это не могло не ударить по самолюбию М.Д.Багирова, который не без основания рассматривал себя в качестве лидера всех азербайджанцев, в том числе и азербайджанцев Армении. Кстати, последние М.Д.Багирова рассматривали как руководителя, на чью реальную поддержку они вправе всегда рассчитывать. И М.Д.Багиров часто откликался на их апелляции. Так, например, в марте 1947 г. один из жителей села Агзибир Нор-Баязетского района Армении обратился к М.Д.Багирову в связи с арестом его земляка, школьного учителя Велиева Гаида. Последний женился на армянской девушке, а его обвинили в том, что он насильно добился согласия девушки на брак. Характерно обращение: "Уважаемый наш отец и руководитель Мир Джафар", и вывод: "можно сделать вывод, что нет смысла жить азербайджанцам в Армянской республике". У М.Д.Багирова просили помощи и он, обсудив письмо на бюро ЦК Компартии Азербайджана, обратился к первому секретарю ЦК Компартии Армении Арутинову. В результате очень скоро следствие ввиду "отсутствия фактов обвинения" было прекращено.¹⁷

В том же году к М.Д.Багирову обратилась группа колхозников села Мангус Котайкского района с просьбой содействовать восстановлению в их селе самостоятельного колхоза. И опять М.Д.Багиров обратился к Арутинову и ЦК Компартии Армении в июне 1947 г. удовлетворил просьбу жителей этого азербайджанского села.¹⁸

В целом, как свидетельствуют документы, М.Д.Багиров был фигурой, с которой руководитель Армении не мог не считаться. Добившись частичной

депортации азербайджанцев из Армении, Арутинов не мог не понимать, что серьезно досадил азербайджанскому коллеге. Поэтому, видимо, он старался особо не раздражать его по второстепенным вопросам, более того, стремился высказать особое расположение. В 1951 г. ЦК Компартии Азербайджана выразил ЦК Компартии Армении протест по поводу принятия Ереванским государственным университетом к защите диссертации некоего Мартиросова, которую отклонил Азербайджанский государственный университет. Диссертация на тему "Английская оккупация Баку в 1918-1919 гг." была забракована, как "содержащая крупные политические и научные ошибки". ЦК Компартии Армении, по существу, поддержал протест азербайджанской стороны, поставив об этом в известность Высшую Аттестационную Комиссию при Министерстве высшего образования СССР.¹⁹

В 1950 г. в Кафанском избирательном округе Армении М.Д.Багиров был выдвинут кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Конечно, Багиров не собирался выдвигаться в Союзный парламент от соседней республики.²⁰ Арутинов это понимал, но все же этим жестом пытался показать свое доброжелательное отношение. И это был далеко не единственный факт.

В 1951 г. в Баку проходило республиканское совещание передовиков хлопководства. В качестве гостей присутствовала делегация колхозников Армянской ССР. Одна из армянских гостей хлопкороб Виктория Алоян написала три стихотворения, которые редактор газеты "Коммунист" (на армянском языке), член бюро ЦК Компартии Азербайджана Амирханян переслал М.Д.Багирову, охарактеризовав эти стихи как выражение "братской дружбы армянского и азербайджанского народов" В одном из стихотворений были такие строки:

Товарищ Мир Джафар Багиров,
Спасибо Вам за все, за все.
Слова отцовские с любовью
Я в сердце приняла свое.

В другом были и такие слова в адрес Азербайджана.

Мое сердечное спасибо
Руководителям твоим
И всей земле твоей счастливой,
С ее народом трудовым²¹

Учитывая нравы тех лет, трудно представить, что эти строки были составлены без ведома руководителей Армении.

Видимо, такова же природа обращения армянского писателя А. Дарбни к М.Д.Багирову в апреле 1952 г., в котором он сообщает об издании в Ереване книги "Антология азербайджанской поэзии". При этом он пишет, что составил и редактировал ее лично, а "инициатива антологии принадлежит ЦК КП(б) Армении, лично тов. Арутюняну".²² М.Д.Багиров откликнулся на письмо А.Дарбни: "Благородна Ваша работа по реализации задания ЦК КП(б) Армении, лично тов. Арутюняна, направленная на укрепление творческой связи между азербайджанской и армянской литературой... Развивать в советских людях чувства братства и дружбы, идей пролетарского интернационализма - важнейшая задача писателей братской Армении и Азербайджана".²³

Обмен любезностями и комплиментами, конечно, не мог ввести М.Д.Багирова в заблуждение. Он не мог не понимать, что попытка отторжения Нагорного Карабаха, депортация азербайджанского населения из Армении - все это проявления армянского экспансионизма в отношении Азербайджана. М.Д.Багиров отчетливо осознавал, что для достижения поставленной цели армянская сторона использует средства идеологического характера, унижающие достоинство азербайджанского народа в глазах как собственно армянского народа, так и российской общественности. Выставить азербайджанский народ как народ без прошлого, лишенного духовной традиции, стоящим на значительно более низком уровне интеллектуального развития по сравнению с армянами - за всем этим скрывалась апелляция с призывом не считаться с Азербайджаном, его народом во имя удовлетворения требований Армении. Идеологическая агрессия армян в послевоенные годы приобрела характер массового наступления и руководителям Азербайджана, прежде всего М.Д.Багирову, пришлось мобилизовать всю свою стойкость, проявить бдительность и смелость, чтобы не спастись перед лицом реальной опасности. Смелость была нужна потому, что армянские выпады против азербайджанцев и Азербайджана Москва будто бы не замечала. Можно предположить, что если бы азербайджанское руководство заняло бы пассивную позицию, то руководство СССР далеко зашло бы в удовлетворении армянских appetites за счет Азербайджана. Видимо, понимал это и М.Д.Багиров, который старался не оставить без ответа ни один из выпадов армян.

В 1946 г. в Армении была издана книга известной советской писательницы и публициста Мариэтты Шагинян "Советское Закавказье", содержащая в основном ее путевые очерки, написанные еще в 20-е годы.

* Первый секретарь ЦК Компартии Армении Григорий Арутинов армянской печати и литературе именовался в армянской версии.

Книга Шагинян вызвала такое раздражение у М.Д.Багирова, что он обратился с письмом к секретарю ЦК ВКП(б) Андрею Жданову с жестким требованием "изъять эту книгу". В свойственном для тех лет стиле Багиров обвинял Шагинян в политических ошибках: восхвалении дореволюционного прошлого, преклонении перед Европой и Америкой. Но это был фон, за которым чувствовалось оскорбленное национальное самолюбие автора письма. Багиров был возмущен, что Шагинян объявила Нагорный Карабах "страной армянской", "дворянским кусочком Армении", потому что, напоминая об армяно-азербайджанской резне начала века, противопоставляет друг другу два народа, что она азербайджанцам приписывает "отрицательную роль в развитии экономики Нагорного Карабаха", "клеветает на азербайджанский народ, приписывая ему черты отсталости и грубости, искажает факты из истории его культуры". М.Д.Багиров уловил связь между книгой Шагинян и претензиями армян на Нагорный Карабах. "Непонятно только, почему... понадобилось в 1946 году переиздать эти очерки, написанные в основном 20-25 лет тому назад", - вопрошает он в письме Жданову.²⁴ Видимо, решительность тона М.Д.Багирова возымела действие. От М. Шагинян потребовали объяснений. И тогда она написала письмо на имя тогдашнего заместителя председателя Совета Министров Азербайджанской ССР Мирзы Ибрагимова, где всячески заверяла в своих дружеских чувствах к азербайджанскому народу. Книгу же действительно изъяли.²⁵ Если бы много лет спустя такую же реакцию проявило азербайджанское руководство на книгу З.Балаяна "Очаг", возможно, удалось бы предотвратить эскалацию армянской экспансии после 1988 г. Как бы то ни было, тогда, в послевоенные годы, М.Д.Багиров в начавшемся новом витке армяно-азербайджанского противостояния проявил себя бойцом. Это подтвердили и последующие события.

В 1947 г. в Москве выходит книга Холопова "Огни в бухте", посвященная бакинскому периоду деятельности одного из популярных руководителей Коммунистической партии, к тому времени уже покойного С.Кирова. Спустя год М.Д.Багиров обращается с письмом к секретарю ЦК ВКП(б) Георгию Маленкову. Он писал, что "чувства ответственности у писателя Холопова нет..., Холопов преднамеренно исказил историческую действительность и в результате этого написал идеологически вредную книгу". Багиров обвинил писателя в целом ряде политических ошибок. Но содержание письма свидетельствует: возмущение вызвало то, что Холопов, написав о Баку, столице Азербайджана, "преднамеренно исключает из романа азербайджанский народ, провокационно изобразил его персонажи. Среди фигурирующих в романе азербайджанцев нет ни одного положительного образа..." Более того, автор романа сделал центральной фигурой своего произведения армянина Тиграна, а азербайджанцев обвинил

в кровожадности по отношению к армянам. Раздосадованный Багиров пишет, что "Холопов выступает как агент злейших и непримиримых врагов... - дашнаков... Автор и его герой выразители чуждой дашнакской идеологии". Багиров позицию автора объяснил так: Холопов, он же Холопян, родственник Лалаевых, одних из организаторов армяно-азербайджанской резни. Багиров объяснил, почему он вынужден вмешаться. Дело в том, что критик Михаил Рафили написал критическую рецензию на книгу Холопова, но центральные издания не стали ее печатать. Более того, в московских и ленинградских журналах и газетах появились одобрительные отзывы о романе. Багиров подытоживает: "Считая такое отношение... неправильным и будучи убежденным в порочности самой книги, ее идеологически вредной и провокационной направленности, ЦК КП(б) Азербайджана считает необходимым довести об этом до сведения ЦК ВКП(б) и просит рассмотреть выдвинутые нами соображения по книге Г.Холопова (Холопяна) "Огни в бухте".²⁶

Чем закончилась борьба М.Д.Багирова с книгой Холопова, сказать трудно. Но, без сомнения, позиция руководства Азербайджана была выражена предельно конкретно.

Архивные документы свидетельствуют, что где-то в конце 40-х годов М.Д.Багиров обратился с письмом в адрес Сталина, в котором, по-видимому, пытался обосновать связь между антиазербайджанскими выпадами армянской интеллигенции в СССР и деятельностью армянской политической эмиграции за рубежом. Само письмо обнаружить не удалось. Но список, приложенный к письму, говорит об этом. Помимо копии упомянутых писем в адрес Жданова и Маленкова по поводу произведений Шагинян и Холопова здесь содержались и другие документы: директива четырнадцатого конгресса партии дашнаков (июнь 1947 г.), копия статьи в армянской газете "Алик" - "Значение Нахичевани для Армении" (январь 1948 г. Тегеран).²⁷

Какова была реакция Сталина и была ли она - мы не знаем. Но провокации идеологического свойства не давали покоя Багирову до последних дней его правления в Азербайджане. К его чести надо признать, что он живо реагировал на них, пытаясь пресечь их возможные отрицательные последствия. Характерно, что и высокопоставленные азербайджанские чиновники армянской национальности, зная позицию и характер М.Д.Багирова, всячески старались порой угодить ему. Упомянутый Амирханян в письме Багирову от 9 февраля 1949 г. докладывал, что "нами обнаружены грубейшие ошибки по вопросу национальной принадлежности азербайджанского поэта Хагани Ширвани". Речь шла об учебниках истории армянской литературы, где Хагани был отнесен к числу иранских поэтов. Как писал Амирханян, беда состоит и в том, что учебником пользуются и в армянских школах Азербайджана. В ответ было принято специальное

решение ЦК КП(б) Азербайджана от 1 марта 1949 г. "Об ошибочных положениях в учебнике истории армянской литературы для X класса и в программе армянской литературы для средних школ по вопросу национальной принадлежности азербайджанского поэта Хагани Ширвани".²⁸

Позиция Багирова по вопросу армянской идеологической экспансии не была секретом ни для кого. Поэтому ученые, часто без страха, обращались в этой связи к нему. 25 декабря 1952 г. известный ученый-историк З.Ямпольский обратился к нему в связи с изданием в Ереване "Истории армянского народа". В этой книге, как сообщал ученый, в "числе городов и областей Армении названы: Нахичевань, Нагорный Карабах и другие части Азербайджанской ССР". Далее Ямпольский, обладавший высоким интеллектом и большими знаниями, опроверг утверждения армян. Он писал: "Следовательно, о Нахичевани, Арцахе, Ути и Каспиане... сказана неправда... По бот с ней, с исторической правдой. Важнее ее другой, политический вопрос: кому сейчас, в 1951 г. нужно внушать, что Азербайджан находится на территории Армении?.. Необходимо, чтобы было дано указание, исключющее проникновение в советские книги элементов фальсификации, причем фальсификации политически вредной..."

Последовала резолюция Багирова на письме Ямпольского: "т.т.Мамедову, Гасанову, Зевину. Прошу ознакомиться, а потом поговорим".²⁹ Удалось ли им поговорить и принять решение - неизвестно. Наступал новый, 1953 г. Вскоре умер Сталин и другие проблемы заслонили собой многое, казавшееся столь важным еще вчера. Па время.

Армянская экспансия в послевоенные годы была не случайной. Она стала возможной в контексте новой, сложившейся в связи с итогами второй мировой войны, обстановки в контексте внешнеполитического курса сталинского руководства. В этом же аспекте следует рассматривать проявившиеся в те годы попытки грузинской экспансии. Правда, они носили эпизодический характер и не имели, в отличие от армянской, долгосрочных последствий и системного характера. Тем не менее, стимулируя претензии Грузии на часть турецкой территории, советское руководство, желая того или нет, реанимировало среди части грузинской интеллигенции надежды на возможность приобретения части территории Азербайджана, а точнее, ряда северных ее районов - Балакенского, Закатальского и Кахского. Эти претензии увязывались с фактом проживания в этих районах грузин и ингилойцев. Последних они считали этническикими грузинами, некогда принявшими ислам, а потому обазербайджанившимися.

В 1947 г. в адрес ЦК Компартии Азербайджана и Совета Министров Азербайджанской ССР поступали тревожные сообщения о ведущейся среди грузинского и ингилойского населения Азербайджана пропаганде принадлежности территорий их проживания Грузии и отторжения их в

пользу последней. Согласно распоряжению председателя Совета Министров Азербайджанской ССР Т.Кулиева, в Кахский, Закальский и Балакенский районы была командирована комиссия в составе уполномоченного Совета по делам православной церкви при правительстве Лашманова, заместителя министра просвещения Алескерова, исполняющего обязанности уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров Багирова. Можно предположить, что минимум двое из трех членов являлись негласными сотрудниками Министерства государственной безопасности Азербайджанской ССР. Речь прежде всего, идет об уполномоченных религиозных советов. В те годы туда назначались кадровые сотрудники государственной безопасности. То, что именно работники этих советов направлялись в командировку, было связано с поводом для нее.

А поводом послужило сообщение о длительном пребывании в Азербайджане представителя Патриарха Грузии и уполномоченного Совета по делам православной церкви при Совете Министров Грузинской ССР протоиерея Алексея Натадзе. В Азербайджане понимали, что представитель уполномоченного Совета по религии при правительстве Грузии не может не выполнять специального поручения органов государственной безопасности Грузии. И уже скоро опытные члены комиссии установили, что Натадзе выполнял возложенное на него задание. В составленной итоговой справке говорилось, что он "разжигал антагонизм между грузинским и азербайджанским населением, говоря первым, что они затерялись среди азербайджанцев, нужно отделяться от них что они, грузины, потеряли лицо истинного грузина, забыли грузинские обычаи и бога, приводил какие-то "исторические данные" о том, что якобы территория бывшего Закальского округа согласно этим данным должна быть в составе Грузии, а не Азербайджана". Комиссия, согласно наделенным полномочиям, добилась немедленного удаления Натадзе за пределы Азербайджана.³⁰ Но этим комиссия не завершила свою работу. Ознакомившись с работой школ, она констатировала то особое внимание к грузинскому населению Кахского и других районов со стороны приезжавших в эти районы учителей... Причем, почти все они считают своим долгом вести и ведут подрывную работу, заключающуюся в том, что распространяют среди грузинского населения мнение о том, что территория Кахского, Закальского и Балакенского районов является частью грузинской территории, и что в состав Азербайджана эти районы попали случайно, по ошибке. Среди распространителей такого толкования бывают и ответственные советские и партийные работники".³¹

Справка комиссии стала предметом пристального внимания М.Д.Багирова. По его заданию министр государственной безопасности Емельянов провел в Кахском районе оперативное обследование. Уже 11

ноября 1947 г. Емельянов сообщил: "По имеющимся в МГБ Азербайджанской ССР материалам устанавливается, что некоторая часть педагогов-грузин, из числа прибывших в 1944 году в Кахский район по направлению Наркомпроса Грузинской ССР для работы в грузинских школах района, систематически ведет антисоветскую националистическую агитацию за отделение Кахского района от Азербайджана и присоединение его к Грузии, допуская при этом злобные клеветнические выпады по отношению к азербайджанскому народу".³²

И далее Емельянов приводит конкретные фрагменты высказываний этих учителей, типа: "Кахский район принадлежит Грузии, рано или поздно он опять перейдет к нам. Что-то последнее время молчит наша Грузия. В прошлом году говорили, что скоро Кахи будут присоединены к Грузии, а сейчас молчат", "я хочу, чтобы Кахский район присоединился к Грузии и тогда мы от азербайджанцев избавимся", "Грузия знает, что мы здесь живем среди мусульман, от которых нам нет жизни...", "Грузия нам помогает для того, чтобы мы вели агитацию среди ингилойцев в пользу Грузии и присоединения их к Грузинской республике", "эти три района... когда-то принадлежали Грузинской ССР и их присоединение к Грузии будет очень полезно" и т.д.³³

Представленный Емельяновым доклад еще раз убедительно засвидетельствовал, что кампания за отделение ряда районов Азербайджана в пользу Грузии велась не случайно, что ее направляли из Грузии, за спиной которой, возможно, стояла Москва. М.Д.Багиров не мог не учитывать национальную принадлежность Сталина и Берия. И все же он принял решение выразить грузинскому руководству протест. Сделан он был в весьма деликатной форме. В специальном решении ЦК Компартии Азербайджана, направленном в адрес первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Г.Чарквиани, ни слова не было сказано об антиазербайджанской пропагандистской кампании эмиссаров Тбилиси. Говорилось лишь о том, чтобы "в дальнейшем не направляли в указанные районы на работы в школы людей, осужденных в прошлом за антисоветскую деятельность и в настоящее время продолжающих вести антисоветскую работу. Также просить не направлять в эти районы и других лиц для ведения той или иной работы без согласования с соответствующими организациями Азербайджанской ССР"³⁴ Форма была деликатной. Но грузинскому руководителю дали понять, что в Баку цели Грузии ясны и в дальнейшем антиазербайджанская пропаганда будет пресекаться.

Кстати, копии справок обеих комиссий были также направлены Чарквиани. После этого многие годы к этой неожиданно возникшей проблеме больше не возвращались.

Таким образом, сразу после войны Азербайджан столкнулся с серьезной угрозой утраты части территории, азербайджанский народ оказался перед лицом идеологической экспансии со стороны армян. Депортация части азербайджанского населения из Армении больно ударила по национальному самолюбию азербайджанского народа.

Все это было возможно в условиях молчаливого одобрения Союзного руководства. Понадобилась огромное мужество азербайджанского руководства и, прежде всего, М.Д.Багирова, чтобы не потерять территорию, предотвратить возможные тяжелейшие последствия того националистического, поощряемого Москвой антиазербайджанского психоза, который нарастал в Армении и Грузии. В значительной степени проявив волю, выдержку и смелость, это удалось сделать.

Источники и литература

- 1. Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с. 21-22.*
- 2. "Коммунист" (орган ЦК Компартии Армении), 4 января 1946 г.*
- 3. Алиев И. Нагорный Карабах. История, факты, события, Баку 1989, с.89.*
- 4. ГАППОД, ф.1, оп.222, д.48, л.1*
- 5. Сеидов М.Г. Указ. рукопись, с.27.*
- 6. ГАППОД ф.1, оп.222, д.48, л. 14*
- 7. Там же, л.21*
- 8. Там же, л. 12.*
- 9. Там же, л. 13.*
- 10. Там же, л. 8-12.*
- 11. Там же, оп.245, д.2, л. 10.*
- 12. Там же, оп. 241, д.3, л.241.*
- 13. Там же, л.239*
- 14. Там же, л.242.*
- 15. Там же, оп.244, д.24, л. 254-255.*
- 16. Там же, оп.241, д.3, л.242.*
- 17. Там же, оп.168, д.4, л. 26-30.*
- 18. Там же, оп.226, д.54, л. 10.*
- 19. Там же, оп.241, д.4, л. 7-8.*
- 20. Там же, оп.226, д.54, л. 10.*
- 21. Там же, л. 16-17.*
- 22. Там же, оп.244, д.64, л.1.*
- 23. Там же, л.2.*
- 24. Там же, оп.168, л. 35-39.*
- 25. Там же, л.33.*
- 26. Там же, оп.222, д. 108, л.5.*

27. Там же.
28. Там же, оп. 223, д. 108, л. 107-108.
29. Там же, оп.245, д.94, л. 34-39.
30. Там же, оп.226, д.54, л.39.
31. Там же, л.41.
32. Там же, л.2 7.
33. Там же, л. 34-36.
34. Там же, оп.220, д.50, л.23.

ГЛАВА 11

НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Еще в начале 1953 г. ничто не предвещало краха сталинской тоталитарной системы в Советском Союзе. Страна будто бы свыклась с мыслью о вечности сталинского правления. У стороннего наблюдателя могло сложиться представление, что граждане огромной державы, вне зависимости от их национальной принадлежности, социального положения и возраста, не мыслят своего существования, своего будущего и будущего страны без Сталина. Имя Сталина превратилось в символ созданной им Системы, стало гарантом могущества и несокрушимости государства. Сталин в глазах миллионов никак не ассоциировался с представлением о бренности человеческой судьбы, неизбежным финалом которой является смерть. Подсознательно физическое существование Сталина не воспринималось как жизнь обычного человека. Десятилетия страха и тотальной идеологической обработки населения сделали свое дело. Люди думали так, как предписывала им думать власть, гнали от себя саму мысль о том, что можно думать иначе. Сталин был, видимо, убежден, что формируя в сознании миллионов образ Богосталина (выражение Э.Радзинского),¹ он на вечные времена утвердил представление о созданной им Системе как единственного средства достижения всеобщего народного благоденствия. Но Сталину, как и всем смертным, было свойственно выдавать желаемое за действительное. В данном случае он не учел, что, убедив абсолютное большинство людей в своей мессианской роли, он не мог отворотить неизбежный приход смерти. Истинный же бог может быть лишь бессмертным.

Людям нашего времени трудно понять истоки того массового психоза, связанного со смертью Сталина, апофеозом которого стала давка во время его похорон, в ходе которой погибло много людей. Люди, которым внушили, что ими повелевает Бог в лице Сталина, не могли не воспринять его смерть иначе, как конец света. В наши дни смерть Сталина не могла бы вызвать проявлений панического страха, которые имели место тогда. В силу развитости средств массовой информации, их доступности массовой аудитории людям проще было бы адаптироваться к естественному процессу физического ослабления и одряхления, а впоследствии смерти, возведенного в ранг, если и не Бога, то, во всяком случае, незаменимого лидера. Но в то время в силу ограниченных возможностей самих средств массовой информации, их конкретной запрограммированности, направленной на сокрытие от народа процесса физического старения Сталина, редкое появление Сталина перед массовой аудиторией, не давали основания даже для высказывания шепотом суждений о возможной смерти вождя. Страна к

смерти Сталина была неподготовлена. Как и не было подготовлено к этому ближайшее его окружение, руководители на местах.

Сталин скончался 5 марта 1953 г., но известно, что пораженный параличом, лишенный сознания и дара речи, он стал недееспособным уже 2 марта. В течение нескольких дней высшее руководство страны скрывало от народа и мира, что Сталин находится в состоянии агонии. Лишь 4 марта было распространено правительственное сообщение о болезни Сталина. Неожиданная, хотя и официальная информация вызвала в те дни недоумение и даже панический страх как в "верхах", так и в "низах". Характерен пример, связанный со случаем, происшедшим в Азербайджанском государственном университете. Преподаватель военной кафедры этого вуза подполковник Гусейнкули Алиев, прослушав по радио правительственную информацию, утром 4 марта зашел в одну из аудиторий и громогласно заявил о смерти Сталина. Как стало известно позже, Алиев неверно понял сообщение, восприняв весть о болезни за сообщение о смерти. Уже на следующий день, основываясь на сообщениях преподавателей и студентов Университета, министр государственной безопасности С.Емельянов сообщал в ЦК Компартии Азербайджана, что "провокационное сообщение Алиева ошеломило студентов и педагогов, в результате чего некоторые из них стали проявлять панические настроения". При этом Емельянов с сожалением заявлял, что на Алиева другими "компрометирующими материалами не располагаем..." Правда, выяснилось, что тот "морально неустойчивый элемент. Трижды был женат., имели место факты, когда он отказывался от подписки на госзаймы". На докладной Емельянова секретарь ЦК В.Самедов наложил резолюцию: "Поручено секретарю Ворошиловского райкома т.Алиеву на закрытом бюро привлечь Алиева Г. к строгой партийной ответственности, а ректору т.Гаджиеву Д. - поставить вопрос... об отстранении Алиева от работы в АТУ и других вузах".² И докладная Емельянова, и резолюция Самедова относятся к 5 марта - дню смерти Сталина. Но сообщение о самой смерти, видимо, последовало позже. И подполковнику повезло. Вряд ли его наказали. А если и наказали, то, скорее всего, наказание было вскоре отменено. Но скорость, с какой последовало разбирательство дела Г.Алиева, говорит о том, что сама мысль о возможной смерти Сталина вводила в трепет всех, кто об этом услышал.

И все же Сталин умер. И с этим свершившимся фактом не считаться было нельзя. Инерция сталинских времен требовала выражения верноподданнических чувств. Прежде всего, нужно было продемонстрировать глубокую скорбь по поводу смерти вождя. Нельзя утверждать, что выраженные тысячами жителей Азербайджана в эти дни мысли были неискренними. Нет, люди в большинстве случаев верили в непогрешимость и святость Сталина. И говорили они то, что думали. Но

демонстрация всенародного горя, на примерах отшлифованных в редакциях газет и партийных органах высказываний людей, обслуживала интересы Системы - сталинской Системы, ослабленной, но еще живой и пережившей своего творца.

Из-под пера видного ученого - медика, вице-президента АН республики Мустафы Топчибашева вышли слова: "Остановилось сердце, чье биение было слышно во всех уголках земли, перестал работать мозг, лучезарное сияние которого освещало народам путь к счастью. Не стало величайшего гения всех времен и народов... Горе невозвратимой утраты стучится сегодня в каждый дом, в каждый заводской цех, стучится в кабинет ученого, в лабораторию исследователя... Все величайшие завоевания азербайджанского народа неразрывно связаны с именем Иосифа Виссарионовича Сталина". Герой Социалистического Труда известный рабочий - нефтяник Гюльбала Алиев был не менее категоричен: "Ему, родному и любимому отцу, обязан азербайджанский народ своим возрождением и национальным существованием, расцветом экономики и культуры".³ Самед Вургун выразил скорбь величественными строками:

Что за скорбь нам сердца обжигает огнем,
Не вмещается в разум,
безмерно тяжка? Это скорбь расставанья с отцом и вождем.
Мир разлуки для нас тяжелей, чем века,
Тяжелей, чем громады нависших скал:
Мир - великого сына сейчас потерял...
Величайшее сердце умолкло навек.
Слава жизни, всей жизнью отринув покой,
Создал он, самый светлый земли человек
Новый мир в этом мире - своею рукой,
Мир, что смерть ненавидя, карает убийц,
Мир, свободный от крови, цепей и темниц.⁴

Слова горечи утраты звучать должны были по всей республике. И они звучали: в Кировабаде, Мингячевире, Алибайрамлы, во всех городах и селах. Герой Социалистического Труда, председатель колхоза им. Берия Сафаралиевского района А.Багиров выразил это словами: "Не верится, что среди нас нет Сталина. Разве можно выразить или измерить это горе, тяжесть утраты. Скрылось наше ясное солнце: умер великий вождь, чей гений освещал путь вперед".⁵ И таких волеизъявлений чувств было огромное количество.

Скорбь скорбью. Но Система жила и она требовала эмоции оптимистического свойства. И в них недостатка не ощущается. Знатные нефтяники, лауреаты Сталинской премии Курбан Аббасов и Михаил Каверочкин заверяют: "Сейчас, когда тяжелое горе постигло нашу Родину, нефтяники удваивают свои усилия в борьбе за покорение Каспия... На победы в мирном строительстве нас вдохновляет гений великого Сталина, чье имя будет всегда неугасимым огнем гореть в сердце каждого честного человека на земле". Рабочий трубопрокатного завода Таги Кулиев писал: "Наш долг - еще теснее сплотить свои ряды вокруг ЦК Компартии и

Советского правительства, усилить революционную бдительность. Мобилизуем все силы на выполнение государственного плана, будем давать трубы высокого качества". Тракторист Мехрат Алиев на митинге в Ленкорани говорил: "Мы лишились мудрого вождя и учителя, товарища Сталина. Но дело его не умрет никогда. Мы будем идти по пути, указанному великим гением человечества и строить коммунизм, как учил нас Сталин. Своим трудом мы будем крепить мощь нашей Родины". На митинге в Степанакерте мотальщица Асадова от имени коллектива шелкомотальной фабрики поклялась, что "коллектив фабрики с честью выполнит свой долг перед Родиной, даст стране больше высококачественной продукции".⁶

Накануне похорон Сталина, 8 марта 1953 г., в Баку организуется массовое паломничество в музей Сталина. Около 70 тысяч людей прошли по залам музея в тот день, и каждый должен был оставить запись в книге отзывов. Группа учащихся 189 школы писала: "Бессмертные не умирают! Сталин с нами! Сталин жив! Мы, комсомольцы и учащиеся Вам - отдать все наши силы служению Родине, партии, делу Ленина - Сталина". Моряки Каспийской флотилии оставили запись следующего содержания: "Клянемся партии, народу, бессмертному вождю, что мы будем зорко охранять священные рубежи нашей Родины".⁷ И таких записей - бесконечное множество.

Все это был фон, который должен был способствовать сохранению прежнего сталинского режима жизни. Система продолжала срабатывать.

В день похорон Сталина, 9 марта, на новой, названной именем Сталина городской площади, возникшей между фасадом недавно воздвигнутого монументального здания Дома правительства и Приморским бульваром, собрались сотни тысяч жителей Баку. Здесь они прослушали по радио передачу траурного митинга с Красной площади в Москве. Баку не был исключением в тот день. Массовое столпотворение в центральной части города имени место в столицах всех союзных республик и большинства социалистических государств: Пекине, Праге, Варшаве, Будапеште, Софии и других.

Система обнаруживала свою жизнеспособность. И тем не менее проявились и признаки ее кризиса. Первым его симптомом явилась попытка изменения в системе управления. Не исключено, что на опыте прошлого сподвижники Сталина осознали опасность чрезмерного сосредоточения власти в одних руках. Отсюда их попытка наделения статусом первого лица в государстве председателя Совета Министров с правом председательствования на заседаниях Президиума ЦК КПСС. Председателем первого нослестал и некого правительства стал Георгий Маленков, объявленный официальной пропагандой новым советским лидером, "верным учеником Ленина и ближайшим соратником Сталина". Произошли и другие

важные кадровые изменения в верхних, высших эшелонах власти. Многие из выдвиженцев Сталина последних лет его жизни утратили свои позиции и, наоборот, целый ряд лиц из когорты руководителей 20-30-х годов вновь выдвинулись в первые ряды руководителей страны: Молотов, Микоян, Каганович, Ворошилов. Укрепились позиции Берия, Булганина, Хрущева. Сократилась численность лиц, входивших в состав высшего руководящего органа Коммунистической партии - Президиума ЦК КПСС.

После смерти Сталина на первых порах огромным, возросшим влиянием стал пользоваться Лаврентий Берия. Будучи членом Президиума ЦК КПСС, первым заместителем председателя Совета Министров СССР, Берия добился объединения двух министерств внутренних дел и государственной безопасности и стал во главе объединенного ведомства. В его руки перешел мощный рычаг воздействия на внешнюю и внутреннюю политику государства. С Маленковым Берия связывали близкие, дружеские отношения. Усиление позиции Берия сразу же сказалось на карьере Багирова. В марте 1953 г. впервые руководитель Азербайджана вводится в состав Президиума ЦК КПСС в качестве кандидата в члены.⁸

Об активности Берия в новых условиях в научной литературе и публицистике сказано немало. По-разному оценивается эта деятельность. Но одно несомненно. Именно Берия дал толчок послесталинским преобразованиям в стране. По его инициативе пересмотром "дела врачей" и "мингрельского дела" было положено начало массовому реабилитационному процессу в СССР. Публичным заявлением о серьезных преступлениях, совершенных в период сталинского правления, выразившихся в фабрикации надуманных политических обвинений, новое советское руководство инициировало пересмотр дел, связанных с репрессиями против миллионов советских граждан 15 30-50 гг. По предложению Берия была объявлена широкомасштабная амнистия, поднят вопрос о нормализации отношений с Югославией. С именем Берия была связана установка на резкое сокращение управленческого аппарата.⁹ Как бы то ни было, новые веяния должны были сказаться и на ситуации в Азербайджане.

После смерти Сталина позиции Багирова, казалось, были, как никогда, прочными. Новый статус кандидата в члены Президиума ЦК КПСС служил подтверждением этого. По структурные перестановки в Москве вынуждали бакинское руководство следовать им и в республике.

Согласовав в Москве соответствующие вопросы, 6 апреля 1953 г. бюро ЦК Компартии Азербайджана утверждает Мир Джафара Багирова председателем Совета Министров республики, освободив его от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Его первым заместителем в правительстве становится бывший председатель правительства Теймур Кулиев. Заместителями становятся бывший первый

заместитель Мейбали Амирасланов, Махмуд Рагимов, Ювелиан Сумбатов - Топуридзс и переведенный с должности секретаря ЦК Юсиф Абдуллаев.¹⁰

В должности же первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана утверждается Мир Теймур Ягубов, работавший до того первым секретарем Бакинского обкома партии, вторым секретарем утвержден, как и прежде, Виталий Самедов. Секретарем ЦК стал Имам Мустафаев, до этого занимавший пост Первого секретаря Гянджинского обкома партии.¹¹

В тот же день бюро ЦК Компартии Азербайджана принимает решение "О ликвидации Бакинской и Гянджинской областей в составе Азербайджанской ССР". Еще год назад руководители Азербайджана докладывали в Москву о своевременности образования новых областей. Теперь же выясняется, "что образованные... области себя не оправдывают. Областные организации оказались лишними промежуточными звеньями между республиканскими руководящими органами и районами, создание областей, помимо удаления непосредственного руководства республиканских партийных и советских органов местами, ослабило состав работников районных органов".¹²

Принятые решения были направлены на утверждение в Москву. Вместе с ними в Совет Министров СССР и ЦК КПСС, на имя Маленкова и исполняющего обязанности секретаря ЦК КПСС Хрущева направляются предложения по реорганизации структуры правительства республики, имея в виду "мероприятия по объединению и укрупнению союзных и союзно-республиканских министерств и организаций". Предложения эти были достаточно радикальными по своему содержанию. Достаточно отметить, что в результате объединения различных ведомств сохранялось 18 из 40 министерств и организаций союзного и союзно-республиканского значения.¹³ После получения согласия Москвы 18 апреля 1953 г. третья сессия Верховного Совета Азербайджанской ССР по докладу назначенного на должность руководителя правительства М.Д.Багирова утвердила новый состав правительства, в которое вошли, кроме председателя и его заместителей (включая первого), руководители 11 союзно-республиканских, 5 республиканских министерств и председатель государственной плановой комиссии Совета Министров Азербайджанской ССР.¹⁴ Любопытно, что по Конституции республики в структуре правительства сохранялась позиция союзно-республиканского министерства обороны. Но структура эта сохранялась лишь на бумаге, не создавалась, и ее штатное расписание в бюджете не предусматривалось. Укрупненные организации союзного подчинения, в основном, индустриального профиля, в том числе объединяющие предприятия нефтяной промышленности, в состав местного правительства не входили, хотя и курировались республиканскими партийными органами. Таким образом, разбухший в сталинские времена

бюрократический аппарат был существенно сокращен. Одним словом, азербайджанское руководство живо откликнулось на новые веяния из Москвы. Кстати, так же рьяно, как еще недавно создавало новые области, расширяло количество министерств и организаций.

Руководство республики проявило оперативность и в реализации всесоюзного Указа об амнистии, последовавшей сразу после смерти Сталина. Уже 3 апреля 1953 г. министр внутренних дел Емельянов, министр юстиции Алимамедов и прокурор республики Рахимов доложили М.Д.Багирову, что за последние десять лет по статьям, по которым осужденные попадали под амнистию, были осуждены в Азербайджан 21.509 человек. Многие из них ко времени издания Указа отбыли срок наказания. Часть отбывала наказание за пределами республики. Из лагерей и колоний, расположенных на территории республики, подлежали освобождению 14183 человека, в том числе 811 женщин.¹⁵ Лица, осужденные по политическим мотивам, согласно содержанию Министерства внутренних дел СССР в начале апреля 1953 г. об освобождении и реабилитации группы врачей, обвинявшихся еще недавно в шпионской и вредительской деятельности, явилось для местных руководителей и населения полной неожиданностью: впервые за многие годы высшая власть страны публично призналась в совершении ею беззакония в деле, в котором обвинения носили политический характер.

К этому времени органы государственной безопасности Азербайджана продолжали действовать в прежнем ритме постоянного поиска враждебных, антисоветских элементов. Еще 30 марта 1953 г. С.Емельянов докладывал в ЦК Компартии Азербайджана о раскрытии контрреволюционной группы в селе Шахласар Ленкоранского района. Согласно информации министра, эту группу возглавлял бывший член мусаватской партии некий Молла Агабаба Агаев. Тот, якобы, вместе с односельчанами Ага Рза Ибрагимовым, Эюбом Сафаровым и Джафаром Агаевым "перестали заниматься общественно-полезным трудом в колхозе и вели паразитический образ жизни, занимаясь захватом колхозных земель, используя их в целях личной наживы..., организовывали отправку в ЦК КПСС многочисленное количество клеветнических заявлений на местных руководящих работников района, отвлекая внимание руководителей от государственных дел...", распространяли "провокационные измышления в отношении руководящих работников республики... Следствие, - докладывал Емельянов - продолжаем вести на вскрытие их полной вражеской деятельности".¹⁶ Несостоятельность и демагогичность аргументов докладной министра очевидны. Но за этим проглядывается привычная безответственность при фабрикации политических дел.

16 апреля 1953 г. Емельянов представляет в ЦК Компартии Азербайджана обширную справку с характерным подзаголовком: "О деятельности пантюркистов в Турции и Иране и об отдельных националистических, пантюркистских и панисламистских проявлениях в Азербайджанской ССР". Охарактеризовав по-своему ряд эмигрантских азербайджанских организаций, действующих на территории Ирана и Турции, министр специально докладывает о лицах, на которых имеется политический компромат. Среди них называются заподозренные в пантюркистских и панисламистских настроениях преподаватель средней школы в Уджарском районе Керим Шахмалиев, к этому времени уже арестованный, младший научный сотрудник АН Мухтар Эфендизаде, преподаватель одной из школ Акстафинского района Новруз Аламдаров, настоятель мечети в Геокчае Шариф Велиев, машинист электровоза в Дашкесане Али Велиев. При этом подчеркивается, что органам известны и другие "антисоветски-националистические" настроенные лица.

И даже 10 июля 1953 г. Емельянов докладывает о раскрытии еще одной контрреволюционной организации "меньшевистского толка", якобы действующей в Кахском районе. Называются фамилии 14 человек: Иваницкая, Тартарашвили, Багалашвили, Байрамашвили, Косияшвили, Гамхарашвили, Ростиашвили, Родина и другие. Свидетельства антисоветской деятельности этих лиц не приводятся. Но зато говорится, что родные названных лиц были в разные времена осуждены за контрреволюционную деятельность.¹⁸

И, тем не менее, заявление о провокационное™ "дела врачей" не могло не насторожить республиканские власти. И их не могла не заинтересовать реакция населения на эту информацию. Уже 6 апреля Емельянов докладывал в ЦК Компартии Азербайджана об этой реакции. Приведя в начале примеры одобрения решения об освобождении и реабилитации врачей, министр отметил, что это является подтверждением признания людьми "всегда действующей в Советском Союзе справедливости". Сама эта формулировка как бы свидетельствует о том, что Емельянов явно начал осознавать как раз обратное: население в этой справедливости сомневается. Более того, многие испытывали эти сомнения и все прошлые годы. И здесь же он приводит ряд высказываний, правда, квалифицируемые им как антисоветские, провокационные и клеветнические.

Профессор Ф.Рзабейли говорил: "С ними поступали так же, как в 1938 году с нами. С бедных стариков побоями и пытками выколачивали показания об их несовершенных преступлениях". Народная артистка республики Х.Худякова заявила: "Я никогда не верила и не верю, чтобы мой двоюродный брат Хан Нахичеванский и бывший командир Азербайджанской дивизии Гамбай Везиров были врагами народа. Я знала, а теперь лишний раз

убедилась в том, как их истязали и принуждали клеветать на самих себя". Педагог А.Баграмян говорил в том же духе: "Сообщение МВД СССР есть дискредитация Советского правительства, которое действовало по методу Ежова, когда сотни ни в чем неповинных людей лишились жизни". Инженер А.Левицкий говорил: "Издевательства над народом продолжаютя еще с 1937 года. Людей душили и принуждали к даче нужных показаний".¹⁹

Как свидетельствуют приводимые высказывания, многие уже тогда понимали, кто являлся истинным виновником произвола. Некий экспедитор одного из заводов прямо указывал: "Я не сомневалась в том, что все это гнусное дело было организовано по указанию Сталина". В другом случае пенсионер Ш.Алиев говорил, что Сталин никогда бы не допустил освобождения врачей. "Он, - обличал Алиев, - не думал о народе. Свои решения он претворял в жизнь путем насилия и обмана". Любопытно, что многие из высказывавшихся, принадлежавшие к лицам еврейской национальности, "дело врачей" рассматривали как проявление существовавшего при Сталине антисемитизма. И, наоборот, в ряде высказываний, осуждавших освобождение и реабилитацию врачей, как раз и проявлялся антисемитизм. Как бы то ни было, люди того времени очень часто были в состоянии трезво дать оценку имевшим место в сталинские времена массовым репрессиям и политическим провокациям. И с началом реабилитационного процесса в СССР реакция населения сразу же обнаружила это. Более того, в некоторых случаях звучит оптимизм и, как показали будущие события, небезосновательный. Так, заведующая лабораторией одного из НИИ Л.Коптева была уверена, что политика правительства изменится к лучшему: "Изменится отношение к евреям, будет заключен мир с Кореей, установятся деловые связи с капиталистическими странами".²⁰

Таким образом, уже первые дни после смерти Сталина вселили в сознание многих людей надежду на возможность отказа власти от использования в своей политике политического терроризма. Скорее, это была не надежда, а, ее проблеск. Но он был. Однако характеристика этих высказываний Емельяновым свидетельствует о непонимании, а возможно, нежелании видеть новые веяния в политической жизни страны. И речь идет не только о Емельянове, но и о всех руководителях Азербайджана, включая Багирова. Провинциальный консерватизм блокировал саму возможность осознания ими решительного поворота во внутренней политике. Груз прошлого давил на них так, что мысль о ревизии содеянных при их активном участии репрессий им казалась настолько нежелательной, что, скорее всего, она в их глазах должна была выглядеть нелепой. М.Д.Багиров был, наверно, достаточно искренним, когда чуть позже говорил: "Работая вдали от Москвы, за последнее время после того, когда партия и страна потеряли

товарища Сталина, я должен прямо сказать..., чувствовалась на душе какая-то тяжесть, что что-то не то".²¹ Багиров явно не понимал смысла происходящего. Он не понимал намерений Берия, в той же самой степени, в какой он не заметил того, как тучи сгущаются над его могущественным и, как казалось, неприступным покровителем. Между тем, встревоженные активностью Берия другие члены Президиума ЦК КПСС сплотились с целью устранить не в меру ретивого "соратника". Много позже в своих воспоминаниях Никита Хрущев приписал инициативу организации акции политической ликвидации Берия себе. Существует версия об особой роли в этом вопросе Маленкова. Одно остается абсолютно ясным: заговор против Берия был по душе всем остальным основным руководителям страны. Именно поэтому этот заговор удалось сохранить в тайне. И только поэтому он удался. В конце июня 1953 г. Берия был, неожиданно прежде всего для него самого, арестован на заседании Президиума ЦК КПСС. Страх перед возможностью провала задуманного плана был столь велик, что, изолировав Берия, руководители страны решили оповестить высшую партийную элиту лишь на спешно созванном пленуме ЦК КПСС 2 июля 1953 года, не сообщив им повестку дня заранее.

Как и другие участники пленума, М.Д.Багиров прибыл в Москву, не ведая о целях пленума. Вместе с ним в столицу приехали первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана М.Т.Ягубов и первый заместитель Председателя Совета Министров республики Т.Кулиев.

Сразу по прибытии в Москву Багиров сообщил о своем приезде Хрущеву и Маленкову. После этого он позвонил Берия, очевидно, пытаясь выяснить повестку дня пленума. Но тщетно. По словам Ягубова, "не получив никакого ответа он решил справиться о местонахождении Берия у Байбакова - министра нефтяной промышленности. Товарищ Байбаков по телефону ответил, что он, видимо, находится в отъезде. Затем состоялся короткий телефонный разговор Багирова с Микояном".²² Свидетельство Ягубова говорит о том, что отсутствие Берия встревожило Багирова. И он пытался выяснить причины этого сначала у Байбакова, а затем у Микояна. Но те, будучи, безусловно в курсе происходящих событий, Багирова в известность не поставили. Более того, не исключено, что о звонке Багирова и о содержании разговора с ним тут же уведомили Хрущева, а может быть, и Маленкова. Во всяком случае, резкий выпад Багирова на следующий день на пленуме против Микояна вполне мог быть результатом раздосадованности по поводу того, что тот скрыл от него правду.

Как бы то ни было, об этом звонке тут же становится известно Хрущеву и другим инициаторам устранения Берия. Этим звонком Багиров как бы подтвердил особый характер отношений с Берия. Об аресте Берия и

выдвинутых против него обвинениях Багиров узнал лишь на следующий день утром, встретившись с Хрущевым.

Хрущев, рассказав Багирову о происходящем, как бы дал последнему поведенческую установку на предстоящее заседание.

Сколь ни был бы Багиров поднаторевшим в закулисных интригах, он, несомненно, растерялся. Ничем другим нельзя объяснить то, что на вопрос Хрущева, звонил ли он после приезда Берия, Багиров ответил отрицательно.²³ Опытному чекисту Багирову не могло не быть известно, что все звонки к Берия находятся под контролем, а содержание разговоров с Байбаковым и Микояном, наверняка, известны Хрущеву.

2 июля в 2 часа дня пленум начал свою работу. Стенограмма июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС была опубликована лишь в 1991 г. О документах пленумов периода пика массовых репрессий - 1937-1938 гг. - стало известно приблизительно в это же время. Сценаристы "бериевского" пленума все были участниками февральско-мартовского, июньского, октябрьского 1937 и других пленумов той поры. Они вольно или невольно прошли школы этих страшных сборищ, на которых раскручивался маховик репрессий. На тех пленумах каждый раз, по заранее подготовленным сценариям одна часть участников буквально "загрызала" другую и жертвы, сколько бы они не каялись в несовершенных проступках и преступлениях, в которых они, как правило, считали за благо признаваться, были обречены. Сценарий нарушать было нельзя. Говорить можно было только в такт зловещей симфонии, идея которой была известна только самому автору. Малейшее отклонение от сценария могло быть расценено как нелояльность инициатору. Багиров был участником тех пленумов. Он помнил, как десятки их участников выводились из состава ЦК, исключались из партии, а затем уничтожались. Он помнил, как, пытаясь подыграть идее пленумов, некоторые их участники "переигрывали" и в результате этого оказывались в числе опальных. Он помнил, как в июне 1937 года Народный Комиссар здравоохранения СССР Григорий Каминский, бывший некогда первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, выступил против тогда еще только первого секретаря ЦК Компартии Грузии Лаврентия Берия, обвиняя его в связях с контрразведкой правительства Азербайджанской Демократической Республики в 1919-1920 гг. Это не входило в планы Сталина и перестаравшийся Каминский исчез.²⁴ Багиров не мог не помнить, как тогда же на том пленуме заведующий ведущего отдела ЦК ВКП(б) - организационного - Пятницкий выступил против политики репрессий. И это не входило в планы Сталина и Пятницкий исчез навсегда.²⁵

Сценарий июльского (1953 г.) пленума ЦК КПСС напоминал те пленумы 1937-1938 гг.

За годы работы с кремлевскими руководителями Багиров усвоил правила игры. Главным из них было действовать в соответствии со сценарием. Важнейшим в этом было уловить основную канву сценария. Это предстояло сделать на самом пленуме. В первый день пленума тон его работе задали выступления Маленкова и Хрущева. И сразу стало ясно: предстоит легитимизировать политический конец Берия. Воспитанному "ленинско-сталинской" партией Багирову времени на выбор позиции не оставалось. Поверил ли Багиров всему тому, что говорилось о Берия? Он знал, что Берия далеко не безгрешен, как и многие другие руководители страны, как и он сам. Но он понимал, что Берия не "матерый шпион", не вредитель и не враг системы. И не за грехи, мнимые и действительные, его обвиняют. Багиров понял, что Берия проиграл в политической борьбе за сталинское наследство и теперь должен расплатиться. Он жертва той Системы, в создании которой и сам принимал участие. Для Багирова не оставалось места для сентиментов, угрызений совести в связи с его личной близостью с человеком, которого предстояло распять. Теперь Багиров понял, что его звонок Берия зафиксирован. Здесь, на пленуме, могут начаться поиски "дружков" Берия. И в этом плане позиция Багирова была уязвимой.

Багиров выступил на втором, утреннем заседании пленума - 3 июля 1953 г.

Само выступление, по своему характеру, мало отличалось от выступлений на пленуме других его участников. Здесь присутствовал весь набор политических обвинений в адрес Берии. По словам Багирова, Берия - "...хамелеон, злейший враг нашей партии, нашего народа...", который "с далекой целью заброшен в нашу партию агентом международного империализма давно", это матерый, хитрый и ловкий враг.²⁶ Оставим в покое нравственную сторону оценки выступлений М.Д. Багирова. Тем не менее, она не может быть оценена иначе, чем выступления других участников пленума, включая всех руководителей партии и страны, многие из которых не только сотрудничали, но и дружили с Берия.

Особое место в выступлении Багирова занял сюжет, связанный с обвинениями Берия в сотрудничестве с контрразведкой Азербайджанской Демократической Республики. Багирову надо было объяснить, как он - первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, мог об этом не знать. Багиров объяснил: "Я должен сказать, что после временного поражения Советской власти в Азербайджане я уехал в Россию и вернулся в Азербайджан в 1920-м году вместе с нашей Красной Армией". И здесь он решил передать эстафету ответственности за несвоевременное разоблачение

темного прошлого Берия на Микояна: "Я очень хорошо знаю, что при контрреволюционном мусаватистском режиме вся подпольная работа, все кадры, все, что делалось в Баку партийной организацией, - все это проводилось в жизнь под непосредственным руководством Анастаса Ивановича Микояна. Следовательно, если бы Берия действительно был послан партийной организацией куда-нибудь, тем паче в разведку, то об этом должен был бы знать Анастас Иванович".²⁷

В этот же день, на вечернем заседании Микоян парировал выпад Багирова: "Я впервые встретился с Берия в 1920-ом году в Баку после установления Советской власти..., что Берия работал в контрразведке Азербайджанского буржуазного правительства, я узнал только тогда, когда вопрос этот был поднят на Пленуме ЦК в 1937-м году... Я раньше допускал возможность, что может быть Берия в качестве рядового работника среди других и был послан. Но теперь, перебрав в памяти факты, я сильно в этом сомневаюсь".²⁸

Объяснение Микояна выглядело не очень убедительным. Но он знал, что и стараться особо нет необходимости. Его никто и ни в чем на этот раз обвинять не будет.

В отличие от выступления Микояна, речь Багирова неоднократно прерывалось каверзными вопросами, обвинениями, за которыми слышались скрытые угрозы. Первым начал Хрущев, заявивший "ты его знаешь больше других, поэтому люди и говорят, чтобы ты рассказал, ты больше знал его".²⁹

Эта реплика послужила сигналом для атаки с мест: "Вы скажите, что ЦК за последние годы забыли", "Ходили к шефу", "И ходили все время к Берия". Особую агрессивность проявил секретарь ЦК КПСС Михаил Сулов. Он бросил Багирову: "Инструктора ЦК побаивались ездить в Азербайджан... боялись, что у вас есть шеф". Лишь в этот момент самолюбие заговорило в Багирове и он гневно ответил: "Не знаю кого они боялись и почему о шефах Вы до сих пор молчали".³⁰ Вмешательство Г.Маленкова положило конец перепалке и позволило М.Д. Багирову закончить свое выступление в спокойном русле. Но судьба его была решена. Правда, на пленуме, завершившем свою работу 7 июля, никакого решения о Багирове принято не было.

После пленума Багиров встретился с Маленковым и Хрущевым. Содержание этой беседы неизвестно, но Багирову было предписано срочно отбыть в Баку, что он вместе с Ягубовым и сделал. В Москве остался Кулиев. Через день, то есть 9 июля, прилетел Кулиев. Видимо, Кулиев и привез весть, что Хрущев и Маленков считают необходимым устранение Багирова с руководящих постов. Об этом лично Хрущев также сообщил по телефону Ягубову.³¹

Уже 8 июля 1953 г. в ЦК Компартии Азербайджана, Нахичеванскому и Нагорно-Карабахскому обкомам партии направляется текст постановления пленума ЦК КПСС от 7 июля 1953 г. для ознакомления членов ЦК, обкомов и райкомов. Секретность документа подчеркивалась требованием уничтожения разосланных текстов на местах не позднее 1 сентября 1953 г. Создается впечатление, что организаторы расправы с Берия сами были напуганы своей смелостью.³²

12-13 июня 1953 г. в Баку проводится объединенный VI пленум ЦК и БК Компартии Азербайджана. В его работе принял участие один из секретарей ЦК КПСС П.Н.Поспелов. Название "пленум" плохо подходило этому собранию. Собственно, члены ЦК, БК, кандидаты в члены этих органов и члены ревизионных комиссий вместе составили 193 человека из 989 присутствовавших на пленуме.³³ По существу, присутствовала значительная часть должностных лиц республики.

Пленум являлся политическим предвестником будущего судебного процесса над Багировым в 1956 году. С докладом "Об итогах Пленума ЦК КПСС" выступил Ягубов. Вслед за ним выступил Поспелов, а затем еще 24 человека. По существу республиканский пленум был копией всесоюзного, но по содержанию и пафосу - лишь слабой копией. С одной стороны, выступавшие поняли свою задачу и всячески воспевали оду решениям пленума ЦК КПСС, с другой стороны, от них требовалось проецировать прозвучавшие в Москве обвинения в адрес Берия на Багирова и это им плохо удавалось. Страх перед Системой настолько ассоциировался в Азербайджане с образом Багирова, что решиться на тотальную атаку против него, да еще в его присутствии, никто не осмелился.

Настрой пленума задал доклад Ягубова. В этом докладе большое место было отведено рассказу о том, каким врагом оказался Берия и каким образом тот "был пойман с поличным, разоблачен и изолирован". Ягубов особо подчеркивал мысль о своевременности проведенной акции, "принципиальности" и "мудрости" ее инициаторов, о ее значении в дальнейшем укреплении партии и государства. Вслед за этим Ягубов попытался дать оценку поведения Багирова в период его пребывания в Москве: накануне и на заседаниях пленума. Ягубов подробно рассказывал том, как они приехали в Москву, как поселились в гостинице, кому и зачем звонил Багиров, как готовились тезисы его выступления на пленуме. Затем он перешел к оценке выступления Багирова на пленуме и здесь прозвучали первые обвинения: "выступление т. Багирова совершенно не удовлетворило участников пленума", "...носило характер своего оправдания, а не разоблачения Берии", "произвело на участников пленума крайне тяжелое впечатление", "пленум остался глубоко неудовлетворенным".³⁴ В вопросе о том, что же так не устраивало участников пленума, Ягубов перечислил

следующие моменты: 1. Багиров рассказал о звонке Берия по вопросу об учреждении республиканских орденов. Но на вопрос Маленкова, о каких орденах идет речь, посмел иронически ответить: "Об этом спросите у Берия"; 2. Выступление Багирова сопровождалось репликами Хрущева, Суслова и других. Из доклада Ягубова выходило, что факт самого недовольства руководителей ЦК КПСС уже само по себе является неопровержимым свидетельством вины Багирова; 3. Багиров пытался скрыть факт своего звонка Берия после приезда в Москву; 4. После пленума, будучи не приеме у Маленкова и Хрущева, не дал удовлетворительного объяснения "по поводу фактов, приведенных в своем выступлении"; 5. Багиров не рассказал, что незадолго до пленума Берия, в связи с годовщиной установления Советской власти в Азербайджане, подарил ему охотничье ружье.

Искусственный, необоснованный, легко опровергаемый характер этих обвинений очевиден. Но на большее докладчика не хватило. Он попытался в целом дать оценку результатам деятельности Багирова как руководителя Азербайджана. Это прозвучало в следующей форме: "У нас часто имеют факты нарушения внутрипартийной демократии, несоблюдения принципа коллективного руководства, не всегда обеспечено предварительное глубокое изучение и широкое обсуждение важных вопросов партийной, хозяйственной работы, культурного строительства, идеологической работы... В результате этого в практике нашей работы имеют место факты, когда принимались недостаточно продуманные, необоснованные, скоропалительные решения".³⁵ Этот свой тезис он попытался подкрепить конкретными фактами из практики деятельности партийной организации Азербайджана. Но все приведенные примеры были вовсе не адекватны содержанию главного тезиса. Ни одного серьезного политического выпада и обвинения в персональный адрес Багирова Ягубов не сделал. Не прозвучали они и в выступлениях других участников пленума.

Создается впечатление, что участники пленума вынужденно выполняли навязанный им ритуал экзекуции, но выполняли его неуверенно, без всякого вдохновения. Если в выступлениях участников пленума ЦК КПСС было много пафоса, риторики, откровенно выраженной ненависти к Берия, то на пленуме ЦК и БК Компартии Азербайджана все это отсутствовало. Не было всего этого и в выступлении представителя Центра - Поспелова и самого Багирова. И все же решение было predetermined: "Признать непартийным и осудить поведение т. Багирова М.Д. в связи с делом Берия.

За непартийное поведение в деле Берия, неискренность перед партией и допущение крупных политических ошибок в своей работе снять т. Багирова М.Д. с поста Председателя Совета Министров Азербайджанской ССР и вывести его из состава бюро ЦК Компартии Азербайджана".³⁶

И далее следовали традиционные для партийных решений указания, связанные с заданием "быстрейшего устранения серьезных недостатков в работе партийных организаций республики, успешного осуществления задач, поставленных в решении пленума ЦК КПСС": "устранить", "обязать", "предложить". Но один из пунктов решения выделяется. Это решение о выводе из состава бюро ЦК Компартии Азербайджана Министра внутренних дел республики С.Ф.Емельянова." Это решение символично. Оно как бы подтверждало общую волю всего советского партийного истеблишмента выйти из-под контроля органов государственной безопасности, поставить их "под систематический и постоянный контроль партийных комитетов".

17 июня Президиум ЦК КПСС при участии Ягубова, Кулиева и Багирова обсудил постановление объединенного пленума ЦК и БК Компартии Азербайджана и одобрил его. Президиум ЦК КПСС заслушал сообщения Ягубова и Кулиева, объяснения Багирова. После этого он проштамповал бакинское решение, которое сам же инициировал.³⁸ Но в Москве прекрасно понимали, что наиболее безболезненный метод смещения Багирова - сделать это руками людей, которые выдвинуты Багировым, и что гарантией четкости проведенной акции является сохранение за ними приобретенных позиций. Содержание пленума 12-13 июля в Баку, о котором, несомненно, доложил Пospelов, не могло удовлетворить московских руководителей. Ни руководители бакинского пленума, ни его участники не выразили должного вдохновения при реализации московского указания. И тогда многоопытные руководители страны принимают кадровые решения: оставить Ягубова на должности первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, а Кулиеву предоставить должность председателя Совета Министров Азербайджанской ССР. М.Д.Багиров был освобожден от обязанностей кандидата в члены Президиума ЦК КПСС и выведен из состава ЦК КПСС.³⁹ Сохранив должности за особо близкими людьми Багирова, Москва не могла согласиться на сохранение позиций в Азербайджане людей, повязанных, прежде всего, с Берия. Таким человеком был в Азербайджане заместитель председателя Совета Министров Сумбатов-Топуридзе. И это не было секретом. Маленков имел, очевидно, основание заявить на заседании Президиума ЦК КПСС: "Нет сомнения, что Сумбатов - Топуридзе был послан в Баку как связник, как агент Берия".⁴⁰

Сохранив свои позиции в Азербайджане, получив, видимо, заверения, что последствия устранения Багирова не коснутся их в явном, Ягубов и Кулиев вернулись в Баку, где на объединенном пленуме ЦК и БК Компартии Азербайджана 20 июля оформили согласование в Москве решения. На этот раз приглашенных было значительно меньше. Представительство Москвы было ограничено уровнем заведующего сектором и инспектором ЦК КПСС. Не было и Багирова. В прениях выступило лишь 9 человек. По существу,

пленум носил информационный характер. Основным в его работе были доклад Ягубова и выступление Кулиева. Теперь в их речах было больше металла, твердости. Они уже с пренебрежением говорили о неких "близких" Багирову людях, "которых он перетащил в республику и выдвинул на руководящую работу", в числе которых был и Сумбатов-Топуридзе, "неискреннем", "непартийном" поведении Багирова.⁴¹

Сразу же был смещен со своей должности и министр внутренних дел Степан Емельянов. Думается, партийная элита республики с облегчением избавилась от него, своего рода "ока государева", в данном случае, "ока" Багирова, назойливого, много знавшего надзирателя. Правда, Москва в тех условиях сочла необходимым направить в Азербайджан, в качестве замены Емельянову, своего эмиссара, некоего Гуськова. Это говорило о том, что особого доверия к новому руководству Азербайджана - бывшим выдвиженцам Багирова - Москва не испытывает.

Пленум окончательно подвел итог политической карьере М.Д.Багирова. Вскоре он был направлен на хозяйственную работу за пределы республики. Но в 1954 году он был арестован, длительное предварительное следствие завершилось в 1956 году судом, который приговорил его к высшей мере наказания. Не избежали наказания Ягубов и Кулиев. Они выполнили возложенную на них миссию. И руководство страны по-своему выразило им благодарность за участие в устранении Багирова: вскоре их отстранили от занимаемых должностей, исключили из партии, но не арестовали и не судили.

Сконструированная Сталиным политическая модель государства и общества предусматривала своеобразное отношение населения к политическим процессам и событиям.

Это отношение должно было ограничиваться публичным одобрением каждой инициированной "сверху" и осуществленной "наверху" акции. На многочисленных партийных собраниях, активах, в трудовых коллективах звучали громкие "одобрения" в связи с устранением Берия и Багирова. Но новая советская "верхушка" никогда не обольщалась в отношении степени единодушия советских людей. Органы безопасности продолжали внимательно отслеживать настроения людей, их подлинное отношение к событиям и аккуратно "коллекционировали" все, что не вписывалось в каноны социалистической сознательности, и регулярно докладывали о настроениях людей "наверх". Конкретным примером этого и явился комплект материалов об отношении населения к устранению Багирова, собранный органами госбезопасности и представленный в ЦК Компартии Азербайджана. Эти документы состоят из пяти докладных Министерства внутренних дел.

Из 102 высказываний лишь 29 касаются темы смещения Багирова. Абсолютное большинство касается оценки падения Берия. И здесь

обнаруживается интересная закономерность. 50 высказываний принадлежит азербайджанцам (или лицам с азербайджанскими фамилиями), 17 - армянам, 35 - русским и лицам других национальностей. Почти во всех высказываниях затрагивается тема Берия. При этом интересно, что третья выделенная национальная группа (русские и другие), практически тему Багирова не затрагивала. Лишь 3 из 35 высказываний касались и судьбы Багирова. Между тем, 40% высказываний азербайджанцев и 35% армян выражали отношение к смещению Багирова.

То, что тема Берия чаще затрагивалась в разговорах людей всех национальностей в сравнении, с темой Багирова, вполне закономерно. Большинство людей той поры, прежде всего, ощущали себя людьми советскими, а уж потом гражданами Азербайджана.

При этом разница между ощущением себя советскими людьми и гражданами Азербайджана у азербайджанцев была большей, чем у представителей других, некоренных национальностей. Но то, что армяне в разговорах часто, почти в такой же степени, затрагивали тему Багирова, как и азербайджанцы, было не случайным. Это легко понять, если проанализировать интерпретацию смещения Багирова азербайджанцами и армянами. Из двадцати высказываний азербайджанцев по поводу происшедшего с Багировым ни одно не выражало согласие или удовлетворение. Сутью их всех было сожаление.

Композитор Ниязи, будучи в Москве в гостях у режиссера Фрида, говорил: "Если бы наша седая гвардия была менее дисциплинирована, она бы не пошла на поводу... и Пospelову пришлось бы уехать из Баку на велосипеде, ему бы никто железнодорожный билет не продал бы".⁴² Кинорежиссер Исмаилов заявлял: "Так легко Багирова со счетов сбросить не удастся. Багиров для бакинцев был и будет Багировым".⁴³ Колхозник из Агдамского района Алиев говорил: "Багиров является сыном азербайджанского народа, что бы он не сделал, все равно его восстановят на свой пост. Багиров много сделал для укрепления Советской власти".⁴⁴ Заведующий магазином в Худатском районе Кулиев: "Товарищ Багиров всегда принимал активное участие в революционном движении, его ни за что пачкают". Работник инкубаторной станции в Ленкорани Рзаев: "Такого верного коммуниста как Багиров сняли с поста и запачкали", бригадир колхоза из Таузского района Ахмедов: "Жалко, что сняли с работы Багирова. По-моему, он ни в чем не виноват, его с работы сняли напрасно".⁴⁵ В этих и других высказываниях чувствуется протест, вызванный смещением с должности "своего", и не по воле народа, к которому принадлежал свергаемый, а по воле, навязанной извне. Его "угробили русские". Это выражение в одном из высказываний, как никакое другое, четко определяет главную причину недовольства снятием Багирова. За этим скрывались

опасения, что теперь в Азербайджане у руля управления окажутся неазербайджанцы. Все это вовсе не означает, что азербайджанский народ всецело доверял местному "вождю", боготворил его. Нет сомнения, что многие были довольны уходом Багирова, связывая с этим событием надежду вернуть утраченные права. Это, прежде всего, относилось к родственникам репрессированных, всем тем, кто по политическим мотивам был отнесен сталинским режимом к числу изгоев советского общества. И таких было немало. Но из этого вовсе не следует, что снятие Багирова было воспринято с ликованием в азербайджанской среде. Более того, как свидетельствуют приведенные выше высказывания, факт смещения Багирова породил настороженность в обществе. Эта обеспокоенность покоилась на национальном факторе. За долгие годы пребывания в качестве руководителя Азербайджана Багиров стал восприниматься азербайджанцами как гарант собственной национальной безопасности. Были ли основания для этого - тема особого разговора. Но тем не менее отношение было таким. И то, что оно было небеспочвенным, легко подтверждается некоторыми из высказываний армян.

Так, подполковник медицинской службы Петросян говорил: "...азербайджанцы опустили нос, их хозяин вылетел как пробка, армяне теперь могут дышать чистым воздухом. Разве секрет, что он армян на каждом шагу преследовал, политика его ничем не отличалась от мусаватской политики...".⁴⁶ Один из жителей Аскерана некий Габриелян говорил: "Багиров всячески притеснял армян, всех крупных работников армян снял с работы. В Баку он ликвидировал армянский драматический театр...". Эти и другие, крайне резкие высказывания армян, хотя и выражают преувеличенное представление об антиармянском характере деятельности Багирова, тем не менее, отражают и надежды на восстановление элитного положения армян в высших эшелонах власти Азербайджана, несколько ослабленное в годы правления Багирова.

Летом 1953 года Мир Джафар Багиров - руководитель Азербайджана, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Верховного Совета Азербайджанской ССР, пять раз удостоенный ордена Ленина, после двадцатилетнего пребывания на посту заместителя Азербайджана был отстранен от политической деятельности, вскоре взят под стражу и в 1956 году осужден к расстрелу. Печальный конец. Этот конец был санкционирован там, наверху, в Москве. И по отработанному сценарию, безболезненно, без какого-либо сопротивления под аккомпанемент публичного одобрения всего партийного аппарата Багирова "ушли". Народ же безмолвствовал. Система в создании которой активное участие принимал в числе других Багиров, Система, в которой народу отводилась именно эта роль созерцателя, в очередной раз сработала, проглотив очередную жертву.

Много лет спустя официальная идеология упорно насаждала мнение, что уход Багирова с политического олимпа Азербайджана был с облегчением воспринят людьми - современниками тех событий.

Это облегчало отнесение всех злодеяний и несправедливостей сталинского периода на счет Багирова. Старания официальной идеологии были не напрасны. В общественном сознании укрепился образ некоего монстра, который только и делал, что унижал, оскорблял, мордовал свой народ. Такое представление далеко от реальности. Да, Багиров типичный исполнитель программы формирования и укрепления тоталитарной системы в СССР. Но нельзя забывать, что он не был ее конструктором. Более того, он стал ее жертвой. И не только в физическом смысле.

Система искалечила его душу и сознание, как тысяч и тысяч его современников, по-разному и в большинстве случаев совсем неадекватно отреагировавших на политические потрясения 1953 года.

И, тем не менее, события лета 1953 года явились поворотным событием в жизни Азербайджанской ССР, впрочем, как и во всей истории Советского Союза.

Страна и ее народ вступали в новую фазу своего исторического развития. Система, основанная на страхе и идеологическом гипнозе, становилась все менее жестокой и неуступчивой. Тоталитаризм как метод управления обществом сохранился. Но крайние меры воздействия на умы и сердца людей, практикуемые систематически в сталинские времена, использовались нечасто и не в прежних масштабах. Система стала мягче, человечнее. И вместе с Системой менялся и менталитет народа. Менялось отношение людей и к своему прошлому. Людям еще долгие годы предстояло переосмысливать тот путь развития страны и своей жизни, который падал на годы сталинского правления. Менялось отношение и Системы к своему сталинскому прошлому. Но как бы не оценивали сталинскую эпоху власть и народ - это, в конечном итоге, была попытка понять, насколько оправданной была взятая на вооружение модель общественно-политической Системы и каковы ее перспективы. Ответ и, возможно, окончательный был дан жизнью летом 1991 года. Система, одним из важнейших составляющих которой являлся принцип Союзного государства, не выдержала испытания на прочность. И началась новая веха в истории бывших советских народов.

Источники и литература

1. Радзинский Э. Указ. работа, с.262, 455 и т.д.
2. ГАППОД, ф.1, оп.251, д.24, л. 61-63.
3. "Бакинский рабочий", 6 марта 1953 г.
4. Там же, 7 марта 1953 г.

5. Там же, 6 марта 1953 г.
6. Там же, 7 марта 1953 г.
7. Там же, 9 марта 1953 г.
8. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференциях, пленумов ЦК. Издание седьмое, ч.3., М., 1954, с.606.
9. Топтыгин Л, Неизвестный Берия. Санкт-Петербург - Москва, 2002, с.284-288.
10. ГАППОД, ф.1, оп.251, д.1, л.52.
11. Там же, л.53-56.
12. Там же, л.53.
13. Там же, л.257.
14. "Бакинский рабочий", 19 апреля 1953 г.
15. ГАППОД, ф.1, оп.251, д.14, л.348-350.
16. Там же, д.24, л.312-314.
17. Там же, д.14, л.29-31.
18. Там же, л. 5-8.
19. Там же, д.1, л.30 1-308.
20. Там же.
21. "Известия ЦК КПСС", №1, 1991, с.200.
22. ГАППОД, ф.1, оп.251, д.1, л. 54, 56.
23. "Известия ЦК КПСС" №1, 1991, с.202.
24. Антонов-Овсеенко А. Указ. работа, с. 19.
25. Возвращенные имена. Книги 1-2, М., 1989, кн.2. с.62-63.
26. "Известия ЦК КПСС" №1, с.200.
27. Там же, с.201.
28. Там же, ¹2, с. 148-149
29. Там же, с.202.
30. Там же, с.203.
31. ГАППОД, ф.1, оп.277, д.21, л.8.
32. Там же, л.127.
33. Там же, л.3-7.
34. Там же, л.88.
35. Там же, л. 96.
36. Там же, л. 10-17.
37. Там же, л.15.
38. Там же, д.29, л.1.
39. Там же, л. 7-8.
40. Там же, л.43.
41. Там же, л.41-48.
42. Там же, л.157.
43. Там же, л. 178.

44. Там же, л.188.

45. Там же, л. 190.

46. Там же, л.222.

47. Там же.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

События 1953 года положили начало новому периоду в истории Советского Союза, каждой его составной части, в том числе Азербайджана. Система, в рамках которой жили люди единой империи, стала постепенно трансформироваться в качественно иное состояние. Эта трансформация стала возможной потому, что в обществе, в верхних эшелонах власти зрело глубокое убеждение, что страна в прежнем, сталинском ритме жизни жить более не может и не должна. Правда, до крушения Системы было еще далеко. Прошло не одно десятилетие, прежде чем Система, исчерпав все свои ресурсы, рухнула под тяжестью тех проблем, которые были порождены самой ее природой. Вместе с Системой распался некогда казавшийся несокрушимым Союз республик. Но уже тогда, в середине 50-х годов, было ясно, что "так жить нельзя". И годы, рассматриваемые в настоящей книге, показали, что государство и общество нуждаются в обновлении. Были внесены существенные коррективы в стратегию развития страны. Это стало возможным в результате осознания необходимости перемен.

Вместе со всей страной в новый этап развития вступила Азербайджанская ССР. Большие возможности, которыми располагала республика для стремительного рывка в своем социально-экономическом и духовном развитии, получили новые импульсы для своей реализации. Но следует признать, что сколь бы не было рассматриваемое в книге время сложным, репрессивным, в недрах его вызревали многие из позитивных тенденций, проявившихся в полной мере впоследствии. Впрочем, как и то отрицательное, что так мешало проявлению этих тенденций. Желание высветить противоречивость того времени и было главной задачей настоящего повествования.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ГЛАВА 1	9
НАСЕЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР	10 9
ГЛАВА 2	31
МИР ДЖАФАР БАГИРОВ.....	31
ГЛАВА 3	53
ВЛАСТЬ РЕСПУБЛИКАНСКОГО МАСШТАБА	53
ГЛАВА 4	78
ПАРАМЕТРЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ	78
ГЛАВА 5	108
О БДИТЕЛЬНЫХ И БДИТЕЛЬНОСТИ.....	108
ГЛАВА 6	141
НОМЕНКЛАТУРА ПОД "КОЛПАКОМ" СИСТЕМЫ	141
ГЛАВА 7	162
МОСКВА И АЗЕРБАЙДЖАН: "ОТЕЧЕСКАЯ" ЗАБОТА..... И "СЫНОВЬЯ" БЛАГОДАРНОСТЬ	171 162
ГЛАВА 8	184
КОНЦЕПЦИЯ "СТАРШЕГО БРАТА" И ЕЕ..... ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	194 184
ГЛАВА 9	199
НОВАЯ ФАЗА РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ИДЕИ	199
ГЛАВА 10	218
ПЕРЕД УГРОЗОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПОТЕРЬ И НАЦИОНАЛЬНОГО УНИЖЕНИЯ	230 218
ГЛАВА 11	234
НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ	234
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	256
	257

Eldar İsmayılov

(İsmayılov Eldar Rafiq oğlu)

HAKİMİYYƏT VƏ XALQ

**Azərbaycanda müharibədən sonrakı stalinizm
(1945-1953)**

Bakı, "ADİLOĞLU" nəşriyyatı 2003, 344səh.

Dizayner: G. Əliyeva

Tərtibatçı: C. Abışlı

Yığılmağa verilmişdir: 04.12.2002

Çapa imzalanmışdır: 27.01.2003

Kağız formatı: 60x90 1/16

Hesab-nəşriyyat həcmi: 21,5 ç.v.

Sayı: 500 nüsxə

Sifariş: 28

**Kitab "ADİLOĞLU" MMC-nin mətbəəsində
hazır diapozitivlərdən istifadə olunmaqla
ofset üsulu ilə çap edilmişdir.**

Ünvan: Bakı şəhəri, Ü.Hacıbəyov küç., 38/3

Tel: 498-68-25